

Михаил Талалай

РУССКИЕ УЧАСТНИКИ ИТАЛЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ 1943-1945: ПАРТИЗАНЫ, КАЗАКИ, ЛЕГИОНЕРЫ

РУССКАЯ ИТАЛИЯ

СЕРИЯ «РУССКАЯ ИТАЛИЯ»

«ITALIA DEI RUSSI»

Michail G. Talalay

**I PARTECIPANTI RUSSI
ALLA GUERRA D'ITALIA
1943-45:**

PARTIGIANI, COSACCHI, LEGIONARI

Mosca
Staraja Basmannaja
2015

Михаил Талалай

**РУССКИЕ УЧАСТНИКИ
ИТАЛЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ
1943-1945:**

ПАРТИЗАНЫ, КАЗАКИ, ЛЕГИОНЕРЫ

Москва
Старая Басманная
2015

УДК 929(450)

ББК 63.3(0)62

T16

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012-2018 годы)»*

Талалай М.Г.

**Русские участники Итальянской войны 1943-1945:
партизаны, казаки, легионеры.** – М.: ООО «Старая
Басманная», 2015. – 408 с.

Монография впервые комплексно представляет участие в боевых действиях 1943-1945 гг. на территории Италии выходцев из России / СССР (их всех называли «русскими»). В рядах Сопротивления таковых сражалось около 5 тыс. человек, в то время как коллаборационистов (казаков, легионеров, проч.) насчитывалось более 30 тыс.; многие из них, однако, дезертировали или перешли к партизанам. На Апеннинах в те годы оказалось также немало гражданских лиц – эмигрантов и «ди-пи». Реконструкция драматических событий основана преимущественно на итальянских источниках и на архивных материалах. Собран максимально полный мартиролог участников Сопротивления и жертв нацифашизма.

ISBN 978-5-906470-40-9

На обложке: мемориальная стела на могиле советских партизан в Милане (кладбище Маджоре).

© М.Г. Талалай, текст, публикации, подбор иллюстраций, 2015
© ООО «Старая Басманная», оригинал-макет, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	7
ГЛАВА I. Воюющие Апеннины	11
ГЛАВА II. Путь в Италию	19
ГЛАВА III. Римское подполье в мемуарах и письмах	27
Алексей Флейшер	31
«Открытый город»	37
Василий Сумбатов	40
Политическая платформа: младороссы и другие	44
Кузьма Зайцев	48
Дорофей Бесчастный	51
Людмила Бенвенуто	59
Красный стяг над Виллой Тай	62
ГЛАВА IV. Сопrotивление: новые имена	67
Лев Гинзбург	70
Андрей Каффи	77
Александр Скирко	84
Магдалена Гирш	87
Сергей Касман	93
Александр Улитин, он же Йозеф Рудмик, иначе «Горький»	99
Лев Шумиловский	107
Нури Алиев	110
ГЛАВА V. «Казачья земля»	125
Итальянское эхо	127
<i>Б.Н. Ширяев</i> . Дневник есаула Петрова	145
<i>В.М. Ротов</i> . Непостижимые пути providения. Приключения молодого казака в последние годы войны ..	159
ГЛАВА VI. Восточные легионеры, они же «русские монголы»	175

ГЛАВА VII. Путь домой	195
ГЛАВА VIII. Павшие в Италии. Мартиролог	209
Приложение.	
<i>А.В. Коляскин. Воспоминания</i>	333
Начало войны	335
Немного о своей семье	342
Опять Волховский фронт	344
В плену	349
В Италии	353
Монтеротондо	354
Среди партизан	361
Поход к помещику Чиккони	366
Переброска в регион Дженцано	370
На партизанской базе под Дженцано	375
Переход под Палестрину	379
Гибель трех партизан	389
Бой с карателями	394
Взятие Монтеротондо	405
Справка о партизанских действиях А.В. Коляскина	407

ПРЕДИСЛОВИЕ

Русско-итальянские исторические связи – благодатная тема для исследователя: обе нации считают себя близкими друг к другу «по характеру», испытывая взаимный интерес и влечение. Начиная с середины XVIII в. не иссякал поток россиян, желавших увидеть прославленные красоты Апеннин и насладиться их климатом. Пусть не в такой степени, но и Россия была притягательной страной для итальянских людей – мастеров искусства, ремесленников, крестьян-переселенцев и путешественников¹. Быть может, в европейском ансамбле эти две нации имеют самую благополучную историю взаимоотношений.

В Новое и Новейшее время, однако, случались и военные конфликты. Итальянцы трижды приходили с оружием в руках на наши земли – сначала как участники наполеоновского нашествия и Крымской войны (еще до формирования Италии как единого государства), затем – вместе с нацистской Германией.

Русские воинские контингенты были тут дважды: в первый раз – под командованием А.В. Суворова в рамках русско-австрийской антифранцузской коалиции², во второй – во время Второй мировой войны.

¹ См. сборник статей, 42-х авторов: Россия и Италия. Вып. 6. Итальянцы в России от Древней Руси до наших дней. / Под ред. Е.С. Токаревой и М.Г. Талалая. М.: Ленанд, 2015.

² Заметим, что в самой Италии поход Суворова воспринимают неоднозначно: см. *Талалай М.Г.* Русская армия в Италии в 1799 г.: освобождение или оккупация? // Россия — Италия: культурные и религиозные связи в XVIII—XX веках. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 45—50.

Именно этот второй – монументальный и драматичный – эпизод и поставлен в центр нашего исследования.

Вне сомнения, о советских партизанах и подпольщиках, участниках итальянского Сопротивления, написано немало, хотя и тут, как увидит читатель, выявлены новые имена и сюжеты. Однако впервые сделана попытка полного освещения, преимущественно на итальянских источниках и архивах, русского военного присутствия на Апеннинах в 1943-1945 гг. во всех его аспектах.

Борьба с фашизмом, а точнее – с нацифашизмом, не была прямолинейной. Будущие партизаны попадали на итальянскую землю как военнопленные, оstarбайтеры и даже в качестве солдат Вермахта. Именно как заслон растущему Сопротивлению Германия направила в Италию казаков и легионеров. Многие русские судьбы той поры закончились в «счастливой» Италии трагедиями.

Нацифашистский режим рухнул здесь – под ударами союзнических войск и отрядов Сопротивления – 70 лет тому назад³.

Пришла пора реконструировать драматическую картину во всем ее «формате», а не только лишь ее героические фрагменты. При этом автор старался дать максимальное пространство свидетельствам самих участников войны в Италии – через их письма, дневники, воспоминания.

* * *

³ 2015-й год стал юбилейным дважды: 100-летие начала (для Италии) Первой мировой и 70-летие окончания Второй мировой войны. И, если итальянские историки с энтузиазмом и плодотворно потрудились над разработкой Первой мировой, из которой страна вышла победительницей, то Вторая мировая, закончившаяся банкротством муссолиниевского режима, еще не нашла здесь современного фундаментального осмысления.

Остается принести благодарность моим коллегам, в разной форме помогавшим настоящему исследованию: это Любовь Алексеева (Москва), Ванда Гасперович (Рим), Сергей Дробязко, Валерия Ловкова и Андрей Мартынов (Москва), Анна Роберти (Турин), Стефания Сини (Милан).

К его теме меня изначально привлекла историк из Российской Академии Наук Нелли Павловна Комолова (1929-2010), много занимавшаяся итальянским Сопротивлением⁴. «Прологом» же книги следует считать мою итальянскую монографию «Dal Caucaso agli Appennini. Gli azerbaijani nella Resistenza italiana [С Кавказа на Апеннины. Азербайджанцы в итальянском Сопротивлении]» (Рим, изд-во Sandro Teti, 2013), написанную и изданную в результате импульса посольства Азербайджана в Риме.

*Михаил Талалай,
Милан,
октябрь 2015 г.*

⁴ См. ее работы: сб. Движение Сопротивления и политическая борьба в Италии 1943-1947 гг. М.: Наука, 1972; Движение Сопротивления в Западной Европе. 1939-1945. Национальные особенности. М.: ИВИ РАН, 1991 / под ред. Н.П. Комоловой (также ее статья: «Италия», стр. 11-53); сб. Советские люди в европейском сопротивлении. Книги 1-2. М.: ИВИ АН СССР, 1991 (составление раздела «Италия»); Европейское антифашистское Сопротивление // Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М.: Памятники исторической мысли, 1996. С. 298-337; Сто лет истории Италии (XXвек). М.: ИВИ РАН, 2009 (Ч. II: Фашистский режим, стр. 47-134).

Высадка британского десанта на Сицилии 10 июля 1943 г.

ГЛАВА I

Воюющие Апеннины

*У истоков новой войны: Бенито Муссолини и Адольф Гитлер,
Мюнхен, 1937 г*

В течение почти двух лет, с июня 1943 г. по май 1945 г. Италия служила театром военных действий. Эта война, будучи фрагментом Второй мировой, до сих пор не нашла своего определенного названия, настолько разнохарактерными были ее участки – и хронологические, и территориальные. Можно, в действительности, говорить о нескольких войнах.

Формальным открытием военного театра можно считать 11 июня 1943 г., когда англо-американские союзники захватили острова Лампедуза и Пантеллерия, к югу от Сицилии (эти острова ближе к Африке, чем к Сицилии). Десятого июля пришел черед самой Сицилии, куда в одночасье высадилось 150 тыс. солдат союзнических армий.

Спустя девять дней англо-американская авиация совершила первый налет на Рим.

Эти начальные месяцы войны, названной союзниками как Итальянская кампания (The Italian Campaign), были наиболее ясными с военно-политической точки зрения: Великобритания и США нанесли прямой удар по врагу – фашистской Италии, которая уже потерпела ряд сокрушительных поражений на дальних фронтах – в СССР, на Балканах, в Африке.

Уже спустя неделю после первой воздушной атаки на Рим в стане врага начали проходить удивительные метаморфозы.

В ночь с 24 на 25 июля 1943 г. на заседании Большого фашистского совета глава Италии, Бенито Муссолини, после голосования, был низложен, а на следующее утро арестован. Неожиданному падению дуче предшествовал глубокий экономический и моральный кризис нации, разочарованной военными неудачами.

Король Виктор-Эммануил III, изначально не симпатизировавший Муссолини, но все-таки ему не противостоявший, назначил главой нового правительства маршала Пье-

*Пьетро Бадольо
(в конце Первой
мировой войны)*

тро Бадольо. Тот, заявив о верности союзу с нацистской Германией, взял, тем не менее, курс на дефашизацию армии и правительства. При этом, однако, многие сановники Муссолини остались на своих местах, а ряд антифашистских спонтанных выступлений был жестко подавлен. С другой стороны, из тюрем и из ссылок стали возвращаться оппозиционеры, заложившие основы Комитетов национального освобождения, сыгравших позднее важную роль в освобождении. Маршал Бадольо, начав тайные переговоры с союзниками, что не

стало секретом для Берлина, готовил тем временем почву для перемирия и для выхода страны из мировой войны.

Военно-политические противоречия внутри самой итальянской нации вылились в серию эксцессов: в ночь с 23 на 24 августа близ Рима был убит, при аресте, один из столпов фашистского режима летчик Этторе Мути – эту смерть некоторые считают началом Гражданской войны (Guerra civile) в Италии, длившейся до апреля 1945 г.

Восьмого сентября глава правительства Пьетро Бадольо внезапно объявил по радио о перемирии (Armistizio) и о прекращении со стороны Италии военных действий. Однако никакого мира не наступило, напротив, в стране всё более разгоралась война. Понимая, что после объявленного одностороннего прекра-

*Король
Виктор-Эммануил III*

щения огня Германия перейдет к решительным контрмерам, король и новая глава правительства бежали из столицы, укрывшись в Апулии, под покровительством прибывших туда вскоре союзников. Возникло т.н. Итальянское Королевство Юга.

Вендетта Третьего Рейха не заставила себя ждать: северная и центральная часть страны были быстро оккупированы немцами (несмотря на то, что гарнизоны Итальянской королевской армии имели значительное численное превосходство), с соответствующими репрессиями и массовыми депортациями (было разоружено ок. 600 тыс. итальянских солдат, большинство из которых попали в концлагеря).

Вызволненный немцами из ссылки Муссолини, желавший было отойти от большой политики, по воле Гитлера основал – 23 сентября 1943 г. – в своей новой резиденции, городке Салó, Итальянскую Социальную республику, прозванную Республикой Салó. Всем был очевиден ее марионеточный характер. Но существовало и «Королевство Юга», со всеми государственными атрибутами, и 13 октября оно объявило войну Третьему Рейху – эту дату можно формально считать началом «Войны за освобождение» –

*Бенито Муссолини инспектирует солдат
«Итальянской Социальной республики», 1944 г.*

*Военный моряк
республиканской
армии Муссолини,
Рим, март 1944 г.*

существует и такой историографический термин (*Guerra di Liberazione*).

Однако и Муссолини полагал, что он воюет за освобождение Италии – от англо-американских оккупантов и их «приспешников-предателей»: в самом деле, королевское правление на Юге являлось почти номинальным, и там командовал Союзнический военный совет.

В итоге осенью 1943 г. страна распалась на две воюющие между собой части. В ее северной половине стало разворачиваться «движение Сопротивления» – очень разнородное, но объединенное стремлением покончить с режи-

мом Муссолини и с немецкой оккупацией. Оно отличалась от одноименных движений в других странах, в первую очередь, во Франции и Бельгии, где врагом был исключительно чужеземный оккупант¹. В Италии движение «сопротивлялось» не только оккупантам, но и соотечественникам. При этом вооруженный и яростный конфликт между партизанами и приверженцами дуче (их пренебрежительно называли «республиканчиками», *repubblichini*, по Республике Салó) всё более приобретал черты Гражданской войны – термин, который отрицался в «левой» историографии, предпочитавшей говорить об «антифашистской народной войне» и о «партизанской войне».

Именно тогда окреп и новый военно-политический феномен – нацифашизм (*nazifascismo*). Этот европейский, преимущественно итальянский, термин мало известен в отечественной исторической науке, хотя он четко отража-

¹ Отметим при этом сильный фактор коллаборации с нацистами во Франции (больше половины взрослого мужского населения).

ет возникшую тогда реальность: (итальянский) фашизм и (германский) нацизм — это изначально разные идеологии; политическое сближение фашистов и нацистов началось только в конце 1930-х гг., а в сентябре 1943 г., с приходом немцев на Апеннины, сформировалось военное их слияние.

Той же осенью 1943 г. в Италию прибыли первые крупные контингенты русских, из военнопленных и угнанных на работы; многим из них удалось бежать и влиться в движение Сопротивления (самые первые военнопленные появились еще весной 1942 г. — пленники Итальянской армии на Восточном фронте).

Военные действия на территории Апеннин, с возраставшим размахом, шли весь 1944 г. и первые месяцы 1945 г. — в них в итоге участвовало около 5 тысяч выходцев из России и СССР — в рядах Сопротивления, и более 30 тысяч — коллаборационистов, воинов Русской Освободительной армии («власовцев»), Казачьего Стана («красновцев») и Восточных легионов. Однако многие из посланных сюда коллаборационистов саботировали свои обязанности, и даже дезертировали из Вермахта или уходили к партизанам.

Военный конфликт не обошел стороной и «белых» эмигрантов, которых в Италии было немного. Некоторые из них, принявшие итальянское подданство, участвовали

*Первые забастовки рабочих,
Милан, март 1944 г.*

Отряд Сопротивления, Пьемонт, 1944 г.

во Второй мировой войне, естественно, в рядах королевских вооруженных сил. Несколько таких русских погибло от англо-американского оружия.

В целом отношение к фашизму среди эмигрантов было разным: бывали случаи, когда они попадали под обаяние антикоммунистической риторики Муссолини². Но отношение к Гитлеру и к германскому нацизму было преимущественно отрицательным – как, заметим, и среди самих итальянцев (с тревогой наблюдавших сближение двух режимов). Особенно активные эмигранты организовали в Риме подполье, внесшее значительный вклад в Сопротивление.

² См. *Garzonio S.* L'Italia sui giornali e i periodici dell'emigrazione russa in Lettonia (Le corrispondenze da Roma di Michail Pervuchin [Италия в газетах и периодических изданиях русской эмиграции в Латвии: корреспонденции из Рима Михаила Первухина] // *Res Balticae*. 1996. Pisa, 1996. P. 201-217; *Гардзонио С.* Русский и итальянский фашизм: материалы к теме // *Europa Orientalis*. Salerno, 2003. Т. XXII, № 2. С. 286–287; *Кейдан В.И.* Акафист Муссолини. Страницы биографии русской беженки Н.С. Дефендовой по материалам итальянских спецслужб периода фашизма // <http://www.portal-credo.ru/site/?act=fresh&id=1552>

ГЛАВА II

Путь в Италию

Советские военнопленные в Германии, август 1942 г.

О присутствии и боевых действиях в Италии англичан, американцев, французов и даже поляков из армии Андерса широко известно. И, если союзнические войска имели самую широкую этническую основу, то еще более широкий национальный спектр представляло движение Сопротивления. Именно в него, как в главную местную силу, противостоявшую фашизму, вливались представители самых разных этносов, оказавшиеся в тот момент на территории Италии¹. Но несмотря на обильную литературу об итальянском Сопротивлении, участие в нем иностранцев, в особенности уроженцев из Восточной Европы, оставалось малоизвестным широкой публике². Также и тема русских участников Сопротивления, пусть и привлекла внимание отечественных исследователей³, но цельного освещения не получила. В самом деле, на ряд историографических зон долгое время лежал табу – как с советской стороны, так и с итальянской: в первую очередь, это касалось проблемы коллаборационизма с Вермахтом – через который, притворный или реальный, прошло большинство партизан. Не рассматривались также идеологические и национальные конфликты, приведшие к возникновению Русской Освободительной армии, Казачьего Стана и Вос-

¹ К примеру, в партизанской бригаде Коляскина сражался негр из Южной Африки (см. ниже Воспоминания А. Коляскина).

² Об участии советских граждан в партизанской борьбе в Италии существует обобщающая монография Мауро Галлени (Galleni) «I partigiani sovietici nella Resistenza italiana [Советские партизаны в Итальянском движении Сопротивления]» (Roma, 1967; посмертное переиздание: «Ciao, russi! Partigiani sovietici in Italia [Чео, русские! Советские партизаны в Италии], 1943-1945» (Venezia, 2001). Книга, дважды вышедшая и на русском (в 1970 и 1988 гг.), отличается богатейшим материалом, некоторый ущерб которому наносит политическая ангажированность автора-коммуниста.

³ Среди них – историки Н.П. Комолова, Л.С. Жугарина, И.Н. Куликов, М.И. Семиряга, работы которых цитируются ниже.

точных легионов. Из-за этого прежде не давался ясно ответ на один из первых и главных вопросов, возникавших на подступах к теме, – каким образом жители далекой России / СССР оказались на Апеннинском полуострове, в самом центре Средиземноморья? Какая неведомая и фатальная сила перенесла представителей восточно-славянских, кавказских, азиатских народов из их дальних краев? Каков был их путь в Италию?

Дабы уяснить, как русские, украинцы, белорусы, а также народы Кавказа и Азии, грузины, туркмены, калмыки и проч. – попали в охваченную войной Италию, следует, хотя бы кратко, вспомнить 1941 год и агрессию гитлеровской Германии против СССР. В тот момент казалось, что советский колосс не вынесет вероломно нанесенного удара: ошеломленный Сталин не сразу сумел собрать свою волю, и нацистская армия быстро двигалась на Восток – и не только к Москве, но и в сторону Кавказа и советской Азии. Повышенный интерес у стратегов Вермахта вызывал Каспийский регион как источник нефти. Кроме того, в маниакальных планах Гитлера Кавказ представлялся той будущей брешью, через которую Германия должна была установить новый мировой порядок в Иране, Индии и прочих азиатских странах, изгнав оттуда британских «плутократов».

Война против СССР тщательно готовилась не только с военной, но и с идеологической, расовой точки зрения. Славяне – русские, украинцы, белорусы – были объявлены низшей расой, подлежащей репрессии и полному подчинению расе арийской. Объявив тотальную и жестокую войну против славян, гитлеровские идеологи решили привлечь на свою сторону другие народы, населявшие Советский Союз – по древнему принципу «разделяй и властвуй». Нацизм старался максимально разъять вновь созданное советское единство (повторявшее в общих чертах государственное пространство Российской империи) и порвать уже существовавшую историческую связь между народами великой евроазиатской державы.

Согласно нацистской расовой теории, жители Кавказа, а также казаки, признавались «арийскими» народами и

естественными союзниками немцев в борьбе против русских и других славян. Даже казаков нацисты объявили потомками приплывших по степным рекам готов, а следовательно – не славянами. Таким образом, Третий Рейх рассчитывал использовать «арийские» народы СССР в своих целях покорения этой части мира, а также использовать их законное стремление к независимости.

Гитлеровцам также было известно о сталинских чистках и репрессиях и о недовольстве политикой насильственной коллективизации сельского хозяйства, и это они тоже активно использовали в своей антибольшевистской пропаганде.

Особое внимание уделялось мусульманским движениям – Гитлер полагал радикальных исламистов своими естественными союзниками в борьбе с мировой – англо-американской и еврейской – плутократией.

На первых порах казалось, что планам Гитлера и его союзников, в том числе, итальянских, было суждено сбыться. Немецкие и прочие войска захватили огромные территории, взяв в плен гигантскую массу красноармейцев. В середине августа 1941 г., в разгар фатального отступления Красной армии под натиском врага, Сталин подписывает печально знаменитый приказ: он вошел в историографию под своим номером, столь часто теперь упоминаемым в военной литературе – приказ № 270. Название приказа звучало бюрократически и сухо: «Об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия».

Его текст, однако, был необыкновенно суров – каждый красноармеец был обязан сражаться до последней возможности, даже если войсковое соединение было окружено силами противника; запрещалось сдаваться в плен врагу; нарушители могли быть расстреляны на месте; при этом они признавались дезертирами, а их семьи подлежали аресту и лишались всех государственных пособий и поддержки.

Теперь советские солдаты не могли сдаваться в плен, согласно приказу № 270. Но они сдавались врагу – раненные, контуженные, окруженные, но не желавшие кончать жизнь самоубийством.

Советские военнопленные

Точное число пленных красноармейцев неизвестно. Называют цифру в 3-4 млн. солдат – только лишь за первый полгода войны. Нацисты убивали на месте политруков и евреев, согласно директиве о комиссарах, от 6 июня 1941 – еще до начала атаки на СССР. Вместе с евреями порой расстреливали и мусульман: многие немцы не знали, что ислам, также как иудаизм, предписывает обрезание.

Уверенное в быстром окончании войны, гитлеровское командование первоначально предоставляло пленным лишь возможность массовой гибели, не интересуясь каким-либо их использованием. Однако после зимы 1941-1942 гг., после поражения у стен Москвы, тактика Берлина изменилась. Во-первых, тысячам пленным срочно подыскивали работу, во-вторых, в их рядах начался набор коллаборационистов.

Конечно, самой главной проблемой стал собственно русский контингент пленных, из среды которого выдвинулся честолюбивый генерал, бывший любимец Сталина, Андрей Власов. При его деятельном участии стала формироваться Русская Освободительная армия, РОА. Чис-

ленность «власовцев», как стали называть в обиходе этих солдат, достигла около ста тысяч человек⁴. Наряду с «власовцами» появились «красновцы», казаки атамана Петра Краснова. Они формально, на первых порах, действовали самостоятельно, кроме того, немецкие идеологи отделили казаков от восточных славян, как неких арийцев. Казачий стан в немецкой форме насчитывал около 20 тыс. воинов (с гражданскими беженцами – более 30 тыс. человек).

К РОА и Казачьему стану примкнул ряд эмигрантов первой волны, т.н. «белых», и поэтому на последнем этапе войны, когда власовцы попали и на территорию Италии, их называли тут «*russi bianchi*» («белые русские»). Однако Гитлер долгое время держал РОА «про запас» – ему не нравилась сама идея сотрудничества немцев с «недочеловеческой» расой славян; не хотел он и вооружать бывших пленных, опасаясь, что это оружие они обернут против него самого.

Более решителен Берлин был в отношении кавказских и среднеазиатских народов. Начальным пунктом подобных акций стал приказ Вермахта от 15 ноября 1941 г. «О создании охранных сотен из военнопленных туркестанской и кавказской национальностей». Наряду с этими сотнями, формировавшимися на фронте и в тылу местными командными инстанциями, стали централизованно создаваться Восточные легионы, в специальных лагерях на территории Польши и Украины. Каждый такой легион имел отдельные батальоны, которые по готовности направлялись на фронт и действовали, как правило, в составе немецких соединений.

Наконец, в Италии находились и так называемые хиви, от *Ost-Hilfswilligen* (восточные добровольные помощники),

⁴ Численность «власовской армии» в строгом смысле этого слова составляла порядка 50 тыс. чел. (две пехотные дивизии, запасная бригада, части обеспечения и авиация). В их число не входили отдельные русские батальоны, находившиеся на Западном фронте, в Дании и в Италии. Хотя этих солдат тоже называли «власовцами», и они носили нарукавную нашивку РОА, они находились в полном подчинении структур Вермахта. – *Сообщено Сергеем Дробязко.*

*Украинский конюх, коллаборационист,
в оккупированном нацистами регионе Лацио
(кадр из художественного фильма «Чочара»,
реж. Витторио Де Сика, 1960)*

набиравшиеся, зачастую принудительно, из населения оккупированных советских территорий, а также и из военнопленных. Первоначально «хиви» служили во вспомогательных частях Вермахта водителями, санитарями, саперами, конюхами, поварами и т.п., но позже их стали привлекать и к боевым действиям.

Именно из этой крайне разнородной людской массы и попали вооруженные «русские» на воюющие Апеннины.

ГЛАВА III

РИМСКОЕ ПОДПОЛЬЕ в мемуарах и письмах

Один из самых интересных эпизодов русского участия в Итальянском Сопротивлении – деятельное и успешное подполье в Риме, организованное преимущественно А.Н. Флейшером на базе Таиландского посольства, где он служил сервировщиком. По сути дела, подполье стало первым очагом русского партизанского движения в Италии. И сама личность Флейшера, и акции подполья давно привлекали внимание журналистов, беллетристов и историков. Даем теперь читателю возможность узнать о нем, как говорится, из первых рук – из воспоминаний и писем.

О подполье первыми стали писать советские журналы, в начале 60-х гг. – некоторые эти статьи, тенденциозные и ангажированные, в духе Холодной войны, вызывали протесты у самих участников Сопротивления, которые они, впрочем, не имели возможности печатно высказать (в частности, это касалось отношений с Ватиканом).

Широкая публика познакомилась с этим эпизодом благодаря писателю Сергею Смирнову, собиравшему сведения о партизанах и публиковавшему их в беллетризированной форме: в 1964 г. вышла его завоевавшая большую популярность книга «Рассказы о неизвестных героях», с главой «Русские в Риме».

Писатель Афанасий Кузнецов в 1965 г. издал книгу «Тайна римского саркофага», в вольной форме, не без политического запала, пересказав историю подполья¹.

В 1972 г. вышла повесть Леонида Колосова «Незнакомец в черной сутане», где в образе главного героя Серебрякова был выведен Флейшер (его партизанская кличка была Червонный). В предисловии к повести, написанном извест-

¹ Стержень повествования – расстрел нацистами 24 марта 1944 г. в Ардеатинских каменоломнях заложников; неизвестную жертву, погребенную в «саркофаге» № 329, приняли за русского участника Сопротивления Алексея Кубышкина (иначе Кулишкина), но в действительности он остался жив.

ным историком-итальянистом Г.С. Филатовым, говорится, что в ее основе – устные воспоминания подпольщиков, записанные автором.

Необычный сюжет увлек также башкирского писателя Ибрагима Абдуллина, написавшего роман «Прощай, Рим!» (1975), где имена реальных участников Сопротивления были изменены.

Из отечественных историков, обратившихся к этой теме, следует назвать М.И. Семирягу, И.Н. Куликова, Л.С. Жугарину и Н.П. Комолову². Однако большой корпус материалов – в первую очередь воспоминания и письма самого Флейшера – остался неизданным. Частичная публикация этих документов состоялась в сборнике «Россия и Италия», однако многие из них остались за ее рамками³.

* * *

Особую помощь при написании этой главы оказала д.ф.н. Л.Ф. Алексеева, специалист по творчеству поэта-эмигранта Василия Сумбатова, одного из деятельных участников римского подполья.

² Их публикации см. на стр. 9, 53, 233, 362, 406.

³ См. «Русское подполье» в Риме (1944-1945) [правильно: 1943-1944]. Из воспоминаний и переписки А.Н. Флейшера (публ. Л.Ф. Алексеевой, под ред. Н.П. Комоловой) // Россия и Италия. Вып. 5. Русская эмиграция в Италии в XX веке / под ред. Н.П. Комоловой. М.: Наука, 2003. С. 101-112.

АЛЕКСЕЙ ФЛЕЙШЕР

А.Н. Флейшер, фотография 1930-х гг.

Когда итальянское правительство – король Виктор-Эммануил III и маршал Пьетро Бадольо – сразу после объявления о прекращении огня 8 сентября 1943 г., оставило Рим, город вскоре – без объявления войны – был занят германскими войсками, разоружившими итальянские гарнизоны. В оккупированной немцами зоне, в первую очередь в столице Италии, оказался ряд русских эмигрантов-антифашистов. Это – Дорофей Бесчастный, Алексей Исупов, Василий Сумбатов, Людмила Бенвенуто и сам глава этой группы, Алексей Флейшер.

Уже после репатриации Флейшер, сумев наладить связи со многими своими соратниками, сел за воспоминания, но не придал им окончательную форму. Судя по сохранившимся текстам, он колебался в выборе жанра – от документального до художественного, причем ради последнего менял имена (автор при этом становился Александром, «Сашей»). К писательству его подталкивал – еще

с середины 50-х гг. – другой видный репатриант, филолог-славяновед (специалист по сербскому языку) Илья Ильич Толстой (1897-1970), с которым Флейшер подружился в эмиграции в Белграде. Вот что писал Толстой Флейшеру в письме от 16 февраля 1956 г.:

...Тема «партизан под Римом» сейчас, по-моему, может интересовать. Если напечатать, то ты сразу «богат и знатен» окажешься и все проблемы будут решены, как по щучьему велению.

Попробуй написать хотя бы небольшой очерк – может быть его можно будет пропихнуть куда-нибудь. Словом, дай мне посмотреть, что ты стоишь как литератор⁴...

В ноябре того же года в поздравительной открытке по случаю «Великого Октября» Толстой «благословлял» автора на труд в таких словах: «Желаю успехов и радости, бодрости и много сил, чтобы их хватило на работу по подведению итогов большой и путанной жизни, в которой (даже ошибаясь) мы старались быть только честными патриотами»⁵.

Однако сил у Флейшера, увы, не хватило...

Тексты после преждевременной кончины автора вошли в состав Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), оформленные как отдельный Фонд – № 2598. Часть их, например, его повесть «За красную ниточку: русское подполье в Риме», попала в Фонд С.С. Смирнова (№ 2528), т.к. Алексей Николаевич сам послал эти воспоминания писателю (сюда же попала и переписка Флейшера и Смирнова).

⁴ О себе И.И. Толстой, в ответ на вопросы Флейшера, сообщает: «Подумать только: уж 10 лет я в Москве! Что делаю? Как живу? Работаю в МГУ с 1949 года, как основной преподаватель сербского языка на филологическом факультете. Работы много, но она интересна и завлекает. <...> Сейчас заканчиваю работу над сербско-русским словарем, которую я вел в течение последних пяти лет. В январе книга идет в печать. <...> К марту я должен был также закончить работу над грамматикой сербского языка. <...> Я зарабатываю неплохо, т.е. вполне хватает на безбедную жизнь и даже позволило мне заняться строительством дачи под Москвой в 90 км к северу» // РГАЛИ. Фонд Флейшера А.Н. № 2598. Оп. 1. Ед. хр. 265. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 4.

Архивист РГАЛИ, оформлявший личный фонд Флейшера, составил о нем посмертно следующую справку:

А.Н. Флейшер родился в 1902 году в семье подьесаула Кубанского казачьего войска Н.А. Флейшера, учился во Владикавказском кадетском корпусе, вместе с воспитанниками которого был в 1920 году вывезен в эмиграцию.

В 1930-е годы А.Н. Флейшер жил в восточной Европе, работал экскаваторщиком, автомехаником, шофером, разнорабочим. В начале II мировой войны, будучи в Югославии, был интернирован в Италию, где сменил несколько мест работы, и в 1942 г. оказался в Риме в должности метрдотеля тайландского посольства. Вступив в антифашистскую борьбу и завязав связи с римскими подпольщиками, А.Н. Флейшер организовывал побеги советских военнопленных из фашистских концентрационных лагерей, обеспечивая их убежищем, одеждой и питанием, и переправляя в горы, в отряды итальянских партизан.

После освобождения Рима – в мае 1944 г. – все советские военнопленные, спасенные А.Н. Флейшером, были собраны вместе в тайландском посольстве и впоследствии переданы в распоряжение советского командования.

В послевоенные годы А.Н.Ф. жил и работал в разных странах Европы, в 1956 г. переехал в СССР, жил в Ташкенте, работал чертежником в Средне-Азиатском отделении «Гидропроект». В 1967 г. переехал в Солнечногорск. Умер в 1969 г. В 1968 был заключен договор с «Новым миром» об опубликовании воспоминаний, но опубликованы они не были⁶.

Маршрут Флейшера из Белграда в Рим, обозначенный здесь пунктиром, оказался полным злоключений.

В 1940 г., до начала военных действий на Балканах, молодой русский эмигрант, обосновавшийся в Югославии, устроился было работать в Белграде шофером в посольстве Греческого королевства (иногда ошибочно говорится об Итальянском посольстве). С началом немецких бомбежек посол приказал Флейшеру увезти его из югос-

⁶ РГАЛИ. Фонд Флейшера А.Н. № 2598 (материалы поступили от наследницы Н.Н. Клевиц). Оп. 1. Л. 2-3. Публикуется впервые.

лавской столицы в Грецию, но по пути водитель и его пассажиры были задержаны итальянскими оккупационными войсками, а затем интернированы. Первоначально Флейшера содержали в Греции, но в начале 1942 г. его отправили в ссылку в итальянский регион Аbruццы, в селение Арки. Имея связи в эмигрантских кругах⁷, Флейшер перебрался в Рим, оставаясь, впрочем, под надзором (не очень строгим).

Вот что писал ссыльному из итальянской столицы Василий Сумбатов (в конце марта 1942 г.):

... итак мы по всей вероятности скоро увидимся, здесь получено словесное согласие на перевод тебя в Рим. Дело в том, что моя дочь дружит с дочерьми одной, могущей сделать твой перевод, персоной. Она сказала, что ты наш родственник и естественно обещала, что мы берем тебя на полное иждивение и поручительство. Надо теперь, чтобы ты написал заявление о том, что ты русский эмигрант, в войне не участвовал, где и у кого работал в последнее время и что при этом, соблюдая нейтральность, ты просишь разрешение жить у твоих родственников, т.е. у нас, в Риме. Мне думается, что тебе кое-что не понравится в смысле формы заявления, но, Александр⁸, пойми, что это формальность, которую надо выполнить, чтобы доставить нам удовольствие быть здесь, а там всё дальше наладится...⁹

⁷ Связи эти шли по линии движения младороссов: «Из Арок он [Флейшер] писал туда [в Рим] Николаю Могилину, с которым переписывался по младоросским вопросам из Белграда. Саша сообщал, что из Албании его перевезли в Италию, сидит он теперь на горах, очень тоскует, чувствует себя оторванным от всего мира, просит прислать французско-итальянскую грамматику, словарь и если можно какие-нибудь дозволенные для интернированных книги». РГАЛИ. Фонд Флейшера А.Н. № 2598 (1963 – сер. 1960-х). Опись 1, ед. хр. 15. Флейшер Алексей Николаевич. Воспоминания. Ч. III. Кн. 1. «Италия. Деревня Арки». Л. 28.

⁸ Алексей Флейшер здесь называет себя Александром.

⁹ РГАЛИ. Фонд Флейшера А.Н. № 2598 (1963 – сер. 1960-х). Оп. 1. Ед. хр. 15. Флейшер Алексей Николаевич. Воспоминания. Ч. III. Кн. 1. «Италия. Деревня Арки». Л. 50-51.

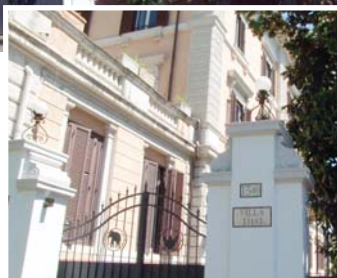
В августе, когда Флейшер уже пребывал в унынии, думая, что у Сумбатова ничего не вышло, его неожиданно пригласили в муниципалитет г. Арки:

Вы свободны, Александр, – сказал подеста¹⁰, вручая бумагу о том, что я переезжаю в Рим в распоряжение Центральной полиции¹¹.

Через соотечественников – в первую очередь, через семейство Сумбатовых – Флейшер добивается официальной поддержки шведского посольства и его секретаря мадам Торссон. Последняя составляет ему протекцию на службу в Таиландское (Сиамское) посольство, на т.н. Виллу Тай, она же «Вилла трех слонов». После бегства короля из Рима таиландские дипломаты уезжают, оставив Флейшера мажордомом. Вилла Тай пользовалась дипломатическим иммунитетом, что облегчало подпольную деятельность на ней.

*Вилла Тай
на Номентанской улице.
Современное фото*

¹⁰ Подеста – при фашистском режиме именование мэра.

¹¹ РГАЛИ... Там же.

Первые четырнадцать бежавших из лагерей советских солдат появились на Вилле Тай в конце октября. Флейшер и его единомышленники, обеспечив одеждой и провиантом, переправили их далее – в римскую провинцию, ради боевых действий. Это был отряд Алексея Коляскина (см. ниже его воспоминания, в том числе и о Флейшере).

Деятельность римского подполья продолжалась около 8 месяцев, с октября 1943 г., когда столица была оккупирована немцами, и до 4 июня 1944 г., когда в нее вошли англо-американские войска.

Римская застава Сан Паоло осенью 1943 г.

«ОТКРЫТЫЙ ГОРОД»

Воюющие стороны отдавали себе отчет в особом положении древнего центра мировой цивилизации: даже нацисты отсчитывали порядковый номер своего государства – Третьего Рейха – от Римской империи. В связи с этим городу был присвоен, по соглашению Ватикана с немецкими властями, специальный статус «открытого города» (т.е. находящегося вне борьбы), который должен был минимизировать возможный ущерб от военных действий. В итоге, в отличие от других крупных городов Италии – Неаполя, Флоренции, Милана – Рим не стал ареной крупных боев и выступлений Соппротивления. Эти и другие обстоятельства разъясняет сам Флейшер:

1. Особым тормозом к развитию военных действий было положение Рима как «открытого города». <...> После 8 сентября 1943 года и гитлеровской оккупации Италии между союзниками и германским командованием был подписан договор о г. Риме, как «открытом городе». В ходе переговоров перед союзниками было поставлено условие: в случае каких-либо вооруженных выступлений со стороны жителей Рима и его окрестностей, либо при наступлении союзников германское командование не считается со статусом «открытого города» и будет действовать по своему усмотрению в связи с военной обстановкой. В связи с этим командование союзников отдало особое распоряжение К<омитету> Н<ационального> О<свобождения> о строгом соблюдении правил «открытого города»¹². <...>

¹² Драматическим эпизодом в этом контексте стала террористическая акция подпольщиков-коммунистов, проведенная 23 марта 1944 г. на виа Разелла, когда погибло 33 немецких солдата (уроженцев итальянского Тироля) – в ответ гитлеровцы расстреляли на следующий день в Ардеатинских каменоломнях 335 заложника. После этой казни антифашисты отказались от боевых операций в самом городе.

2. В большинстве случаев руководство военными действиями партизанских групп брали в свои руки немногочисленные коммунисты. Однако неопытность в смысле знаний военного искусства безусловно сказывалась на успехах отдельных групп. <...> Наши партизаны в Лацио давали не только прекрасные примеры патриотизма, но и приобщали итальянских товарищей к правильному пониманию политической линии и жизни. Короче говоря, там, где соединялись советские партизаны с итальянскими, там шла сложная борьба.
3. Наконец, самый существенный и главный фактор, препятствующий разворачиванию в Риме больших партизанских единиц. Я подразумеваю под ним стратегическое и географическое положение Рима и его ближайших окрестностей. Близость фронта до максимума увеличивала густое накопление военных резервов, штабов и полиции врага. Соппротивление проходило в огромной «фашистской казарме». Это с одной стороны. С другой стороны, сама местность, ландшафт Рима – равнина; холмы, удаленные от города на 25 км – совсем не похожи на огромные горы Северной Италии. Римские холмы сплошь усеяны фермами, дачами, городками, виноградниками и садами, так стесненными друг к другу, что трудно даже отличить, где кончается один городок, где начинается другой. Если мы взглянем на карту окрестностей Рима, то первое, что бросается в глаза, это паутина пересекающихся дорог, по которым всё время шел вражеский транспорт и перемещались военные резервы¹³. Такое неблагоприятное географическое положение позволяет нам подчеркнуть и оценить исключительную ловкость, изворотливость, неуязвимость, героизм партизан, в том числе советских отрядов, которые неутомимо наносили большой ущерб врагу, оставаясь сами почти без потерь¹⁴.

¹³ Нельзя не заметить профессиональный опыт автора, обретенный после репатриации в качестве чертежника ташкентского «Гидропроекта».

¹⁴ Флейшер А.Н. За красную ниточку: русское подполье в Риме // РГАЛИ. Фонд С.С. Смирнова. № 2528. Оп. 2. Д. 482. Публикуется впервые (по выпискам из частного архива А.В. Коляскина, г. Тула).

Отряд Коляскина, сражавшийся под Римом.

Верхний ряд (слева направо): В. Цборов, Ф. Корекорцев, А. Тарасенко, Н. Дрожжаков, П. Линяков; средний ряд: В. Ефремов, В. Строченко, неизвестный партизан, А. Коляскин, И. Логинов, В. Куличев; нижний ряд: Скофера, А. Скороходов, С. Саржин, М. Касьян

В унисон с последним пунктом звучат слова Алексея Коляскина, одного из первых военнопленных, ушедших к итальянским партизанам через Виллу Тай:

Партизанская борьба в римской провинции отличалась тем, что до самого конца войны там действовали мелкие группы, разбросанные по всей области попеременно с гарнизонами противника. Римская провинция на большом протяжении представляет из себя густонаселенную местность. Большие леса или пустующие заросшие горы там не встречаются. Самым обычным для римской провинции будут обширные плантации виноградников, садов, оливковых рощ¹⁵.

¹⁵ Коляскин А.В. Воспоминания (архив семьи Коляскиных, г. Тула). Публикуется впервые. Этот фрагмент не входит в корпус Воспоминаний, полностью публикуемых ниже.

ВАСИЛИЙ СУМБАТОВ

Ротмистр Василий Сумбатов, 1916 г.

Важнейшей опорой в деятельности Флейшера стал поэт и художник Василий Александрович Сумбатов (1893-1977), творчество которого в последние годы стало доступно отечественному читателю¹⁶. Емкую характеристику Сумбатова находим и в мемуарах Флейшера:

Василий Александрович Сумбатов был на 8-10 лет старше меня. Среднего роста, болезненный, он не блистал ни красотой, ни отличительной для военного выправкой. Два больших, выступающих за губу зуба, как у кролика, уродовали его лицо. Но глаза у Васи были русские, светлые и добрые. В России он окончил Кадетский корпус, Павловское пехотное училище и молодым офицером одного из лучших старых стрелковых полков, – не то Тенгинского, не то Апшеронского, – точно не помню, он попал на фронт 1-й мировой войны, где успел дойти до чина пехотно-

¹⁶ См. его биографию: *Алексеева Л.Ф.* Русский римлянин: Василий Александрович Сумбатов // Россия и Италия. Вып. 5... С. 219-250.

го капитана. После революции 1917 г. он не участвовал в гражданской войне¹⁷. Ранения и особенно тяжелая контузия сделали его инвалидом на всю жизнь. Время от времени и обычно, когда его охватывало какое-нибудь волнение, с ним случались мучительные припадки. Он терял сознание, его трясло, и он корчился. Успокоение приходило через час, через два. Но три-четыре дня после припадка он оставался больным, слабым, мрачным.

Историю, как Вася попал в Рим, в Италию вообще я не знаю¹⁸, но могу предполагать, что попал он еще тогда, когда на нашей земле шли бои гражданской войны и когда Италия еще не закрыла плотно свои двери перед массой беженцев после 17 года. Возможно, у него был случай выезда и для лечения. В[-]й А[-]ч эмигрировал не один. С ним была жена Надежда¹⁹ Николаевна и две совсем маленькие дочки Наташа и Таня. В Риме я их уже встретил взрослыми. Наташа была молодой женой итальянца, ждала ребенка, а младшая ее сестра Таня работала машинисткой в каком-то учреждении или даже министерстве. Обе, конечно, знали итальянский язык так же хорошо, как и свой родной русский. Собственно благодаря Тане я и попал в Рим. А произошло это так: Таня через своих подружек машинисток была знакома с дочерью однолеткой фашистского министра внутренних дел Паволини. И, вот, когда я списался с Дюкиным²⁰ и Сумбатовым, будучи в Албании, а затем в Арках, у Васи Сумбатова мелькнула мысль, – а что, если попробовать через дочь Паволини, взять меня как дальнего их «родственника» и «белого эмигранта» на поруки и перетянуть в Рим? Это удалось, маневр вышел. <... >

¹⁷ В действительности, ротмистр, при этом Сумбатов воевал сначала в 88-м пехотном Петровском пехотном полку, а затем, в 3-м гусарском Елисаветградском полку Ее Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны. Во время Гражданской войны служил при штабе в Перекопе. *Примеч. Л.Ф. Алексеевой.*

¹⁸ Сумбатов покинул Россию (из Севастополя) в 1919 г.; после Константинополя и о. Халки в 1920 г. обосновался в Риме.

¹⁹ Флейшер изменил имя супруги Сумбатова, которую в действительности звали Еленой.

²⁰ Василий Николаевич Дюкин (1901-1985), поручик артиллерии императорской армии, в эмиграции в Риме статист в кино, регент хора и староста русской церкви, в 1970-х гг. председатель правления Русской библиотеки им. Н.В. Гоголя. Похоронен на кладбище Тестаччо в Риме.

Василий Сумбатов, январь 1944 г.

Искалеченный войной, измученный тоской и нуждой в эмиграции Василий А[-]ч остался старым солдатом, честным и крепким, сознание которого было пропитано прежде всего тем, что он русский. И будучи именно таким, он всей душой и сердцем, всеми своими мыслями был там, – среди своих в траншеях, в боях и сражениях, с теми солдатами в серых шинелях, с теми красноармейцами, которые ломали зубы и стальные клещи разъяренного чудовища, наседавшего на Москву, ломившегося в наши города, в просторы земли нашей. Всесторонне хорошо развитый и образованный, Вася был твердым оптимистом. Он знал прекрасно нашу большую историю, ее неувыдаемую славу. Ее тяжелые, часто трагические времена, которые всегда были временными и которые вновь озарялись светом победы всегда стойкого и всегда победоносного народа.

Вася был убежден, что победа настанет и глубоко скорбел о том, что до нее еще много придется пройти нашему народу по трудному, тернистому пути, требующему больших жертв и испытаний. Он больно переживал оторванность от родины и думал, как и чем помочь, как слиться с народом, как внести в его ти-

таническую борьбу хотя бы скромную, незаметную, но свою искреннюю, сердечную лепту²¹.

Василий Сумбатов, будучи убежденным антикоммунистом, после войны на репатриацию не решился; последние годы провел он в тосканском портовом городе Ливорно.

*В. Сумбатов в роли поручика Игнатъича
(кадр из художественного фильма «Капитанская дочка»,
реж. Марио Камерини, 1947)*

²¹ РГАЛИ. Фонд Флейшера А.Н. № 2598. Оп. 1. Ед. хр. 16. Италия. Арки – Рим. Воспоминания. Часть III. Книга 2. Автограф [1966 г.]. Л. 144-145. Полностью публикуется впервые.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА: МЛАДРОССЫ И ДРУГИЕ

Эмблема Союза младороссов

Подавляющая часть русских эмигрантов была настроена враждебно, подобно Сумбатову, к советской власти, большевизму и Сталину. Политические убеждения Флейшера, выраженные им на страницах мемуаров, скорее всего были уже подкорректированы его репатриацией и советским гражданством – сформированный в среде русской эмиграции в Югославии, он вряд ли мог так симпатизировать коммунизму и коммунистам, как он это декларировал в своих воспоминаниях.

Нападение Третьего Рейха на СССР поставило перед Флейшером и его соотечественниками-эмигрантами политическую дилемму – с кем быть? С Гитлером, обещавшим свержение большевистского ига, или с Красной армией, воевавшей «За родину, за Сталина!»?

Похоже, Флейшера и, как и других его соратников (и его давних римских знакомцев, Василия Дюкина и Николая Могиллина²²), устраивала платформа мла-

²² Николай Васильевич Могиллин (1900-1966). Похоронен на кладбище Тестаччо в Риме.

дороссов, о которых не раз – пусть и вскользь – он упоминает в мемуарах. Младороссы, члены эмигрантского социал-монархического движения, верили, что революция 1917 г. породила в России нового, героического человека-патриота, способного самостоятельно изжить «болезнь большевизма». Нападение Германии на СССР вызвало глубокий кризис в движении – большинство его членов заняли просоветскую позицию, и в 1942 г. партия была распущена.

Нельзя исключить, что и здесь автор, касаясь младороссов, корректировал свою позицию и отмеживался постфактум от этого движения:

Когда обед закончился, выяснилось еще, что Елена Николаевна [Сумбатова] большая любительница черного кофе. К нашей дружбе как будто прибавилось отличительно близкое, и мы перед всеми даже пожали крепко друг другу руки.

«Вам еще и повезло, – весело добавила хозяйка, – Танюша у нас специалист приготавливать черное кофе, она сама любительница и готовит его лучше всех нас. А вот Васеньке нельзя, запретили врачи, а уж он какой бы охотник до кофе. Но сегодня нальем так, – чуть-чуть на доньшко и ему».

Однако выяснилось и еще кое-что и кажется самое главное и самое важное в откровениях Елены Николаевны, которые она высказала в ходе разговоров о младороссах, о войне, о грустном и пустом нашем положении за рубежом. <... >

«Вы знаете, – говорила она мне со всей своей откровенностью, – вы знаете это исключительно правильно, что нашу партию распустили и во Франции, и у вас в Югославии. Надо было сделать то же самое и у нас. Я, ведь, потому больше и не хожу на эти дюкинские собрания. К чему это? Кому она нужна эта наша младоросская партия? Когда-то была нужна, не спорю. В ней отшлифовалось немало хороших, честных, очень правильных людей. Но сейчас этим правильным людям нельзя отмежевываться от общего, такого стихийного, огромного, народного движения, я бы сказала подъема. Быть отдельной политической единицей, это, попросту говоря, быть занозой в общем русском деле, пусть даже маленькой, незаметной занозой, но

*Икона,
написанная В. Сумбатовым
(частное собрание, Италия).
Публикуется впервые*

все-таки занозой, равной хотя бы одному ружейному патрону врага России, – вы согласны со мной? Конечно же да! Вот я смотрю на Вас, на Кузьму [Зайцева]²³, на себя, на всех нас и думаю, – а ведь мы без души! Да, да, без души, и вы не пугайтесь, – заметила улыбаясь Елена Николаевна, видимо уловив мое неожиданное удивление, – я вам сейчас объясню: – да, мы без души! Только наше тело здесь, – в Италии, а душа? А душа наша вся там, – в России, где решается судьба всех русских, в том числе и наша. И вот противоречить такому святому решению даже таким казалось бы пустяком, как сказать, что я “младоросс”

я считаю не только неуместным, но и преступным. Младороссы разошлись, распустили свою партию, и они умно поступили, они хотя бы душой слились с судьбой своего народа, а тот, кто хочет считать себя еще младороссом, у того душа не там, – в России, а простите меня за грубость, у себя в желудке. Да и правду сказать эти люди даже и не люди, а рабы аппетита своего желудка. Я лично их не понимаю, и дома у нас никто их не понимает и Кузьма Фомич не понимает и вероятнее всего и раньше всех вы их тоже не понимаете, я это вижу. И это хорошо. Я, вот, еще так [скажу]: Сталин так Сталин. Ворошилов, – так Ворошилов. Буденный, – так Буденный! Главное в том, что народ верит, идет и если даже хотите то не идет, а прет! Это отличный признак победы и я уверена, что она будет, будет, будет!

– Елена Николаевна даже подняла руку и опустив ее слегка ударила по столу, – “Гром победы раздавайся!” Это будет! А пом-

²³ См. о нем ниже.

ните, как сказал Петр: “А о Петре ведайте, что жизнь ему не дорога, жила бы Россия во славе и благоденствии!” Здорово! Слова эти для всех эпох. И вы думаете, сейчас в России мало таких, как Петр? Ого-го! И почему не воздать хвалу им – тем, кто ведет Россию к победе, к славе, к благоденствию?!»²⁴

Само развитие событий подталкивало русских римлян к сотрудничеству с наиболее решительным и организованным крылом Сопротивления – с антифашистами-коммунистами, которые, впрочем, в Риме не имели хорошо оснащенной базы. По словам Флейшера, «к декабрю 1943 г. итальянские коммунисты совсем выдохлись»²⁵ и не могли обеспечить бежавших из плена советских солдат всем необходимым.

Новую опору им предоставил католический клир, в особенности, священники восточного обряда, хорошо знавшие и любившие русскую культуру. Среди них ведущая роль принадлежала князю Сергею Николаевичу Оболенскому (1909-1992), ставшему в эмиграции бенедиктинским монахом.

Как резюме, можно привезти фразу Флейшера, так определявшего свою позицию: «Не красный, не белый, а русский»²⁶.

²⁴ РГАЛИ. Там же. Л. 163-165.

²⁵ Там же. Л. 147.

²⁶ Римская эпопея А.Н. Флейшера / публ. Н.П. Комоловой // Советские люди в европейском Сопротивлении. М., 1991. С. 37.

КУЗЬМА ЗАЙЦЕВ

Ранней осенью 1943 г. встречи русских эмигрантов в Риме участились. Помимо Сумбатова и Флейшера в ядро группы вошел Кузьма Фомич Зайцев, оригинальная личность, крестьянин, покинувший Советскую Россию из-за своих «левых» убеждений, расхोдившихся с большевистскими.

Родом из Белоруссии, из-под Гомеля, в Италии он познакомился с беженкой, женился, обосновался в Риме и обзавелся детьми. В итальянской столице он овладел профессией переплетчика, устроил мастерскую, чем и зарабатывал на жизнь. С началом войны против СССР его симпатии, как и у Василия Сумбатова, оказались целиком на стороне родины.

Флейшер так описывает первые встречи будущих организаторов подполья:

Перебрав все события и мысленно побывав на фронтах России, мы подошли к конкретному вопросу, – что же делать?

«Ума не приложу, Алеша, – с грустью говорил Вася Сумбатов, – как быть, что мы можем сделать, чтобы слиться с общей борьбой народа, связаться с его фронтом».

Вопрос конкретности вызывал томительную паузу и она терзала сердце. Курил Кузьма [Зайцев], курил я, Василий Александрович что-то нервно чертил палочкой на песке. Было всем ясно, что для большого размаха борьбы в Риме троих не хватало. Надо было сплачиваться, искать и искать единомышленников²⁷.

Когда же подполье стало действовать, Кузьма Зайцев подчинил себя одной цели – вызволению из плена соотечественников. Забыв о риске и об ответственности за семью, он разыскивал для беглецов одежду и оружие, рассе-

²⁷ Там же. Опубликовано в: Россия и Италия. Вып. 5. С. 105.

лял их по конспиративным квартирам. Вероятно, по доносу Зайцев был арестован и отправлен на дознание в римскую штаб-квартиру Гестапо, печально известное в Риме учреждение, которое римляне называли только по адресу – улица Тассо, *via Tasso*. Там Зайцева продержали месяц, подвергнув пыткам, но затем отпустили. Подпольщики

*Римская штаб-квартира Гестапо
на *via Tasso**

организовали для него – на квартире Василия Сумбатова – медицинскую помощь, пригласив симпатизировавшего русским профессора Оскара Ди Фонце (следует назвать и имя другого римского медика, помогавшего подпольщикам – Лорис Гаспарини:

Пришел Di Fonze. Симпатичный профессор как всегда был веселым и бодрым, и через минуту вся Васина семья чувствовала себя так, как будто они давно знакомы с этим компанейским, простым и сердечным человеком. Профессор постепенно разговорился с Козьмой²⁸ и принял вид, что он очень заинтересован его приключением на *via Tasso*. Через минуту и профессор, и Козьма перешли в комнату Тани [дочери В. Сумбатова], где Di Fonze сделал тщательный осмотр Козьмы.

«Вот что, Alessio, – сказал, уходя Di Fonze, извинившись перед Надеждой Николаевной [Еленой Николаевной Сумбатовой] и оставшись наедине со мной на кухне, – дело серьезно. Козьму били мешками с песком, резиной и другими подобными принад-

²⁸ Флейшер везде указывает личное имя Зайцева как Козьма, а не Кузьма, вероятно, под влиянием итальянского варианта – Козимо.

лежностями, которые калечат внутренности человека. Одно ребро сломано. Два очень выгнуты. Вода в легких». <... >

Все мы крепко поблагодарили милого Di Fonze, так искренно, с таким сердцем, относящегося к нам, русским²⁹.

Как и Сумбатов, после падения нацифашизма, Кузьма Зайцев решил не возвращаться в СССР, но и в Италии он не остался, уехав, вслед за другими эмигрантами, в особенности из «новых», в Южную Америку. Флейшер при подготовке своих мемуаров пытался найти с ним связь. Об этом свидетельствует ответное ему письмо от Сумбатова из Рима от 10 апреля 1958 г.:

Дорогой Алёша,

Спасибо тебе за дружеское и интересное письмо.

Мне жаль огорчать тебя, но должен сказать, что все лица, которых ты разыскиваешь и которым просишь передать привет, находятся неизвестно где. На прежних местожительствах о них ничего не знают, и письма к ним возвращаются отправителям со штемпелем «выехал по неизвестному адресу». О Милочке [Бенвенуто] известно только то, что после смерти Санина она уехала в Ленинград³⁰, а о Дорофее [Бесчастном] вообще ничего не известно – он как в воду канул. Зайцев живёт в Буэнос-Айрэсе. Сначала он писал Дюкину, но скоро перестал отвечать на письма. Известно только, что он разбогател, имеет собственный дом и сам уже не работает, а заделался подрядчиком. Дюкин очень плох, у него жестокая астма. Могилин долго лечился после автомобильной катастрофы, но теперь опять шофёрствует.

Боюсь, что никаких материалов для предполагаемой книги ты теперь не найдёшь. Их надо искать в Союзе у вернувшихся на родину военнопленных, прятавшихся от немцев в Риме и окрестностях. <... >³¹

²⁹ Там же.

³⁰ Актер Александр Санин был отчимом Людмилы Бенвенуто, однако уехала она не в Ленинград, а в Швейцарию.

³¹ РГАЛИ. Фонд Флейшера А.Н. № 2598. Оп. 1. Ед.хр. 261. Письма Сумбатова Василия Флейшеру А.Н. 2 письма. Даты: 14 марта – 10 апреля 1958 года. Л. 3.

ДОРОФЕЙ БЕСЧАСТНЫЙ

Католический священник, насельник римского иезуитского колледжа «Руссикум» Дорофей Захарович Бесчастный, «падре Доротео» – одна из самых неожиданных фигур подполья. Репрессированный после репатриации, он затем жил в Вильнюсе, где и скончался в 1966 г. На рубеже 1950-1960-х гг. он дал в советской прессе серию интервью, в которых – вероятно, не без помощи журналистов – приписывал себя боевые подвиги и резко «разоблачал» Ватикан. Эти публикации вызывали недоумение у его бывших соратников, о чем свидетельствует их переписка с Д. Бесчастным.

Письмо Бесчастного Дорофея Захаровича³² Флейшеру Алексею Николаевичу

Вильнюс, 12 июня 1959 г.

Дорогой Алеша!

Сколько радости получить твое письмо! Вообще может быть ты и прав, что я не очень охотно берусь за перо. Однако если ты прижал меня к стенке, то пишу и даже очень охотно. В 1946 я уехал из Италии в Зап<адную> Германию. Вернее нелегально перешел границу. И в 1946-47 жил в Мюнхене. Пришлось пережить немало, т.к. работы получить нельзя было нигде. В 1948 переехал в Шварцфельд, где работал в разных французских фирмах по лесозаготовкам и только в июле 1949 г. смог уехать домой. Пришлось пережить не мало и особенно за то, что было в Риме. Не все хотели смотреть правде в глаза, а иные просто даже все это понимали по своему и мерили своими мерами. Одним словом было время, когда сравнивали с тем, кто занимался истреблением советских граждан. Но это, конечно, всё в прошлом. До

³² «Бывший священник русской католической церкви в Риме»; «точная копия первого письма» (пометки А. Флейшера).

прошлого года я жил в Каунасе, где живет отец и сестры с братьями.

Из знакомых встретил только Маркова Илью³³. Он живет в Москве, а теперь, до конца месяца выехал в Палангу. Он женат и имеет детей.

Дорогой Алеша, Анна Алексеевна живет под Нью-Йорком и переписывается с матерью и сестрами, которые живут в Вильнюсе. О Милочке [Бенвенуто] ничего не знаю с 1946 г. Да и писать не пытался. Как-то всё порвалось само собою. Она, видимо, нашла лучшее. Кстати, Тамара и Людмила Георгиевские³⁴ были из Макеевки (Донбасс). Я однажды, несколько лет назад, написал туда, – но ответа не получил и не знаю о них ничего.

Материалов я никаких не собирал, и у меня нет ничего. Было время, когда этот вопрос, т.е. «Римское дело», меня интересовало, но затем перестало интересовать. Мне надоело думать о том, что хотелось сделать как можно лучше людям, хотелось помочь, спасти людей, – а другие понимают, что это, мол – дескать, делалось специально! Видимо не умеют отделить овец от козла! Что будут думать и как считать, мне совершенно безразлично – важно, что люди остались живы и вернулись к своим детям.

Может быть, скажешь, что слишком пессимистично я настроен, – возможно, и так. Пока делаю маленькие переводы и с того выкручиваюсь. В прошлом году еще работал на заводе проволоки, – но теперь здоровье не позволяет. У меня семья – жена и двое детей. Дети – ее, т.к. она разошлась с мужем <нрзб.> русская, а муж был литовец и считал ее за низшее существо. Постараюсь вырастить детей настоящими людьми, которые не будут делать разницы по национальным признакам. Я теперь счастлив, что живу на Родине и являюсь не только свидетелем гигантского шествия культуры вперед, но и по силе-возможности участвую в этом сам.

³³ Илья Алексеевич Марков, как и Бесчастный, входил в группу учащихся при колледже Руссикум.

³⁴ Сестры Георгиевские, скрывавшиеся в испанском католическом общежитии монахинь; именно они познакомили Флейшера с Бесчастным и другими насельниками колледжа Руссикум.

Точно сказать не могу, но попытаюсь к твоему приезду в Москву приехать, если удастся подкопить денег. Несколько дней тому назад я получил письмо от Куликова³⁵. Он просит описать все римские события как я их себе представляю, но я очень многое забыл, а особенно имена. Он пишет, что до конца июля в отпуску, и к началу августа просит прислать ему воспоминания. Так что если ты смог бы напомнить какие-либо факты, – то был бы благодарен. Но, вообще, должен тебе сказать, что особого энтузиазма у меня нет, т.к. они вряд ли поймут чистые порывы, а для того чтобы лишний раз опошлять всё это и связывать с не существовавшими интересами, – для меня слишком дорогие чистые чувства, с которыми и ты, и я, и другие проводили всю эту работу, – чтобы по возможности оказать помощь не только людям, но и Родине. Там (в Ватикане) меня проклинали, зачем связался с «большевиками» и смотрели как на врага, – а здесь выходит почти так: «Зачем спасал советских людей?» Поистине «из огня да в полымя».

Ну, пока, Алёша, – многое хочется написать, о многом поговорить, но на сей раз закончу. Уж слишком болит голова, да и температура держится. Обнимаю тебя крепко, в надежде, что всё-таки встретимся ещё не только на бумаге. Знаешь, все нахлынувшие воспоминания как-то делают боль в душе. Пиши по тому же адресу, через пару дней напишу ещё, когда буду себя чувствовать легче. Искренне уважающий тебя

Д. Бесчастный³⁶

Переписка – пусть и не частая – между бывшими соратниками не прерывалась. Особый интерес представляет реакция Флейшера на ряд тенденциозных интервью Бесчастного в советской прессе:

³⁵ И.Н. Куликов, историк, автор исследования «Об участии советских граждан в итальянском Сопротивлении (1943-1945 гг.)», опубликованном в сб. «Объединение Италии. 100 лет борьбы за независимость и демократию» (М.: Изд-во АН СССР, 1963; стр. 350-377).

³⁶ РГАЛИ. Фонд Флейшера А.Н. № 2598. Опись 21 Ед. хр. Д. 261. Л. 1-1 об.

Письмо Алексея Николаевича Флейшера Доррофею Захаровичу Бесчастному³⁷

Дорогой Дора!

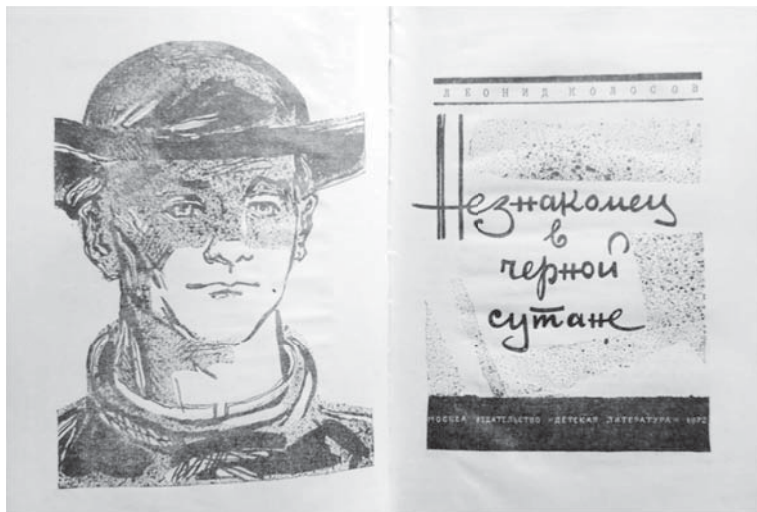
9 марта [19]65 г.

Слышал, что ты получил, наконец, квартиру. Радуюсь и поздравляю. Адрес квартиры твоей мне не известен, поэтому пишу на библиотеку, я знаю, что письмо это ты получишь. Чрезвычайно досадно и мне, конечно, очень обидно, что в то время как вокруг тебя зашуршали корреспонденты, ты не считаешь нужным не только писать о твоих новостях, но и отвечать. А ведь всё бы поворачивалось, может быть, лучше и правильнее. Ну, что же, как говорится, «насильно мил не будешь». С моей стороны я предпринимаю всё, чтобы усилить дружеские чувства и чтобы в общем деле идти вместе и в ногу. 17 декабря [1964 г.] я писал тебе письмо и предостерегал тебя, опять-таки, исключительно по-дружески, от горячих перьев наших корреспондентов. С тех пор читал еще одну «Комсомольскую правду»³⁸, затем «Вечерний Ленинград» и наконец статью Б. Финиасова в «Литературной газете». Последняя, откровенно сказать, меня пришибла. Я до сих пор не могу согласиться с тем, что автор статьи, этот самый Б. Финиасов, мог ее написать с твоих слов³⁹. Невероятно. И если

³⁷ Копия письма, оставшаяся после текста, написанного с применением копировальной бумаги. Публикуется впервые.

³⁸ См. Кондаков В., Рагайшиус А. Под небом Италии: Имя героя Д.З. Бесчастный // Комсомольская правда. 1964, 13 дек.; Они же. Смерть меня подождет: Интервью с Д.З. Бесчастным. Там же. 30 дек. В публикациях рассказывалось, что Бесчастный осуществлял в Риме казни эсэсовцев «именем народа», предварительно подпаивая их в трактирах; «за поимку бандита в черной сутане» оккупационные власти назначили награду в 10 тыс. рейхсмарок; по окончании войны его якобы насильно постригли в монахи, но он бежал из «католического плена» и теперь в Вильнюсе читает лекции по атеизму и пишет книгу «Ватикан, каким я видел его сам».

³⁹ См. Финиасов Б. Двадцать лет спустя. Падре Доротео рассказывает // Литературная газета. 1965, 13 февр. О Д. Бесчастном в статье сообщалось, что будучи из литовских старообрядцев, он попал до войны в римский «Руссикум», где «убил в себе веру в Бога, а сейчас убивает ее в других». Став участником подполья, согласно публикации, он убил 26 эсэсовцев.

*Фронтиспис и титульный листы книги,
посвященной Д. Бесчастному*

я прав, что ничего подобного ты ему не рассказывал, хотя бы в отношении нашего «похода» в Ватикан, то мне очень бы хотелось знать, опротестовал ли ты эту статью и принял ли меры, потребовал ли, чтобы было опровержение? Дело, ведь, серьезное и касается не только тебя, но и самой нашей прессы⁴⁰.

Когда я встречался с тобой в 59 г. в гостинице «Букурешт», ты мне говорил, что многое забыл, и я убедился, что действительно за тяжело доставшиеся тебе годы после возвращения домой, ты многое и основательно забыл. Я подчеркиваю основательно, т.к. такие вещи, что Луиджи не «коммерсант», или что

⁴⁰ В беллетризированной форме «советскую» версию похода в Ватикан изложил А.С. Кузнецов в книге «Тайна римского саркофага»: «Представляете, — в Ватикане красное знамя! Папе ничего не оставалось делать, пришлось не спеша обойти боевой строй русских и приветствовать их. Благословив партизан, папа воскликнул: “Браво, русские!” Впрочем, русские-то хорошо знали, что означает папское благословение. Тот же самый папа Пий благословлял орды Гитлера и Муссолини. Но после войны эта старая лиса поняла, откуда дуют ветры, и принялась наживать новый моральный капитал...» (Свердловск, 1965, стр. 57).

у Людмилы [Бенвенуто] мать не итальянка, или что Тарасенко не офицер и никогда по Риму не ходил, забыть невозможно. Но соглашусь и с этим, что ты забыл, а может быть, корреспонденты перепутали всё сами. Но вот забыть или перепутать такой исторический факт, как прием у Пия XII-го, тут знаешь абсолютно невозможно. Тогда с какой же целью в «Литературной газете», – газете, которая читается за рубежом больше, чем другие, – с какой целью в ней написан вымысел, фантазия и, лучше сказать, злая фантазия в отношении случая в Ватикане. Зачем это надо было писать?

Лично я человек неверующий и особенно ненавижу католицизм. В нем нагромождены ложь, коварство, зло. Но разве можно допускать, что заправляют всем этим в Ватикане простачки, неучи, малограмотные? Ничего подобного и в отношении их софизма, иезуитства. Ты, вероятно, лучше можешь знать, что это далеко не так и, видимо, знаешь, что разоблачать, уничтожать их можно только тем, что снимает с них пелену лжи правдой. Неправда с нашей стороны – это лакомый кусок для их коварства, повод развязать зло и клевету во сто крат больше.

Корреспонденты в Риме бросили выражение «товарищ папа», но вышло у них это как-то совсем наивно, безобидно и незаметно. Между тем эта фантазия развита у Финиасова иначе и весь смысл нашей встречи с Пием приобрел обратный, очень злой, враждебный «факт». А ведь ты должен хорошо помнить, что на самом деле злого в этот день при встрече ничего не было, и всё описанное в «Литературной газете» по этому поводу никак не вяжется с действительно происходившим 6 июня [1944 г.].

Я не слышал этого выражения «товарищ папа», да и вряд ли оно было. Я знаю, что когда мы вернулись на виллу и я спро-

*Римский папа Пий XII,
фото 1939 г.*

сил ребят, «как вам понравился папа?», то получил ответ «хорош мужик». Он, в этот день, был действительно «хорошим мужиком». Вошел он не с секретарем, а с двумя капитанами швейцарской гвардии по обе его стороны. Сзади был поп, м. б., это и секретарь. Но папа был деликатным, в хорошем расположении духа и ровно никого не спрашивал, «верит ли он в бога или не верит»⁴¹. Спрашивал иногда из каких мест, как зовут? Однако всем, абсолютно всем начиная от первостоящего Корековцева он раздавал свой лубочный (в красках) портрет и чётки с крестом, и все, абсолютно все принимали его подарок, который он брал с подноса носящего швейцарца-гвардейца.

Было 2-3 верующих и они надели чётки поверх цепочки крестиков, одетых еще в России. Были с нами и женщины. Им папа вручал белые чётки, а мужчинам черные. Я поменялся четками с Анной Алексеевной, и этот крестик на ее белых чётках, сейчас лежит в Музее Сов<етской> Армии, как доказательство того, что мы были на приеме. Многие затем скрывали этот прием. Я его хранил на сладкое блюдо. Видимо папу поразили вежливость, воспитанность и дисциплинированность наших ребят, их вера в победу и их героизм на итальянской земле. Отвернувшись затем к углу, он прочел молитву, а затем повернувшись снова к нам, благословил. Спросил, где мы живем, и, узнав, что вилла Тай далеко, приказал дать два автобуса. Снявшись группой (без папы) во дворе Ватикана, мы в этих автобусах с песнями уехали домой. Всё это было, и не помнить этого ты не можешь, это невероятно. Об этом предельно коротко, но с глубоким смыслом описал в книге С.С. Смирнов. Ведь кроме нас на приёме были и наши друзья-подпольщики итальянцы. Что же общего между фактом, действительностью и тем, что написал Финиасов? Ровно ничего. Финиасов написал зло, недружелюбно. Между тем проблеск у Пия XII-го был и скрывать это нечего. Если папы могут быть «хорошими мужиками», то зачем переворачивать всё на оборот? Не так давно с нашей стороны приветствовались начи-

⁴¹ В газетной статье сообщается, что во время приема в Ватикане папа Пий XII обошел советских бойцов с вопросом «Верите ли Вы в Бога?», на что все 70 отвечали «Нет, компань [т.е. товарищ] папа!», кроме только одного, «пожилого человека», сказавшего «да».

нения Иоанна XXIII к миру и сосуществованию. Момент учитывает выгоду. А вот вранье, подобное Финиасову, это не что иное как прутиком дразнить ватиканский улей. Нужно ли это, хорошо ли? Ненужно и вредно. Злой фантазией Ватикана не убьешь, наоборот, дашь ему только повод к его лжи. Ко всему мне думается тут и для тебя плохая услуга. Ты пишешь, как говорят, серьезный труд, разоблачая Ватикан, но вот такие заметки подобные Финиасова, ведут к тому, что в твоей правде усомнятся. Скажут, если «тут неправда, то и во всей книге тоже неправда».

Возле меня найденный узбек Карим Турабеков, тебе знакомый по вилле Тай, он также удивлен тому, что написано в «Литературке». Он также получал чётки, но ничего подобного, что пишет газета, не слышал и не видел. Как же так? И как же быть? Мне думается, чтобы поднять авторитет твоей книги, тебе надо всё опровергнуть.

Дора, еще один совет: брось ты эту проклятую водку. Ну, переживал раньше, понятно, но ведь теперь-то всё тяжелое позади. Советую тебе как искренний друг. Я сам после потери жены увлекался этим снадобьем, но справился и всё теперь хорошо и ясно. Постарайся и ты избавиться от этого. Не к добру это. И следди за тем, что пишут. Помни: у нас достаточно хорошей правды и особенно на вилле Тай. Ее надо оберегать. Выдумки и фантазии погубят фантазеров. Правда и только правда. Так всё сложилось, что я обязан ее оберегать, и я буду ее оберегать. Повторяю: очень обижаю, что в это время ты не пишешь. Досадно. Желаю тебе как друг самого хорошего, и хочется верить, что ты останешься другом.

Крепко жму руку.

Алексей⁴²

⁴² РГАЛИ. Фонд Флейшера А.Н. № 2598. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 12-13. Полностью публикуется впервые.

ЛЮДМИЛА БЕНВЕНУТО

Фигура Людмилы Бенвенуто, участницы римского подполья, заинтересовала исследователей лишь в последние годы, после ее недавней кончины в Швейцарии.

Алексей Флейшер находит для нее следующие слова:

<Она> выехала незадолго до начавшихся бесчинств Гитлера в Европе, в силу декрета о репарации иностранцев (1938). [сверху карандашом:] Отец ее был итальянец. Это было для нее большим несчастьем. Она воспитывалась и училась в Ленинграде и даже не подозревала, что значилась иностранкой. В ней, собственно, ничего и не было иностранного. Мать Милочки была русской. И сердце, и душа, и наружность были у Милочки русскими, и она иначе себя и не мыслила, как русской⁴³.

В самом деле, семья Бенвенуто попала в новую репрессивную кампанию: в конце 1930-х гг., когда Советский Союз закрыл свои границы на надежный «замок», он неожиданно для Западной Европы изверг достаточно внушительную группу своих жителей, которые эмигрировать вовсе не собирались. Ими были «иностранцы», а на лексике НКВД – «иностранноподданные», которые десятилетиями спокойно жили и трудились в пределах России и других советских республик. Многие из них, как Людмила Бенвенуто, даже родились тут и не владели никакими иными языками, кроме русского, однако по тем или иным причинам так и не обзавелись советскими паспортами.

Репрессивная акция государства могла бы показаться неким проявлением общей шизофрении советского строя, однако она лежала в русле большой внутренней политики, направленной на «зачистку» населения в свете грядущей

⁴³ РГАЛИ. Фонд Смирнова С.С. Оп. 2. Д. 482. Л. 20. А. Флейшер здесь (и в других местах) ошибается: у Людмилы мать была итальянкой, отец – русским.

войны с «капиталистическим миром». В 1937 г. для ликвидации возможной «пятой колонны», наряду с кровавым террором, власти пошли на относительно мягкие меры – высылку «иностранным подданных» из страны.

В состав подозрительного контингента попали и «итальянцы», то есть жители СССР с итальянскими корнями, иногда и весьма слабыми. Это тоже было неслучайно: Муссолини, несмотря на дипломатические и иные отношения с «красной» Москвой, всегда декларировал свое ярое антикоммунистическое кредо. Как показал дальнейший ход событий, в самом деле, дуче ввязался в войну на стороне Гитлера, а на оккупированных территориях итальянская армия старалась опереться на (малочисленных уже к тому времени) «русских итальянцев», также как – но в значительно большем масштабе – немцы опирались на т.н. фольксдойче.

Мать Людмилы, Лаура Гулельмовна Бенвенуто, родилась в 1896 г. под Генуей. После революции 1905 г. эти места обжили изгнанники: тут возникла целая колония русских интеллигентов, противников царского режима. Одним из вождей этого эмигрантского общества стал писатель Александр Амфитеатров, с семьей которого сблизилась молодая итальянка. Когда в 1916 г. Амфитеатровы вернулись в Россию, с ними уехала и «Лаурина», как они ее звали. Писатель «разочаровался» в революции 1917 г. и в 1921 г. бежал (уплыл тайком на лодке) из Петрограда, где осталась привезенная им синьорина. Она к тому времени уже стала женой революционера Василия Патрикеева и матерью девочки Милы, родившейся в Петрограде 13 июня 1918 г. В 1938 ее с дочкой выслали, мужа арестовали (погиб в ГУЛАГе).

В Италии «Милочка» – ей было 18 лет – сблизилась с русской творческой эмиграцией либерального направления – с художником Николаем Бенуа, с актером Александром Саниным (который женился на ее матери). В Риме она познакомилась с Василием Дюкиным, младороссом, приятелем Алексея Флейшера.

Она так вспоминает свое вхождение в подполье:

Никогда не забуду, когда я впервые пришла по назначенному адресу и позвонила в квартиру условленным звонком. Это было в воскресенье. Дверь осторожно приоткрылась, и я прошла в комнату. Первое, что я увидела, – это большой стол, за которым сидело человек пятнадцать. Они пили чай и вполголоса пели «Катюшу». Эта квартира принадлежала старым русским эмигрантам Дюкиным. Глава семейства, Василий Дюкин, или, как мы его любовно называли, «дядя Вася», был певцом, а его жена балериной⁴⁴.

В задачи Людмилы входила помощь бежавших из лагерей советских военнопленных. Ей передавали одежду, еду и вооружение для беглецов (это добывал Дорофей Бесчастный, «падре Доротео»), которые она разносила по конспиративным квартирам, а также на Виллу Тай. Впервые ее имя возникло в советской прессе в начале 60-х гг. в газетных статьях о «падре Доротео», где сообщалось о ней как о чертежнице, работавшей в конторе одной судовой верфи, обору-дованной ею под тайный склад.

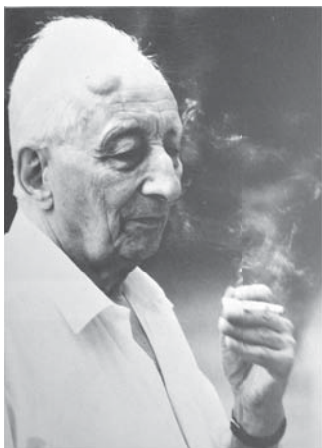
После окончания войны Людмила еще несколько лет жила в Италии, затем уехала в Швейцарию из-за травли ее и ее супруга, бывшего британского разведчика, в качестве якобы советских агентов. В Женеве она проработала около тридцати лет в местном отделении ООН. Людмила Васильевна Бенвенуто (в замужестве Макдермот) скончалась 19 декабря 2005 г. в г. Тоне (Thônex), кантон Женева, Швейцария.

⁴⁴ По материалам газеты «Москвичка», №16 апрель 1995, и «Российской газеты», 8 мая 1997 г., подготовленным И. Денисовой; см. http://sbnt.jinr.ru/IDB_NEW/benvenuto/benvenuto1.html

КРАСНЫЙ СТЯГ НАД ВИЛЛОЙ ТАЙ

В заметках Флейшера упоминаются имена других участников подполья: это Анна Алексеевна Ошикович, урожденная Маркова, «щебетунья и подвижная как волчок», устроившая на свой римской квартире склад провизии и одежды; ее брат, Илья Алексеевич Марков, еще один ученик колледжа Руссикум; Вера Михайловна Долгина, постоянно державшая у себя дома 3-4 бежавших военнопленных; художник Алексей Владимирович Исупов и его супруга Тамара Николаевна⁴⁵; Андрей Урусов, другой насельник Руссикума, сестры Лия и Тамара Георгиевские, укрывавшиеся в испанском католическом приюте.

Укажем и тех, кого Флейшер обошел вниманием. В первую очередь, это князь Сергей Николаевич Оболенский,

*Князь Сергей
Оболенский*

на правах «старшего» координировавший участие насельников Руссикума в операциях по спасению красноармейцев. Высокообразованный аристократ, проведенный детство в Ясной Поляне (он приходился внучатым племянником писателю), в 1943 г. он защитил в Папском Григорианском институте диссертацию на тему «Философия духа А.С. Хомякова». Именно он, пользуясь своим авторитетом и связями, организовал на Вилле Тай, после освобождения Рима, официальную

⁴⁵А.В. Исупов (Вятка, 1889 – Рим, 1957) предоставлял в Риме свою мастерскую и квартиру бежавшим военнопленным, но подробности о его деятельности в подполье неизвестны.

институцию – Comitato di protezione degli ex-prigionieri dell'esercito dell'Urss [Комитет защиты бывших военнопленных армии СССР (в советских переводах писали – Красной армии)], президентом которой и стал. Как позднее вспоминал советский дипломат Н.М. Горшков, первым прибывший на Виллу Тай, там его встретил «князь Оболенский – в сутане и круглой шляпе ордена доминиканцев»⁴⁶. Однако после войны падре Оболенский был приглашен как эксперт-антисоветчик в штаб-квартиру НАТО в Фонтенбло (Франция), где проработал несколько лет, и следовательно его имя оказалось в СССР под запретом.

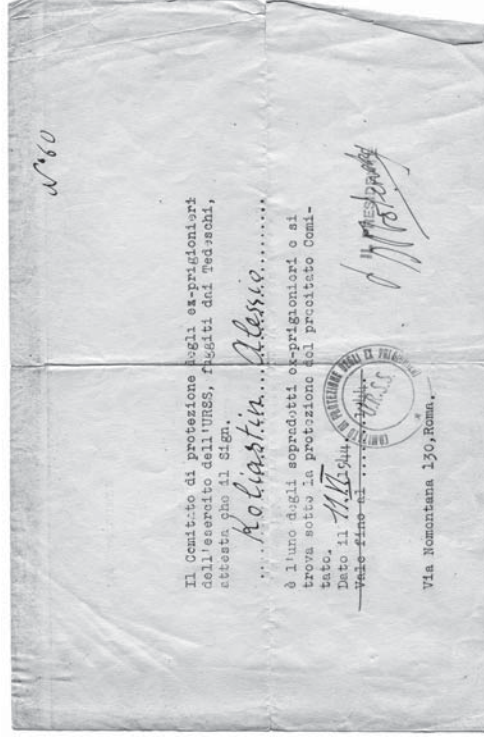
Тенденциозно представлялся в советской печати Ватикан в целом. Тот же Горшков утверждал:

Движению Сопrotивления итальянского народа немалый ущерб причинил и Ватикан, который всегда был оплотом реакции и врагом социального прогресса. <...> Ватикан всегда «держал нос по ветру» и, будучи хорошо информирован о событиях происходящих во всем мире, быть может, раньше других учуял надвигавшуюся на гитлеровскую Германию и ее союзников неизбежную катастрофу. Он сделал всё возможное, чтобы поддержать гитлеровцев и итальянских фашистов. Ватикан тайно помогал немецким оккупантам выявлять и вылавливать подлинных борцов за национальное освобождение. <...> Укрывая от немцев какие-то группы военнопленных, Ватикан стремился взять их под свой контроль, удержать от активной вооруженной борьбы против нацистов⁴⁷.

Главный итог деятельности римского подполья – спасение из плена красноармейцев и распределение их в Лацио, где разворачивались действительные боевые дей-

⁴⁶ *Комолова Н.П.* Италия в русской культуре Серебряного века. М.: Наука, 2005. С. 84 (гл. «Русское зарубежье в Италии: вклад в культуру (1917-1945)»). Заметим, что у доминиканцев нет особых шляп, видимо, это была просто круглая шляпа священника: в те годы еще носили клирические облачения – сутану и черную шляпу с полукруглой тульей.

⁴⁷ *Буланов Д., Горшков Н.* Послесловие // *Галлени М.* Советские партизаны в итальянском движении Сопrotивления. М.: Прогресс, 1970. С. 216-217.

Справка Алексею Коляскину из Комитета защиты бывших военнопленных армии СССР, подписанная его президентом, католическим священником S. Obolensky (князем Сергеем Николаевичем Оболенским). Публикуется впервые

ствия (см. подробнее в Дневнике А. Коляскина). Сам Вечный Город не мог стать ареной диверсий и казней нацистов и фашистов. Флейшер объясняет это в преамбуле к своим мемуарам, когда говорит о Риме как «открытом городе». Рискуя жизнью, Флейшер и его помощники выполнили главное, что было в их силах – укрытие беглых военнопленных. Их список – около 200 человек – Флейшер передал советским представителям, оказавшимся в Риме вместе с союзными войсками. В той деятельности ему оказали содействие не только католический клир из Руссикума, но и простые итальянцы: одной из важных «точек отсчета» служил трактир, который держали супруги Альдо Фарабуллини и Идрана Монтанья, в последствии отмеченные советскими наградами.

Когда 4 июня 1944 г. Рим был освобожден союзными войсками, Вилла Тай была объявлена штаб-квартирой упомянутого Комитета покровительства бывшим военнопленным. Сам Флейшер стал его секретарем, президен-

том – князь Оболенский, он же «падре Серджио». Над зданием, к изумлению горожан, взвился красный советский флаг. Его переделал из тайландского флага Сумбатов, затушевав тайландские символы и вписав вместо них серп и молот. Не исключено, что именно под этим знаменем обитатели Виллы Тай ходили на прием к папе римскому, по инициативе отца Сергия Оболенского.

На Виллу вновь стекаются солдаты, бежавшие из плена – в составе 182 человек, в их числе 11 офицеров: эту группу теперь называют Римской ротой.

В середине июня в освобожденный Вечный Город прибыла советская делегация: помощник уполномоченного при Союзнической комиссии А.Е. Бочамалов, представитель НКВД Е.П. Мицкевич с помощником Абрамовым, секретарь советского посольства при «Королевстве Юга» Н.М. Горшков (позднее секретарь посольства при Итальянской республике, до 1950 г.) и двое военных – майор Белобоков и капитан Голубев. Также и советская военная миссия базируется в особняке Таиландского посольства: она составляет опросные листы и анализирует ответы. Комитет защиты бывших военнопленных преобразуется в Ко-

Вход союзных войск в Рим

Римская рота на Вилле Тай (А.Н. Флейшер – крайний справа, с подобранными для велосипедной езды брюками)

митет по возвращению советских людей в СССР. Начинаются и разногласия: советская миссия настаивает на общей репатриации, князь Оболенский предлагает дать право остаться в Италии. Побеждает установка на репатриацию, да и сами бойцы рвутся домой.

В Восточной Европе еще полыхала война, путь на далекую родину был закрыт и для Римской роты советская миссия, с помощью союзников, разработала особый маршрут – из Неаполя отправка в Египет, затем в Иран и оттуда, через Каспийское море, – в Баку.

Перед отправкой Римской роты в СССР Е.П. Мицкевич произнес краткую, но впечатлившую бывших военнопленных речь: «Прежде чем ехать домой, поблагодарим Алексея Николаевича [Флейшера] за то, что он помог вам освободиться. Сделал он это не потому, что вы хорошие, а потому что Родина у вас хорошая...»⁴⁸.

⁴⁸ РГАЛИ. Фонд Флейшера А.Н. ... Л. 809-810.

ГЛАВА IV

СОПРОТИВЛЕНИЕ: НОВЫЕ ИМЕНА

Омногих советских участников *Итальянского Соппротивления* – всего их было более пяти тысяч – широко известно: в первую очередь, это касается трех героев Советского Союза: русского Федора Полетаева, грузина Форе Мосулишвили (см. о них ниже, в главе «Некрополь») и азербайджанца Мехти Гусейн-заде, по прозвищу Михайло (он пал и был погребен на территории современной Словении, однако самые важные его операции прошли в Триесте и на его периферии). Вышли книги и о таких героях, погибших в Италии, как Николай Буянов, Даниил Авдеев. Некоторые ветераны сами опубликовали мемуары – это Анатолий Тарасов, Владимир Переладов, Ороз Курбан-Ниязов и другие.

Внушительную панораму представил Мауро Галлени, сам бывший партизан, в монографии «*Советские партизаны в итальянском движении Соппротивления*» (русс. пер.: М., 1970). В последние годы возник и особый Интернет-ресурс¹, посвященный этой тематике. В 2014 г. вышло два важных исследования – Анны Роберти «*Dal recupero dei corpi al recupero della memoria*» (см. о ее книге ниже, в главе «Мартиролог») и Марины Росси «*Soldati dell'Armata Rossa al confine orientale 1941-1945*» («Солдаты Красной Армии у восточных рубежей»), где освещается сложная военно-политическая ситуация в районе Триеста, близ словенских земель. В 2015 г. московский документалист Валерия Ловкова сняла фильм «Белло, чао» – о партизанском движении в Северной и Центральной Италии.

И, тем не менее, тщательный поиск позволяет открыть для русского читателя новые имена и сюжеты, новые и неожиданные подробности той драматической эпохи.

¹ «Советские воины в итальянском Соппротивлении»; <http://lavita-odessita.com/partigiani.html>

ЛЕВ ГИНЗБУРГ

Лев Гинзбург, 1920-е гг.

Лев Федорович Гинзбург, родившийся в Одессе в 1909 г., был после революции увезен родителями в Италию. На своей второй родине он стяжал двойной венец славы – как плодовитый переводчик и популяризатор русской классики и как герой Соппротивления, замученный в нацистских застенках.

Семейная история одесситов Гинзбургов подробно изложена в книге «Из Одессы в Турин: беседы с Марусей Гинзбург»². Изложение это организовано в форме пространного интервью старшей сестры литератора, Марии Федоровны, данного журналистке М.-К. Авалле, некогда учившей у нее русский язык.

...Родители Маруси и Льва (и еще одного сына, Николая) принадлежали к элите российского еврейства: отец, выходец из Литвы, был удачливым одесским коммерсантом; мать Вера, в девичестве Грилихес, – филологом-

² Da Odessa a Torino. Conversazioni con Marussia Ginzburg. Torino: Claudiana, 2002. См. нашу рецензию на эту книгу: Новое литературное обозрение, 2003. № 64 (6). С. 408-410.

самоучкой, родом из Петербурга. Тяга к Италии сформировалась у Гинзбургов еще до эмиграции: их «мамзель», итальянка Мария Сегрэ, обучавшая детей языкам, постоянно жила в Одессе, и семейство ежегодно отдыхало вместе с нею в ее родной Тоскане.

В один из наездов в Италию Вера Гинзбург завела курортный роман с братом «мамзель», Ренцо Сегрэ. Краткая связь не осталась без последствий – на свет появился мальчик, которого Федор Гинзбург, простивший жену, признал собственным сыном. Таким образом Лев уже по обстоятельствам своего рождения был наполовину итальянцем. От мальчика не скрыли имя его истинного отца, с которым, впрочем, у него не сложилось никаких отношений. Однако свою итальянскую няню он стал называть «тетей».

Отъезд Гинзбургов из России носил характер скорее экономико-бытовой, а не политический, ибо все семейство по воззрениям было «левым». Его глава, Федор, финансировал кадетов, мать увлекалась Бундом, Николай состоял в социал-демократах, Маруся – в эсэрках (выпускница Бестужевских курсов в Петрограде, она вместе с Верой Фигнер основала в революционной столице «Трудовое бюро» для возвращавшихся амнистированных ссыльных³). Сам Лев в эпоху революции был

*Лёва, Коля и Маруся Гинзбурги.
Одесса, 1913 г.*

³ В изданных беседах у М. Гинзбург постоянно сквозит сожаление по оставленной великой родине.

*Л. Ф. Гинзбург,
кон. 1930-х гг.*

слишком юн, но в Италии 20-х гг. стал убежденным социалистом и антифашистом.

Из членов семьи он «эмигрировал» первым, в 5-летнем возрасте. Первая мировая война застала Гинзбургов в Италии: они поспешили домой, но без мальчика, «временно» порученного заботам няне-тете Марии Сегрэ. Россию он так больше и не увидел, став, по современной терминологии, «невозвращенцем». Вторым, в 1919 г., уехал Николай, уклонившись от призыва в Красную Армию.

Вскоре и остальные Гинзбурги навсегда покинули Россию: отец семейства осознал, что свободному предпринимательству пришел конец и перебрался в Берлин, где занялся торговлей. В Германии Лева доучивался в русской гимназии, а с 1924 г. Гинзбурги обосновались в Италии, в Турине, где старший брат Коля уже поступил в престижный Политехникум.

Писать о русской литературе Лев начал еще в Берлине⁴. Дар сочинительства у него обнаружился необыкновенно рано: сестра вспоминала, что его первые рассказы появились в 6-летнем возрасте. В 12 лет, вместе с двумя друзьями, одноклассниками по берлинской русской гимназии, он основывает рукописный альманах «Что мы думаем», где «публикует» эссе о Пушкине, Данте, Мадзини. Его одноклассники позднее вспоминали, что Гинзбург представлялся им скорее учителем, чем учеником.

В Турине Лев – теперь уже Леоне – со страстью отдался литературе. В 16-17 лет он сочиняет ряд повестей и исторический роман – уже не на русском, а на итальянском. Две

⁴ В этой же книге – «Из Одессы в Турин» – опубликованы его юношеские литературные опыты.

половины своей души он соединяет в переводах: в 19 лет Гинзбург печатает перевод «Тараса Бульбы», в 20 – «Анны Карениной». За ними следует «Дворянское гнездо», «Крейцерова соната», «Пиковая дама». Переводческую деятельность он воспринимает как миссию, чуть иронично называя себя «почтовой лошадейю литературы».

В тот же период Гинзбург начинает писать литературоведческие статьи: первым вышло эссе о Толстом и об «Анне Карениной» (1927). Русистика стала главной в его творчестве: уже посмертно, в 1948 г., был опубликован его фундаментальный сборник «Scrittori russi» [Русские писатели]⁵.

На рубеже 1920-1930-х гг. Лев примыкает к антифашистской оппозиции, поначалу – сдержанно, так как, во-первых, до 1931 г. он оставался аполитом, «лицом без гражданства», а во вторых, он симпатизировал позициям неаполитанского философа Бенедетто Кроче, проповедовавшего «легальную конспирацию культуры». Именно поэтому филолог сотрудничал некоторое время и с официальными печатными органами, например, с журналом «Cultura», для которого в 1931 г. подготовил специальный выпуск, посвященный 50-летию со дня смерти Ф.М. Достоевского. Впрочем, в то время диктатура Муссолини еще не контролировала всю интеллектуальную жизнь страны: в 1932 г., например, Гинзбург содействовал публикации «Конармии» Бабеля, своего земляка. В том же году, в Париже, заканчивая дипломную работу о Мопассане, он, сблизившись с итальянскими политэмигрантами, стал писать в оппозиционной прессе, под псевдонимом *M.S.*, в честь своей тети Марии Сегрэ.

Его выдающиеся филологические способности и организаторский талант пригодились при учреждении в 1933 г. совместно с туринскими друзьями издательства «Einuadi»,

⁵ О Гинзбурпре-русисте см. *Béghin L. Da Gobetti a Ginzburg. Diffusione e ricezione della cultura russa nella Torino del primo dopoguerra* [От Гобетти до Гинзбурга. Распространение и восприятие русской культуры в Турине после Первой мировой войны]. Bruxelles-Roma: Istituto Storico Belga di Roma, 2007.

превратившегося после Второй мировой войны в могучее книжное предприятие. До сих пор оно ведет задуманную Гинзбургом серию «Библиотека исторической культуры»⁶.

Получив в том же 1933 г. место доцента на филфаке Туринского университета, 23-летний юноша прочитал курс русской литературы. Блестящий лекторий, посвященный в основном Пушкину, стал первым и последним...

Режим Муссолини крепчал. В январе 1934 г., когда весь университетский персонал в стране обязали «взять» партийный билет, Лев отказался и потерял работу. Но худшее было впереди: через несколько месяцев он был арестован за антиправительственную пропаганду и осужден на четыре года тюрьмы (освобожден по амнистии спустя два года). В тюрьме его друзьями становятся словенцы, жители зоны Триеста, не желавшие италянизироваться по приказу дуче. Он неизбежно левеет и умудряется работать в заключении как редактор над переводом «Истории русской революции» Троцкого, другого своего земляка (возможно, именно из-за этой книги Гинзбург после своей героической гибели не был прославлен советской пропагандой).

В 1938 г. в Италии вышли так называемые расовые законы, согласно которым все подданные еврейского происхождения удалялись на обочину общества. Николай тут же уехал в США, остальные Гинзбурги не смогли. Репрессии обрушились в первую очередь на Льва: его тут же лишили подданства (он официально числился итальянцем всего семь лет), а в 1940 г. изгнали из Турина в далекий провинциальный регион Аbruццо. Издательство «Einaudi», несмотря на опалу Гинзбурга, выжило, – в основном благодаря его другу Чезаре Павезе, замечательному писателю и в ту эпоху обладателю билета фашистской партии.

За ссыльным последовала его жена Наталия. Именно тогда она сочинила свою первую книгу, «La strada che va in città» [Дорога, ведущая в город]. За нею последовали

⁶ «Einaudi» выпустило прекрасно подготовленное собрание литературоведческих статей Льва Гинзбурга, названное «Сочинения» [Scritti; под ред. Д. Цукаро, Турин, 2000].

*Наталья и Лев Гинзбурги,
конец 1930-х гг.*

*Книга
Маруси Гинзбург*

многие другие, а особую славу ей принес автобиографический роман «Lessico familiare» [Семейные беседы], впервые вышедший в 1963 г. и не раз переизданный огромными тиражами. В нем она рассказала о нескольких семейных драмах – в первую очередь о гибели мужа-подпольщика.

В ссылке, до нелегального возвращения в Рим, Лев провел в общей сложности почти четыре года. С ним, кроме супруги, жило и трое его детей (один из которых, Карло, в настоящее время превратился в мировую звезду истории и культурологии и уже не раз переведен на русский). Из селения Пиццоли, где он жил, филолог писал много писем – те, которые сохранились, были опубликованы⁷.

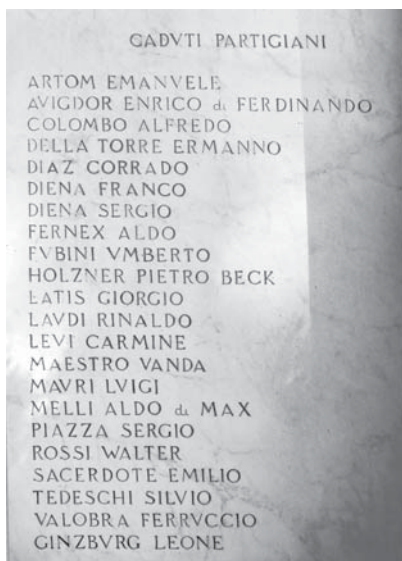
Летом 1943 г. Муссолини был арестован и отправлен в тот же самый Абрुццо, однако его освобождают немцы, установившие в центральной и северной Италии оккупа-

⁷ *Ginzburg L. Lettere dal confine 1940-1943* [Письма из ссылки 1940-1943 гг.] // a cura di L. Magnoni. Torino: Einaudi, 2004. В отдельные два до-сье собраны его письма к двум крупнейшим умам той эпохи – к уже упомянутому Бенедетто Кроче и к издателю Альберто Кароччи. Им он писал еще до своей высылки из Турина, но этот эпистолярный, пусть и не входящий в период изгнания, в силу его важности также опубликован в данном сборнике.

ционный режим. До прихода союзников в Рим остается немного, но Гинзбург тайком спешит в столицу, чтобы приблизить ее освобождение.

С 25 июля по 8 сентября 1943 г. он проводит встречи с представителями Партии Действия в различных городах страны. После перемирия возглавляет в Риме местное представительство издательства «Einandi». Вместе с Карло Муцетта, Франческо Фанчелло и Манлио Росси-Дория редактирует римский выпуск официальной газеты Партии Действия «Свободная Италия», где публикует статьи о ситуации в стране и мире и антифашистские прокламации. Все эти месяцы живёт под псевдонимом Леонид Грантурко. 20 ноября 1943 г. Гинзбурга, вместе со всеми членами редакции «Свободной Италии», арестовывают во время облавы в типографии газеты на улице Базенто, № 55, и сажают в тюрьму «Реджина Чели». Итальянская фашистская полиция узнает его подлинное имя и передает в руки немцев (9 декабря).

Литератору, умершему 5 февраля 1944 г. в нацистском застенке, было всего 35 лет. Перед смертью он сказал своему союзнику Сандро Пертини, впоследствии – президенту Итальянской республики: «Мы не должны ненавидеть немцев...».

Мемориальная доска на городском кладбище Турина, где имя Л. Гинзбурга стоит в списке «павших партизан» (Caduti Partigiani)

АНДРЕЙ КАФФИ

А. Каффи, 1920-е гг.

Андрей Иванович Каффи [Andrea Caffi; 1887-1955] имел расплывчатую, трудно определяемую идентичность. Родом из России, итальянец по крови, француз по месту наиболее продолжительного жительства и смерти. Сотрудник большевиков, затем антикоммунист; лояльный наблюдатель «революционного», первоначального фашизма, затем антифашист-подпольщик. Желал вернуться в Россию после падения советского строя, но не дождался. Дождался падения режима Муссолини в Италии, но остался во Франции. С «белой» эмиграцией не сошелся, дружил с избранными «розовыми», в первую очередь, – с литераторами М. Осоргиным и Вяч. Ивановым. В Париже, будучи итальянским изгнанником, вступил в русскую масонскую ложу («Северные братья»). Во время Сопротивления и Холодной войны позиционировал себя вне политики. Остался при этом верен юношескому кумиру – Александру Герцену. После кончины у него не осталось ни заинтересованных родственников, ни учеников, и эта оригинальная личность была на долгое время забыта⁸.

⁸ Первая научная биография Каффи – «Revoluzione perduta. Andrea Caffi nell'Europa del Novecento» [Утраченная революция. Андрей Каффи в

А.И. Каффи родился в Петербурге; его отец – Джованни – служил костюмером в Императорских театрах, и детство Андрея прошло на подмостках и за кулисами. Как участник студенческих и рабочих движений Первой русской революции был арестован – дважды, в марте и в ноябре 1906 г., причем после второго ареста был осужден на три года тюрьмы. Однако в результате кампании, поднятой в Италии социалистами и после вмешательства итальянского посла в Петербурге, царские власти его выслали из страны, объявив «иностраницем».

Каффи тем менее с этим определением не соглашался. Он, в самом деле, имел и трудноуловимую «национальность»: родным у него было два языка⁹. Сам Андрей-Андреа позднее говорил, что рад своему российскому детству и юношеству, так как оно позволило ему не смешаться со средой, которая упорно считала его чужеземцем. Когда же он вернулся в Италию, его и там продолжали считать иностранцем. Отсюда – эксцентричное вольнодумство и свобода, которую он ценил.

Европе XX века] – вышла в болонском издательстве «Il Mulino» в 2009 г.; ее автор – Марко Брешиани (Bresciani), исследователь из Пизанского университета. Основные положения монографии см. *Брешиани М. Русские тени: Портрет Андреа Каффи // “Персонажи в поисках автора”: Жизнь русских в Италии XX века (М.: Русский Путь, 2011. С. 261-285)*. Первая же книга о Каффи, популярного жанра, уже покойного Джино Бьянко вышла в 1975 г. и переиздана в 2006 г. римским издательством «Jouvence» (*Bianco G. Socialismo e libertà. L'avventura umana di Andrea Caffi [Социализм и свобода. Человеческое приключение Андреа Каффи]*). Определенную известность ей придало вступление, написанное знакомым Каффи, Альберто Моравиа, классиком итальянской литературы ушедшего века. Чуть позднее сжато, но емко написал о Каффи Антонелло Вентури (Venturi) в книге «*Rivoluzionari russi in Italia. 1917-1921*» (Milano, 1979. P. 141-145). См. также: *Талалай М.Г. Андрей Иванович Каффи: сопротивление большевизму и нацифашизму // Нансеновские чтения, 2009. СПб.: РОО ИКЦ «Русская эмиграция», 2010. С. 197-203.*

⁹ Марко Брешиани употребляет, на наш взгляд, правильное определение: Каффи – это *итало-русский* персонаж, с двумя рельефно выраженными ипостасями.

С началом Первой мировой войны Каффи, живший в то время во Флоренции, познал патриотические чувства к Италии и ушел добровольцем воевать с немцами. По окончании войны, в июле 1919 г., самая престижная итальянская газета, «Corriere della Sera», командировала его в Россию корреспондентом, но народнический дух Каффи побудил его отказаться от журнализма и окунуться в гущу событий. Таким образом он включился в работу нансеновской программы помощи голодающим, действуя на Украине, а в начале 1920 г. приехал в Москву, широко сотрудничая там с пассионарной социалисткой Анжеликой Балабановой¹⁰. Поначалу искренне поддерживая большевиков, уже к концу того же 20-го года, он был арестован – якобы за саботаж в деле присоединения итальянских социалистов к Третьему Интернационалу (позднее он признавался в справедливости обвинения чекистов). Непродолжительная отсидка на Лубянке, откуда его выпустили благодаря вмешательству всё той же Балабановой, заставила его задуматься о правомочности насилия во имя будущего социального равенства. Он, тем не менее, остался в «красной» Москве, а с мая 1922 г. стал сотрудничать со вновь учрежденным итальянским торговым представительством, для которого составлял справки, меморандумы, коммюнике и проч. В июне 1923 г. Каффи легально покинул Советский Союз, окончательно разочаровавшись как в Русской революции, так и в западных демократиях, которые, по его словам, были «заинтересованы более в нефти, чем в принципах цивилизации»¹¹.

Вернувшись в Италию, Каффи сразу получил признание как один из самых вдумчивых и трезвых аналитиков

¹⁰ А.И. Балабанова (Киев, 1878 – Рим, 1965) тоже может быть причислена к русским участникам итальянского антифашистского движения: при режиме Муссолини она была вынуждена эмигрировать из Италии. См. о ней: *Annarotone D. Due rivoluzionarie russe in Italia: A. Kuliscioff e Angelica Balabanov a confronto* [Две русские революционерки в Италии: А<нна> Кулишова и Анжелика Балабанова в сравнении]. Milano, 2003.

¹¹ Из письма к Умберто Дзанотти Бьянко; цит. по: *Bresciani M. Op. cit.* p. 88.

СССР, сотрудничая с различными периодическими изданиями. Он пишет пронизательный ретроспективный трактат о происхождении русского революционного менталитета «Tra i contemporanei di Onjehin» [«Среди современников Онегина»]¹², заметки о революции и серию статей о введенном Лениным НЭПе. Каффи нашел и подходящую итало-русскую среду, римский интеллектуальный салон Ольги Ресневич-Синьорелли¹³. В то же время он подружился с другим итало-русским персонажем, Никколó Туччи, который позднее эмигрировал в США¹⁴.

Одновременно происходит сложный процесс определения его отношения ко вновь народившемуся фашизму: тенденции Муссолини к грубой диктатуре не сразу были замечены многими. Самым сомнительным действием Каффи той поры явилось сотрудничество с журналом «La conquista dello Stato», основанным писателем Курцио Малапарте. Журнал пропагандировал «революционный», «целостный» фашизм, и за участие в нем позднее Каффи сурово упрекали, хотя и сам Малапарте, ставший в конце своей удивительной профашистской карьеры членом компартии (после падения Муссолини, разумеется), уверял, что Каффи писал в его журнал по недоразумению. Следует, однако, заметить, что позитивный интерес к раннему фашизму, как противоядию от большевизма проявляли в Италии многие беглецы из Советской России, начиная от Марка Слонима и кончая княжной Е.В. Дабижа, в замужестве Ростковской¹⁵.

¹² Альманах «Russia», №№ III-IV, 1923.

¹³ Ольга Ивановна Ресневич, в замужестве Синьорелли (под Елгавой, Латвия, 1883 – Рим, 1973), врач по образованию, плодовитая переводчица русской литературы.

¹⁴ См. о нем: *Талалай М.Г.* Англо-итальянский писатель с русскими корнями Никколо Туччи: Биобиблиографическая заметка // Русское зарубежье: История и современность: Сб. ст. Вып. 1. К 90-летию академика Е.П. Чельшева. М.: ИНИОН РАН, 2011. С. 221-223.

¹⁵ Вот что писала о фашистах, к примеру, Е.В. Дабижа-Ростковская: «Ах, если бы только мы могли» – восклицали взволнованно молодые голоса – «поехать в Россию! Мы сумели бы отомстить за Вас, и за стольких других людей! Мы спасли бы Россию, изгнав навсегда этих грязных боль-

Известно, что Каффи поддерживал и дружеские связи с некоторыми русскими, ушедшими добровольцами в армию Муссолини, в т.ч. с неким «Поповым», бежавшим из советской Москвы с подложным паспортом на имя Марко Ченерино – не без помощи служившего при итальянском торгпредстве Каффи.

Как и в случае с Лубянской, теперь «моментом истины» стало убийство в июне 1924 г. фашистами парламентария Джакомо Маттеотти. В 1925 г., когда Муссолини, после некоторой заминки, приступил к резкому свертыванию демократии, Каффи стал писать резкие тексты против дуче, и, справедливо опасаясь расправы, в 1927 г. уехал – опять-таки легально – во Францию.

О жизни Каффи в довоенном Париже существует колоритное свидетельство Наталии Гинзбург (см. о ней выше):

Марио¹⁶ в Париже подружился с неким Кафи [sic]. Говорил только о нем. «Взошла новая звезда» – комментировал мой отец. Кафи был полу-русский, полу-итальянец, давно эмигрировавший в Париж и не имевший ни денег, ни здоровья. Он ходил битком набитый рукописями, которые давал читать друзьям, но никак не заботился об их издании. Говорил, что если вещь написана, то печатать ее уже не нужно. Надо написать, надо дать почитать друзьям и хватит. Нет никакой необходимости беспокоиться о тех, кто будет после нас, так как они ничего не значат. Что именно было написано в этих рукописях, Марио толком объяснить не умел. Говорил, что там «написано всё-всё». Кафи не ел. Жил одним мандарином в день, носил одежду в лохмотьях и распадавшиеся башмаки. Если же ему перепало денег, то он покупал изысканные яства и шампанское¹⁷.

шевиков!» <...> Это был прекрасный порыв молодых и горячих сердец, <...> дети Италии, с цветами и флагами, опьяненные успехом и прекрасной молодостью, с улыбкой на губах, с надеждой в сердцах, с будущим впереди»; см. *Бордато Э., Талалай М.* Под чуждым небосводом. СПб.: Алетея, 2009. С. 118.

¹⁶ Марио Леви, брат Наталии Гинзбург.

¹⁷ *Ginzburg N. Lessico familiare* [Семейные беседы]. Torino, 1963. P. 135-136.

*Удостоверение А. Каффи,
выданное в Тулузе в 1946 г.*

Кое-какие свои писания Каффи все-таки опубликовал – в те годы он сотрудничал с антифашистскими итальянскими изданиями, а как эрудит писал словарные справки в ряд энциклопедий.

Много сведений о парижской жизни Каффи – в первую очередь и послевоенной – можно почерпнуть из сохранившейся переписки Каффи с Туччи, жившем в Нью-Йорке. Двух италорусских литераторов сближало многое: русские корни

и итальянская почва, краткое увлечение идеями Муссолини и затем антифашизм и самоизгнание. Как и Каффи, Туччи уехал из муссолиниевской Италии с намерением при первой возможности вернуться на родину, но этого не сделал.

Со вступлением немцев в Париж Каффи перебрался на юг Франции, в зону марионеточного правительства Виши, живя попеременно в Марселе и Тулузе. Он участвовал, насколько мог, в Сопротивлении (в первую очередь, как публицист); подвергся раз аресту. На первых порах ему удавалось поддерживать отношения и с друзьями-социалистами из числа русских эмигрантов – с четой Осоргиных, поселившейся в Шабри, с В. Сержем, Б. Николаевским, В. Сухомлиным. Со временем русские эмигранты уехали далее, за океан, а на юге Франции сосредоточились многие итальянские антифашисты. Сотрудничая с ними, Каффи старался разделить текущий, практический антифашизм от его теоретической основы, резко обличая просоветски настроенных соратников. Для Каффи это была сложная задача, так как со своими антикоммунистическими убеждениями он выглядел как отступник от патриотического движения ле-

вых итальянцев. Эта проблема так и осталась для Каффи не разрешенной, однако вернувшись в Париж после изгнания нацистов он посвятил много усилий для прояснения своей позиции, не опасаясь проводить параллели между большевизмом и фашизмом.

Когда в 1955 г. Андрей-Андреа скончался в Париже, Гайто Газданов, его собрат по масонству, написал некролог (масонам вменяется в обязанность писать некрологи по собратьям). Газданов вспоминал, как после войны встретил Каффи в Париже в Латинском квартале:

Я узнал, что он принимал участие в движении Соппротивления в районе Тулузы, где он тогда жил. Сам он никогда не говорил об этом. В нем появилось нечто новое, чего не было до этих лет: враждебное презрение к тем, кто испытывал прогитлеровские или просоветские симпатии. Но это даже не носило характера чисто политического порицания. Это было именно презрением, обычно для Каффи чуждым, но в конце концов понятным со стороны человека, не допускавшего в известной области никаких компромиссов. В свое время, после революции, Каффи (итальянец по отцу, имел итальянское гражданство) представлял Италию в Москве. Но когда к власти пришел Муссолини, Каффи немедленно отказался от своего поста и уехал в Париж, где потом много лет вел трудную и бедственную жизнь политического эмигранта.

Я однажды сказал ему, что не понимаю, как такой человек, как он, может заниматься политикой. Это было еще в тридцатых годах¹⁸.

Один из знакомых Каффи, видный антифашист Никола Кьяромонте, определил его так: «Это был самый мудрый и самый праведный человек своей эпохи»¹⁹. Понятно, что с такими качествами в прошлом веке лучше было жить в

¹⁸ Газданов Г. Собрание сочинений. Т. 3. СПб., 2009. С. 174 (тот же Газданов рассказывал о Каффи на волнах Радио Свободы).

¹⁹ Н. Кьяромонти подготовил первый сборник политических эссе А. Каффи: *Caffi A. Critica della violenza* [Критика насилия]. Milano, 1966.

некой «берлоге», логове, нежели при правительственных офисах и университетских аудиториях.

На могиле Каффи на парижском кладбище Перлашез стоит краткая эпитафия «*Andrea Caffi / homme de letters*» [«литератор»], но вряд ли это может удовлетворить современника. В самом деле, Каффи как носитель профессии трудно поддается определению – как и во многом остальном. Его называют писателем, переводчиком, дипломатом, русистом, византинистом. Но, думается, что Каффи – типичный *мыслитель*, то есть представитель сферы, ставшей анахроничной в XX столетии.

АЛЕКСАНДР СКИРКО

Смертный приговор Саша Скирко получил 15 ноября 1944 г., находясь в заключении в Падуанской тюрьме. Но ни он, ни его союзники, ни даже его тюремщики об этом в тот момент не знали.

...Красноармеец из-под Днепропетровска, Александр Яковлевич Скирко, 1915 года рождения, попал в плен к немцам в мае 1944 г. и официально – по сию пору – числится на родине без вести пропавшим²⁰. Подобно другим военнопленным, Саша был услан на трудовые работы в Италию, бежал к антифашистам, однако особых подвигов совершить не успел, так как почти сразу попал в плен второй раз, теперь вместе с несколькими итальянскими юношами.

Их задержали в ноябре 1944 г. во время облавы на дезертиров в городке Гальциньяно, в доме уважаемого сеньора Эрнесто Челадина. Среди молодых людей, скрывавшихся от призыва в фашистскую армию, находился и сбежавший из плена Саша Скирко. Немцы за всеми ними не

²⁰ См. Общая База данных – Центральный архив Министерства обороны. Ф. 58. Оп. А-64238. Д. 22. Л. 44.

нашли особых «преступлений», держа до поры до времени в тюрьме. Дело даже не дошло ни до допросов, ни до следствий. Один из юношей, Эрнесто Джакомин, вообще не подлежал воинскому призыву и оказался в доме Челадина совсем по иной причине – он ухаживал за дочкой хозяина.

Однако 15 ноября их «преступление» свершилось.

В тот вечер немецкий солдат, квартировавший в Валлареге, предместье городка Торрелья, выйдя из дома, погиб под огнем автомата. Оккупационное командование произвело срочное расследование, арестовав с десятков местных жителей, сделав при этом вывод, что они, скорее всего, к казни солдата непричастны.

Но согласно принятой Вермахтом практике «око за око», в соотношении пять к одному, теперь следовало казнить пятеро итальянцев. Спешно посоветовавшись, нацисты решили на сей раз не трогать жителей Торрельи, а казнить пятерых заключенных в Падуе. В соответствии с пафосом вендетты казнить их надлежало там, где погиб немецкий солдат, на том же самом месте, и тем сам же самым способом – расстрелом²¹.

Каратели действовали решительно и организовано. Уже на следующей день, 16 ноября, они привезли в Валларегу пятерых узников – именно туда, где на земле еще оставались пятна немецкой крови, и залили их кровью итальянской. С ней смешалась и славянская кровь Саши Сирко.

Сцену вендетты обязаны были наблюдать все жители Валлареги, согнанные из своих домов²².

²¹ О казни А.Я. Сирко сообщает также М. Галлени, указ. соч., стр. 188 (однако он назван тут как Александр Васильевич Сирко).

²² Описание казни опубликовано одним очевидцем, подписавшимся псевдонимом Euganeus, т.е. житель Эуганских холмов; см. *L'eccidio di Vallarega [Гибель в Валлареге] // Il Gazzettino, 15.11.1945*. Статья перепечатана в форме брошюры муниципалитетом Торрельи в ноябре 2014 г., к 70-летию трагического события. Местные кинолюбители сняли тогда же документальный фильм «1944: L'eccidio di Vallarega, la Seconda Guerra Mondiale nei Colli Euganei [1944: Гибель в Валлареге, Вторая Мировая война на Эуганских холмах]».

...Расстрел назначили на четыре часа пополудни, и время было точно соблюдено. Когда к месту казни приехал открытый грузовик со связанными узниками, здесь уже собралась притихшая толпа, среди которых были местный священник, для последнего напутствия, и врач, для констатации смерти. Среди пятерых смертников сразу же заметили жителей соседнего селения, Гальциньяно. Один из них, хозяин дома, где провели облаву, почтенный сеньор Эрнесто Челадин, закричал своим знакомым – «Заступитесь за меня, я ничего не делал!». Его крики заглушили удары прикладов.

К осужденным подвели падре Бальдассаре Джирарди, местного кюре, который прочитал разрешительную молитву и перекрестил всех пятерых, включая красноармейца Сашу.

Раздались команды и треск автоматов. Палачи оставили трупы лежать на земле, намереваясь затем похоронить их в тайном месте.

Однако экзекуция не закончилась. В ней – уже по своему собственному почину – решил поучаствовать капитан СС фон Лембке, из комендатуры в Торрелье. В тот момент там содержали под стражей еще двух партизан, которые отказывались сообщать свои имена. Узнав о готовящейся вендетте, фон Лембке отвез двух людей в Валларегу и там их казнил.

Он же приказал трупы – теперь их стало семь – не хоронить, а повесить на вековых платанах, что горделиво возвышались на главной аллее предместья.

Трупы висели более недели, затем – вняв протестам местного священника – казненных сняли и похоронили. Немцы благосклонно разрешили родственникам забрать тела своих близких, лишь Александра Скирко и двух неизвестных по имени партизан похоронили поблизости, на сельском погосте.

Следующей весной платан, на котором висело тело юноши Эрнесто Джакомина, который так не вовремя зашел к своей девушке, не процвел и засох. В народе это сухое дерево прозвали «деревом невинного».

На родине Саши, в селе Николаевка Петропавловского района Днепропетровской области, он продолжал считаться без вести пропавшим.

В Валлареге его имя – Alessandro Skirko – высечено на памятной стеле. В верхней ее части стоит надпись: «О Дева Мария! Да станет пролитая кровь мучеников тем маяком, что осветит благой путь к человеколюбию». Ее сочинил тот самый священник, что благословил трагический переход Александра в иной мир 16 ноября 1944 года²³.

МАГДАЛЕНА ГИРШ

Магдалена (в Италии ее звали на французский лад, Мадлен) Гирш последние годы проживала на окраине Флоренции, в красивой вилле над Болонской дорогой. Ее дом был полон русскими реликвиями, с «балтийским акцентом», так как Магдалена выросла в Таллине, когда Эстония еще входила в состав Российской империи. В конце 1990-х гг. она принялась за мемуары и охотно «прорабатывала» их вслух своим гостям.

Мать мемуаристки, француженка Анриетта, при выходе замуж за эстонца Мартина Гирша, поставила одно условие – «жить в столице» — не в Таллине, конечно, а в Петербурге. Что и было исполнено, но когда столица бывшей империи переехала в Москву, а «белый» Петербург стал «красным» Петроградом, Гирши вернулись в Эстонию, а дочка Мадлен вышла замуж за итальянца, кадрового офицера.

Устные воспоминания Мадлен, которую все знакомые прозывали Маммоной, были набраны ее приятельницей на компьютере и распечатаны тиражом в несколько десятков экземпляров. По одному экземпляру машинописи де-

²³ Пользуясь случаем, выражаю благодарность жителям городка Гальциньяно, Владимиру Асмирко и Уго Крешенцио, обратившим мое внимание на мемориал казненных в Валлареге.

понировано в Национальной библиотеке Флоренции и в Посольстве Эстонии в Италии²⁴.

Для любителя отечественной истории, вне сомнения, интересны первые главы ее мемуаров – о Ревеле-Таллине, о дореволюционном Петербурге, где брат ее деда, Густав Гириш, дослужился до положения придворного медика Александра III, а также глава о сотрудничестве Мадлен во время Второй мировой войны с беглыми советскими военнопленными, примкнувшими к партизанам. Эту часть нам удалось опубликовать²⁵.

Мемуристка эпически начинает свой рассказ: «Я родилась в Эстонии, далеком краю бывшей царской России. В те давние времена мой город назывался Ревель. Это был важный порт, особенно военный»²⁶.

*Магдалина Гириш
в болгарском национальном
костюме на балу в доме
владельца хлебозавода
Роттермана. Таллин, 1925 г.*

²⁴ Итальянский текст выложен также на нашем сайте «Русская Италия»: www.italy-russia.com/it/2014_07/bellandi-madlen

²⁵ Белланди М. Воспоминания о жизни / пред. и публ. М. Талалая // Проблемы истории Русского зарубежья. Материалы и исследования. Вып.2. М.: Наука, 2009. С. 376-384.

²⁶ Краевед из Таллина Юрий Мальцев нашел метрики о рождении автора мемуаров: отец Martin Johannes Hirsch, присяжный поверенный, мать Jeanne Margeruite (Анриетта, видимо, – домашнее имя) Sieger; сама Магдалена родилась в Ревеле, крещена в лютеранстве в Николаевской немецкой, купеческо-ремесленнической по приходу церкви (т.н. Нигулисте).

Опустив, однако, первые страницы биографии, обратимся к военным годам.

В 1929 г. Магдалена Гирш вышла замуж за кадрового итальянского военного, Альфредо Белланди, флорентийца родом. Офицер-пехотинец, первоначально он находился в Южном Тироле, в его столице Больцано, куда прибыла и Магдалена. В 1935 г. мужа – в качестве картографа – командировали в Эфиопию, куда после окончания войны поехала и жена. Когда началась Вторая мировая война, семья, потерявшая в Африке первенца, вернулась в Италию: муж, к тому времени уже полковник, был назначен командиром охранного подразделения на тосканском берегу Тирренского моря, близ Гроссето.

Магдалена в своих мемуарах описывает развал итальянской армии после 8 сентября 1943 г., когда «король бежал из Рима». Солдаты были предоставлены сами себе, как и офицеры. Однако, если рядовые преимущественно разошлись по домам, то офицерам пришлось делать выбор. Были среди них и германофилы, которые искали связи с вступившими в Италию немецкими войсками и уходили к ним. Альфредо Белланди сделал противоположный выбор, посчитав необходимым следовать приказу маршала Пьетро Бадольо:

В октябре 1943 года мы переехали в Питильяно, где прожили десять непростых месяцев, так как шла война. Три раза нам пришлось менять квартиры, ибо нас выставляли вон. Нас много проверяли и подозревали неизвестно в чем. Сразу после прибытия в Питильяно, мой муж принялся организовывать солдат, оставшихся там. В основном, это были сицилийцы, которые не могли вернуться домой из-за линии фронта. И таким образом мы стали первыми группами, называвшиеся в то время «бадольцы», по имени генерала Бадольо, ставшего во главе правительства. К сожалению, король и члены правительства оставили Рим, и вся страна находилась на грани распада.

В то время нас еще не называли партизанами. Партизанами нас позже стали называть немцы. На дороге Аурелия, где контролировались все выходы, ведущие вглубь страны, были уста-

новлены дорожные знаки *Achtung Partisanen*. Военным было опасно передвигаться по этим дорогам. Мы не вели непосредственно войну с немцами, так как были слишком малочисленны. Мы должны были готовиться оказать сопротивление немецким войскам, если они оставили бы юг и центр, отступая на север: должны были бы взрывать мосты, устанавливать противотанковые заграждения на внутренних дорогах. Среди нас были также и русские пленные, сбежавшие из итальянских тюрем. С ними разговаривала я, знавшая русский язык. И таким образом я тоже оказалась участницей Сопrotивления.

Однако немцы, а также и [фашистская] милиция, в конце концов, начали подозревать моего мужа в том, что он руководил подразделением военных. Его палатка находилась в роще Амона. Я же с детьми оставалась в Питильяно, и когда нам необходимо было встретиться, я отправляла к нему посыльных, он приходил ночью, и мы обсуждали наши действия и планы.

Наш район являлся частью провинций Гроссето, Витербо и Сиена. Ближе к морю находилось Морское Финансовое подразделение, сотрудничавшее с нами. От него мы получали информацию. На озере Больсена находилась группа авиационных техников, занимавшихся расшифровкой секретных сообщений. Таким образом, мы были всегда хорошо информированы.

Находившиеся среди нас русские саперы хорошо разбирались во взрывчатых веществах. Минировать мосты ходили они, к тому же привыкшие к холоду, и даже зимой ныряли в ледяную воду, чтобы заложить бомбы под мост. Когда немецкие часовые видели действия русских, то они удирали со всех ног, чтобы не попасть под взрыв.

Нам помогали также итальянские офицеры, находившиеся здесь. Один из них, лейтенант подразделения по снабжению, по профессии преподаватель итальянского языка и литературы, был принят на работу в среднюю школу в Питильяно, и одновременно продолжал оказывать поддержку партизанским группам.

Фашистская полиция и милиция догадывались о существовании партизанского движения. Однажды унтер-офицер карабинеров явился в наш дом, и меня увели как заложницу, так как они думали, что для моего освобождения явится мой муж, за которым давно охотились. Меня привезли в полицейское управление

в Гроссето. К счастью, начальник полиции был человек, который вел двойную игру. Он делал вид, что работает на фашистов, но в то же время он помогал нам. В конце концов ему удалось освободить меня, при этом он повторял: «Да разве можно арестовать бедную женщину с тремя маленькими детьми, на кого оставить детей?». И в тот же день к вечеру, меня привезли домой. *(Перевод с итал. Веры Тарасенковой).*

Альфредо Белланди, установив связь с римским Комитетом освобождения, по согласованию с ним попытался как-то легализовать свое подпольное существование и отправился в военный госпиталь в Сиену, где у него были друзья, выправившие фальшивые справки о его многомесячном пребывании в госпитале и, следовательно, невозможности участия в партизанском движении. Однако при проверке фашистских властей он всё равно показался подозрительным и был задержан и отправлен под домашний арест во Флоренцию.

Тем временем в Питильяно расположился немецкий отряд, однако это были не военные, а... профессиональные колбасники, которые готовили из реквизированного мяса колбасу для Вермахта. Мужу удалось вернуться из Флоренции к семье, однако в тот момент через Тоскану потянулись отступавшие немецкие войска – при облаве муж был вновь арестован, теперь уже эсэсовцами. Вся семья оказалась им подозрительной и супругов, вместе с семьей, отправили на военном грузовике во Флоренцию, где оставив их в собственном доме, прикрепили на двери надпись «К вывозу в Бухенвальд». В тот же день Альфредо и Магдалина, воспользовавшись отсутствием охраны, тайно ушли, вместе с детьми из собственного дома.

У Альфредо существовали связи с подпольем – через римский Комитет Освобождения – и он получил возможность разместиться на конспиративной квартире во Флоренции. В течении нескольких месяцев он не выходил из дома, т.к. на улицах шли облавы. Но однажды Магдалина увидела из окна отряды канадских солдат в «огромных зеленых беретах». Война закончилась...

Освобождение Флоренции в августе 1944 г.

Итальянская армия больше не существовала, и мой муж, офицер высшего эшелона, вышел в отставку. Пенсия в те времена была очень маленькой, поэтому мы испытывали финансовые затруднения, и мой супруг, к своему большому огорчению, был вынужден продать некоторые самые замечательные почтовые марки из своей коллекции. Он безуспешно пытался найти какое-нибудь занятие, чтобы улучшить наше положение, но для человека, бывшего всю жизнь военным, было трудно найти работу в гражданской системе, и ему ничего не удалось. К тому же, это было время, когда процветал черный рынок и незаконные махинации, потому что вся экономическая система находилась в глубоком кризисе. Царил хаос, и невозможно было нормальным образом осуществлять какую-либо деятельность. В 1954 г. я стала вдовой... *(Перевод с итал. Веры Тарасенковой).*

СЕРГЕЙ КАСМАН

С. Касман, 1930-е гг.

Сергей Касман никогда не был на русской земле, которую, тем не менее, считал родной. О его тяге к России осталось немало свидетельств – воспоминания родных и близких, письма, и, в первую очередь, – цикл стихотворений, где он в художественной форме выражал свою врожденную ностальгию. Это была любовь без каких-либо политических пристрастий:

Не злащенные башни Кремля,
Не гордого имперского орла,
Не гулкую Красную площадь,
Я люблю у тебя, моя Родина²⁷.

Чувство к России питалось ее грандиозностью, величием её реки – Волги (о которой у Сергея есть специальное стихотворение), древностью ее столицы:

²⁷ Перевод с итал. стихотворений С.Касмана здесь и далее – М. Талалая.

Я склоняюсь пред тобой, Москва,
Ты чаешь бессмертия,
Тебе, Рим Востока –
Мой гордый привет!

Заметим, что эти строки Сергей писал в конце 30-х гг., во время фашистского угара, когда Рим, «светоч цивилизации», официальной пропагандой противопоставлялся «варварской» советской столице.

Стихотворение, навеянной поэмой Лермонтова «Мцыри», приведем целиком:

Мцыри, я увидел
Горы Кавказа:
Грузия предстала
Зелеными долинами,
Над которыми сияли
Белоснежные пики.

Я увидел, Мцыри, твой край:
Горячая жажда свободы,
Чистый воздух, пахучий ветер
Зажгли мою кровь.
Жизнь может быть мгновением,
И потом не жалко, Мцыри.

Как и ты, Мцыри, я родился
Не в родной стране,
У меня, как и в твоём сердце, –
Мечта о безграничных горизонтах.
Кто узнал величие твоей земли,
Россия, не может жить далеко.

И ты меня зовешь, зовешь...
У меня в сердце звучит твой зов.
Как и ты, Мцыри, хочу бежать
К моим равнинам,
Как и ты, хочу бросить
Мое тело в горные потоки.

Я увидел, я увидел
Цвет твоих небес.
Я услышал звон колоколов
В горных деревушках.
Как и ты, Мцыри, как и ты,
В той земле хочу лечь.

Эти и другие стихотворения юноши, в том числе лирические циклы, при жизни не увидели свет – Сергей писал их исключительно по зову души, да и время шло совсем не поэтическое.

Артистизм Сергей был заложен, вероятно, с отцовской стороны: его отец, Иван Осипович Касман²⁸, всю жизнь увлекался искусством, в первую очередь, оперой, мечтая стать профессиональным композитором. Жизненные обстоятельства этой мечте не способствовал, но Иван попыток не оставлял – до самой смерти.

Иван Касман родился в украинском городе Негине в 1886 г. в еврейской семье, принявшей христианство. Его культура, в особенности, музыкальная, сформировались в лоне великой русской традиции. Юношей он часто ездил в обе российские столицы и в Киев, проводя все вечера в театрах. Ужасы Гражданской войны вынудили его бежать в Европу, и в 1919 г. он оказался в Турине. Только что закончилась Первая мировая война, жизнь в Италии начинала входить в нормальную колею, столь отличной от взвихренной России. В Турине Иван познакомился с юной итальянкой – Марией Скала. Молодой человек – ему было чуть более 30 лет – уже вписался в итальянскую среду, приняв католичество и открыв лавку портного. Обвенчавшись, молодые люди переехали в Геную, где у Ивана возникла хорошая клиентура. В 1920 г. на свет появился первенец, которому дали имя – Серджио-Сергей: родители посчитали, что это имя почти одинаково звучит как и в русском, так и в

²⁸ Вероятно, в России фамилия прежде писалась как Кацман, но в настоящее время принята транслитерация итальянского Casman как Касман (однако произносится Казман).

С. Касман, 1930-е гг.

итальянском обиходе. Семейные хлопоты – вскоре появилось еще двое сыновей, Марчелло и Роберто – не мешали Ивану Осиповичу трудиться над воплощением своей мечты, и к середине 20-х гг. он завершает сочинение оперы «Сын статуи». Он же сочинил и либретто – уже на итальянском языке, где главный герой, внебрачный сын русского барина, не имея возможности общаться со своим отцом, живет в «тени» его статуи... В Италии, впрочем, оперу поставить не удалось, и ее автору пришлось дожидаться нового жизненного витка – новой эмиграции, на сей раз за океан...

Семья Касманов жила обычной бюргерской жизнью. Сыновья благополучно росли, для их спокойного детства Иван и Мария решили переехать из портовой Генуи в тихий курортный городок – Кьявари. Однако юность нового поколения Касманов пришлась на трагичный период: консолидацию режима Муссолини и его сближение с нацистской Германией. В 1938 г. в Италии также вводятся расовые законы, и Иван Касман, несмотря на свой итальянский паспорт и католичество, чувствует себя гонимым и решает на крайний шаг – оставляет семью в Италии и бежит как можно дальше, в Америку, обещаясь сделать всё для скорейшего воссоединения... Но оно никогда не произошло.

Сергей-Серджи уже достиг призывного возраста. В начале 1940-х гг. он закончил военное училище в чине лейтенанта артиллерии, но воевать с врагами Италии ему не пришлось: 8 сентября государство вышло из войны, предоставив армии самой решать свою судьбу. Военнослужащие вернулись домой – но не все: на Апеннинский полуостров вторглась Германия, в одночасье превратившаяся из союзника в сурового хозяина.

Как и многие другие молодые офицеры, Сергей решил не подчиняться нацистам и их марионетке – правительству Муссолини в городке Салó, и ушел в подполье, одним из первых: позднее он получил прозвание «первоцвет» (примула) Соппротивления²⁹. Так называемое «перемирие» застигло его в Генуе, но лучшим местом для применения своих идей и сил он посчитал Милан – северную столицу Италии. Именно здесь в тот момент сформировался главный штаб Соппротивления, и Сергей – теперь «командир Марко» – установил связь с главой миланских подпольщиков, Нино Баччагалуппи.

Определилось и поле деятельности – вызволение арестованных противников режима. Итальянских офицеров и солдат, отказывавшихся от сотрудничества с республикой Салó и с Вермхатом, отправляли в немецкие концлагеря – именно этих людей, которым грозила депортация, а также пленных американцев и англичан Сергей Касман уводил из мест заключения, потаенными тропами переправляя в безопасные места, по большей частью – в Швейцарию.

Политически он примыкал к движению «Giustizia e Libertà» («Справедливость и свобода»), в среде которого формировались небольшие группы подпольщиков – SAP (Squadre di Azione Patriottica, Эскадроны патриотического действия). Смелость и атлетизм Касмана стали основой его назначения главой миланской штаб-квартиры «Giustizia e Libertà», когда ему было всего лишь 24 года.

Несколько раз «Марко» совершал особе дерзкие действия. Летом 1944 г., переодевшись немецким офицером, с подложными документами, он явился в главную миланскую тюрьму – Сан Витторе – и увел оттуда группу товарищей. По такой же схеме – в форме капитана «СС» – он вызволил из-под ареста своего младшего брата, тогда еще подростка, Роберто, задержанного в Кьявари. (Другой брат, Марчелло, также участник Соппротивления, пропал без ве-

²⁹ Так называется и монография о Сергее Касмане: Bertelloni M. Sergio Kasman. La primula rossa della Resistenza [Красный первоцвет Соппротивления]. Milano: Res Editrice, 1984.

сти – как предполагают, он погиб в рядах французских маки).

Нацифашисты решили схватить подпольщика и устроили ему ловушку. Сломив волю одного арестованного подпольщика, они с его помощью позвали Сергея на операцию в центре Милана – якобы по вызволению товарища. Осознав, что попал в западню, Сергей оказал сопротивление и пытался бежать. Когда-то раз, во время облавы, ему это удалось – но теперь пуля сразила насмерть подпольщика. Это произошло на людной площади – пьянице Лаватер, где теперь установлена мемориальная доска.

Посмертно ему была присвоена высокая награда «Золотая медаль за воинскую доблесть». Родной город, Кьявари, назвал его именем бульвар – *Viale Sergio Kasman*.

Подвиги и имя Сергея Касмана остались почти неизвестными в России, так как он считался героем исключительно итальянским. О его русских корнях стало известно не так давно³⁰.

³⁰ Сведения о Сергее Касмане предоставил его брат Роберто Касман (г. Кьяваре), за что ему выражается признательность. В 1970-е гг., когда инженер Р. Касман пребывал в длительной командировке на ВАЗе в г. Тольятти, проходивший там же практику студент московского Института иностранных языков Сергей Гринблат собрал материал для своей дипломной работы «Серджо Казман, поэт-партизан», которая осталась неопубликованной. Нам о русских корнях итальянского героя-подпольщика сообщила русистка Анна Мария Канепа Мордаччи.

**АЛЕКСАНДР УЛИТИН,
ОН ЖЕ ЙОЗЕФ РУДМИК, ИНАЧЕ «ГОРЬКИЙ»***

*Новобранец Александр Улитин,
г. Новоград-Волынский, июнь 1941 г.*

Шел апрель 1941 г., последние месяцы мирного времени, когда 20-летнего Сашу Улитина призвали в Красную Армию. Перед отъездом, как полагается, в деревне Сухоноска (Ковернинский район Нижегородской области) устроили отвальную. На следующий день отец мобилизованного, Василий, обняв на прощание сына, сказал: «Может, Саша, мы больше не увидимся...». Слова оказались пророческими...

Новобранца отправили на Украину, в город Новоград-Волынский. В ночь с 21 на 22 июня его в первый раз по-

* Автору не удалось лично встретиться с Александром Васильевичем Улитиным. Сведения о его судьбе взяты из мемуарной книги партизана (*Ulitin A. Dal Volga al Livenza. Racconti di un partigiano russo in Italia* [С Волги до Ливенцы. Рассказы русского партизана в Италии] / a cura di R. Camilotti e R. Peressini. Vittorio Veneto – Pordenone: ISREV – ISTRIB PN, 2008), а также из телефонных бесед с его сыновьями Клаудио и Алессио Улитиными (ветеран последние годы уже не принимает посетителей).

ставили на ночное дежурство, и Александр с удивлением увидел необыкновенное возбуждение среди красных командиров: один из них чуть погодя объяснил трагическую причину.

Через несколько дней пришел приказ отступить на восток: солдаты ушли из казармы, взяв с собой самое необходимое; всё остальное, в соответствии с другим приказом, сожгли. Несколько месяцев Александр, вместе с группой солдат, пытался пробраться – пешком – как можно далее от фронта, но немецкие войска двигались быстрее и вскоре Улитин обнаружил себя на оккупированной территории. Его поймали украинские полицаи, которым он тоже представился как украинец, «Александр Скороход». Все документы красноармейца он к тому времени уничтожил: беспаспортного «Скорохода» отправили в Киев, а от туда – на принудительные работы в Германию.

Вместо Германии поезд с «остовцами» прибыл во Францию, в городок Ланс (близ бельгийской границы), где добывали уголь. В администрации лагеря, наряду с немцами, работали русские «белоэмигранты», симпатизировавшие угнанным рабочим.

*«Йозеф Рудмик»,
г. Берк-Пляж, Франция,
1942 г.*

Порядки в лагере не были строгими – Улитин мог выходить в город, где познакомился с жившими там поляками, уехавшими в 1920-е гг. ради работы на шахтах. Они все говорили по-русски и тоже дружелюбно относились к Александру. После нескольких визитов в город «остовец» нашел нужных людей для побега.

Уйдя из лагеря, укрывавшись в разных домах, он получил от новых польских друзей фальшивые документы на имя некоего Йозефа Рудмика, поляка-эмигранта, родившегося во Франции в 1919 г. Особенно ему

помогла семья поляков Стеницких, у которых он жил в течение двух месяцев. Однако надо было куда-то перебираться из Ланса и по совету Стеницких Александр отправился, поездом, на берег Ла-Манша, в курортный городок Берк-Пляж, где сооружались новые дороги и требовались рабочие. Проработать там, среди других поляков-эмигрантов, удалось недолго, так как во время облавы немцы его задержали и отправили в Берлин, в распределительный лагерь.

Берлинский лагерь охраняли украинцы-коллорационисты³¹, и согнанных людей рассылали оттуда по разным странам, согласно планам «Todt»³². Группу, куда попал «Йозеф Рудмик», отправили в Италию – в тот момент, осенью 1943 г., павший, но спасенный немцами Муссолини, устраивая, по их воле, «Итальянскую Социальную республику», испросил у Третьего Рейха разного рода помощь.

Шла осень 1943 года. Подневольных рабочих привезли из Берлина в Северную Италию, в городок Витторио-Венето, а затем в Сачиле (регион Фриули). При распределении на работу «Йозеф Рудмик» объявился плотником. Его послали на большую мебельную фабрику, выполнявшую и заказы для Вермахта – по изготовлению разного рода фургонов, ящиков, чехлов. «Рудмик», как работник «Todt», имел возможность свободного перемещения по городу, где познакомился с местными молодыми людьми, в том числе с Идой Пиччинин, которая позднее стала его женой. Не раскрываясь, что он русский, «Йозеф Рудмик» попросил Иду связать его с антифашистами – именно в тот момент многие ее земляки уходили в горы...

На мебельную фабрику «Рудмик» не вернулся, скрываясь в окрестностях Сачиле. Итальянцы помогли соорудить ему в одном овраге шалаш, где он и прожил какое-то время. Еду ему доставляла Ида Пиччинин – ее брат пропал

³¹ Здесь автор мемуаров делает следующую ремарку: «Украинцы всегда были националистами и ради собственных интересов были более готовы помогать немцам, чем русским» (*Ulitin A. Op. cit. P. 42*).

³² *Todt* – нацистская военно-строительная организация, названная по имени ее организатора (в 1938 г.) Фрица Тодта.

*Обелиск в память сражения
на горе Коль-Альт
(сентябрь 1944 г.),
в котором участвовал Улитин*

без вести на одном из европейских фронтов, и она не раз говорила, что «если поможет чужеземцу, то кто-то поможет ее брату».

Вскоре «Рудмик» установил связь с партизанами и ушел с ними в горы. Здесь он открыл свою идентичность, после чего ему дали боевое прозвище – Горький: в память о популярном писателе и о городе, близ которого Александр родился. Партизана «Горького» включили в состав батальона им. Лучано Манара³³, базировавшегося на высоко-

горье Кансильо. Командовал батальоном партизан «Витас» (Джузеппе Джуст), который устраивал диверсии на железных дорогах и воинских складах в долинах. Батальон им. Лучано Манара входил в более крупный корпус – т.н. дивизию «Альпийских охотников».

Летом 1944 г. немецкое присутствие в Северной Италии значительно усилилось – в том числе за счет формирования, отступивших с Восточного фронта. В начале сентября немцы, вместе с итальянцами-фашистами, устроили массированное прочесывание региона Фриули: на горе Коль-Альт развернулось сражение, во время которого Александр был ранен (сейчас место сражение отмечено мемориальным знаком). Атака нацифашистов была отбита.

³³ *Luciano Manara* (Милан, 1825 – Рим, 1849), итальянский патриот, пал при защите «Римской Республики» от франко-неаполитанских войск.

Однажды «Горький» получил задание совершить новую диверсию – воспрепятствовать строительству нового железнодорожного моста. Совершая разведку, он обнаружил, что строили мост рабочие, угнанные преимущественно с Украины. Ему удалось проникнуть к ним и убедить их бежать от немцев. Особой охраны у рабочих не было и спустя несколько дней они – числом 29 человек – ушли с ним в горы. В итоге под началом «Горького» оказалось значительный контингент партизан, не только русских и украинцев, но и поляков и французов – и он получил разрешение организовать, в рамках дивизии, свой собственный батальон, имени Сергея Кирова – название выбрал сам Александр. Командиром батальона, однако, назначили более опытного Василия Трифонова³⁴, в то время как «Горький» стал политическим комиссаром.

Партизанам, в том числе русским, не раз помогал живший в тех краях молодой граф Брандо Брандолини д'Адда (1918-2005)³⁵, который снабжал их лошадьми, провизией, размещал на ночлег.

Александр удавалось спускаться и в Сачиле, к Иде, которая стала его близкой подругой. Эти посещения, очевидно, были замечены, и девушку арестова-

В.Ф. Трифонов

³⁴ Василий Филиппович Трифонов родился в 1919 г. на Тамбовщине. В 1941 г. попал в плен, был контужен, и после лагерей бежал в Италию к партизанам, войдя в состав батальона «Коан» дивизии «Альпийских охотников», затем командовал батальоном «Киров». Репатриировался. Однако, по свидетельству родных, «о войне ничего не рассказывал, так как после контузии ничего не помнил» (<http://moypolk.ru/soldiers/trifonov-vasiliy-filippovich-01>). Умер 1 февраля 1991 г. в Иглинском р-не республики Башкортостан.

³⁵ После войны граф Брандо женился на Кристине Аньелли, сестре Джанни Аньелли, владельца туринского автомобильного концерна «Фиат».

ли немцы, которые подвергли ее строгому допросу. С пристрастием допрашивали и ее отца. Предполагали, однако, что Ида была в интимной связи с одним из вновь прибывших русских рабочих-мостостроителей, которые бежали к партизанам. Ее выручила беременность, уже 8-месячная, в то время как бригада рабочих объявилась в этих краях всего лишь тремя месяцами ранее. Немцы прислушались к подобным доводам и отпустили ее.

Батальон «Киров» действовал автономно: он располагался ниже остальных партизанских групп, формируя некую линию фронта. Трифонов с Улитиным сами разрабатывали планы диверсий – с Александром часто спускался вниз его приятель Михаил Коминков, по прозвищу «Темпораль» (т.е. «ураган», «гроза», «шторм»). Партизаны нападали на автоколонны, казармы, склады.

В начале апреля 1945 г. война в этих краях закончилась: нацифашисты отступили за Альпы, и во фриуланские села и города вошли партизаны, еще до появления союзников. Батальон «Киров» был распущен и его воины, по приказу командования дивизии, ушли к союзникам. Во Фриули остался только Александр: через несколько недель Ида должна была родить их сына, получившего имя Клаудио.

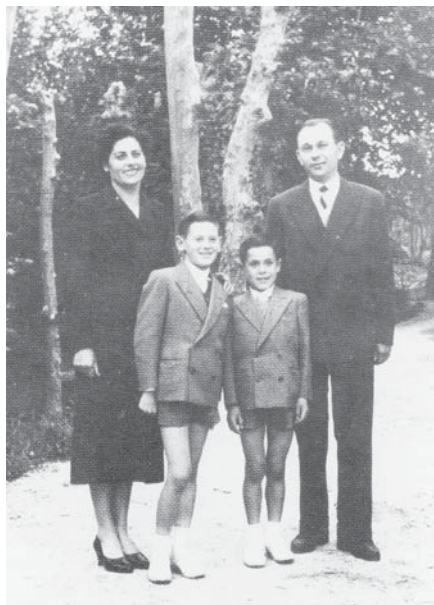
Его русских и украинских товарищей по оружию летом 1945 г. отправили в Апулию, где был организован пересыльный пункт перед отправкой в СССР. Один раз Улитин навестил их. И он желал репатриироваться, но этому воспрепятствовала Ида. Александр вернулся в Сачиле, устроившись, в конце концов, работать на той мебельной фабрике, где прежде был подневольным столяром.

В 1946 г. они официально поженились с Идой, спустя год появился второй сын – Алессио. Однако остаться в Италии оказалось делом непростым. Некоторое время Иде и Александру отказывали в регистрации их брака, утверждая, что все русские должны были репатриироваться в СССР. Затем, весной 1948 г., во время эпохальной предвыборной баталии между демо-христианами и коммунистами, Улитина посадили на несколько месяцев в тюрьму в Удине, в качестве превентивного ареста: бывший политрук

батальона им. Кирова, по прозвищу «Горький», казался властям подрывным элементом. Когда, однако, и после победы демо-христиан Улитина не освобождали, тот разослал письма местным епископу, префекту и следователю, где говорилось: «Вы победили на выборах с перевесом в десять миллионов голосов, так отпустите меня домой, где меня ждет семья с двумя малышами». Вскоре он вышел на свободу.

Ностальгия не проходила, и после смерти Сталина, в 1955 г. Улитин убедил-таки жену уехать в родную Сухоноску. Супруги, не без трудов, выправили все необходимые документы, паспорта, визы. Сколотив огромный контейнер, Александр сложил в него всё скопленное достояние, утварь, одежды и отправил в свою деревню. Контейнер в Сухоноску пришел, но его содержимым Александру воспользоваться не довелось. Когда репатрианты находились на пересадке в Вене, Ида серьезно заболела и настояла на возвращении в Италию. В местной прессе этот эпизод представили в духе Холодной войны: Улитин якобы по пути в СССР «прозрел» и решил не «терять свободу». Александр отрицал идеологическую подоплеку своего «невозвращения», но тем не менее решился посетить Сухоноску уже только в 1992 г.

В свободное время Александр занимался любительской живописью, преимущественно на темы военного прошлого. Большинство картин, которым он не предавал значения, не сохранилось. На одной уцелевших изображен

*Ида, Клаудио, Алессιο и Александр,
г. Сачиле (Фриули), 1955 г.*

трагический эпизод: 12 сентября 1944 г. немецкие каратели казнили, близ Сачиле, молодого партизана-коммуниста Антонио Перуха, из батальона имени Антонио Грамши. Петлю для повешения нацисты заставили изготовить его мать... После гибели Перуха батальон стали называть его именем, а после падения нацифашизма в Сачиле в честь героя назвали улицу – via Antonio Peruch.

*«Казнь партизана Антонио Перуха»,
картина А.В. Улитина, 1950-е гг.*

В Италии Улитин признан героем Сопротивления: в 1980 г. город Витторио-Венето присвоил ему почетное гражданство. У него не раз брали интервью, а в 2000-х гг. Ренато Камилотти и Ренцо Перессини, авторы ряда публикаций по истории партизанского движения, во время ряда встреч собрали воспоминания ветерана и издали книгу «Dal Volga al Livenza» [С Волги до Ливенцы].

ЛЕВ ШУМИЛОВСКИЙ

*Людмила и Лева Шумиловские,
Ленинград, 1927 г.*

Леву Шумиловского увез в Италию дедушка, один из богатейших русских купцов, основатель полотняного производства в городе Вязники, Сергей Иванович Сеньков (1848-1934)³⁶. До революции весь городок находился под его тяжелой дланью: на его фабрике работала половина населения. Большевики отняли фабрику, переименовав ее в честь Парижской коммуны (в конце XX в. ей вернули название Сеньковская мануфактура), и разорили купеческое гнездо. Сеньков эмигрировал в Италию. Дочь фабриканта Людмила (1898-1983) вышла замуж за сына местного свя-

³⁶ См. о нем: *Талалай М.Г.* Размышления бывшего фабриканта: С.И. Сеньков в Италии // Люди и судьбы Русского Зарубежья. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, ИВИ РАН, 2011. С. 210-219. О семье Сеньковых существует книга, написанная внучкой С.И. Сенькова и племянницей Л.Н. Шумиловского, Людмилой Чеккини-Корради (которой приношу благодарность); см. *Cecchini Corradi L. I Sen'kov. Una storia di famiglia* [Сеньковы. История семьи]. Firenze: Maremmi Editori, 2008.

щенника, Николая Шумиловского и уехала в колыбель революции, Ленинград. Здесь и родился в 1924 г. Лева.

Однако семейная жизнь у молодых не заладилась, Н. Шумиловский, который впоследствии сделал блестящую карьеру как ученый (он организовал и возглавил в системе Академии наук Прикладной институт автоматике), болезненно ревновал, и жена в 1926 г. сбежала к отцу в Италию, в Рапалло – в те годы двери СССР еще не вполне захлопнулись.

При Муссолини Лев Шумиловский вел себя неразумно – писал письма родным с коммунистическими призывами – их прочитала цензура, однако особых проблем у юноши не возникло. С началом войны его как и других граждан «враждебных государств» сослали в глубинку в городок Асколо. Оттуда он в 1943 г. бежал в горы, примкнув к партизанам-гарibaldiйцам.

*Партизан Лев Шумиловский,
осень 1943 г.*

Вероятно, это были самые счастливые годы Льва – ему 20 лет, он представляет могучую страну и борется с итальянцами-единомышленниками против общего врага, нацифашизма.

По окончании войны он все более чувствовал себя «советским», и отказывается идти на военную службу в Италию. Перед ним ставят альтернативу – либо итальянская армия, либо репатриация в СССР. Он выбирает второе...

Однако коммунистических убеждений было недостаточно. Сначала его с 1951 г. держат в фильтрационном лагере в ГДР, а при

приезде в СССР в 1955 г. отсылают в ссылку – в Самарканд. Там он пытается поддерживать связи с родными, но неосторожно просит прислать ему итальянские журналы – переписку обрывают. Несмотря на то, что Шумиловский был членом компартий Италии и ГДР, в КПСС его не приняли...

Он бежит из Самарканда и нелегально пробирается в Вязники, туда, где некогда дед был главным человеком в городе. Но у него нет прописки и работу ему не дают. Отец – тогда уже крупный советский ученый – ему не помогает, так как занят третьей по счету семьей.

Бывший партизан живет как бродяга, спит в бараках. В местечке Бурино, где по иронии судьбы жили военнопленные итальянцы, он умирает в 1974 г., в возрасте всего лишь 50 лет.

НУРИ АЛИЕВ

Н. Алиев, середина 1940-х гг. Публикуется впервые

При обработке метрик русской Никольской церкви в Милане в книге крещений за 1946 г. обнаружилось за весь год всего три записи – приход явно пребывал в послевоенном параличе. Протоиерей Аполлон Сморжевский, православный поляк-эмигрант и настоятель русской общины, аккуратно записывал, как полагается, все данные о таинствах – дата рождения крещаемого, его родители и воспитатели... Одна из этих трех записей не могла не удивить – принявшему крещение было уже 23 года и, согласно написанному отцом Аполлоном, он был мусульманином из Баку, сыном некоего Али Алиева. Личное имя крещаемого было странным, двойным – Нури-Нерино, и если Нури это традиционное азербайджанское имя, то «Нерино» – итальянское прозвание, нечто вроде «Черныш».

По православным канонам священник должен был дать Нури-Нерино христианское имя и таковым стало имя Александр, в честь святого благоверного князя Александра Невского.

В другой графе метрической книги – но под той же самой датой, 12 апреля 1946 г., стояла запись о венчании «Александра» Алиева с «девицей католической веры» Джинной Негрини. Значит, после крестильной купели бакинец сразу отправился к алтарю, дабы в зимнем Милане обменяться обручальными кольцами со своей итальянской невестой-католичкой.

Никаких других объяснений технические записи отца Аполлона не давали, да и дать не могли.

Они обнаружили чуть позже из другого источника – из архивной записи серийной телепередачи «Chi l'ha visto?» [«Кто его видел?»] от 14 мая 1997 г.

Текстовое резюме той передачи рассказывало о невозможной любви партизанской связной Джинны Негрини и бывшего бойца Красной Армии Нури Алиева, попавшего в нацистский плен, бежавшего и ушедшего к партизанам. Насильственную разлуку влюбленных не смог предотвратить даже их брак, заключенный в «холодной русской церкви в Милане».

Согласно традициям программы, ее устроители выложили данные разыскиваемого мужа Джинны Негрини:

Нури Алиев, сын Али, партизанская кличка Нерино,
воевал в составе партизанской бригады «Болеро»
с 1 декабря 1944 г. по 24 апреля 1945 г.
родился в Баку (Кавказ) 6 января 1923 г.
глаза: темно-карие (большие, восточные)
волосы: светлые
рост: 1,85 м
телосложение: регулярное
цвет кожи: смуглый
особые приметы: орлиный нос

Теперь стало понятно, отчего в метрических книгах стояло двойное имя Нури-Нерино: священник не мог разобраться, где было настоящее имя, а где прозвание крещаемого, вошедшее, быть может, в какие-то партизанские удостоверения.

Бывшая партизанка рассказала о печальной истории любви со своим кавказским избранником (она настойчиво называла его «мой русский муж») не только в телепередаче, но и в автобиографическом романе «Il sole nero» [«Черное солнце»].

...В 17 лет Джина Негрини вошла в движение Сопротивления, став в родной Болонье связной «Корпуса добровольцев свободы». Задержанная фашистами за несколько дней до освобождения города, она сбежала из-под ареста: когда партизаны и союзники вошли в Болонью, все были уверены, что девушка казнена.

Заболев потом воспалением легких, она попала в болонскую клинику, где познакомилась с другим пациентом – лечившимся от ран молодым бакинцем.

Нури Алиев пришел к итальянским партизанам обычным для кавказцев маршрутом – Красная Армия, немецкий плен, восточные легионы Вермахта, уход в Сопротивление. Уже как партизан «Нерино» сражался, возможно, в составе Русского батальона, при взятии городка Монтефьорино, где и был ранен.

Молодые люди сразу понравились друг другу: по выражению Джини ее новый знакомец был «bello, gentile e soprattutto sovietico», то есть «красивый, любезный и, в первую очередь, советский». Похоже, что именно эта «советскость» Нури-Нерино и пленила молодую коммунистку из Болоньи. Джина была прекрасна энергичной красотой южанок и пламенем ее идей. Она часами расспрашивала жениха о революционных преобразованиях в СССР, о конфискации собственности у капиталистов, о народном здравоохранении и образовании. Советский Союз казался ей страной воплощенной мечты, так не похожей на пораженную социальными недугами дряхлую Италию.

Сам ее суженый предлагал остаться в Италии – «такой красивой стране», по его словам, что лишь раздражало Джину: у нее окончательно окрепло фатальное намерение уехать в СССР.

Когда же с этим намерением молодые люди объявились в советском консульстве в Милане, им заявили, что

согласно советским законам, граждане СССР не имеют права заключать браки с иностранцами. Самого Нури Алиевича Алиева настоятельно попросили скорейшим образом вернуться на родину.

Привыкшая к равнозначности церковного и гражданского брака в Италии, решительная девушка убедилась Нури пойти на «рenegатство» – принять крещение и повенчаться в русской церкви в Милане.

В своем романе Джина в трагикомических тонах рассказывает о замешательстве

старого «попа», когда перед ним предстала эта невероятная пара – мусульманин и католичка, бывшие красные партизаны. Однако добрый священник пошел им на встречу и у них в руках оказался свидетельство о венчании.

Лишь потом Джина узнала, что церковный брак для советской власти не имеет никакой силы – теперь же, весной 1946 г., в глазах всего ее окружения она стала замужней синьорой. Родители Джинины ее мужа-азербайджанца восприняли с некоторым замешательством – странный пришелец из неизвестной страны плохо изъяснялся на итальянском и, несмотря на крещение, продолжал возносить регулярные молитвы к Аллаху. Джине всё это казалось не существенным – она готовилась к отъезду в СССР.

*Джина с Нури.
Публикуется впервые*

*Н. Алиев в Воркуте.
Публикуется впервые*

В Милане советские консульские власти, изучив документы Алиева, в том числе его брачное свидетельство, объявили о том, что единственный путь на родину лежит через фильтрационный лагерь в австрийский Лиенц (молодожены не знали, что он уже стал ареной тщательно скрываемой трагедии: при выдаче англичанами советской стороне казаков многие из них покончили самоубийством или же при попытке сопротивления были убиты).

Пара отправилась в Лиенц, где их обоих посадили в лагерь. Они бережно сберегли все документы, включая рекомендации от партизан и справку из церкви – однако комендант лагеря на глазах у потрясенной Джини разорвал все бумаги в клочки.

Шли месяцы, которые, очевидно, были нужны на проверку прошлого Нури Алиева. Лагерное начальство твердило, что Джину в СССР не пустят, и она впала в отчаяние. Однажды в Лиенце остановился состав с итальянцами, бывшими военнопленными в России, которые возвращались домой. Грустной Джине резко сказали – «Уезжай с ними!». Пообещав мужу пробиться сквозь границы, она вернулась в Болонью.

Однако с той поры синьора Алиева, как она теперь себя именovala, своего супруга найти не могла. Теперь шли годы, и Джина всё более проникалась убеждением, что Нури погиб в Гулаге – из-за ее наивного стремления жить в «стране победившего пролетариата».

Она стучалась во все возможные двери – советские учреждения хранили молчание. В миланском консульстве раз ей сказали – «Россия большая, человек маленький».

В отчаянии, уже после десятилетий, Джина пошла на итальянское телевидение. Во время передачи она обра-

тилась ко всем со следующими словами: «Я хочу знать, я имею право знать, что с ним случилось. Если его убили – а я думаю, что так и произошло, – скажите мне это. Скажите мне, что убили молодого парня за то, что он не покончил с собой и попал в плен».

Совсем недавно, после новой серии розысков, открылась вторая часть истории, прежде неизвестная в Италии.

Вернувшись в Баку, Нури решился на отчаянный поступок – он попытался отправиться в Италию, к любимой жене, но был схвачен на границе и приговорен к смертной казни за «измену Родине», замененной на каторгу в Воркуте.

После смерти Сталина и амнистии он поселился в Костроме, создал семью, удочерив девочку Таню, которая стала Татьяной Нуриевной Алиевой. Это был скромный и честный труженик-шофер, всеми уважаемый. Он умер в 1995 г.

Про итальянку Джину он рассказывал только близким: Нури не забывал свою первую любовь и даже сделал, еще в лагере, на плечах татуировки с ее портретом и именем.

Обо всем этом поведала его приемная дочь Татьяна.

Джина была счастлива, узнав – спустя 70 лет! – что ее Нури остался жив, что после лагеря у

*Н. Алиев в Костроме, 1956 г.
Публикуется впервые*

*Н. Алиев – водитель автобуса в Костроме, 1970-е гг.
Публикуется впервые*

него была нормальная человеческая жизнь. Казалось, что она ждала только эту новость – ее так тяготила мысль, что муж погиб из-за ее легкомысленного стремления жить вместе в Советском Союзе.

Спустя несколько дней после получения известия из Костромы – 18 мая 2014 г. – Джина скончалась. Ее близкие сказали: «Услышав о Костроме, о жизни Нури в России, о его дочери, лицо Джины показалось необыкновенно спокойным, умиротворенным, готовым к уходу – как будто прежде ее удерживала злая безвестность»³⁷.

³⁷ Этому сюжету посвящена особая глава в нашей итальянской книге: *Talalay M. Dal Caucaso agli Appennini* (Roma, 2013) – «Nuri e Gina: un amore impossibile» (стр. 93-102); см. также: *Талалай М.Г. Нури и Джина: Невозможная любовь // Литературная республика. Альманах. № 3, 2014. С. 275-280.*

Материалы и фотографии были переданы автору от Дж. Негрини во время нашей встречи в Болонье в феврале 2012 г., а затем дополнены ее дочерью (от второго брака) Флавией Валентини (Болонья) и приемной дочерью Н. Алиева, Татьяной Алиевой-Данильченко (Кострома).

*Тюрьма «Реджина Чели» в Риме,
где был замучен Л. Гинзбург*

Мемориальная доска на доме в селении Пиццоли (регион Абруццо), где в 1940-1943 гг. жил ссыльный: «Здесь жил Лев Гинзбург, который в своих идеях и деяниях мученика освятил свою веру ради прихода свободы и справедливости. Одесса, 1909 – Рим, 1944».

*Церемония
у памятника
павшим
партизанам-
казахам
в Триесте,
25 апреля
2015 г.*

Мемориал в Валлареге
 (предместье г. Торрелья):
 «Слава замученным за
 освобождение <...>
 Скирко Александру,
 16 апреля 1944 г.»

Аллея платанов в Валлареге,
 на которых были повешены
 тела казненных

*Бюст С. Касмана в Кьявари.
 Подпись на постаменте:
 «Серджо Касман “Марко”,
 Золотая медаль за воинскую
 доблесть, человек, воин, поэт.
 Пал ради идеалов
 Справедливости и Свободы.
 Убит в Милане
 нацифашистской пулей.
 От города Кьявари,
 25 апреля 1985 г.»*

*Мемориальная доска
 на миланской площади
 Лаватер: «9 декабря 1944 г.,
 сраженный в спину
 фашистской пулей,
 тут пал Серджо Касман,
 глава штаба
 командования
 корпусом
 добровольцев
 за свободу,
 командир
 формирований
 “Справедливость
 и свобода”.
 От соратников,
 в первую годовщину
 Холокауста»*

*Афиша выставки рисунков детей г. Сассуоло, посвященной Русскому ударному батальону партизан и его капитану В. Переладову.
Проект Грациеллы Бертани при участии Тины де Фалько*

Рисунок школьницы Федерики из Сассуоло, посвященный погибшим семи братьям Черви (их русского соратника, партизана Анатолия Тарасова, изображенного в центре, затем прозвали «восьмым братом Черви»)

*Торжественная церемония в Палестрине,
9 мая 2015 г.*

*Б.К. Билинский, из цикла «Апокалипсис от Иоанна»,
1942–1944 гг.*

Борис Константинович Билинский (Бендеры, 1900 – Катанья, 1948) в эмиграции, в Париже стал известным художником кинематографа и театра. С началом Второй мировой войны, сын офицера, он был готов немедленно отправиться служить в действующую армию ради защиты Франции от нацистской Германии, однако французские военные власти ответили отказом на его просьбу. После оккупации Парижа он уезжает в Италию: его жена – итальянка Франка Фелан, с которой он венчался во Флоренции в 1936 г. Военные годы маэстро провел между Римом и Миланом, вблизи наблюдая страдания итальянского народа, тяжесть режима Муссолини, немецкую оккупацию, бомбежки союзников. Художник не участвовал в подполье и других антифашистских движениях. Его ответ на войну стал другим: он создал цикл иллюстраций к «Апокалипсису от Иоанна», в 30-ти акварелях. (Подробнее о нем см.: Клементи-Билинский Р., Рыжак Н.В. На аллее Славы: художник Билинский и Катанья // Русская Сицилия / под ред. М.Г. Талалая. М.: Старая Басманная, 2013. С. 359-370).

ГЛАВА V

«КАЗАЧЬЯ ЗЕМЛЯ»

Казаци в г. Буя, провинция Удине, осень 1944 г.

ИТАЛЬЯНСКОЕ ЭХО

Трагический и странный эпизод Второй мировой войны – расселение и боевые действия казаков-коллаборационистов в Северной Италии – в общих чертах, известен теперь и отечественному читателю, хотя еще далек от полной реконструкции¹.

¹ Об итальянских публикациях подробно рассказывается ниже. Среди других зарубежных исследований назовем следующие: *Thorvald Jü. Wenn sie verderben vollen. Stuttgart, 1952*; *Huxley-Blythe P. The East came West. Idaho, 1964*; серия статей М.Р. Эллиота, в альманахе «Political Science Quartely» (1973). Судьбой казачьей армии, конечно, деятельно занимались и русские историки, в первую очередь, по понятным причинам, – эмигранты и диссиденты. Здесь следует назвать имя Н.Д. Толстого, посвятившего казакам главы своих фундаментальных трудов «Victims of Yalta» (1978) и «The minister and the Massacres» (1986), а также генерала В.Г. Науменко, составившего 19 выпусков «Сборника материалов о выдаче казаков в 1945 году». Не раз писали о трагедии казаков Александр Солженицын и Рой Медведев. В 1970 г. в Мюнхене вышел обобщающий исторический очерк: *Ленивов А.К. Под казачьим знаменем в 1943-1945 гг.: Эпопея Казачьего Стана под водительством Походных Атаманов Казачьих Войск С.В. Павлова и Т.И. Доманова. Материалы и документы (переизд.: М.: ЧтецЪ, 2015)*. В России первые научные статьи о Казачьем стане см.: сб. Материалы по истории Русского освободительного движения (статьи, документы, воспоминания) (вып. 1-4) // под ред. А.В. Огорокова. Москва: Русский путь, 1997-1999; *Решин Л. «Кзаки» со свастикой. Документы из архивов КГБ // Родина, 1993. № 2. С. 70-82*; *Алферьев Б., Крука В. Походный атаман батька фон Паннвиц. М., 1997*; *Александров К.М. Казачество России во Второй мировой войне: к истории создания Казачьего Стана (1942-1943) // Новый часовой, 1997, № 5. С. 154-168*; *Литворния А. Казачьи станицы во Фриули (ред. и пер. М.Г. Талалая) // Россия и Италия. Вып. 5. Русская эмиграция в Италии в XX в. М: Наука. 2003. С. 46-51*; *Талалай М.Г. «Кзацкая земля» в Италии // Наука, культура и политика русской эмиграции. СПб., 2004. С. 53-58*; *Шкаровский М.В. Казачий Стан в Северной Италии и его церковная жизнь // Русские в Италии: Культурное наследие эмиграции / Сост., науч. ред. М.Г. Талалая. М.: Русский Путь, 2006. С. 190-208. Фундаментальный обзор литературы, а также архивных фондов дан*

В Италии серьезные исследования, посвященные пребыванию тут российских казаков в 1944-1945 гг., в составе Вермахта, стали появляться уже спустя несколько лет после окончания войны².

В 1957 г. к истории казаков обратился Пьер-Арриго Карньер, писавший первоначально в журналистском ключе³. Он, однако, серьезно увлекся темой и, после многочисленных публикаций в периодических изданиях, в первую очередь — в газете «L'Arena di Verona», опубликовавшей около 20 статей, где Карньер приводил новые свидетельства и полемизировал со своими противниками, выпустил в 1965 г. солидный труд «L'armata cosacca in Italia. 1944-1945» [Казачья армия в Италии]⁴, а затем, в 1982 г., — «Lo sterminio

mancato» [Несостоявшееся истребление]. Автор тщательно реконструировал события и предложил свою трактов-

в: Крикунов П. Казаки. Между Гитлером и Сталиным. М.: Яуза, ЭКСМО, 2005. С. 12-21.

² *Toppan A.* Fatti e misfatti dell'occupazione tedesca in Carnia. Narrazione obiettiva [Факты и преступления немецкой оккупации в Карнии. Объективное повествование]. Sacile, 1948; *Menis P.* Tempo di cosacchi [Время казаков]. San Daniele del Friuli, 1949; *Faleschini A.* Invasione cosacca in Friuli, agosto 1944 – aprile 1945 [Казачье нашествие во Фриули] // *Sot la nape*, maggio-giugno 1951. P. 1-40. См. также обзор итальянской литературы о Казачьем стане в: *Litwornia A.* Il Friuli, una promessa tradita [Фриули, преданное обещание] // *Miti antichi e moderni tra Italia e Ucraina* / a cura di K. Konstantynenko, M. Marcella Ferraccioli e G. Giraud. Padova: E.V.A. 2000. P. 232-243.

³ См. его первую публикацию: *Carnier P. A.* Diciottomila cosacchi in Carnia [Восемнадцать тысяч казаков в Карнии]. Udine, 1957.

⁴ В 1993 г. в миланском издательстве «Mursia» вышло второе, дополненное издание этой книги.

ку, реабилитирующую казаков. В итоге его книга «L'armata cosacca in Italia» и поныне является в Италии богатейшим, почти непревзойденным, источником информации о Казачьем стане.

Менее известно, но также хорошо документировано (и более взвешено) исследование Марины Ди Ронко «L'occupazione cosacco-caucasica della Carnia e dell'Alto Friuli» [Казачье-кавказская оккупация Карнии и Верхнего Фриули], сперва появившееся в виде дипломной работы, а затем, в 1988 г., — как монография.

Наряду с этими двумя крупными работами в Италии в те же годы опубликован ряд воспоминаний партизан, непосредственных участников схваток с казаками, представлявший их в негативном ключе⁵.

Кроме того, несколько публикаций организовал Фриуланский институт истории движения Освобождения (Istituto Friulano per la Storia del Movimento di Liberazione), так как именно регион Фриули стал сценой казачьей эпопеи⁶.

Близок к жанру исторической очеркистики и труд русского эмигранта проф. Александра Иванова (Alessandro Ivanov), собиравшего в 1980-х гг., по заданию Удинского

⁵ *Vuga F.* La zona libera di Carnia e l'occupazione cosacca [Свободная зона Карнии и казачья оккупация]. Udine, 1966; *Candotti N., Angeli G.* Carnia libera [Свободная Карния]. Udine, 1971; *Bocazzi C.* Missione Col di Luna [Миссия «Коль-ди-Луна»]. Milano, 1977; *De Crignis G.* Memorie di un anno di guerra [Воспоминания о годе войны]. Villa Santina, 1987.

⁶ *Colotti E., Fogar G.* Cronache della Carnia sotto l'occupazione nazista [Хроники Карнии под нацистской оккупацией] // Il movimento di liberazione in Italia, aprile-giugno 1968. P. 60-102; *Bongherardi S., Petronio A.* La resistenza nel Friuli e nella Venezia Giulia [Спротивление во Фриули и Венеции-Джулии]. Udine, 1979; *Paternò N.* La gente del forte e i cosacchi [Люди из форта и казаки]. Udine, 1994; *Stefanuti P.* Novocerkassk e dintorni. L'occupazione cosacca della Valle del Lago [Новочеркасск и окрестности. Казачья оккупация Валле-дель-Лаго]. Udine, 1995. Все эти (и несколько менее значительные) публикации подготовил Фриуланский институт Истории Движения Освобождения (Istituto Friulano per la Storia del Movimento di Liberazione = IFSML).

университета, сведения о казаках и выпустившего затем книгу «*Cosacchi perduti: Dal Friuli all'URSS [Потерянные казаки: От Фриули до СССР]. 1944-45*»⁷. Таким образом, можно говорить о существовании в Италии целой литературы, посвященной казачьей эпопее.

Исследования иногда (но редко) выходили за территориальные рамки региона Фриули: Энцо Коллотти расширил географию в книге «*Il Litorale Adriatico nel Nuovo Ordine Europeo [Адриатическое побережье⁸ и Новый европейский порядок] 1943-1945*».

В середине 1990-х гг. осуществилась важная попытка синтеза различных – чаще всего диаметрально противоположных – точек зрения: молодой историк Грегорио Венир (Venir) защитил в Болонском университете диплом о казаках, а затем его опубликовал в виде монографии: «*I cosacchi in Carnia '44-45*» [Казаки в Карнии] (Udine, 1995). Спустя десять лет, в 2004 г., близкую тему выбрал для своей дипломной работы – еще не изданной – выпускник Падуанского университета Антонио Десса (Dessa): «*I cosacchi di Krasnov in Carnia, agosto 1944 – maggio 1945 e la loro forzata consegna ai Sovietici*» (Казаки Краснова в Карнии, август 1944 – май 1945, и их принудительная выдача советской стороне).

В начале XXI в. новая серия публикаций связана с именем миланской русистки Патриции Деотто, родом из Фриули. Ее монография «*Stanitsa Terskaja*» [Терская станица] вышла в 2005 г., с

⁷ Год издания в выходных данных не указан, однако книга А. Иванова опубликована, скорее всего, в 1989 г. (в изд. «Aviani»).

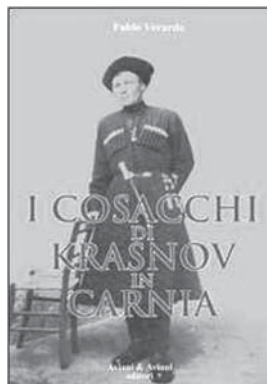
⁸ Имеется в виду новая административно-территориальная область Третьего Рейха – *Adriatisches Küstenland*, учрежденная осенью 1943 г. и включавшая в себе регионы Удине, Гориции, Триеста, Любляны.

подзаголовком «Казачья иллюзия об одном крае». Деотто, известная как тонкая ценительница русской литературы и автор многих статей о ее любимом персонаже, искусствоведке Павле Муратове, неслучайно обратилась к казачьей теме: ее дед, знаток иностранных языков, как и сама Патриция, – родом из Верценьиса и в эпоху Краснова служил переводчиком для городских властей, объясняясь с казаками.

Патриция увлеклась семейными преданиями, присоединив к ним устные рассказы местных жителей. Выпустив свою собственную книгу, она затем участвовала в серии конференций, проходивших в Верценьисе⁹.

Наряду с ней в последние годы немало опубликовал Фабио Верардо, увлекшийся казачьей темой, в первую очередь – яркой фигурой П. Краснова. В 2010 г. он издал книгу «I cosacchi di Krasnov in Carnia» [Казаки Краснова в Карнии], а в 2012 г. итальянская литература дождалась монографии об атамане – «Krasnov l'atamano. Storia di un cosacco dal Don al Friuli» [Атаман Краснов. История казака от Дона до Фриули].

Особенно же интересно отражение казачьей темы в итальян-

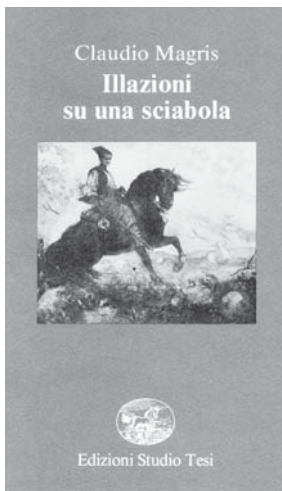

⁹ См. сборник материалов этих конференций: I cosacchi in Italia [Казаки в Италии], 1944-'45 / a cura di A. Stroili. Tolmezzo: Edizioni Andrea Moro, 2008.

ской беллетристике. Самое первое художественное описание казачьей эпопеи во Фриули принадлежит перу литератора Бруны Сибилле-Сиции (Sibille Sizia). Ее повесть «La terra impossibile. Storia dell'armata cosacca in Friuli» [Невозможная земля. История казачьей армии во Фриули] вышла в Удине в 1956 г.: в ней все симпатии автора находятся на стороне местного населения и партизан (впрочем, писательница признает и трагический фатум казаков). Книга стала бестселлером во Фриули и была четырежды переиздана — в 1956, 1958, 1991 и 1992 гг.¹⁰

Уникален рассказ Леонардо Дзаньера (Zanier) «Carnia, Kozakenland, Kazackaja zemlja», написанный на фриуланском диалекте (опубликован в Удине в 1994-1995 гг. издательством «Mittelcultrura»). Изящно написана небольшая повесть Клаудио Каландры (Calandra) «Do svidania. I girasoli di Boria» [До свидания. Подсолнухи в Бории] (Милан, 1994).

В середине 1980-х гг. печальный эпизод времен Второй мировой войны привлек внимание двух крупных мастеров итальянской культуры. В 1984 г. журнал «Rivista Milanese di Economia» предоставил свои страницы выдающемуся германисту из Триеста профессору Клаудио Магрису и его повести «Illazioni su una sciabola» [Размышления об одной шашке]. Впоследствии повесть была издана (и неоднократно) отдельной книгой и переведена на десятки языков. Чуть погодя, а именно в начале 1985 г. миланское издательство «Мондадори» выпустило на книжный рынок Италии роман Карло Сгорлона «L'armata dei fiumi perduti» [Армия утраченных рек], завоевавший в том же году литературную премию Стрега.

¹⁰ Автор впоследствии вернулась к казачьей теме; см. *Sibille-Sizia B. Un pugno di vento* [Горсть ветра]. Udine, 1992.

Обе этих публикации представляют собою высокие образцы литературы, имеющие совсем иное, гуманистическое, видение трагедии казаков — в отличие от большинства упомянутых выше работ, не отличающихся высокой художественностью и с крайне тенденциозным, «ангажированным» подходом.

Небольшая повесть, или точнее — большой рассказ Магриса имеет форму монолога. «Рассказчик», пожилой священник дон Гвидо, живущий в доме для престарелых клириков в Триесте, пишет свои воспоминания о пребывании казаков в Карнии по просьбе другого священника, дона Марио, комплектующего епархиальный архив. Согласно автору, дон Гвидо осенью 1944 г. выполнял деликатное поручение своего священноначалия, отправившись в станицу казаков убеждать их быть милостивыми по отношению к несчастному мирному населению. В местечке Вилла-ди-Верценьис он встречается с одним атаманом — скорее всего, не с Красновым. Однако спустя годы дону Гвидо кажется, что это мог быть «сам» Краснов. Священник вспоминает обстоятельства «трагической и гротескной оккупации Карнии казаками, союзниками немцев, которых эти немцы заставляли выполнять ничтожные дела, соблазняя их невозможными обещаниями и делая из них своих соучастников и жертв, преследователей других жертв».

Герой книги пытается раскрыть загадку гибели Краснова, ибо парабола жизни атамана «могла бы расшифровать — от обратного — параболу жизни» дона Гвидо. Действительно, во Фриули возникла легенда, что знаменитый атаман пал жертвой партизанской атаки 2 мая 1945 г., что никак не могло иметь места: 27 мая 1945 г. Краснов сдал свою шашку английским офицерам, а 17 января 1947 г. — казнен в России.

Дон Гвидо обрисовывает последние месяцы пребывания атамана в Италии (при этом автор обильно пользуется книгами, написанными Красновым в Париже в 1920-1930-х гг.). Старый атаман в книге Магриса приобретает черты почти героя древнегреческой трагедии: человек высокой культуры

и чести, он осознает свой рок, но не пытается от него уклониться и бесстрашно идет навстречу смерти. Повесть Магриса, тепло встреченная и публикой, и критикой, была поставлена на сцене фриульского городка Чивидале во время фестиваля «Mittelfest»; не раз возникали проекты ее экранизировать, пока ничем не закончившиеся.

Настоящий эпический размах приобрела казачья «одиссея» у романиста Карло Сгорлона. Его «армия утраченных рек» — это армия далеких Дона, Кубани, Терека, сравнимая с «табуном, потерявшим свои пастбища, свои реки и ушедшая вдогонку за миражом других пастбищ, других рек». Писатель представляет казаков глазами фриуланских крестьян, увидевших из своих окон «последнюю новинку войны, самую странную из всех прежде бывших». Согласно Сгорлону, казаки, охваченные меланхолией и ностальгией, «ощущали себя покинутыми, одинокими в чужой стране — также как альпийские стрелки в России — среди ненавидевшего их населения. Вместе с тем, после долгих скитаний по России и Европе, они пытались себя убедить, что наконец-то прибыли на место, где смогут обосноваться на более долгий срок». Действие романа развивается вокруг Марты, служанки богатой дамы-еврейки, отправленной в концлагерь. Марта остается одна в большой вилле, куда вселяется группа казаков: пожилой генерал-белогвардеец Гаврила, казак Урван и старая казачка Дунайка с сыном Гиреем и внуком Лукой. Гиреем овладевает безответная страсть к крестьянской девушке Альде, гибнущей затем от его руки. С того момента крестьяне видят в казаках лишь ненавистных оккупантов. Печально заканчивается и любовная история между Урваном и главной героиней: казак уходит в Австрию, а Марте партизаны выбивают голову за «коллабационизм». Роман строит-

ся на конфликте между образами «земли обетованной» и «земли утраченной». Карния, эфемерная Kozakenland, Казачья земля, — это всего лишь краткий этап на пути к неизвестной цели. Казаки, потерявшие собственные корни, выражают свой воинственный и необузданный нрав во время стычек с партизанами. Ищет и не находит родину и атаман Краснов, устроивший в «станции» жилье в традиционном казачьем стиле. В итоге казаки гибнут — но по Сгорло-ну не за то, что они предали советское государство, а за то, что предали родные станицы.

Произведение Карло Сгорлона представляет такой большой интерес, что оно само по себе стало объектом исследования: в 1998 г. студентка Краковского университета Аньежка Левицкая написала дипломную работу, посвященную теме родины в романе «Армия утраченных рек».

* * *

Обратимся собственно к событиям, получившим в Италии столь широкий резонанс, как в историографии, так и в художественной литературе.

К начальной странице истории Казачьего стана в Италии следует отнести событие, произошедшее 25 июля 1942 г., сразу же после занятия немцами Новочеркаска. Тогда к представителям германского командования явилась группа казачьих офицеров, изъявив готовность помогать «в окончательном разгроме “сталинских приспешников”». Визит состоялся на фоне периодических радиотрансляций обращения руководителей существовавшего в Германии Казачьего национального движения: «Казаки Дона, Кубани, Терека и Урала! Пробил великий час освобождения!..».

В сентябре того же года в Новочеркасске, с санкции оккупационных властей, собрался казачий сход, на котором был избран штаб Войска Донского (с ноября 1942 г. — штаб Походного атамана). Фактически это означало создание местного самоуправления на территории, заселенной приблизительно 160 тыс. человек.

Десятого ноября 1942 г., будучи в Полтаве, Адольф Гитлер торжественно (но уже задним числом) предоставил казакам право на ограниченную автономию. В самом деле, согласно разработкам Альфреда Розенберга, главного нацистского идеолога, казаки составляли особую нацию, с характеристиками, не слишком далекими от арийской расы. Первая казачья дивизия в составе Вермахта была сформирована, под командованием генерала фон Паннвица, в апреле 1943 г. в польском городе Млаве (в то время присоединенного к Восточной Пруссии). Дивизия состояла из шести конных полков – это 1-й и 5-й Донские (подполковники граф цу Дона и Кононов), 3-й и 4-й Кубанские (подполковники фон Юнгшульц и фон Вольф), 2-й Сибирский (подполковник фон Нолькен) и 6-й Терский (подполковник фон Кальбен), а также артиллерийский полк, саперный батальон, батальон связи и другие части обеспечения, всего 18,5 тыс. чел., из них 14 тыс. казаков. В октябре 1943 г. эта дивизия была направлена на югославский фронт, чему сопутствовала декларация германского правительства казакам от 10 ноября 1943 г.: «Если военные обстоятельства не позволяют вам устроиться на землях ваших предков, мы организуем жизнь казаков, под покровительством фюрера, в Западной Европе и дадим вам всё необходимое для достойного существования»¹¹.

Еще в январе-феврале 1943 г. после наступления Красной Армии, из Тамани по льду перебрались в Таганрог 120 тыс. беженцев (среди них было 80 тыс. казаков, в т.ч. стариков, женщин и детей). Часть их стала основой Казачьего стана, первоначально находившего на Украине. Однако в стан весной 1944 г. собралось лишь около 18 тыс. казаков вместе с семьями, остальные были распылены по разным европейским фронтам, погибли в ходе отступления или были захвачены наступающими частями Красной Армии. В результате возникла мини-модель традиционного казачьего войска с иерархической структурой, размещавшаяся на обособленной территории, где дислоцировались действующие воин-

¹¹ Цит. по: *Carnier P. A. L'armata cosacca in Italia...* P. 262.

ские части и располагались станицы. Управлял станом его создатель бывший есаул Донской армии, походный атаман Сергей Васильевич Павлов, в советское время работавший инженером на одном из заводов Новочеркаска. Офицеры Казачьего стана привлекали в него казаков-беженцев, войной разбросанных по Украине.

Формальное создание Казачьего стана началось в соответствии с декларацией германского правительства от 10 ноября 1943 г., определившего место для его размещения – сначала в районе села Балино Каменец-Подольской области. Прибывающих казаков распределяли по донским, кубанским и терским «станциям».

С марта 1944 г. в Берлине стало действовать Главное управление казачьих войск (Hauptverwaltung der Kosakenheere), под началом бывшего атамана Всевеликого Войска Донского, генерала от кавалерии Петра Николаевича Краснова¹². Главное управление, занимавшееся разного рода деятельностью, в том числе финансовой и юридической, представлялось неким казачьим правительством в эмиграции, хотя скорее являлось пропагандистским прикрытием, ибо реальная власть принадлежала немецким учреждениям. Немцы планировали размещать стан в районах партизанской активности. Из-за угрозы окружения казаков и их семьи переместили весной 1944 г. по распоряжению немецкого командования в Белоруссию в район городов Барановичи – Слоним – Ельня – Столицы – Новогрудок, где и разместился штаб. Затем, уже в июле, казаков вывели в северную часть Польши, в район Белостока. Отсюда началась переброска в Северную Италию в составе 11 полков, вспомогательных частей, юнкерского училища, а также стариков, женщин и детей.

Тем временем, еще осенью 1943 г., после успешного продвижения союзников на Апеннингах, на северо-восточных территориях Италии гитлеровцы учредили

¹² Заместителем атамана стал его племянник, генерал-майор С.Н.Краснов; в число руководителей вошли генерал-майор В.Г.Науменко, полковник С.В. Павлов и войсковой старшина Н.Л. Кулаков.

провинцию *Adriatisches Kustenland* – с целью укрепления своих позиций на итальянском фронте. В этом районе нацистским войскам угрожали не только постоянные бомбардировки союзников, но и всё возрастающее партизанское движение. Именно успехи коммунистической партизанской бригады им. Гарибальди вынудили Вермахт послать в Италию казаков и кавказцев.

Смотр строевых частей Казачьего стана в Северной Италии

Казачий стан находился в непосредственном подчинении начальника СС и полиции прибрежной зоны Адриатического моря обер-группенфюрера СС О. Глобонника, «который поручил казакам обеспечение безопасности на занимаемой ими территории в предгорьях Карнийских Альп»¹³.

В конце июля – начале августа 1944 г. на железнодорожных станциях Карнии и Понтеббы выгрузилось около

¹³ Дробязко С.И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил, 1941-1945 гг. М.: Эксмо, 2005. С. 292.

20 тыс. казаков, под командованием Тимофея Ивановича Доманова¹⁴, сменившего на посту походного атамана, погибшего 17 июня 1944 г. при неясных обстоятельствах, Павлова.

Казачьи отряды – официально Отдельный казачий корпус (Einzel-Kosakenkorps, Gruppe in Nördliche Italien) – расположились в Джемоне, заняв крепость Озоппо и поселок Амаро, где поселились члены их семей. В сентябре 1944 г. в этом районе появился еще один казачий контингент. С ним прибыло немало беженцев из числа гражданского населения, разместившихся в Алессо, Каваццо и Толмеццо. Небольшие группы казаков обосновались также в Казарсе, Буйе, Майано, Сан-Даниеле, Чивадалезе (кавказцы расположились чуть севернее; их «ставкой» стала Пальца).

Местные жители были вынуждены отдать казакам свои дома, что неизбежно вызывало стычки и акты насилия со стороны. Бывали случаи и «мирного сосуществования»: жительница Джемоны, Джулиана Гравина, например, рассказала, что ее семье пришлось отдать казакам свою кухню, оставаясь при этом жить в доме; казаки запомнились ей своей деликатностью и дружелюбием: уходя, они даже подарили семье несколько предметов. О прибытии казаков в Каваццо есть современное сви-

*Походный атаман
Казачьего стана
генерал-майор Т.И. Доманов*

¹⁴ Подробную биографию генерал-майора Т.И. Доманова см.: Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944-1945: Биограф. справочник. 2-е изд. М., 2009. С. 381-391.

Концерт в Казачьем стане. Публикуется впервые

детельство очевидца: «Они, вместе со своими семьями, вселялись – вполне порядочно – в дома крестьян. Длинный обоз повозок напоминал [американских] пионеров. С собой они тащили телеги и животных – коров, лошадей. Когда заходили в дома, не без опаски, спрашивали – есть ли партизаны... Партизаны, конечно, предпочитали находиться в лесу»¹⁵.

Итальянские поселения теперь назывались станицами. Казачий центр, Алессо, стал Новочеркасском, причем его главную площадь называли площадью атамана Платова, а одну из магистральных улиц – Балаклавской, в память о победе казаков над английским отрядом во время Крымской войны, когда Донская казачья батарея встретила картечью знаменитую атаку британской Легкой бригады. Из итальянцев в «Новочеркасске» остались только пекарь и переводчик – всех остальных прогнали. Подобные ситуации сложились и в других поселениях – в Каваццо, Джемо-не, Озоппо и т.д.

¹⁵ Перевод с итал. М. Талалая; см. <http://www.donneincarnia.it/ieri/cosacchi.htm>

Казачи с членами семейств. Публикуется впервые

Казачье командование обратилось к итальянцам с воззванием, где пыталось разъяснить свою главную задачу – борьбу с большевизмом: «вы сражаетесь против фальшивой иудео-коммунистической доктрины <...> теперь и мы, казаки, сражаемся с этой мировой чумой везде, где ее встречаем: в польских лесах, в югославских горах, на солнечной итальянской земле»¹⁶.

В том же феврале 76-летний Краснов устроил свою главную ставку в Верценьис, в гостинице «Savoia»¹⁷. Знаменитый участник Гражданской войны Краснов в эмиграции написал несколько романов, самый популярный из которых, «От двуглавого орла к красному знамени», в 1929 г. вышел и в Италии (во Флоренции, в издательстве «Salani»).

Сколько же расселилось в Италии казаков? Есть разные статистические свидетельства.

На 30 сентября 1944 г. численность Казачьего стана официально составила 15.590 человек, в том числе 8.435 гражданских (включая стариков, женщин и детей) и 7.155

¹⁶ Цит. по: *Carnier*. Op. cit., p. 56-57.

¹⁷ Гостиница переименована и теперь называется «Stella d'Oro».

Выдача генерал-лейтенанта Андрея Шкуро

военнообязанных, составлявших семь пеших полков и один конный. В октябре-ноябре к ним присоединилось еще более 6.700 военнослужащих казаков (в составе трех полков). Согласно рапорту генерал-майора Доманова, к 27 апреля 1945 г. численность стана составила 31.630 тыс. человек, в их числе 18.060 рядовых, унтер-офицеров и офицеров, а также 13.570 гражданских лиц. Пополнения шли также за счет Резерва казачьих войск, начальником которого был назначен еще один ветеран Гражданской войны, генерал-лейтенант Андрей Григорьевич Шкуро (он присоединился к Казачьему запасному полку в Цветле, в начале мая 1945 г. прорвался в долину Дравы и влился в Казачий стан). На допросе в 1945 г. Шкуро показал, что за восемь месяцев направил на жительство в казачьих станицах в Италию до семи тысяч человек, главным образом стариков, женщин и детей. Кроме того, в Карнии было размещено около 5 тыс. кавказцев под командованием генерала Султан-Гирея Клыча. Исходя из этого, считают, что общее количество казаков в Италии вместе с гражданскими лицами за всё время их пребывания там, включая потери, достигало 30 тыс. с лишним (максимум 40 тыс.) человек.

30 апреля 1945 г. командующий немецкими войсками на Юго-Западном фронте (в Италии) генерал-полковник

Генерал от кавалерии Петр Краснов

Генрих фон Фитингхоф подписал приказ о прекращении огня, 2 мая должна была начаться капитуляция. В тот же день руководство Казачьего стана выпустило приказ о переселении на территорию Австрии в Восточный Тироль, надеясь на почетную капитуляцию англичанам. В ночь со 2 на 3 мая казаки вышли в свой последний поход через Альпы. Он оказался очень тяжелым: в начале похода у селения Оваро партизаны перегородили горную дорогу и потребовали сдачи всего транспорта и оружия. После короткого боя казаки одержали полную победу и расчистили себе дорогу (при этом были убиты командовавшие нападавшими партизанами два католических священника). Партизаны сожгли, предварительно заперев двери, госпиталь в Оваро, в котором сгорело около 20 больных казаков. В те трагические дни в крае родилась легенда, согласно которой атаман Краснов якобы «пал жертвой партизанской атаки 2 мая 1945 г.»: местные жители даже показывали его «могилу»¹⁸. Однако все руководившие переходом ге-

¹⁸ В действительности, это была могила Ф.В. Дьяконова, участника Гражданской войны – позднее его прах был перенесен на немецкое военное кладбище в Костермано; см. *Талалай М.Г.* Российский некрополь в Италии. М.: Старая Басманная, 2014. С. 266-267.

нералы – П.Н. Краснов, Т.И. Романов и проч. – не пострадали при тех событиях. Интересно отметить, что во время последнего похода казаки нередко убивали немецких офицеров, бежавших из Италии, и вообще всячески выражали антигерманские чувства.

В первый день Пасхи, 6 мая, почти все казачьи части, перевалив в тяжелых погодных условиях обледенелый альпийский перевал Плекенпасс, пересекли итальянско-австрийскую границу и вышли в район Обердраубурга.

В Австрии казаки и члены их семейств – теперь их осталось 22 тысячи – сдались английскому командованию, которое выдало их СССР (причем не только бывших «подсоветских», но и иностранных граждан). Об обстоятельствах насильственной выдачи из лагеря в Лиенце написано много...

17 января 1947 г. Краснов и его ближайшие соратники были казнены в Москве.

На Kozakenland – «Казачьей земле» в Карнии

ДНЕВНИК ЕСАУЛА ПЕТРОВА

Публикуемый ниже текст принадлежит перу Бориса Николаевича Ширяева (1889-1959), узника Соловецкого лагеря и автора известной книги «Неугасимая лампада» (Нью-Йорк, 1954). В Италии он оказался в качестве журналиста и сотрудника пропагандистской школы Казачьего стана (читал лекции о русской литературе) – после Крыма, Берлина, Белграда и опять Берлина, накануне его взятия Красной Армией. Вдова писателя называла командировку в итальянский Казачий стан «узаконенным бегством».

Ширяев вынашивал план «трагической повести» о Казачьем стане: «Бог даст, напишу когда-нибудь и ее...». Но повесть так и не была создана, за исключением ее, вероятно, будущего стержня – «Дневника есаула Петрова» (опубликован в журнале «Часовой» [Брюссель], № 299, июль 1950 г.).

Автор выбрал здесь известный литературный прием, связанный с отстранением, – публикацию «обнаруженных» мемуаров, записок, дневников. Это дало ему возможность рассказать и о самом себе, о «ротмистре Ш-ве», – как преподавателе казакам русской литературы.

Текст Ширяева, подписанный псевдонимом – Алексей Алымов – и не получивший продолжения, вошел в состав незаконченного цикла «Ставрополь-Берлин» в качестве его последней части (№ XIV).

Литератор прибыл в Казачий стан в конце 1944 г.: в книге «"Ди-Пи" в Италии. Записки продавца кукол», вышедшей в Буэнос-Айресе в 1952 г. Борис Николаевич вспоминал:

Мы – в Италии. В станционном буфете – настоящее кофе, с настоящим молоком и настоящим сахаром. В ближайшей лавочке – душистый вермут, стройные как пальмы бутылки которого разом вырастают на наших столах. Если кто и хранит еще тени надежд, то здесь, в ближнем тылу итальянского фронта, они тают, как дым. Тыл фрон-

та мертв. На станции нет ни эшелонов со снарядами, ни платформ, загруженных покрытыми брезентом пушками и авто. На лицах немногих немецких офицеров печать бесконечной усталости и того же, что и у нас – оцепенения... покорности неизбежному. Грузимся ночью. В вагоне, заваленном тюками с обмундированием для казаков все русские. Сидим на соломе, среди луж от талого снега. И все друг от друга что-то прячем; скрываем, потому что боимся сказать громко, как сказал вчера один горец: «Всем нам – суждена веревка».

От двери теплушки, через которую видны заснеженные отроги Альп, стелется бархат грудного контралято:

«Но отважны люди,
Люди гор Кавказа,
Гор, одетых в облака...»

Я помню эту девушку еще по Пятигорску. Она – кабардинка, кажется, была в комсомоле, писала неплохие стихи и печаталась в местных газетах. Теперь она их поет. О Кавказе – в Альпах, по-русски.

Сидя плечом к плечу на соломе, тянется по стене вагона ряд казаков, одетых в немецкое. Есть и старики, но большинство – молодежь из Красной Армии.

Краснов делает последние судорожные усилия спасти разнесенные по всей Европе листья славных ветвей русского народа: Донской, Кубанской, Терской... Снова, тем же путем, как почти сто пятьдесят лет назад, с Суворовым, Платовым и Денисовым, проходит казачество горную щель в солнечный мир Италии... Снова... но как различны эти походы...

Два месяца, проведенных в «Казачьем стане», приютившемся в отрогах Фриулийских Альп, – тема отдельной трагической повести, героями которой станут последний из рыцарей Дона старик Краснов и его юный оруженосец, пришедший из рядов Красной Армии сотник Давиденко. Бог даст, напишу когда-нибудь и ее¹.

¹ Ширяев Б.Н. Ди-Пи в Италии... Указ. соч. С. 19.

На главной площади г. Каваццо-Карнико во время концерта казачьих плясок (лозунги на фасадах домов: «Быть казаком значит быть врагом большевизма», «Надо бить большевика не только оружием, но и словом правды»)

* * *

Во Францию капитан, теперь есаул, Петров попал в самое горячее время – к высадке союзников в Нормандии, выполнял там обязанности инструктора нового противотанкового оружия² при нескольких русских частях, участвовал в боях и вместе с остатками казачьего полка отошел в Эльзас³. Дневник свой он вел и в этот период, но эпизодически и отрывисто.

...Трагедия русских частей, действовавших против англо-американцев – особая тема, и я ее выпускаю. В Эльзасе он был ранен осколком воздушной бомбы и по излече-

² Очевидно, имеются в виду ручные противотанковые гранатометы «Панцерфауст» и «Панцершрек».

³ По всей видимости, речь идет о 360-м казачьем гренадерском крепостном полку майора Э.В. фон Рентельна, на момент вторжения союзников дислоцированного на побережье Бискайского залива, а в августе – сентябре 1944 г. совершившего поход через всю Францию к германской границе. См. *Дробязко С.И. Под знаменами врага. М., 2005. С. 299-306.*

нии попал в Северную Италию, в «Казачий стан», где, в районе города Толмеццо, были сконцентрированы остатки казачества, вырвавшегося из советской кабалы. О героическом походе этих казаков, двигавшихся гужом с Дона и Кубани до Триеста, с женами и детьми, отходивших порою с жестокими боями, попавших под Новогрудком в окружение и вырвавшихся из него при честной поддержке немцев, есаул Петров не раз упоминает со слов участников и очевидцев. Это тоже особая тема.

Я заканчиваю серию моих правдивых очерков о пути, пройденном многострадальными русскими людьми с востока на запад, выдержками из его дневника, относящимися к последним месяцам войны.

* * *

Деревня Кавацио⁴. Италия. Март 1945 г.

Война проиграна.

В Нормандии я еще не верил этому, не хотел верить, но в декабре, когда наш полк растянулся тоненькой цепочкой по левому берегу Рейна, без оружия, с одними винтовками, когда я увидел разбитые мосты через Рейн, зарево горящего Страсбурга и, главное, мертвый, парализованный ближний тыл, – предстоящая гибель стала очевидной. Это понимают все...

Но мы погибаем доблестно и честно, не посрамив русского имени. Вот несколько эпизодов, всплывшие в моей памяти.

Во время первых боев в Нормандии батальон русских добровольцев (не РОА, а немецкой армии), был окружен канадцами. Я знал этот батальон. Он состоял из красноармейцев, сдавшихся немцам под Минском без боя. Канадцы предложили сдаться. Немец – командир батальона – опросил солдат, и все они единогласно отказались от сдачи и пошли на безнадежный прорыв. Удалось вырваться лишь трем: двум солдатам и лейтенанту, который и рассказал это мне.

⁴ Официальное совр. название: Cavazzo Carnico (Кавацио-Карнико), в провинции г. Удине (регион Фриули).

В лазарете я лежал с офицером РОА, вырвавшимся из осажденной Ла-Рошель на подводной лодке⁵. Ранен он был уже в Берлине с воздуха, там, кажется, и до сих пор сидят части РОА, которые местами ведут даже наступательные бои. На несколько предложений о сдаче неминуемо следовал отказ. А ведь это тоже пленные, сдавшиеся немцам.

В Эльзасе при коротком ударе противника несколько немцев спрятались в подвале и не захотели отходить, задумав сдаться в плен. К тому же склоняли они и обнаруживших их проходивших казаков. Наши ребята забросали их гранатами.

Мы знаем, что ждет нас у красных, но, вместе с тем, у каждого из нас всё же живет в мозгу какая-то искра надежды, что и «там», может, удастся сохранить жизнь, отделавшись 10-15 годами каторги. Эта надежда не может покинуть живущего даже в последнюю минуту жизни... Но наши бойцы предпочитают ей неизбежную, неотвратимую смерть. Те, кто сдавался немцам без боя...

В чем же дело? Думается в том, что теперь, повывав иную жизнь, мы уже не в силах вернуться к советскому прозябанию и сознательно предпочитаем ему физическое уничтожение себя.

* * *

Наш «Казачий стан» явление очень интересное и характерное для отношения народных масс России к советской власти. История его вкратце такова. Когда началось обратное движение германской армии, десятки, вернее сотни тысяч семей и одиночек потянулись вслед за нею. Характерно, что основную часть этого потока составляли крестьяне; удельный вес интеллигенции был незначителен, рабочих – еще меньше. Впрочем, разграничить те-

⁵ Порт на атлантическом побережье Франции, который – из-за упорного сопротивления немецкой армии – стал последним французским городом, взятым союзниками; построенный немцами бункер для подводных лодок сохранился до сих пор.

*Казаки во Фриули.
Публикуется впервые*

перь в СССР колхозника от рабочего чрезвычайно трудно.

Большинство шло с надеждой на скорое возвращение, вера в победу немцев была еще крепка; меньшинство сознавало трагизм своего положения и все-таки шло. Служивших у немцев в этом потоке было мало. Вела, толкала его стихия.

Немцы охотно помогали этим беженцам: подкармливали их, организовывали этапные пункты, предоставляли право проезда по железной дороге, подвозили и на пустых грузовиках.

Многие двигались гужом, даже коров вели...

На Днепре и в Крыму немцы начали уже с лета 43-го года группировать казаков и погнали основное ядро гужом в Польшу. Походным атаманом стал волею судьбы полковник, теперь генерал Доманов⁶. Я мало соприкасался с ним,

⁶ Тимофей Николаевич Доманов (1887-1947), походный атаман Казачьего Стана, член Главного управления казачьих войск Министерства восточных оккупированных территорий Третьего рейха. В 1947 г. приговорен к смертной казни за измену Родине. Приведем следующую характеристику: «Личность Тимофея Доманова также до сих пор вызывает много споров среди исследователей. Кто-то считает его серенькой, ничего не представляющей собой личностью, получившей известность только в результате счастливого стечения обстоятельств, кто-то называет казачьим героем, положившим жизнь на алтарь победы казачества над большевизмом. Сам же он на послевоенных допросах и на судебном процессе в январе 1947 г. недвусмысленно заявлял, что был секретным сотрудником НКВД и перед уходом Красной Армии из города получил задание от заместителя начальника горотдела НКВД – остаться в тылу немецких войск, выявлять предателей и уничтожать наиболее видных оккупантов» (Крикунов П. Указ. соч. С. 279). Неисключено, что Доманов

но на меня он произвел впечатление заурядного и даже слабовольного человека. Это не вождь. В прошлом, кажется, только есаул, в советский период – учитель.

Его начальник штаба полковник Стаханов⁷ – дело иное. Это неисчерпаемый фонтан энергии. Работает по 20 часов в сутки, всегда свеж, решителен и быстро разбирается в каждом вопросе. Им держится всё. В прошлом – история богатая, белый офицер, дутовец⁸, переживший тысячи приключений. В дни окружения показал себя боевым офицером. Это признают даже его враги. А вражды и здесь много. Борются за «блага жизни», за чины, донцы с кубанцами, эмигранты с советскими...

В результате отката на запад, казачий обоз и сформированные из него полки докатились до северной Италии. Немцы отвели ему район Толмеццо, кишевший партизанами. Очищать пришлось с довольно упорными боями. Теперь город и близлежащие деревни в радиусе 30-40 км спокойны, но горы полны и бадольовцами⁹ – остатками итальянской армии (народ сравнительно приличный, командуют офицеры) и гарибальдийцами, в большинстве – коммунистами¹⁰. Население их поддерживает, и мы сами во многом виноваты: очищая район от партизан, здорово грабанули наши казачки.

на следствии и на процессе выдавал себя за советского агента и даже рассказывал о своем вкладе в развал казачьего движения, пытаясь облегчить свою участь.

⁷ Д.А. Стаханов – казачий есаул и войсковой старшина, начальник штаба Т.Н. Доманова, произведенный атаманом Красновым в полковники. Именно он после летнего наступления Красной Армии в Польше инспектировал Северную Италию, признав ее наиболее пригодной для будущего Казачьего стана. Избежал выдачи советской стороне, укрывшись в Альпах. В эмиграции жил под фамилией Фролов.

⁸ Из Оренбургского казачьего воинства атамана А.И. Дутова. На самом деле Стаханов был уральским казаком и в 1918-1920 гг. сражался в рядах Уральской армии.

⁹ Солдаты, сохранившие присягу итальянскому королю и новому правительству маршала Пьетро Бадольо, который заменил в августе 1943 г. правление Муссолини.

¹⁰ Партизанское движение левых сил именовало себя в честь Джузеппе Гарибальди.

Полковник Доманов и походный атаман Павлов

Пограбливают и теперь. Доманов решительных мер не принимает: слаб или ищет популярности. Немцы, – здесь стоит отряд СС, – тоже не протестуют. У них на казаков странный и неверный взгляд: искренно и глубоко ценят казацкие боевые качества, но, вместе с тем, считают нас азиатскими дикарями. Недавно генерал Соломахин¹¹ показывал немецкому главному свое юнкерское училище. Ребята действительно отборные. Немец пришел в восторг, но одновременно и страшно удивился, что юнкера смогли так

¹¹ Соламахин (встречается: Саломехин, Соломахин) Михаил Карпович (1888-1967), из казаков станицы Некрасовской Майкопского отдела Области Войска Кубанского. Участник Первой мировой войны в составе полка, Георгиевский кавалер (1917). С 1918 г. – в белых войсках на Юге России, есаул (1918), полковник (1919). Командовал разными частями, на 1920 г. – командир 1-го Хоперского полка. В составе части эвакуировался из Крыма (1920). В эмиграции в Югославии. Зимой 1944-1945 гг. откомандирован в Северную Италию в корпус генерал-майора Т.И. Доманова. Начальник Казачьего юнкерского училища в Вилла-Сантина (до февраля 1945 г.), начальник штаба (управления) корпуса. С 8 мая 1945 г. – военнопленный британской армии; передан в советскую оккупационную зону. В СССР осужден на 10 лет лагерей и 5 лет поражения в правах. Освободился после 1955 г. Последние годы жизни провел в Апшеронске Краснодарского края.

быстро освоить сложные технические знания. В Нормандии казаки, да и власовцы тоже, безобразничали по малости. Немцы пользовались в качестве пропаганды.

– Смотрите, мол, французы: эти русские смиренные, уже дисциплинированные, а если красная орда к вам придет, что тогда будет?

Казачье юнкерское училище – явление очень интересное. Юнкера – полностью советские, а персонал школы – эмигранты. Но спайка, общий язык найдены целиком и полностью. Умеют работать царские офицеры! Думается, что здесь играет немалую роль и общая идеология «стана», которую проводит генерал Краснов (в строевые и оперативные дела он не вмешивается, предоставляя их Доманову). Никакого самостийного идиотизма здесь нет (а в 15-м корпусе фон Паннвица¹², судя по их газете, он – генеральная линия)¹³. Здесь всё – Россия. Ей служим и только ей – родной. Главная установка: русская элита.

Я записался на курсы пропагандистов. Не для службы, а для себя. Иногда там Краснов выступает. Что за человек! Как говорит! Много, очень много интересного рассказывает. Нравятся мне и лекции Тарусского по русской истории¹⁴. Слов-

¹² 15-й Казачий кавалерийский корпус войск СС в составе Верхмата под командованием группенфюрера СС и генерал-лейтенанта Гельмута фон Паннвица (казнен в Москве в 1947 г.).

¹³ Ширяев отрицательно относился к «самостийным» идеям автономии казачества, как отдельной от русских расы. Он иронично пишет об этом: «В Праге мне повезло. По роду моей командировки туда мне пришлось соприкоснуться с кружком казакийцев. Встретили любезно и пригласили даже на свое собрание. Какой-то столь же малограмотный, сколь и самоуверенный, докладчик долго и внушительно излагал замечательные сведения, почерпнутые из какой-то “старой книги, хранящейся в Ватиканской библиотеке”. Очень глубокая была эта книга. Несмотря на ее древность, из нее можно было почерпнуть новейшие для многих (в том числе и для меня) сообщения об особой казакийской расе, то ли скифской, то ли германской, но от славян очень далекой и враждебной им. Даже лампасы эта раса носила еще в глубокой древности. Оспаривать эти ценные сведения, я, конечно, не стал» // Ширяев. Указ. соч. С. 75.

¹⁴ Евгений Викторович Тарусский (настоящая фамилия Рышков; 1890-1945), литератор, журналист, общественный деятель, в Гражданскую во-

Казак в г. Буя,
провинция Удине

но завеса с глаз спадает. Он – тоже писатель, но я прочесть его книг не успел. Русскую литературу, вернее выборки из нее читает ротмистр Ш-в. Этот кроет сплеча: всё, чему нас в десятилетке учили, вверх дном летит. Молчалин у него – тип положительный, работник, скромный строитель России, а Чацкий – болтун, бездельник; Герцен – саботажник русского прогресса; Некрасов – шваль, а Горький – бесталаный писатель... Однако, подумаешь, пожалуй, верно... А Шолохова нашего любит и считает, что «Тихий Дон» – обвинительный акт большевизму¹⁵. Это верно.

Интересен также и сотник Давиденко. Он ученик академика Павлова, очень талантлив...¹⁶

йну служил в Дроздовском стрелковом полку. Эвакуировался из Крыма во Францию. Автор книг «Вице Дьявол» (1929, Рига), «Дорогой дальнею» (1935, Париж), «Его величество случай» и «Серебряные тувельки» (1930-е, Тяньцзынь), «Легионер Смолич», опубликованного в журнале «Иллюстрированная Россия» (1926, Париж), и «Легион чести», опубликованного в журнале «Для вас» (1926, Рига). Был приглашен Красновым на работу в журнал «На казачьем посту». С последним эшелонном чинов штаба казачьих формирований уехал в Северную Италию (в Толмеццо). Печатался в местной газете «Земля казачья», читал на общеобразовательных курсах доклады по русской истории. По окончании войны содержался в лагере под Лиенцем и 29 мая покончил с собой, чтобы не быть выданным советским властям.

¹⁵ Ротмистр Ш-в – это, вне сомнения, сам Ширяев. Приведенные здесь характеристики русских писателей он развивает во многих своих литературоведческих статьях; см. *Ширяев Б.Н.* Бриллианты и бульжники. Очерки о русской литературе. СПб.: Алетейя, 2016.

¹⁶ Н.С. Давиденко (правильно: Давиденков), «юный оруженосец Краснова, пришедший из рядов РККА [Рабоче-Крестьянской Красной ар-

Казачий хор Сводного запасного полка в г. Буя. Публикуется впервые

* * *

Толмецо, апрель 1945 г.

Романтики я в казачестве не нашел. Люди, как люди. Разве что среди стариков попадаются красочные «шолоховские» типы, и прежде всего – сам генерал Краснов. Мне удалось с ним говорить как с писателем. Какая красивая и честная жизнь им прожита. Действительно – «последний рыцарь»¹⁷.

мии]», упомянут Ширияевым также в книге «Ди-Пи в Италии»: «В Париже я пробыл неделю и встреч было мало. Действия эмиграции я не видел, но противодействие чувствовал. Мой близкий друг, молодой офицер и журналист Н. С. Давиденков, пробыл там больше, многих видел, говорил, и вернулся в Берлин с тяжелым чувством.

– Всё нас там учить стараются, на ошибки наши указывают, а в общем чуть ли не за врагов считают, за немецких наемников, изменников “русской идее”... Черт бы их взял! Не Россия им нужна, а их Февральское словоблудие... Абстрактную идею со всех сторон рассматривают, а живого человека рассмотреть не могут» (Указ. соч. С. 19). О Давиденкове известно, что по окончании школы пропагандистов РОА в Дабендорфе он перешел в распоряжение Главного управления казачьих войск Краснова, был командирован вместе с Ширияевым в Италию, сдался с другими казаками англичанам и был выдан СССР.

¹⁷ «Старикам по душе был генерал – Георгиевский кавалер; многие служили с ним в Японскую войну. Офицеров прельщало прошлое Краснова:

У нас здесь большинство – монархисты. Особенно старики (это понятно) и... молодежь, рожденная в 1924–26 годах... Юнкера – полностью. Часто и я об этом задумываюсь: цари, конечно, не были теми пугалами, за которых их большевики выдают. Они Россию строили и выстроили. А теперь как? Однако об этом мечтать нечего: война проиграна начисто и ни о каком переустройстве России планировать не приходится. После победы Сталин еще крепче гайку завинтит. Его сила взяла. Но и конец ему придет, Народ с войны вернется не тем, каким пошел. Особенно молодежь.

На фронтах дело – дрянь. Что же с нами будет?

На днях сюда приехал от Власова полковник Гончаров (или Бочаров)¹⁸, повел агитацию за вступление всего казачества в РОА. Если бы мы были вместе с РОА, то это было бы целесообразно, а так, мы – здесь, а Власов в Карлсбаде – нелепо. Полковник же распространяет письмо генерала Науменко¹⁹ о неподчинении Краснову. Это – преступление. Кубанцы, недовольные засилием донцов, текут к Науменке. Получается разложение, склоки.

Ходят слухи, что американцы предлагают казакам выселение то ли в Австралию, то ли в Южную Америку.

гвардеец, светский, блестяще образованный генерал, бывший при дворе и в свите Его Императорского Величества. Либеральную интеллигенцию удовлетворяло то обстоятельство, что Краснов не только генерал, человек строя и военной муштровки, но писатель – значит всё же культурный человек... На сцену по-парадному молодецки вышагал стройный, несмотря на годы, красавец-генерал в мундире с густым засеvom крестов и медалей – зал покрылся рябью хлопков, ревом. Хлопки выросли в овацию. Буря восторга гуляла по рядам делегатов. В этом генерале, с растроганным и взволнованным лицом, стоящим в картинной позе, многие увидели тусклое отражение былой мощи империи» (*Ширяев*. Указ. соч. С. 105.).

¹⁸ Алексей Матвеевич Бочаров, полковник Русской Освободительной армии ген. Власова.

¹⁹ Вячеслав Григорьевич Науменко (Кубань, 1883 – США, 1979), участник Первой мировой и Гражданской войны в рядах Белой армии, во время Второй мировой войны – член Главного управления казачьих войск. Составитель сборников «Великое предательство» – материалов о выдаче казаков в Лиенце и других местах в 1945 г. (в 1953–1960 гг. в США вышло 19 выпусков).

Похороны казака. Публикуется впервые

Конечно, это чушь. Очень мы нужны американцам! Но многие верят...

Настроение подавленное.

* * *

– Всё кончается, и война кончится... – сказал генерал Краснов в своей общественной беседе с офицерами. Того, что война проиграна, не сказал, это для всех ясно. Говорил красиво, спокойно и по-старчески мудро. Но главного, о чем всё думают, не сказал. Он упирал на честь, долг, духовные ценности, а физически – то, что нам делать? Большинство уходило с беседы разочарованными, а я принял решение отделиться от массы и действовать одному, применяясь к местности.

Что же я, шкуру спасаю? Нет. Помочь здесь ничем не могу, но вполне возможно, что в будущем и найду себе применение на основе того, что Краснов говорил – на основе долга и чести...

Узнал в редакции, что радио Триеста уже не работает, а из Берлина поступают лишь обрывки. Надо думать: там уличные бои; у нас все в тревоге, но паники нет.

* * *

Кончено. Итальянский фронт пал. Партизаны спускаются с гор, но в бой с нами не вступают. Боятся. Доманов стягивает полки и казаков из деревень (семейных) в Толмеццо.

Говорят, отступаем в Австрию. Зачем? Почему? Говорят, что боимся местного населения из-за прошлых бесчинств. А по-моему, бояться нечего. Напасть на нас итальянцы не рискнут: вояки они липовые, а через три дня здесь будут американцы. Не всё ли равно?

Обозы двинулись на перевалы. Паники нет. Партизаны сопротивления не оказывают. Опасаются, главным образом, титовских «ястребков»²⁰, которые непрерывно шныряют по ущельям и сбрасывают бомбы даже на единичные автомашины.

* * *

Ушли. Я остался. Надеюсь на себя и на Бога. Теперь знаю: Он есть.

* * *

На этом кончается дневник есаула Петрова.

Алексей Алымов [Б.Н. Ширяев]

*Из цикла «Ставрополь-Берлин», часть XIV²¹
Брюссель, «Часовой», № 299, июль 1950 г.*

²⁰ Самолеты Народно-освободительной армии Югославии, под командованием И.Б. Тито.

²¹ Серия рассказов Б.Н. Ширяева об исходе из России эмиграции «второй волны», публиковавшаяся в 1949-1950 гг.

НЕПОСТИЖИМЫЕ ПУТИ ПРОВИДЕНИЯ

Приключения молодого казака в последние годы войны

Автор воспоминаний, Василий Михайлович Ротов (Париж, 1927 – Виннипег, 2014), предложил неожиданный и редкий ракурс на драматическую эпопею казаков – глазами подростка: в Казачий стан в Италии он попал в возрасте 17 лет. Избежав депортации, он сумел вместе со своим отцом уехать в Канаду, где обосновался в городе Виннипеге. Сначала Василий работал тут землемером, в после окончания университета трудился при городском правительстве инженером по городскому хозяйству. Мемуарный очерк был им опубликован в труднодоступном эмигрантском издании – в журнале Общеказачьей станицы имени атамана Каледина «Станичный вестник», г. Монреаль (№ 50, декабрь 2005 г.), который с 1989 г. издавала в Канаде бывшая «остовка», а затем педагог-славист Елена Яковлевна Шипулина. Мы предлагаем теперь воспоминания В.М. Ротова российским читателям с нашими новыми комментариями.

Хоть я и вырос во Франции, но все мои ранние воспоминания пропитаны казачьим духом. Отец мой был лейб-казак, мать – казачка Александро-Грушевской станицы. Почти все знакомые родителей были казаки, и я часто слушал, как они вспоминали родные места, походы и битвы Гражданской войны, эвакуацию и т.д.

Живя во Франции, все эти места и события мне казались сказочным эпосом. Как-то вся реальность этих рассказов не проникала в мое сознание: все равно как школьник себе представляет Ледовое побоище, Куликовскую

*Есаул М.М. Ротов
с сыном Василием, 1930 г.*

битву или походы Наполеона. Несмотря на то, что я в детстве много времени провел в Лейб-казачьем музее, в предместьях Парижа, даже сами люди, о которых вспоминали родители, мне казались сказочными. Я как-то в уме не связывал героев этих рассказов с людьми, составлявшими круг знакомых моих родителей: ведь все они ходили в ко-

стюмах и галстуках! Никто в ежедневной жизни не носил сапоги, шаровары с красным лампасом и фуражку с красным околышем! И вот, совершенно неожиданно для меня, мне привелось полностью окунуться в казачью среду, где казаки ходят в сапогах, в рейтузах с красными лампасами, и в фуражках с красным околышем, а то и в папахах!

В 1940 году меня определили в кадетский корпус Императора Николая II в Версале¹. Это было уже при немецкой оккупации Франции. Кадетский корпус был создан в 30-х годах, во время полу-коммунистического правительства «Народного фронта», так что все русские национальные проявления должны были происходить в пределах корпусного здания, тем более, что французское правительство, по закону, не разрешало иностранных «военных» учебных заведений, и нам приходилось маскироваться под видом лица. Кадетские формы носились без погон, они заменялись нагрудными значком с вензелем Николая II. Фуражки были с черным околышем, по типу французских

¹ Воспоминания автора о Версальском кадетском корпусе см. http://www.ruscadet.ru/history/rkk_1918_1964/france/rotov.htm

лицеистов, хотя и с вензелем. Воспитатели обычно ходили в штатской одежде. Такие ограничения нас, кадет, сильно удручали и ущемляли нашу гордость, так что и мы с большой радостью приняли распоряжение, что ввиду того, что французское правительство изменилось, ношение погон и красных околышей разрешается. Кадетский корпус сильно укрепил глубоко русское воспитание, заложенное во мне еще моими родителями, и я в 1943 году закончил 6-й выпуск в чине вице-унтер-офицера.

Нужно сказать, что начало сороковых годов сулило много надежд нам – русским эмигрантам. Для многих это означало возможность падения советской власти и неминуемого восстановления исторической России. Я помню, как наш корпусной рождественский спектакль в январе 1942 года начинался словами:

В год грядущий – срок второй,

Вернемся наверно домой!

Следовательно, когда немцы объявили войну Советскому Союзу, то многие русские эмигранты восприняли это, как продолжение Гражданской войны и поехали добровольцами на восточный фронт. Таким образом мой отец, Войсковой старшина Михаил Михайлович Ротов², оказался в

*В.М. Ротов
в кадетской форме, 1943 г.*

² Ротов Михаил Михайлович 1898 г.р., из казаков ст. Новочеркасской Области Войска Донского. Окончил Николаевское кавалерийское учили-

ожной России, где по личному распоряжению Петра Николаевича Краснова, ему было поручено заняться собиранием донских казаков и их семей, оказавшихся в немецком тылу.

Мой отец вырос в Новочеркасске. Его семейный дом до сих пор стоит на ул. Фрунзе (бывшей Воспитательской). В германскую войну он пошел воевать добровольцем на румынский фронт и вернулся, по ранению заслужив оставить Георгиевский крест. Будучи в отпуску, его дядя посоветовал ему вступить в казачью сотню Николаевского кавалерийского училища. Это отца весьма удивило, т.к. туда принимались преимущественно дворяне, а он всегда считал себя просто казаком!

В военное время занятия в юнкерском училище проводились ускоренным темпом, и отец закончил уже при Временном правительстве. Однако он всю свою жизнь придавал значение тому, что он присягал Государю Императору. По окончании училища, он вышел в лейб-гвардии Казачий полк в чине подхорунжия. За боевые заслуги в Гражданскую войну он был награжден орденами Станислава и Св. Анны на шее, и в чине есаула эвакуировался с Белой армией на Лемнос. Впоследствии он прослужил с полком на сербской пограничной службе до переезда во Францию в середине двадцатых годов. С этого времени и до начала Второй Мировой войны, бывшие воины Белой армии, держась по мере возможности своих военных объединений, жили воспоминанием прошлого и надеждой, что еще пригодятся России.

ще в 1917 г. Хорунжий л.-гв. казачьего полка. В Донской армии, в 1918 г. в 1-й сотне л.-гв. Казачьего полка, затем сотник. Ранен в марте 1919 г., получил чин подъесаула. Ранен в августе 1920 г. Эмигрировал через о. Лемнос во Францию. Есаул с сентября 1920 г. Умер в 1969 г. в Виннипеге, Канада. Первая жена: Ерандакова Тамара Васильевна (1908-1949); вторая жена: Соловьева Ольга Дмитриевна (см. также статью И. Сагацкого «На Лемносе»; <http://www.dk1868.ru/history/sagats2.htm>).

По окончании кадетского корпуса меня отец определил в технический институт в Берлине. Он был членом³ Главного Казачьего Управления и довольно часто приезжал в Берлин с докладами к генералу П.Н. Краснову. Таким образом, иногда он мог меня навещать. Поселился я на частной квартире, у будущей супруги моего отца, Ольги Дмитриевны Соловьевой. Приезды отца были для меня праздником. Не то, что он баловал меня и привозил лакомства, недоступные в эти тяжелые и довольно голодные дни военных времен, но он много и интересно рассказывал о его приключениях в России. Мне были знакомы все названия, которые имели впоследствии такое значение в истории казачества этого периода: Вержболово, Проскуров, Новогрудок и другие пункты сбора казаков, временные местонахождения штабов и т.д. Я помню, как он раз приехал в очень удрученном настроении, он глубоко переживал смерть, вернее убийство атамана Павлова, считая, что это большая трагедия для казаков и ничего не предвещает доброго.

Мне приходилось часто посещать ГКУ или казачий штаб, как он обычно назывался, через который шла вся наша связь с отцом. Штаб находился на Hegel Platz, у самого исторического центра Берлина; туда постоянно приезжали курьеры и проездом казачьи офицеры, которые передавали наши письма, т.е. в виду работы отца, у него не было постоянного местопребывания. Многие из офицеров, особенно при штабе, были соратники моего отца времен Гражданской войны, я их знал еще по Парижу или Югославии, куда меня отец возил неоднократно на летние каникулы. Так, например, я часто видел полковника, впоследствии генерала Семена Николаевича Краснова. Также встречал генерала А.Г. Шкуро, благосклонно относившего-

³ М.М. Ротов был в действительности заместителем члена; членами Управления были генерал П.Н. Краснов, походный атаман Казачьего стана С.В. Павлов (после его гибели – Т.И. Доманов), атаман Кубанского войска в эмиграции В.Г. Науменко и походный атаман Терского войска Н.Л. Кулаков.

ся ко мне и любившего шутить; генерала В.Г. Науменко в коричневой черкеске, высокого, стройного, безрукого⁴ и немного недоступного и много других, чьи имена попали на страницы истории при ужасных событиях в Лиенце.

Однажды меня отец взял с собой в штаб и я присутствовал при его разговоре с офицерами. Уже выяснилось, что немецкое командование, вопреки своим обещаниям, пользовались казаками как пушечным мясом. По всем признакам, надежды казаков о возможности свержения коммунизма в России, были жестоко обмануты. Некоторые из присутствующих, еще веря в благородство немецкого офицера, гадали, к кому бы обратиться за защитой: к Розенбергу, к Герингу или еще к кому? Но, увы, даже если и существовали благородные немецкие офицеры, то они имели мало влияния на решения правительства по отношению к казакам. Мне тогда показалось, что разговор этот ни чем не окончился, но оставил после себя горький осадок и чувство обреченности.

Летом 1944 года генерал П.Н. Краснов назначил моего отца донским окружным атаманом. Донские казаки обосновались в Италии, в деревне Алессо, отец был все время там, т.к. деловая нагрузка не давала ему возможности отлучаться, и уже было не до поездок в Берлин. В Берлине же обстановка ухудшалась, зачастили бомбежки. Под конец зимы здание Казачьего стана сильно пострадало, и Главное казачье управление перебралось с Hegel Platz в район Jannovitz Brucke, ближе к моему месту жительства. И нам с Ольгой Дмитриевной стало очень удобно, но не надолго, т.к. назревали новые события.

Генерал С.Н. Краснов предупредил нас, чтобы мы готовились, т.к. скоро придется покинуть Берлин. Я стал навещать штаб, чуть ли не через день, узнавая новости. Наконец, нам дали путевки в Казачий стан, там, мол, безопасно! По путевке Ольга Дмитриевна была записана Ротовой, переводчицей, и я тоже переводчиком. Мы должны были выехать в течении нескольких дней поездом на Мюнхен

⁴ Ошибка автора.

и Виллах. Мое последнее посещение штаба было, если не ошибаюсь, числа 11-го февраля 1945 года. Я еще находился в здании штаба, когда загудела тревога. Эта бомбежка была, пожалуй, одна из самых сильных и разрушительных дневных налетов на Берлин. Я, по своей молодости, ничего не боявшийся, вышел из бомбоубежища, чтобы посмотреть, что творится и увидел, что всё небо было покрыто четырехмоторными бомбовозами, и уже послышался свист падающих бомб. Я быстро нырнул в бомбоубежище, под ругань дежурного, который спешил закрыть железную дверь. Началось что-то вроде землетрясения...

Когда прозвучал отбой, то не только улицу, но и весь район города нельзя было узнать, не говоря уже о том, что всё было в дыму. Домой я добирался этапами: где-то еще работали электрички, где-то ходили автобусы ил трамваи по кусочкам уцелевших дорог, а кое-где приходилось идти пешком. Нужно удивляться организаторской способности немцев, которые уже немедленно после бомбежки стали налаживать, по мере возможности, все городские службы.

Вернулся я домой к вечеру, весь черный от дыма и застал очень взволнованную Ольгу Дмитриевну. После такого воздушного нападения уже не хотели оставаться в Берлине, тем более с востока была слышна артиллерийская стрельба. Мы нашли очень милого остарбайтера, который нам помог переехать на квартиру к знакомым ближе к центру города, недалеко от вокзала. В тот вечер я одолжил тележку и повез вещи на вокзал по разбитой мостовой под проливным дождем. Не помню как, но оставил вещи где-то на хранение до отъезда, а тележку вернули и мы остались ночевать у знакомых.

На следующий день, попав на перегруженный поезд, узнали, что это был последний поезд из Берлина. Поезд двинулся еще засветло. Мы расположились в трехклассном купе. Через некоторое время по коридору проходил один из офицеров Главного казачьего управления. Он нас заметил и сказал, что в первом классе едет генерал П.Н. Краснов со всем штабом и у него в купе есть место: «Может

быть Вам будет удобнее ехать с нами? Я его спрошу». Через некоторое время пришел офицер и помог нести чемоданы. Без особых приключений мы доехали до Виллаха. В купе сидел генерал Краснов со своей супругой и несколько нам незнакомых лиц.

По дороге мы остановились в Мюнхене, вокзал уцелел, а вокруг было все разбито.

В Виллахе нас ожидали казаки с грузовиками, а генералу Краснову подали легковую машину и он поехал в Толмеццо, где находился штаб Казачьего стана.

Нас распределили по месту назначения: кого в Донскую станицу, кого в Терскую и т.д., посадив в открытые грузовики. Ольгу Дмитриевну посадили в кабину с водителем. Колонна машин была сопровождаема военным конвоем, в случае партизанского нападения. Это была для меня диковина! Будучи городским жителем, путешествие в открытом грузовике казалось мне совершенно экзотичным видом транспорта. Я выбрал себе место непосредственно за кабиной водителя и простоял весь путь до Толмеццо, впитывая в себя все впечатления: Италия, горы, вооруженные казаки и путешествие необычным способом в неведомые места! В сумерки мы попали в Толмеццо, водитель сообщил в Алессо о нашем приезде, а они понятия не имели, что мы едем, т.к. сообщения с Берлином уже нарушились.

Когда мы подъехали к Донскому поселку, нас поджидал разъезд конных казаков, чтобы сопровождать до станицы. Тут я с радостью понял, уже не по картинкам, что окунаюсь в реальной, родной, казачий мир!

Отцу мы свалились, как снег наголову! У него была чинно установленная жизнь, выработалась ежедневная рутина и ряд взаимоотношений, которые мгновенно разрушились. Дом, где жил отец, находился у центральной площади с фонтаном, прямо напротив атаманского управления, в бывшей мэрии села Алессо. С этого местоположения отец мог наблюдать из своего окна всё то, что творилось в городке. Он отдал свою комнату Ольге Дмитриевне, а сам поселился со мной в малой квартире неподале-

ку от атаманского управления, напротив булочной, из которой каждое утро дочь итальянского булочника приносила нам свежий хлеб. Мы фактически жили на два дома. Но как впоследствии выяснилось, жить на два дома нам пришлось недолго и все эти неудобства оказались ничтожными по сравнению с тем, что пришлось нам пережить в будущем.

Я быстро подружился с казачьими ребятами моего возраста, а их было порядочно. Особенно я подружился с сыном вестового моего отца. Мы с ним гоняли в окрестности Алессо. При въезде в село было большое дикое поле, где паслись кони. Облюбовав парочку, мы на них выскакивали, хватаясь за гриву, без седла и уздечки, и гоняли во всю. Только нам было сказано, чтобы не слишком удалялись от села из-за возможного появления шнырявших там партизан, но они нам не попадались. Мой приятель где-то раздобыл несколько гранат и мы как-то пошли глушить рыбу. Бросив одну гранату на лед, а вслед за ней и другую, таким образом сделали прорубь. Ничего мы не поймали, но нам было весело. Вскоре мы прекратили эту игру, чтобы не волновались казаки от этих взрывов. Кое-кто нас спрашивал: «Что это за взрывы, с той стороны откуда вы пришли?». Мы ответили, что тоже слышали и отнесли это к горному эхо. Иногда мы лазали по скалам вокруг городка, позади церкви, откуда весь городок был виден, как на ладони.

Удивительно, как наладилась почти нормальная жизнь в Казачьем стане. Люди, которые еще недавно скитались по Восточной Европе, не зная, будут ли они живы изо дня в день, как будто вырвались из этого ада и воспрянули духом. Очевидно они так уже устали от страха и волнений, что создали себе полную иллюзию мирного бытия. Мне лично, пережившим бесконечные бомбежки в Берлине, Алессо казался как бы тихим оазисом среди бури, охватившей всю Европу.

И действительно, благодаря усердию начальства, стабильная жизнь налаживалась. Весьма обширную сельскую церковь типичной итальянской архитектуры, казаки при-

способили к православному богослужению. Служил в ней православный батюшка, отец Исидор Береза и пел хороший церковный хор под управлением Сапеньева.

Устраивали свои художественные выступления. По субботам молодежь танцевала, создали хороший джаз-банд, а молодые люди, обладавшие художественным талантом, рисовали афиши и развешивали их в селе.

Нам, молодежи, было весело. Вспоминаю, как после танцев группа нашего возраста собралась в квартире дочери войсковой секретарши, кто-то принес огромную бутылку итальянского вина, обвитую корзиной на подобие кианти.

Я подружился с девушкой, тоже родом из Парижа, и поздно вечером пошел ее провожать. А на следующий день узнал, что аккордеонист считал ее своей девушкой и приревновал, но ничего мне не сказал. Но его волнения были напрасны, т.к. вскоре моя судьба круто изменилась.

Через несколько дней после нашего приезда, походный атаман ген. Т.И. Доманов, командующий казачьим станом, прислал отцу приказ, якобы от имени ген. Краснова, сдать свою должность окружного атамана и члена Главного казачьего управления генералу Фетисову. Это отцу показалось подозрительным, т.к. генерал П.Н. Краснов, лично назначивши его на должность донского атамана, совсем недавно выразил в письме полное доверие. Отец поехал к генералу, чтобы узнать, что этот приказ действительно исходит от него и доложить о волнующих его событиях в Казачьем стане. Отец подозревал, что идет какая-то провокация и старался узнать, в чем дело. Казаки ему доверяли, делились сведениями и даже лично охраняли, т.к. на отца было два покушения и серьезное нападение партизан, именно в Алессо, т.е. на донской поселок под его управлением. Отец считал, что это не случайно. К тому же, как впоследствии писал атаман В.Г. Науменко, за последний год Доманов стал снимать с должности войсковых атаманов и заменять их людьми, более ему подходящими. Ротова тогда еще оставили на месте, т.к. он был назначен самим ген. П.Н. Красновым, который по старшинству был

выше Доманова. Отец неоднократно говорил об инфильтрации Казачьего стана советскими агентами и особенно опасался начальника штаба Доманова, полковника Стаханова, который впоследствии был замечен в форме НКВД, по словам некоторых казаков, спасшихся в Лиенце.

Отец был совершенно обескуражен, когда вернулся со встречи с ген. Красновым. Он нам сказал, что уверен, что идет большая провокация и что не миновать казакам беды!

Когда отец спросил генерала Краснова, от кого исходит приказ об устранении его с должности атамана, то Краснов сказал: «Я вижу, что творится, но я, к сожалению, совершенно бессилён что-либо предпринять, я фактически нахожусь под домашним арестом!».

Я часто вспоминал эти слова генерала Краснова и никак не мог понять, почему старший из всех атаманов вдруг оказался в таком положении? Только много лет спустя, прочитав в книге атамана Науменко «Великое предательство» о взаимоотношении атамана П.Н. Краснова и Т.И. Доманова, и о том, как Доманов присвоил себе власть в Казачьем стане, я понял в чем было дело. И также понял, в каком отчаянии был мой отец.

На следующее утро мы стали собираться в путь. Отец прошел сдавать войсковые дела в атаманское управление. Смотря на площадь из окна, я увидел вновь назначенного войскового атамана ген. Фетисова⁵, почтенного старика, добродушного вида, с большой седой бородой. Я слышал, что, не зная всей подноготной, он был польщен своим назначением на такую должность. Если бы он знал, что его ожидало через три месяца! Теперь, когда я это вспоминаю, мне очень жаль старика, тем более что он был однокашником моего деда, того же выпуска Донского кадетского корпуса в Новочеркасске.

После встречи с ген. Фетисовым отец стал заканчивать свои дела, прощаться с казаками и друзьями и зашел помолиться в церковь. Ольгу Дмитриевну отец обещал выписать, как только получит определенное назначение или

⁵ Генерал Фетисов был окружным атаманом.

найдет более постоянное место жительства. На следующее утро мы с ней расстались и покинули любимый кусочек донской земли «Новочеркасск» – Алессо.

Мы поехали на грузовике в Толмеццо, там нам дали кое-какие документы и направление на Цветль, в Австрии, где стоял запасный казачий полк или формировались казачьи части. У меня в памяти осталась такая картина: проезжая через Альпы, далеко в долине между горами, почему-то с воем пикировал самолет Stuka⁶. Чувствовалось, что после спокойной обстановки Казачьего стана, мы снова окунались в реальность войны. Немного дальше, в железнодорожном туннеле стоял спрятанный поезд. Поезда вообще уже давно не ходили. Так мы окончательно покинули Италию и Казачий стан, и попали в Виллах. Это было в начале марта.

В Виллахе уже полностью ощущалась военная обстановка: поезда ходили почти без всякого расписания и часто объездом из-за разбомбленных железнодорожных узлов. Добравшись до Цветля, мы явились на военную базу, где мне были выданы официальные немецкие бумаги с удостоверением, что я переводчик, с правом на полный паек. Казачьи бараки были пустые. С нами поместили молодого офицера, который взял меня под свою опеку, пока отец был занят. Этот симпатичный человек, бывший летчик красной авиации, много интересного мне рассказывал о своей службе, также, как они пили горячее для самолетов вместо водки, пел интересные частушки и всячески просвещал меня, 17-летнего юношу.

Отец получил направление в Вену. Путешествовали мы в объезд из-за постоянных воздушных нападений. Иногда ночевали на вокзале в ожидании какого-нибудь поезда. Почему-то нам пришлось ехать через Чехию. Там дела с продовольствием обстояли лучше, чем в Германии. Отец на базаре купил хлеб, ветчину, колбасу, т.е. в пути мы не голодали. Вдруг поезд стал где-то среди поля и кондук-

⁶ Немецкий пикирующий бомбардировщик Ju-87, или Sturzkampfflugzeug, сокр. Stuka.

торы велели нам укрыться в канавах или под вагонами, т.к. налетели истребители «З-38», так называемые «рамы»⁷, обстреляли переднюю часть поезда, но, к счастью, никуда не попали. Так мы должны были пересечь на другой поезд. Взяв чемоданы, мы пошли искать ночлег. Может быть, наша казачья форма или же статный вид моего отца помогли, т.к. нас приютила какая-то австрийская аристократка. В замечательно обставленной квартире она нас накормила деликатесами и поставила хорошую бутылку вина. Я быстро уснул на диване, а она с отцом у камина разговаривала, попивая коньяк.

И так в начале марта мы попали в Вену. Казачий штаб находился в помещении венского кафе, где-то между центром города и Пратером. Штаб был под командованием ротмистра Андерсона, знакомого отца еще по Парижу. Связь между штабом и лагерем вел сын ротмистра Андерсона, Юра, которого я тоже знал по Парижу.

Через несколько дней появился мой двоюродный дядя с отцом, братом моего деда. Они бежали из Югославии, где дядя был главным инженером на авиационном заводе в Земуне. Вещей у них с собой было очень мало, зато на каждом было одето по три костюма и пальто. Через несколько дней они поехали дальше на запад. Наконец, отец решил, что лучше всего нам пробраться к швейцарской границе, в Кемптен, где находился еще казачий штаб.

Отец сказал, что пойдет на разведку, затем вернется за мной. Начальником моим будет Андерсон, чтобы я его слушал. Я переселился в казачий штаб, но Андерсон был занят, и я гулял по городу, бил баклуши.

А отца всё нет, да нет. Наконец, пришло время покидать Вену. Слышен был гул от артиллерийской перестрелки, а вечером виднелось на востоке красное зарево. Поезда из Вены уже не ходили. Ротмистр Андерсон приказал всем работникам штаба выступить на следующее утро с обозом. Обоз подъехал к нашему кафе, вещи погрузили и мы поехали. Андерсон поехал впереди, чтобы наладить прием ка-

⁷ Американские истребители P-38 «Лайтнинг».

зачьего обоза, а нам приказали идти скорым шагом на тот же Цветель, откуда мы с отцом недавно приехали. В первый день мы прошли без остановки 100 км. Я очень устал и на ходу засыпал, держась за телегу. А на телеге ехала молодая казачка, бывшая остарбайтер, вывезенная насильно немцами из России. Она то пела песни, то вспоминала свой хутор и мечтал о том, как она вернется домой и снова увидит своего любимого «братуху», с которым ей пришлось расстаться. Что с ней случилось, сбылась ли ее мечта?

По дороге были все признаки отступления: гнались куда-то военные машины, всюду были военные заставы, которые вылавливали беглецов, отбившихся от своей части солдат и дезертиров. Кого могли, то задерживали и направляли в сборные части, откуда отсылали обратно на фронт. Но наш обоз пропускали без задержки и через несколько дней мы дошли до назначения.

Я решил направиться в Кемптен, куда поехал мой отец. Получив нужные бумаги, случайно познакомившись с казачьим юнкером, отпущенном по болезни к своей матери в Лиенц, мне оказалось с ним по пути. Его звали Игорь Гриб. Интересно отметить, что несмотря на то, что вся страна разваливалась, дисциплина как-то держалась и военное ведомство продолжало беспокоиться о бытовом благосостоянии путешествующих военных. Почти при каждом вокзале имелись полевые кухни и иногда даже место, где в пути можно отдохнуть. Благодаря этому я и мой путник не голодали. По пути встречалось много русских военных из РОА и казаков. Все куда-то стремились. Но мы спешили в Лиенц. Приехав в Лиенц, нас задержал патруль и очевидно хотел направить в сборный пункт для формирования новых частей и отправления на Восточный фронт. К счастью, нам как-то удалось выкрутиться и спокойно добраться до квартиры матери Игоря. Она нас радушно приняла. Мы выкупались, пошли подстричься и потом хорошо провели вечер в домашней обстановке. <...>

Конец войны застал нас в Зальцбурге. Здесь мы поселились на частной квартире. Вскоре после вступления аме-

риканцев открылся Русский лагерь для «ди-пи». Отца попросили возглавить там отдел труда. Из Италии ничего не было слышно и его очень беспокоила судьба Ольги Дмитриевны и казаков. Мы только и знали, что они находятся в английской зоне.

Неожиданно приехал один из уцелевших казаков и стал рассказывать об ужасах выдачи в Лиенце. Ему даже не хотели верить. Но вскоре стали появляться и другие очевидцы трагедии. Отец узнал о выдаче и гибели почти всех ему знакомых казачьих офицеров,

среди которых находились его соратники еще по Гражданской войне, его однополчане по Л.-Г. Казачьему полку, его зарубежные друзья и товарищи. Но в то же время, он благодарил Бога за то, что будучи несправедливо выставленным из Казачьего Стана, как *persona non grata*, он избежал жестокой участи, постигшей его друзей. Скоро к нему приехала Ольга Дмитриевна и уже подробно рассказала о всем пережитом в Лиенце, где она была переводчицей.

О лиенцевской трагедии было много написано. Рассказы и моего отца, и Ольги Дмитриевны можно найти в книге атамана Науменко [«Великое предательство»]. Автор этого очерка надеется, что он сумел дополнить некоторые малоизвестные детали, о которых вряд ли что-либо писалось.

М.М. и О.Д. Ротовы уехали в Канаду в 1948 г., где отец некоторое время работал по контракту ковбоем. Что же

*В.М. Ротов в 18 лет,
портрет С. Королькова*

делать-то казаку? Через год, по окончанию контракта, он переехал в город Виннипег.

До смерти в декабре 1969 года, он глубоко переживал подлое предательство казаков англичанами, страдал о потере верных соратников и друзей, и за всех усердно молился. Он вел обширную переписку с казаками, разбежавшимися по всему миру, которых сейчас уже нет в живых. Царство им небесное!

*В.М. Ротов,
Виннипег, Канада,
март 2005 г.*

ГЛАВА VI

ВОСТОЧНЫЕ ЛЕГИОНЕРЫ, ОНИ ЖЕ «РУССКИЕ МОНГОЛЫ»

*Подразделение Туркестанского легиона Вермахта,
лето 1943 г.*

Завхватив в 1941-1942 гг. огромные советские территории, Третий Рейх получил под свою власть гигантское и многонациональное гражданское население. Начальные поражения, летом 1941 г., Красной армии привели также к массовому пленению ее солдат. Чуть позднее Вермахт начал операцию по созданию частей из числа пленных красноармейцев. Помимо теорий о превосходстве арийских народов (в том числе и якобы кавказских), в ход была пущена антикоммунистическая пропаганда: коммунизм представлялся, с одной стороны, как «еврейская» выдумка, с другой – отождествлялся со сталинской диктатурой. Часть военнопленных в итоге, выбирая между жизнью и смертью, зная, что родина от них отвернулась, перешла на сторону противника. Некоторыми же из них двигало патриотическое настроение, всюю эксплуатируемое немцами, лицемерно обещавшими независимость казакам, народам Кавказа и Средней Азии и изгнание оттуда «московского большевицкого ига».

В такой атмосфере в конце 1941 г., когда в Берлине стало ясно о провале плана «молниеносной войны», началось формирование для участия в дальнейших военных действиях против СССР четырех национальных легионов – Туркестанского, Грузинского, Армянского и Кавказско-магометанского. В последний легион набирали выходцев с Кавказа исламского вероисповедания. Несколько позднее, нацисты, верные своей политике примата этнического над религиозным, решили переименовать Кавказско-магометанский легион в Азербайджанский¹. Одновременно для легионов образовали и политическую платфор-

¹ Из членов Кавказско-магометанского легиона, не являвшихся азербайджанцами, Вермахт создал небольшой Горский (Северокавказский) легион. Почти одновременно с ним был создан легион «Идель-Урал» (или Волжско-татарский) из тюркских и финно-угорских народов Поволжья и Урала.

му – будущую независимость национальных государств. Но это была лишь уловка – нацистские специалисты к тому времени тайно разработали свой внутренний проект для Восточного Причерноморья и Кавказа – тут предполагалось создать особый рейхскомиссариат Германии, безо всякой независимости каких-либо этносов. Лукавую операцию курировало два нацистских ведомства – Министерство иностранных дел (И. Риббентроп) и Министерство оккупированных восточных территорий (А. Розенберг), при участии политэмигрантов «первой волны».

Туркестанские легионеры

Гитлер, изначально не доверявший славянам-коллорационистам, к мусульманским народам питал более теплые чувства, считая их «настоящими бойцами». Но позже, когда ряд легионеров, отправленных на Восточный фронт, вернулся в Красную Армию, фюрер в сентябре в 1943 г. лично отдал распоряжение о переброске легионеров с Восточного фронта в Западную Европу, преимущественно во Францию и, в меньшей степени, в Италию и Югославию (лагеря формирования легионов находились в Польше, откуда их батальоны направлялись на разные театры воен-

ных действий). Берлин думал создать с их помощью некий заслон разгоравшемуся в Европе движению Сопротивления. Однако история пошла другим путем.

Один итальянский партизан лаконично подвел резюме событий: «Да, они пришли в Италию с немцами. Но многие из них перешли на нашу сторону»².

Позднее сдавшийся и раскаявшийся легионер (грузин Гегучадзе) рассказал:

Мы хорошо понимали, что вступая в легион, мы совершили предательство, что это является тяжким преступлением против Родины. Где это слыхано, чтобы брат шел в бой против своего брата. Но голод лишил нас здравого смысла, человеческих чувств и вызвал звериные инстинкты. Иногда люди от голода доходили до такого состояния, что готовы были из-за куска хлеба убить собственного сына. Люди от голода ползали на четвереньках. Они превращались в материал, из которого легко можно было сделать самых страшных преступников, так как теряли всякую волю и мужество³.

Фактически за громким названием легионов скрывались более скромные батальоны, набранные из военнопленных под немецким командованием. На правом рукаве у легионеров появились эмблемки с национальной символикой, чем они должны были гордиться. Помимо заигрывания с патриотическими чувствами, немцы раздували русофобию: «В порядке выполнения планов дележа России из военнопленных (и добровольцев) разных национальностей создавались батальоны, которые воспитывались в звериной ненависти не только и не так к большевизму, как ко всему русскому, <...> искусственно раздувался уродливый, злобный шовинизм»⁴.

² Из документального фильма «Рука об руку» (Ассоциация «Русский мир», Турин, 2012).

³ Цит по: *Безугольный А.* Народы Кавказа и Красная Армия. М.: Вече, 2007. С. 189.

⁴ Цит. по: *Казанцев А.С.* Третья сила: Россия между нацизмом и коммунизмом. М.: Посев, 1994. С. 106.

В самом деле, если в Русской освободительной армии (РОА) пропаганда велась антисоветская, то в восточных легионах – именно антирусская. Русские назывались не иначе как «оккупантами» и историческими врагами. Дело облегалось работой эмигрантов-националистов, готовых предоставить свои услуги в антисоветской и антирусской борьбе взамен фальшивых обещаний Берлина о независимости (под немецкой опекой) своих государств, и здесь на пользу шли наработки эмигрантов «первой волны». Одновременно планировалось стравить между собой и кавказцев. Розенберг писал: «Разграничение племен и народностей Кавказа между собой <...> облегло бы немецкому командованию господство над ними. <...> Уже сам факт использования воинской части с целью возрождения противоречий между разными народностями является политическим моментом»⁵.

Первоначально кавказские легионы предполагалось по отдельности придавать немецким дивизиям, наступающим именно на Кавказ. Позднее предусматривалась атака выходцев из Средней Азии – для наступления Германии в Азию и Индию. Для координации разношерстной массы коллаборационистов немцы создали особый Штаб командования восточными легионами (*Kommando der Ostlegionen*).

Азербайджанский легион, наиболее представленный позднее на Апеннинах, стал комплектоваться зимой 1941-1942 гг. на территории Польши. Он стоял из 2-х полков и 20 батальонов, а также других подразделений. В соответствии с принятой стратегией, формирование легиона происходило при участии так называемого «Азербайджанского правительства», созданного эмигрантами-мусаватистами, связи с которыми нацисты наладили еще накануне нападения на СССР. Основной костяк легиона составили те, кто активно сотрудничал с земляками-беженцами и видел в

⁵ Цит. по: Романько О. Советский легион Гитлера. М.: Быстров, 2006. С. 35.

создании военного корпуса возможность восстановления независимости родины.

В начале 1942 г. немцы учредили «Азербайджанский комитет», куда ввели как пленных, так и эмигрантов. Возглавил его 35-летний бывший майор Красной Армии Абдурахман Фаталибейли (известен также как Або Алиевич Дуденгинский)⁶, убежденный сторонник сотрудничества с Германией ради независимости Азербайджана.

Другие Восточные легионы – Грузинский и Армянский – состояли из соответствующих народов, в то время как Туркестанский легион не был однородным по этническому составу. В него входили туркмены, узбеки, казахи, киргизы, каракалпаки, таджики, но также и другие народы. Его учебный лагерь также устроили в Польше, в городке Легионово.

Туркестанские легионеры

Помимо собственно легионов существовали другие восточные формирования Вермахта. Это, к примеру, кавказский батальон специального назначения «Бергманн» («Горец»), впоследствии развернутый в полк.

⁶ После окончания войны А. Фаталибейли сдался американцам, которые привлекли его к работе на радиостанции «Свобода»: Фаталибейли стал создателем специального азербайджанского отдела.

Военный историк Сергей Дробязко сообщает:

На основе дислоцировавшихся в Северной Италии Грузинской, Армянской, Азербайджанской и Северокавказской боевых групп формировалось Кавказское соединение войск СС (именовавшееся также Кавказской кавалерийской дивизией) общей численностью 2400 бойцов. Временно исполняющим обязанности ее командира являлся балтийский немец, бывший офицер Российской императорской армии, полковник А. Тойерман, а во главе боевых групп (полков) и батальонов стояли кавказские офицеры. <...>

Помимо Кавказского кавалерийского соединения СС, в Северной Италии находилось около 6500 беженцев – мужчин, женщин и детей, – возглавлявшихся Кавказским национальным комитетом под председательством адыгейского князя генерала Султана Келеч-Гирея. Все боеспособные мужчины были сведены в два добровольческих полка, каждый из которых состоял из рот, сформированных по национальному признаку. Эти полки были призваны играть роль самообороны в местах размещения беженцев и одновременно служить резервом для комплектования Кавказской кавалерийской дивизии⁷.

Советская историография долгое замалчивала как существование восточных легионов, так и широкий коллаборационизм пленных. Официальная точка зрения выражалась в следующей формуле:

Из числа советских военнопленных гитлеровцы насильственным путем формировали военизированные отряды, предназначенные для охраны военных объектов, складов, обозов, а иногда и для борьбы с партизанским движением (впрочем, многие пленные шли в эти отряды с определенной целью – получить в руки оружие и при первом же случае повернуть его против своих подлинных врагов – фашистов)⁸.

⁷ Дробязко С.И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил, 1941-1945 гг. М.: Эксмо, 2005. С. 288-289.

⁸ Куликов И.Н. Указ. соч. С. 350.

Азербайджанские легионеры

Действительность была намного сложнее: легионы первоначально бросили и в бои против Красной Армии, на территории СССР. Главное же, что умалчивалось прежде – коллаборационистами порой двигала и идея, либо национально-патриотическая (как у многих кавказцев), либо антибольшевистская (как у многих русских).

После распада СССР возникли громкие дискуссии относительно коллаборационизма, в т.ч. в кавказских странах, получивших-таки независимость – ведь таковым было и устремление легионеров. Азербайджанский дипломат и очеркист Рамиз Абуталыбов взвешено пишет:

О тех, кто оказался по *ту* сторону передовой, или писались *приговоры*, смертные и на долгие сроки, или умалчивалось. Но они тоже наши соотечественники. Они тоже – часть нашей истории, поднявшие в 1943 г. флаг первой Азербайджанской Республики⁹. Жизнь и смертью своей, надеждами и страхами

⁹ Первая Азербайджанская республика существовала в 1918-1920 гг.

*Азербайджанский
легионер 162-й дивизии*

своими они тоже заслужили память о себе в дни торжеств и бед народных¹⁰.

Сам Гитлер свой союз с кавказцами особо не ценил: на совещании в декабре 1942 г. он заявил, что считает «формирование этих чисто кавказских батальонов очень рискованным», имея ввиду, в первую очередь, грузин и армян, не являвшихся мусульманами. В целом ему, как уже говорилось, более импонировали фанатичные мусульмане, в особенности, арабы. Немецкие офицеры считали назначение в вос-

точные легионы неким наказанием, откровенно выражая свое презрение к кавказцам. Жалкая структура этих корпусов не соответствовала структуре Вермахта, с минимальным числом офицеров-«туземцев», которые носили погоны по типу немецких военных чиновников, не имевших офицерского звания.

Легионеров в самом деле редко привлекали к активным боевым действиям, чаще всего занимая их во вспомогательных, контрпартизанских и тыловых операциях, а также на охране стратегических объектов. Из реальных боевых действий против советской стороны были в осенне-зимний сезон 1942-1943 гг. бои на Кавказе, затем на Кубани и в Крыму.

При этом кавказцы иногда, действительно, возвращались обратно в Красную Армию. Например, осенью 1943 г., на территории Кубани. Легионеры стали готовить переход на сторону партизан, однако те замешкались, и их выдал предатель. Немцы провели репрессии: 8 главных за-

¹⁰ Абуталибов Р. Свои среди чужих, чужие среди своих // История, 1 (25), 2007. С. 58.

чинщиков были расстреляны, еще несколько десятков человек было отправлено в концлагеря. Тем не менее, 60 легионеров сбежало и создало партизанский отряд, который дождался прихода Красной Армии.

Можно согласиться с выводом полковника Л.И. Брежнева, который, будучи начальником политотдела 18-й армии в составе Черноморской группы советских войск, в донесении от 8 января 1943 г. писал, что «легионеры не оправдали надежд немецкого командования, <...> немцы вынуждены были снятых с переднего края [легионеров] заменить своими румынскими или словацкими войсками»¹¹.

Вермахт удостоверился в нелояльности легионеров, а после поражения под Сталинградом и на Кавказе их ненадежность на Восточном фронте стала очевидной. Сложилась затруднительная ситуация – Германия полноценно использовать легионы на советской территории не могла, а расформировать их было жалко и даже опасно, так как массовый роспуск мог спровоцировать их восстание. Стал ясным и провал амбициозного плана по прорыву на Ближний Восток и в Азию. В итоге в конце сентября 1943 г. Гитлер отдал распоряжение отозвать всех легионеров с Восточного фронта и отправить их на фронт Западный.

Появились они и в Италии, где их прозвали «монголами», причем истинных монголов среди них не было. Почему же, кто, когда, при каких обстоятельствах прозвал так выходцев из советских кавказских и азиатских республик? Теперь точно ответить на этот вопрос не удастся. Кто-то из итальянцев первым пустил это определение, и оно стало достоянием массовой исторической памяти. Скорей всего, основную

¹¹ Цит. по: <http://kuzhist.narod.ru/Predатели/Istochniki/Istochniki.html>

роль здесь сыграла атавистическая память, зафиксированная и в европейской литературе, о монгольских нашествиях на Запад. Понятно, что итальянцы не знали всех обстоятельств создания Восточных легионов внутри Вермахта, а этнические различия между кавказскими и азиатскими народами в военное время не играли различия.

Мифы влияют на народное воображение сильнее, чем факты, тем более такие древние и тревожные как миф о Чингиз-Хане. Даже маститый историк Анджело Дель Бока (Del Boca), который сам лично видел восточных легионеров, не смог удержаться от этого клише: «В течении трех месяцев [осени 1944 г.] монголы не давали передышки. Их переход по эмилианским долинам оставил страшные следы – как будто тут прошли дикие орды Чингиз-Хана»¹².

Далее в своих воспоминаниях Анджело Дель Бока эпически рассказывает о приходе «русских монголов»:

Я был один на дороге, спускающейся с горы Пениче к Боббио и в один момент услышал шум телег. Эти телеги, влекомые лошадьми, прибыли прямо из Советского Союза. Я остался там целый час, наблюдая, как пара тысяч человек маршировали на подъеме. У меня даже ушел страх. Я был заморожен этими черными фигурами, шедшими в полной тишине. Никогда этого не забуду¹³.

Итальянский историк в своих воспоминаниях вспоминает о насилиях, учиненных «монголами» над мирным населением – грабежи крестьян, насилдование женщин. Это поражало и устрашало итальянцев – тем более, что до той поры их миновала ярость врага, которая бушевала на оккупированной территории Советского Союза и где зверства оккупационной армии над мирным населением стали обыкновенным и обыденным делом.

Сами немцы в конце 1944 г. уже не считали нужным тратить свои иссякающие силы на итальянских парти-

¹² Del Boca A. Prefazione // *Fabei S. Il fascio, la svastica e la mezzaluna.* Milano: Mursia, 2002. P. 8.

¹³ Он же. *La scelta.* Vicenza: Neri Pozza, 2006. P. 37.

Грузинские легионеры

зан: восточные легионы были брошены именно против разгоравшегося европейского Сопротивления – во Францию, Бельгию, Польшу. По сути дела именно в этих операциях легионеры воплотили роль «пушечного мяса» для самой грязной работы. Для легитимации военных операций против мирного населения Вермахт внушал «монголам», что их задача – суровая борьба против «бандитов-коммунистов», которым сочувствует и помогает местное население.

В тот момент Италия себе самой уже не принадлежала. Если на ее юге уже высадились союзники, то некоторые северные части – в первую очередь Ломбардия, находились под эфемерной эгидой Социальной Республики, а другие зоны – Венето, Фриули, Южный Тироль – были инкорпорированы в Третий Рейх, при возвращении австрийцев на командные роли. Немцы решили послать легионеров в горячие точки Северной Италии, но часть их отправили еще южнее, под Равенну, где им пришлось сражаться с англичанами в районе Римини – о легионерах вспоминает и британский генерал Харольд Александер в своих мемуарах.

Задачу, поставленную перед ними, – подавить партизанское движение, или же помочь остановить союзников,

*Оскар риттер
фон Нидермайер*

шедших на Север, – «монголы» в итоге не выполнили. Однако осенью и зимой 1944 г. население Венето, Ломбардии, Фриули, Пьемонта было терроризовано. Нашествие монголов казалось тут неким бичом Божиим. Даже самый их внешний вид пугал итальянцев – партизаны и местные жители позднее вспоминали об «их вое, подобно вою стаи хищников, напавших на жертву», об их «круглых и желтых лицах» и «миндальных глазах»¹⁴. Удивительно, что всё это относилось к солдатам германской армии, призванной установить на земле

господство высшей расы. «Монголы» в немецкой форме, таким образом, демонстрировали итальянцам откровенную фальшь нацизма.

В составе 162-й Тюркской дивизии Вермахта, в Северную Италию пришло около 12 тыс. легионеров. Ими командовал Оскар риттер фон Нидермайер, офицер-востоковед. Он в самом деле любил восточную экзотику и накануне войны проводил много времени в Афганистане и других странах, интригуя там против британцев. Фон Нидермайер прекрасно знал и Россию, выполняя секретные задания Берлина по развитию отношений с красной Москвой. Не без его участия готовился и пакт Молотова-Риббентропа по разделу Восточной Европы. Он с удовольствием воспринял назначение в 1942 г. на роль командующего экзотической 162-й дивизией (тогда она представляла собой еще не боевое соединение, а центр формирования восточных легионов, располагавшийся на востоке Украины). Позднее, когда фон Нидермайер уже не командовал 162-й дивизи-

¹⁴ *Delle Piane A. Appunti sulla resistenza* [Заметки о сопротивлении]. Genova: Marchese e Campora, 1954.

ей, а возглавлял штаб восточных добровольческих войск во Франции, предвидя поражение Гитлера, он неосторожно высказался об этом вслух и был посажен в тюрьму как «пораженец». Но очевидно у фон Нидермайера были в Берлине сильные покровители, так как, казалось бы, неминуемая казнь ему не досталась. Генерал имел странный жизненный конец: находясь на свободе в американской зоне оккупации, он добровольно отправился в советскую зону, рассчитывая, вероятно, там помочь своим бывшим солдатам. Однако в СССР решили арестовать его и посадить в тюрьму, где он и скончался в заточении, во Владимире, в 1948 г.

На место фон Нидермайера заступил другой генерал, Ральф фон Хайгендорф, который и руководил антипартизанскими операциями в Италии зимой 1944-1945 гг. Этот генерал некогда служил военным атташе в Москве и хорошо знал русский, который был языком коммуникации среди восточных легионеров. Как и его предшественник, он не соответствовал трафаретному образу нацистского полководца. Согласно военному донесению он был

без каких-либо политических установок по отношению к тюркским и кавказским проблемам. Очень мягок, в нем нет необходимой твердости. Проявляет удивительное равнодушие по отношению к случаям бегства легионеров, которые всё учащаются. До недавнего времени он вообще занимался лишь разработкой немецко-русского военного словаря¹⁵.

Остались свидетельства, что фон Хайгендорф проявлял странную снисходительность по отноше-

Генерал Ральф фон Хайгендорф

¹⁵ Цит. по: *Гилязов И.* Легион «Идель Урал». М.: Вече, 2009. С. 95.

Герой Советского Союза Мехти Гусейн-заде («Михайло»), перешедший к партизанам из 162-й Тюркской дивизии

нию к партизанам. Так, под его началом находился специальный полицейский отдел, *Sicherheits Abteilung* (S.A.). Несмотря на немецкое название он состоял из итальянцев-чернорубашечников, которые действовали совместно с немцами и «монголами». Члены *Sicherheits Abteilung* увидев, что фон Хайгендорф вместо казней предпочитает высылать арестованных партизан и подпольщиков в германские лагеря, стали расправляться с ними самостоятельно, не выдавая немцам... Арестованный союзниками, после войны фон Хайгендорф несколько лет находился в тюрьме, но был выпущен и умер на свободе в 1953 г.

В ноябре 1944 г. Туркестанскую дивизию дислоцировали в долинах между регионами Эмилия и Ломбардия. Для местных партизан это стало неприятным сюрпризом: несколько тысяч «монголов», вооруженных, к тому же, пушками. При этом на операции они шли не одни, а в сопровождении итальянцев – «чернорубашечников», берсальеров и альпийских стрелков. Зачистки и

насилия вышли на новый виток. Легионеры брали заложников из крестьян и посылали их впереди собственных отрядов: известны случаи, когда партизаны убивали этих несчастных крестьян. Однако, несмотря на численное пре-

восходство, партизанам, знавшим местность, удавалось выходить победителями в мелких стычках. Дель Бока пишет, что там, где «монголы» оставляли двести мертвых, партизаны теряли семь.

Иногда партизаны брали «монголов» в плен. Об одном таком пленном, оказавшимся грузином Элией, учителем из Тбилиси, Дель Бока пишет подробно, передавая его слова:

«Нам всем страшно не повезло. Нас рекрутировали, так как мы были пленными, альтернативой была смерть в немецком концлагере. Многие среди нас – антикоммунисты, я – нет»¹⁶.

Пленный – уже второй раз – в итоге тоже стал партизаном.

Симптоматично, что «монголы», переходившие к итальянским патриотам, становились «русскими», а то даже и «советскими», что подчеркивало их новую роль соучастников советской армии, которая победоносно двигалась к Берлину. Так бывший «монгол», а теперь «русский» Элия вернулся потом в свою Грузию и годами поддерживал переписку с Дель Бока.

Большой отряд «монголов», пожелавший уйти к партизанам, был уничтожен нацифашистскими карателями в Монте-ди-Незе (об этом подробнее см. ниже). Те из них, кто уцелел, в донесениях партизан также стали именоваться «русскими».

В феврале и марте, вслед за успехами союзников, Северная Италия стала очищаться от «монголов». Те из них, кто не перешел к партизанам, сдались в плен. Те, кто сражался в Соппротивлении и стали «советскими», устремились домой.

В современной итальянской литературе о «монголах» завышается религиозный компонент этой армии. Да, самому Гитлеру нравился фанатичный ислам, но называть пришедших в Италию в 1944 г. легионеров муджахидами –

¹⁶ *Del Boca A. La scelta. Op. cit. P. 82.*

это сильное преувеличение. В Туркестанской дивизии, к примеру, были и христиане (грузины и армяне), и буддисты (буряты и другие). Да и молодые мусульмане, выросшие при советской власти, были уже совсем иные. Один легионер, Иса Мусаев, старшего поколения (год рождения – 1900) сетовал, имея в виду, вероятно, свой личный опыт: «Молодежь наша выросла уже при большевистских идеалах и была почти чужой собственным родителям»¹⁷.

Преувеличением следует считать и заявление, что «монголы сражались с немцами до последнего»¹⁸.

В целом, как пишет С. Дробязко,

наиболее крупная группировка тюркских и кавказских частей к этому времени [весна 1945 г.] находилась в Италии: 162-я Тюрская пехотная дивизия в составе 303-го Туркестанского, 314-го и 329-го Азербайджанских полков; Восточно-тюркское и Кавказское соединения войск СС, а также отдельный П/198-й грузинский батальон. По замыслу лидеров кавказских и Туркестанского национальных комитетов они должны были послужить основой для формирования Кавказской Освободительной Армии и Национальной Армии Туркестана... Однако времени на реализацию этих планов уже не оставалось¹⁹.

Прибывшее в Ломбардию Восточно-тюркское соединение войск СС состояло из четырех национальных боевых полков: «Туркестан», «Азербайджан», «Идель-Урал» и «Крым». Этим соединением командовал полковник Гарун Рашид-бей, в действительности – Вильгельм Хинтерзац, пожилой австрийский военный, принявший ислам. Партизанское командование разработало планы по нейтрализации этих полков и даже по привлечению их в свои ряды. Эти планы во многом осуществились: партизанам, вступившим в контакт с бойцами полка «Азербайджан», удалось вывести многих из немецких казарм в Бергамо и переправить в надежное место – чаще всего в Швейцарию, по ломбардской

¹⁷ *Fabei S. Op. cit. P. 346.*

¹⁸ Там же. P. 378.

¹⁹ *Дробязко С.И. Указ. соч. С. 313.*

долине Валь-Брембана. Некоторые «монголы» при этом влились с оружием в руках в ряды Сопротивления.

Увы, одна из групп азербайджанцев на своем пути к свободе попала в западню.

О трагедии, разыгравшейся в тихом местечке Монте-ди-Незе, сохранилось немало свидетельств разных очевидцев, в первую очередь – местных жителей. История поразила своей кровавой жестокостью – в самом деле, эта гибель стала вообще одной из самых массовых на территории всей Италии.

Самое первое и очень подробное описание составил местный священник дон Северино Витале. В своих мемуарах он пишет о том, что 12 апреля 1945 г. все его село было взволновано появлением «русских монголов», ушедших от немцев и решивших, пусть и в последнюю минуту, сражаться против фашизма. Рано утром на спящих азербайджанцев напал выследивший их карательный отряд, состоявший из немецких и итальянских солдат. Многие азербайджанцы были сразу же убиты, оставшихся в живых расстреляли из пулеметов...

Беспощадная казнь произошла не только в Монте-ди-Незе – в соседнем городке Незе, каратели схватили и расстреляли еще восемь азербайджанцев.

*Муса Мамедов (в центре),
перешедший к партизанам из дивизии СС*

Плита в память казненных
азербайджанцев
в Монте-ди-Незе

Но всё же некоторым удалось спастись и перейти к партизанам. Один из них – Муса Мамедов – по просьбе итальянских партизан описал события в Монте-ди-Незе. С ним были еще с десятков товарищей, который затем с оружием в руках вошел в освобожденный от фашистов Бергамо. Сой меморандум, на ломанном итальянском, М. Мамедов начинает так: «Я русский, но я азербайджанец»²⁰. Воспоминания об участии азербайджанцев в Сопротивлении оставили и партизаны, в их числе – командир Натале Маццола.

Похоронами казненных в Монте-ди-Незе занялся местный житель Джованни Герарди, который устроил большую братскую могилу. Позднее на этом кладбище установили памятную доску с надписью: «*A ricordo di 120 mongoli caduti per mano fascista*» [В память 120 монголов, павших от рук фашистов]. На другой братской могиле, в Незе, стоит «*Caddero cercando in vano la libertà*» [Пали в тщетной попытке обрести свободу]. Ее устройством занимался местный священник дон Джованни Пеццотта²¹.

²⁰ Подробнее см. *Talalay M. Dal Caucaso...* Op. cit. P. 90. Характерно, что всё досе озаглавлено итальянскими архивистами Института INSMLI (Милан) как «*I Russi dall'Azerbaijan*» («Русские из Азербайджана»).

²¹ Подробнее см. *Талалай М.Г. Азербайджанские легионеры в 1945 г.: трагедия на Апеннингах // Новый часовой. № 11–12. СПб: Издательство СПбГУ, 2001. С. 430-434.*

ГЛАВА VII

ПУТЬ ДОМОЙ

*Конец войны:
тело казненного партизанами Муссолини (в центре)
и его приспешников. Милан, 29 апреля 1945 г.*

Апеннинский полуостров в самом конце Второй мировой войны увидел большую и аморфную массу русских (и не только) людей, унесенных вихрем трагических событий далеко от их родины на Востоке. Среди них были партизаны-гарibaldiйцы, военнопленные красноармейцы, работавшие в тыловых структурах, угнанные «остовцы», добровольно ушедшие с немцами казаки, бойцы «национальных легионов», набранные в концлагерях, – необыкновенно разномастный народ, разведенный даже по разные стороны фронта и объединенный лишь местом происхождения – Советским Союзом (отождествлявшимся итальянцами с Россией).

Многие десятилетия отечественная историография описывала лишь часть этой мозаики – действия советских партизан в итальянском Сопротивлении, подчеркивая оказанные им почести и маскируя при этом не только горькую участь, по возвращении, многих из них, но и существование целого архипелага «Ди-Пи», так называемых «перемещенных лиц» (*displaced persons*), по тем или иным причинам не желавших возвращаться в СССР.

В самые последние годы ряд фронтов Второй мировой войны даже предстает – возможно, преувеличенно, в духе ревизионизма, – как некое минимальное повторение Гражданской войны, т.е. вооруженной борьбы между «красными» и «белыми» (отягощенной теперь тем, что новые «белые» сотрудничали со смертельным врагом России, пусть и советской, сталинской, но все-таки – России¹).

Статистическое соотношение новых «красных» и новых «белых» было следующим: советских участников Сопротивления – около 5 тыс., а только лишь казаков с членами их семейств – более 30 тыс. (около 22 тыс. сдалось англичанам), и к ним можно бы добавить с десятков тысяч ле-

¹ Сотрудничества с Гитлером многие представители «первой волны» не могли простить «волне второй».

Лагерь «Ди-Пи» в Римини

гионеров. В общей сложности, по нашим оценкам, в Италии к концу войны, вместе с гражданскими беженцами, находилось около 100 тыс. русских (советских) людей.

Весной 1945 г., по окончании европейской бойни, все они мечтали о возвращении на родину. Но не все могли это себе позволить². Скорейшей репатриации желали, в первую очередь, участники Сопротивления, с оружием в руках внесшие свой вклад в разгром нацифашизма.

Их репатриация происходила следующим образом: бывшие партизаны получали двойные удостоверения – одно от итальянского Сопротивления, второе (обычно на основании первого) – от союзных войск. Первые документы составляли и подписывали командиры партизанских отрядов, а также функционеры итальянских Комитетов национального освобождения; вторые – визировал сам фельдмаршал Н.Р. Александер, верховный командующий Союзных войск в Центральном Средиземноморье. В первых случаях индивидуально рассказывалось о побегах из плена и о вооруженной борьбе против нацифаши-

² См. *Бичехвост А.Ф.* История репатриации советских граждан: трудности возвращения (1944-1953 гг.). Саратов, 2008.

*Дупийка из Советского Союза на Сицилии
(кадр из художественного фильма «Стромболи, земля Божья»,
реж. Роберто Росселини, 1950)*

стов и составлялись в приложениях списки боевых операций; во втором – централизованно, для всех партизан, печатался единый текст под названием «Сертификат патриота»: «От имени правительств и народов объединенных наций, благодарим <имя>, бывшего врага на поле битвы в рядах патриотов – среди тех людей, которые подняли оружие за триумф свободы, осуществляя наступательные операции, исполняя акты саботажа и доставляя военные сведения. Благодаря мужеству и преданности итальянские патриоты способствовали освобождению Италии и великому делу всех свободных людей. В новой Италии владельцы этого аттестата будут чествоваться как патриоты, сражавшиеся за честь и свободу»³.

Эти и другие документы рассматривала особая Советская Миссия по репатриации советских граждан из Италии, готовившая в итоге нечто вроде заграничных паспортов – Свидетельства на возвращение в СССР, которые визировали в консульствах СССР – в Риме и в Милане.

³ Пер. с итал. автора.

Принципы деятельности Миссии были заложены еще на рубеже 1943-1944 гг., когда на освобожденную союзниками Сицилию прибыл А.Я. Вышинский⁴. Будучи членом Союзнической контрольной комиссии в Италии, он выполнял разного рода задачи: в первую очередь, принимал участие в подготовке перехода власти от AMGOT (*Allied Military Government Occupied Territory* – Союзническое военное управление оккупированными территориями) к Союзнической контрольной комиссии, которая в свою очередь должна была привести к рулю страны новое законное итальянское правительство. Одной из задач Вышинско-

⁴ Эмигрантская пресса сообщала: «Советским представителем в Средиземноморском комитете назначен зам. Народного комиссара иностранных дел Вышинский. <...> Назначение столь высокого советского сановника, как Вышинский, в Средиземноморский комитет, является показателем того, какое большое значение Советские придают своему участию в делах Южной Европы. Они стремятся превратить Средиземноморский комитет в орган распространения большевизма» («Сталинские щупальцы в Средиземном море» // Новое слово, № 80 (566), 6 окт. 1943, с. 3). В одной из следующих статей заявлялось: «Благодаря преступному попустительству англо-американцев, большевики всё более прочно обосновываются также и в Сицилии, и в Южной Италии. Большое число проживающих там русских эмигрантов недавно “ликвидировано” людьми Вышинского. Даже те русские, которые укрылись под покровительство англо-американцев, были выданы на расправу большевикам» («Вышинский за работой» // Новое слово, № 82 (568), 13 окт. 1943, с. 1). Другой эмигрантский орган писал: «Милан, 12 октября. Газета “Корриере делла Сэра” сообщает, что белые-русские, покинувшие Сицилию и Южную Италию прибыли в Рим. После оккупации Северной Французской Африки и Сицилии большое количество белых-русских было убито комиссарами ГПУ, находившимися среди англо-американских войск. ГПУ удалось внедрить советских офицеров в войска де Голя. Поэтому Белые русские в Италии бегут в ее Северные области» («Белых убивают в южной Италии» // Парижский вестник, № 70, 16 окт. 1943, с. 1). Эти сообщения были обнаружены исследователем Д. Гузевичем (Париж) и опубликованы в: *Гузевич Дм., Гузевич И. Российская эмиграция во Франции в 1940-е годы, или Почему Париж не возродился как столица российского изгнания* // *Закат российской эмиграции во Франции в 1940-е годы: История и память*. Париж-Новосибирск: Асс. «Зарубежная Россия», 2012. С. 65-85, 249-257. Однако нельзя исключить, что сведения о ликвидации «большого количества» белых русских были преувеличены эмигрантской печатью.

го была репатриация советских военнопленных, а также и других советских/русских граждан, пребывавших в муссолиниевских лагерях на Сицилии и ее малых островах⁵. Вне сомнения, обсуждались проблемы и грядущей репатриации с материка.

Деятельность Советской Миссии, которой предшествовал визит Вышинского и другие военно-политические маневры, началась осенью 1944 г., – после учреждения в Москве Управления уполномоченного Совета Народных Комиссаров СССР по делам репатриации. Представителем в Италии тогда был назначен полковник Н.Г. Яковлев, который устроил штаб-квартиру Миссии в Риме, уже освобожденном от нацифашистов, а ее оперативную базу – в апулийском порту Таранто (начальным этапом Миссии следу-

⁵ Среди них были граждане «бывшей Российской империи» (белые эмигранты), обладатели Нансеновских паспортов и беженцы с оккупированных итальянскими войсками советских территорий. Русские заключенные не выделялись в особые подразделения и отдельная статистика по ним не велась. К примеру, в лагере на о. Лампедуза с конца 1942 г. по июль 1943 г. находились две русские женщины: 38-летняя Наталья Ивановна Абрамова, светская красавица, летчица-любительница, невеста итальянского военного атташе в Лондоне, интернированная накануне свадьбы, оставившая во Флоренции роскошную квартиру на берегу Арно и попавшая в лагерь по подозрению в шпионаже; и 18-летняя Клара Сергеевна Букреева из г. Сталино (Донецк), бывшая официантка итальянской офицерской столовой, прибывшая в Италию, спрятавшись в кузове разбитого грузовика под брезентом (сдалась полиции в г. Удине). Жених Н. Абрамовой, Гвидо Кролло, в тот же период был назначен послом Итальянской социальной республики (Салó), но несмотря на высокие связи не смог вызволить её из лагеря... У Клары Букреевой, напротив, всё сложилось успешно: влюбленный в нее раненый итальянский солдат вспомогательного батальона дивизии «Пазубио», Луиджи Франкини, направленный на лечение в Италию (который и устроил ей побег перед вступлением в город Красной Армии), сделал ей предложение руки и сердца, оформил это предложение в военных инстанциях, и через месяц Букреевой дали двухнедельный отпуск на Сицилию для знакомства с родителями жениха, перехода в католицизм и помолвки. Однако после этого ее все-таки направили в лагерь для проверки, откуда она освободилась только в июле и, по-видимому, соединилась со своим женихом. См.: *Archivio dello Stato Centrale, Direzione Generale di Pubblica Sicurezza, A4bis Internati, fascicoli personali, busta 12, busta 59*. – Сведения в Архиве обнаружил, обработал и предоставил для данной публикации исследователь Владимир Кейдан (Рим).

ет считать Комитет по репатриации, возникший в Риме на Вилле Тай в июне 1944 г. – см. главу «Римское подполье»).

Первые потоки репатриантов шли морским путем, из Таранто в Египет, оттуда через Ближний Восток, Иран, Каспийское море – в Баку, где был устроен специальный фильтрационный лагерь (этим же маршрутом в СССР вернулись участники римского подполья). Позднее, весной 1945 г., с окончанием боевых действий на Эгейском море репатриационный маршрут стал иным, проходя исключительно морем – через Дарданеллы и Черное море в Одессу. Ряд таких репатриаций (или депортаций) описан в известной книге Н.Д. Толстого «Жертвы Ялты»⁶, где эти эпизоды представлены в самых драматических тонах.

В итоге за сезон осень 1944 – весна 1945 гг. римская Миссия под началом полковника Яковлева репатриировала в СССР около 50 тыс. человек. Оставалось, как мы полагаем, приблизительно столько же (известно, что через полгода, на первое января 1946 г., насчитывалось около 40 тыс. дипийцев).

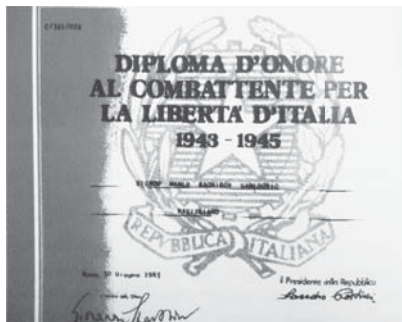
На севере Италии уполномоченным Миссии стал видный участник Сопротивления, бывший партизан Русского ударного батальона Анатолий Макарович Тарасов (1921–1971). В своих мемуарах «В горах Италии» он так описывает собственную деятельность:

Нужно оповестить советских граждан обо всем, что связано с их возвращением на родину. Парма... Более трехсот русских уже готовы к отправке на родину. Посетил редакцию и типографию <местной газеты>. <...> Пьяченца... Там тоже есть русские. И так по всем городам – Павия, Александрия, Турин, Новара, Брешия, Верона, Мантуя... Везде нужно расклеить плакаты, побывать в редакциях газет, обратиться к нашим людям по радио. Тысячи советских людей, движимые великой любовью к земле, вспоившей и вскормившей их, устремились к дорогам, ведущим на родину⁷.

⁶ См.: Толстой Н. Жертвы Ялты. Paris: YMCA-PRESS, 1988 (Исслед. новейшей рус. истории / под общей ред. А. Солженицына. Т. 7).

⁷ Тарасов А.М. В горах Италии. Л.: Лениздат, 1960. С. 164.

Можно представить, что пропаганда Тарасова не всегда воспринималась с тем энтузиазмом, который он описал (возможно, подчиняясь «нормам» своего времени). На тех же страницах мемуаров он сообщает об определенном сопротивлении Миссии, которое оказывали не только соотечественники, но даже итальянцы – не все газеты, к примеру, соглашались печатать его объявления, а иногда местная печать сообщала о насильственных депортациях. Во второй части своих воспоминаний тот же автор писал:

*Удостоверение патриота
(«Почетный диплом бойца
за свободу Италии»)*

Я все время звал его (Виктора Пирогова) домой, доказывая, что мы на чужбине никому не нужны. Как бы ни было тяжело, а со своим народом всё будет легче переносить... Виктор обещал подумать. Перед самым отъездом на Родину я снова заехал в Реджо. И тут понял, что мы пойдем разными дорогами⁸.

Эмблематично, что и сам Тарасов по возвращении домой отсидел три года в лагерях, о чем в своих воспоминаниях умалчивал.

Другой характерный случай: когда члены Советской Миссии по репатриации в 1946 г. добрались до самого севера Италии, до тирольских земель, где в городке Мерано существовал очаг «белой» эмиграции, Русский Дом, – уже немногочисленные тогда, жители этого Дома ушли на несколько дней скрываться в окружающие леса и горы. Понятно, что они не знали, что, согласно тайным пунктам Ялтинских соглашений, репатриации подлежали только бывшие *советские* граждане, а не представители «первой волны», и возник немалый переполох⁹.

⁸ Он же. Италия в сердце. Л.: Лениздат, 1976. С. 202.

⁹ См.: Марабини-Цёггелер Б., Талалай М.Г. Русская колония в Мерано: к 100-летию Русского Дома им. Бородиной. Больцано: Raetia, 1997. С. 115.

Однако уже летом 1945 г., как писал один участник Советской Миссии, «чем дальше, тем больше работа замедлялась, точно чья-то невидимая рука сыпала песок в механизм репатриации»¹⁰. Этой «невидимой рукой» автор воспоминаний, А.И. Брюханов, полагал бывших союзников – в первую очередь, американцев, хотя из дальнейшего его текста следовало, что часто и многие «соотечественники» сами не желали возвращаться...

Что касается союзников, то не все они вели себя одинаково в отношении Ди-Пи: Н. Толстой в своей книге рассказывает о некоторых противоречиях в их стане – англичане на первых порах предпочитали выполнять соглашения с советской стороной, осуществляя и насильственные выдачи, как, например, из лагеря в Риччони (в русском переводе книги «Жертвы Ялты» этот город, ныне популярный курорт под Римини, ошибочно указан как Рикони).

Перед возвращением домой советские граждане, как известно, проходили через фильтрационные лагеря на территориях разных стран – Восточной Германии, Венгрии, Польши. Не касаясь темы последующих репрессий на родине, скажем лишь, что если вначале их замалчивали, то позднее, на наш взгляд, произошел перекокс в противоположную сторону, когда чуть ли не все репатриированные представлялись жертвами советской власти. В действительности многие быстро вошли в нормальное русло жизни.

Понятным было и то, что коллаборационистов не прощали, однако здесь наблюдалась некоторая избирательность – режим был более милосердным к бывшим легионерам с Кавказа и из Средней Азии, как не являвшимся предателями с этнической точки зрения: они подвергались меньшим наказаниям, чем коренные русские – «власовцы» и «красновцы».

¹⁰ Брюханов А.И. Вот как это было: о работе миссии по репатриации советских граждан: воспоминания советского офицера. М.: Госполитиздат, 1958. С. 57.

Однако многие бывшие советские граждане все-таки остались в Италии. Именно тогда тут стала формироваться т.н. вторая волна эмиграции, – термин, появившийся много позднее: сами эмигранты в те годы называли себя «новыми» – в противовес эмигрантам «старым», послереволюционным.

Летописцем этой «новой» эмиграции стал писатель Борис Николаевич Ширяев (1889–1959), в финале войны пребывавший в качестве журналиста в Казачьем стане на севере Италии (см. выше сочиненный им «Дневник есаула Петрова»). Бывший соловецкий каторжник и ссыльный, во время своего нахождения в оккупационной зоне на юге России он редактировал несколько газет. При этом позднее он категорически отказывался полагать себя коллаборационистом: будучи горячим русским патриотом, журналист считал себя «утилизационистом» – по его словам, он намеревался использовать немцев в целях национальной России. Его вдова писала о нем так:

<в оккупации он> ведет огромную общественную работу, пользуясь своим положением и влиянием на немцев, может быть в силу прекрасного знания немецкого языка, он добивается освобождения ряда военнопленных и помогает, чем только может, попавшим в какие-либо трения с немцами. Русских он никогда не оставлял без помощи, даже рискуя свои положением¹¹.

Чутьем бывшего политзаключенного Ширяев ощутил риск сдачи на милость британцам и вместе с семьей перешел на положение беженцев, избегая каких-либо контактов с репатриационными комиссиями. В течение многих послевоенных лет он пытался уехать «за океан», но это – из-за его слабого здоровья – ему не удалось.

Подводя итоги, можно прийти к выводу, что вторая волна эмиграции в Италии, несмотря на такое яркое имя, как писатель Б.Н. Ширяев, – явление весьма незначитель-

¹¹ Ширяев Б.Н. Италия без Колизея / науч. ред. М.Г. Талалай; сост. А.Г. Власенко, М.Г. Талалай. СПб.: Алетейя, 2014. С. 111.

ное. Это подтверждают и советские источники: согласно данным Управления Уполномоченного Совмина СССР по делам репатриации, которое сворачивало свои дела, тут, к началу 1952 г. в Италии осталось всего лишь 437 бывших советских граждан, отказавшихся возвращаться. Если закономерно предположить, что не все «русские» дипийцы подверглись учету, цифра эта – необыкновенно низкая.

Репатриационное управление провело и анализ биографий эмигрантов, который весьма интересен и поэтому заслуживает обширного цитирования. Проанализированные эмигранты были разделены на три категории:

... первая группа – мужчины в возрасте от 40 до 60 лет, преимущественно врачи, учителя, адвокаты, инженеры и т.п., которых насчитывалось около 50 человек¹². Почти все они сотрудничали с фашистскими оккупантами и бежали вместе с ними за границу. Почти все они имели фальшивые документы, выданные антисоветскими организациями, удостоверяющие их принадлежность к старой эмиграции <... >; вторая группа – около 200 мужчин в возрасте преимущественно от 28 до 40 лет. Большинство из них составляли бывшие военнопленные. Часть из них служила в изменнических воинских формированиях, некоторые с оружием в руках сражались против Красной Армии и советских партизан. В 1944–1945 гг. подавляющее большинство их перешло на сторону итальянских партизан. <... > В этой группе были и те, кто не служил в изменнических формированиях, но боялся возвращения в СССР (из-за попадания живыми в плен). Многие опасались, что в СССР их могут наказать и за то, что поздно изъявили желание вернуться на Родину (не в 1945 г., а несколько лет спустя после войны). Было отмечено, что незначительное число людей из этой группы, неплохо устроившись в Италии, вело двучленную игру: внешне поддерживая связь с местными прогрессивными и коммунистическими организациями, в действительности выполняли роль провокаторов. <... > третью группу составляли женщины. Большинство из них состояло в браке с ита-

¹² Надо полагать, что Ширяев попал в эту группу; до войны он работал учителем.

*95-летний ветеран Х. Джафаров
с удостоверением итальянского патриота, Баку, 2011 г.*

льянскими гражданами, имело от этих браков детей и свое возвращение на родину ставило в зависимость от решения вопроса о приеме их мужей итальянцев в советское гражданство. Часть женщин в той или иной степени сотрудничали с фашистами в период войны, работая переводчицами, медсестрами, писарями в немецкой полиции и т.п., а теперь тщательно избегали встреч с представителями советских репатриационных миссий¹³.

К началу 1950-х гг. репатриационные миссии по существу прекратили свою деятельность, стали закрываться и лагеря. В Государственном архиве Неаполя, в рассекреченных полицейских досье, сохранилось описание последнего визита членов советской миссии, в 1952 г., в крупный лагерь дипийцев в Баньоли, под Неаполем¹⁴. Визит этот вызвал большие волнения среди русских обитателей лагеря, которые наотрез отказались встречаться с бывшими соот-

¹³ Цит. по: Земсков В.Н. Рождение «второй эмиграции» (1944–1952) // Социологические исследования. 1991. № 4. С. 15.

¹⁴ См.: Archivio di Stato di Napoli. Prefettura. II versamento. Stanza 188. Fs. 1136.

ечественниками. В результате к дипийцам обратились по трансляции, но на призыв откликнулся лишь один – испанский политэмигрант-коммунист. Однако его просьба вывезти его в СССР была отклонена...

Первые послевоенные годы тема советских участников в итальянском Сопротивлении не поднималась, многие из них, к тому же, сидели в лагерях. Лишь на рубеже 50-60-х гг. стали появляться первые журналистские очерки, затем – научные статьи и публикации отдельных мемуаров. К 70-м гг. казалось бы, почти всё было сказано, однако падение советской власти вызвало поток публикаций о «другой стороне» фронта – о РОА, казаках, легионерах. Неизбежно возникла некая информационная асимметрия.

Наша книга имела целью дать как можно полно и взвешено комплексную картину русского присутствия в Италии в последние годы Второй мировой войны.

ГЛАВА VIII

ПАВШИЕ В ИТАЛИИ

Мартиролог

Жизненный путь многих советских граждан трагически оборвался в Италии в военные 1943-1945 годы. Пленные красноармейцы умирали в концлагерях и военных госпиталях, бежавшие из плена к партизанам гибли в боях и во время карательных операций нацифашистов...

Павших партизан иногда хоронили на месте гибели, или переносили, если была возможность, их прах в близлежащие села и города. Местонахождение многих могил оказалось затем неизвестным, как, впрочем, зачастую были неизвестны и подлинные имена этих солдат, воевавших под кличками – «Иван», «Владимир», «Руссо» (т.е. «Русский») и проч.

После освобождения Италии от нацифашизма сохранившиеся могилы советских участников Сопrotивления были поставлены на учет. Над ними в первую очередь стали шефствовать отделения ANPI – Национальной ассоциации итальянских партизан. Ряд воинских захоронений – в Палестрине под Римом, в Генуе и в Милане – стал под опеку дипломатических представительств СССР (теперь Российской Федерации).

1960-е годы – период максимального внимания к воинскому некрополю, чему способствовал политический климат в Италии, а также деятельность Общества дружбы «Италия–СССР». К тому же периоду относятся исследования бывшего партизана Мауро Галлени, книга которого «I partigiani sovietici nella Resistenza italiana» (Рим, 1967), переведенная на русский язык и не раз переизданная в Италии и России, и до сих пор является ценнейшим историческим источником. В многочисленных публикациях других авторов упоминается и названная тогда М. Галлени цифра – около 420 павших советских партизан.

В те же 60-е годы появилась и серия монументов в честь партизан. Среди них выделяется Мемориал Соппротивления (*Sacrario della Resistenza*) в Турине, ранее называвшийся Полем Славы. Он возник в результате деятельности местного ветерана войны Николы Грбза, который посвятил свою жизнь розыску праха павших товарищей по партизанской борьбе¹.

В начале 90-х гг. после распада СССР и разного рода ревизионистских пересмотров военных событий интерес к партизанскому мартирологу в Италии снизился – с тем, чтобы на новом историческом витке возродиться вновь, в особенности в преддверии 70-летия победы над нацифашизмом.

В начале XXI в. о подвигах советских партизан вышли новые публикации, созданы документальные фильмы; немалую роль в успешном поиске материалов сыграли новые информационные средства, в особенности – российский интернет-ресурс «Обобщенная база данных (ОБД) погибших и пропавших без вести воинов – Мемориал».

Всё это предоставило возможность составления нового свода, куда мы включили имена не только партизан, но и вообще всех выходцев из России / СССР, погибших в Италии во время борьбы с нацифашизмом. Среди них, к примеру, – и умершие в плену красноармейцы, и гражданские лица – подпольщики, и россияне из Польской армии генерала В. Андерса и т.д. Если же, однако, сделать подсчет только лишь павших советских партизан, исключив все остальные категории, то теперь их число составляет около 450.

¹ О его благородной работе рассказывает книга Анны Роберти «*Dal recupero dei corpi al recupero della memoria. Nicola Grosa e i partigiani sovietici al Sacrario della Resistenza di Torino*» («От поиска праха до восстановления памяти. Никола Гроза и советские партизаны в туринском Мемориале Соппротивления», Турин, 2014), а также подготовленный ею, совместно с режиссером М. Гарофало, документальный фильм «*Nicola Grosa Moderno Antigone*» («Никола Гроза, Антигона современности», 2012).

Следует заметить, что на итальянской территории в 1943-1945 гг. гибли также и те выходцы из России / СССР, которые в той или иной мере сотрудничали с Германией – казаки, легионеры, рабочие на немецких военных предприятиях, складах и коммуникациях. В публикуемый ниже список их имена не включены².

Для составления свода были использованы печатные и электронные источники, информация из которых дана в синтетическом виде: после имени павших идут сведения о их рождении и смерти, затем – в квадратных скобках – о местах захоронений, после чего – краткая справка о погибших. Курсивом выделены сохранившиеся надписи на надгробиях и мемориальных досках.

Особую помощь в составлении мартиролога оказали Юлия Гавриленко, Анна Мария Канепа Мордаччи, Анна Роберти, Андрей Шумков и Массимо Эккли.

² Нами был составлен и издан общий «Российский некрополь в Италии» (М.: Старая Басманная, 2014), куда вошли и эти имена.

А

ААСЛЕПП Лео Оскарович, Кярдла, остров Хийумаа, Эстония
2.9.1918 – 21.7.1944, в плену [неизвестно]. Красноармеец
22-го (Эстонского) территориального стрелкового кор-
пуса РККА, был пленен под Старой Руссой.

АБАХАШОВ Наби, † ок. 16.6.1944, погиб в плену [Тарквиния,
пров. Витербо, Военное кладб., ЕВ, ряд 13, могила 154].

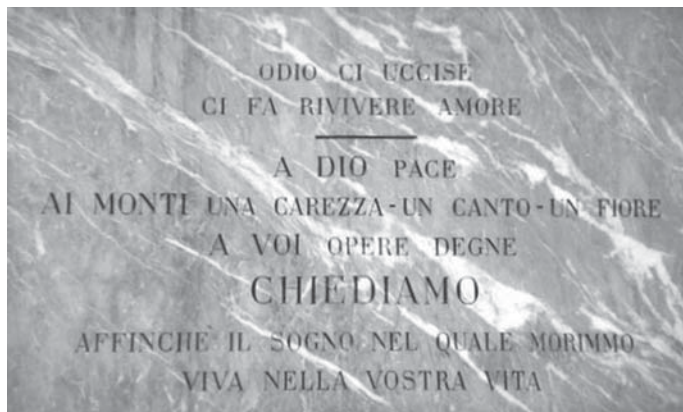
АБАШАН (Абашин, Абошиан) Иван Филиппович, Орел
1922 – 15.12.1944, Пьян-Маркиза, долина Эллеро, ком-
муна Роккафорте-Мондови, пров. Кунео [Чертоза-ди-
Пезио, пров. Кунео, Партизанское кладб.; номер захоро-
нения в ВМЦ³ 339-38, надпись *Ivan Aboschin*: над захоро-
нением шефствует секция ANPI⁴]. Моряк 3-ей Бригады
Балтийского флота, пропал без вести 4.9.1941. Призван
из Пальцевского сельсовета,
Болховского р-на Орловской
обл. Партизан бригады «Валь-
Корсалья» 5-й отдельной ди-
визии «Альпы», партизанское
имя Джованни. В 2015 г. на ме-
сте его гибели в Пьян-Маркиза
установлена новая мемори-
альная доска с текстом (на
итал. яз.): «В память русско-
го партизана Ивана Абашана,
павшего в сражении 15 дека-
бря 1944 года. Свобода не зна-
ет границ».

Могила И. Абашана и
плита на месте его гибели

³ ВМЦ (полная аббревиатура: ВМЦ ВС РФ), здесь и далее – Военно-мемориальный центр Вооруженных сил Российской Федерации.

⁴ *Associazione Nazionale Partigiani d'Italia* – Национальная Ассоциация итальянских партизан.

*Мемориальная доска на Партизанском кладбище
в Чертоза-ди-Пезио*

(«Убившая нас ненависть / возрождает любовь / у Господа просим – мир / у гор – ласку, песнь, цветков / у вас – достойного труда / дабы мечта, ради которой мы пали, жила в вашей жизни»)

АБДУЛЛАЕВ (Абдулаев), погиб в Вилла-Опичина, пров. Триест 1-2.5.1945 [Триест, городское кладб., братская могила, номер захоронения в ВМЦ 339-54, над захоронением шефствует секция ANPI г. Триеста]. Партизан бригады Базовицца.

Братская могила в Триесте

АБДУЛАЕВ Хасан – см. Абдуллаев Х.

АБДУЛАЕВ (Абдулов, Абдулай, Абулай) Николай, Ленинабад, Таджикистан 1921 – Альпе-Гардинера, пров. Турин 16.2.1945 [Кианокко, пров. Турин, городское кладб.; прах в 1965 перенесен в Турин, на городское кладб. в Мемориал Сопротивления (Sacratio della Resistenza), куб 36, ячейка 15 с надписью *Partigiano ignoto* (Неизвестный партизан), номер захоронения в ВМЦ 339-27, над захоронением шефствует местная секция ANPI]. Жена – Елена Петровна Ниточкина. Призван в РККА в июне 1941. Партизан 42-й Гарибальдийской бригады им. Вальтера Фонтана⁵. Погиб вместе с итальянским партизаном Чезаре Спунтоном; на месте гибели установлен памятный знак с надписью: «*Addì 16 febbraio 1945 / caddero trucidati / dalla furia nazista / i partigiani / Spunton Cesare / Nicolai Russo / i compagni / della 42 Brigata Garibaldi / pongono*» (В день 16 февраля 1945 г. пали жертвами нацистской ярости партизаны Спунтон Чезаре и Николай «Русский». От товарищей по 42-й Гарибальдийской бригаде».

АБДУЛЛАЕВ (Абдулаев) Хасан, Сармал Нахичеванской АССР Азербайджанской ССР 1922 – погиб 3.5.1945 [Триест, городское кладб., братская могила, номер за-

⁵ Вальтер Фонтан из 42-й Гарибальдийской бригады погиб, в возрасте 25 лет, 25 февраля 1944 г. в местечке Брудзоло в Вальсузе, когда шел на связь с советскими военнопленными, передававшими итальянским партизанам о своем намерении якобы бежать из плена. Однако это ложное сообщение было организовано немцами для устройства ловушки. После гибели В. Фонтана 42-я бригада стала носить его имя.

хоронения в ВМЦ 339-54, над захоронением шефствует секция ANPI г. Триеста]. Партизан 1-й Русской ударной партизанской бригады.

АБДУЛАЙ Николай – см. Абдулаев Н.

АБДУЛОВ Николай – см. Абдулаев Н.

АБОШИАН И.Ф. – см. Абашан И.Ф.

АБУЛАЙ Николай – см. Абдулаев Н.

АБРАМОВ Анатолий, 13.7.1914 – 27.12.1944 [Сан-Пьетроин-Казале, пров. Болонья, городское кладб., блок G]. Партизан.

АВДЕЕВ Даниил Варфоломеевич, дер. Новиково Костромская губ. 21.12.1917 – Сан-Франческо, коммуна Вито-д'Азио, долина Валь-д'Арцино 15.11.1944: *QUI RIPOSA / DANIL VARFOLOMEEVIC AVDEEV / CAPITANO DELLA CAVALLERIA SOVIETICA / CADUTO EROICAMENTE COMBATENDO / PER LA LIBERTA' D'ITALIA / Здесь почивает [sic] / Даниил Варфоломеевич Авдеев / капитан советской конницы / который героически погиб, сражаясь / за освобождение Италии* [Клаудзетто, у наружной стены коммунального кладб.]. В 1936 призван в РККА, с 7.1.1941 – старший техник 15 участка строительства оборонительных работ № 75 (или 73) Западного фронта, лейтенант. Пропал без вести в 1941 (или в первой половине 1943), т.е. попал в плен. Бежал, добрался до нейтральной Швейцарии, откуда перешел в итальянскую зону Фриули. Участник Итальянского сопротивления, командир (команданте Даниеле) батальона «Сталин». Посмертно награжден Золотой медалью «За воинскую доблесть» (июль 1986)⁶.

⁶ См. о нем: *Buvoli A. Comandante Daniele: Un ufficiale russo nella Resistenza friulana* [Командир Даниеле: Русский офицер во фриуланском Сопротивлении]. Pordenone, 2005.

*Церемония в память партизанского командира Д. Авдеева,
2013 г.*

АГАЗАДЕ Калал, Алаза 13.7.1908 – 9.1.1945 [Алессандрия, городское кладб., могила № 145].

АГЛАМОВ Геннадий Николаевич, Екатеринбург 1923 – пропал без вести после облавы [неизвестно]. Жил в Свердловске, механик автоцентра. Бежал из плена, с 10.11.1944 партизан (кличка Денади) отряда Франки бригады Оресте дивизии «Пинан Чикеро».

АДЯНИН Константин Михайлович, Арзамас Нижегородской губ. 1923 – 5.5.1945 [Мантуя, городское кладб.; позже прах был перенесен в Костермано, пров. Верона, блок 9, могила 362. Его искаженное имя – *Costantino Arjakin* – также значится в Мемориале Сопrotивления (Sacratio della Resistenza) в Турине: куб № 2, ячейка 2, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина].

АКАРОВ Акар, Грозный Терской обл. 1915 – † от ран, полученных в бою 9.1.1945 в Беттола [Беттола, пров. Пьяченца].

АКЕЕВ (Акир) Павел Иванович, Харьков 1924 – Селлеро 17.12.1944 [Селлеро, пров. Брешия, городское кладб.; прах позднее перенесен в Турин, городское кладб., Мемориал Сопrotивления (Sacratio della Resistenza), куб № 2, ячейка 1, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина]. Бежал из плена 5.12.1943 к партизанам дивизии «Зеленое пламя» (Fiamme Verdi). Погиб в перестрелке во время атаки на штаб фашистов в Селлеро.

АКОБИЯ (Акобья) Михаил Ясонович (партизанское имя Боча, иначе «Миша»), Зугдиди Кутаисской губ. 1918 – Фавелла 2.7.1944 [Фавелла, коммуна Рубиана, пров. Турин, городское кладб.; прах позднее перенесен в Мемориал Сопrotивления (Sacratio della Resistenza) в Турине, городское кладб., куб. 36, ячейка 8, с надписью *Partigiano ignoto sovietico Miscia* (Неизвестный советский партизан Миша), номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина]. Призван в РККА в 1941, пропал без вести в июле 1943.

Партизан 17-й Гарибальдийской бригады им. Феличе Чима. Взят в плен во время облавы и публично казнен.

АКОПЯН Григорий, Ереван 1908 – Дуге-Понти в Вальтреббья, пров. Генуя 13.8.1944 [неизвестно]. Партизан бригады Чиреко дивизии Пинан Чикеро (партизанская кличка Иван).

Григорий Акопян, 36-ти лет, отец 4-х детей, родился в кавказской зоне Армении, в городе Ереване. Был секретарем, затем директором одного кооператива. Пять лет службы в Красной Армии, сначала политическим комиссаром, затем капитаном. Взят в плен у Днепра шесть месяцев тому назад. Другой русский, один из самых старых партизан 3-й Гарибальдийской бригады, говорит о нем на своем понятном итальянском: «Хороший товарищ, хорошая дисциплина». Он не встретил свою смерть, когда командовал батальоном в 800 солдат и дважды был награжден; не встретил ее, когда был в заключении в концлагерях Украины, Польши, Германии, Италии. Он бежал из Генуи к нам, к партизанам, чтобы встретить смерть здесь – за Италию, за Россию, за союз народов против врагов свободы⁷.

АКУШКИН – см. Мякушин Г. П.

АЛАСКИРОВ Керим Гусейн-Бала оглы – см. Алескеров К. Г.-Б.

АЛЕКСАНДЕР Павел, Минск – ... [Нови-Лигури, пров. Алессандрия]. Партизан 16-й дивизии «Вигано».

АЛЕКСАНДР, погиб в бою против немцев 20.12.1944 в пров. Мантуя [неизвестно].

АЛЕКСАНДР (партизанское имя), погиб в Нови-Лигуре, пров. Алессандрия 30.12.1944 [неизвестно]. Партизан дивизии Вигано.

АЛЕКСАНДР (партизанское имя), † 23.12.1944 [Больцано].

АЛЕКСАНДР (партизанское имя), погиб в Валь-ди-Суза, пров. Турин, декабрь 1944 [Форно-ди-Коацце, военный оссуарий]. Считался прежде партизаном бригады Де Витис, но это не подтверждено.

⁷ Листовка «Il partigiano» [Партизан] от 12 авг. 1944 г.

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ Владимир Петрович, Киев 1905 – 2.5.1945 [Иврея, пров. Турин. Его имя – *Alexandroski Vladimiro* – означено в Мемориале Сопrotивления (*Sacrario della Resistenza*) в Турине, городское кладб., куб № 14, ячейка 20, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина]. Пропал без вести (попал в плен) в июне 1942. Возможно, военнопленный, казненный отступавшими из Пьемонта немцами.

АЛЕКСЕЕВ Дмитрий Яковлевич, дер. Фомино Дорогобужского района Смоленской обл. 1926 – 30.5.1945 [Триест, городское кладб., братская могила, номер захоронения в ВМЦ 339-54, над захоронением шефствует секция ANPI г. Триеста]. Партизан 1-й Русской ударной партизанской бригады, затем итальянской бригады Базовицца.

АЛЕКСЕЙ (партизанское имя), погиб в Рифуджо-де-Гаспери, коммуна Прато-Карнико, пров. Удине 2.4.1945 [неизвестно]. Партизан Гарибальдийской дивизии бригады Карния.

АЛЕССАНДРО (партизанское имя), погиб в Гонцага, пров. Мантуя 9.12.1944 [неизвестно]. Партизан 77-й бригады GAP⁸ (Модена).

АЛЕСКЕРОВ (Аласкиров, Альяскиров) Керим Гусейн-Бала оглы, 1921 – 1-2.5.1945, погиб в бою [Триест, городское кладб., братская могила, номер захоронения в ВМЦ 339-54, над захоронением шефствует секция ANPI г. Триеста]. Был призван в РККА из Баку, партизан Первой русской ударной партизанской бригады, затем бригады Базовицца итальянского Сопrotивления.

АЛЬ Федор Арвидович, 20.11.1921 – 25.5.1944, пал в бою под Кортино. Юрист, член объединения «Рутения».

⁸ GAP, *Gruppi di Azione Patriottica*, – Группы патриотического действия, формировавшиеся в конце войны на базе Гарибальдийских бригад.

АЛЬБЕРТ (партизанское имя), погиб в бою 26.4.1945 против немцев в Аспиче, предместье Персикелло [Персико (совр. Персико-Дозимо), пров. Кремона; надпись на могиле: «*A te che versasti il sangue / per far più rossa la tua bandiera / a te caduto sotto il piombo nemico / Persico memore pose*» (Тебе, кто пролил кровь, ради того, чтобы твое знамя стало еще более красным, тебе, павшему под вражеским свинцом, от помнящего Персико)]. Имя советского партизана «Альберта» носит улица в Персико-Дозимо – *via Albert*.

АЛЬΠΑРОВ (Алпаров) Кенжибай, погиб 1/2.5.1945 [Триест, городское кладб., братская могила, номер захоронения в ВМЦ 339-54, над захоронением шефствует секция АНПИ г. Триеста]. Член колхоза им. 18-го партсъезда, Чимбай Бахтинского сельсовета Кара-Калпакской АССР Узбекской ССР. Партизан Первой русской ударной партизанской бригады, затем бригады Базовицца.

АЛЪЯСКИРОВ Керим Гусейн-Бала оглы – см. Алескеров К. Г.-Б.

АМАНОВ Давлет, 1913 – 2.5.1945, погиб [Триест, городское кладб., братская могила, номер захоронения в ВМЦ 339-54, над захоронением шефствует секция АНПИ г. Триеста]. Перед войной жил в Первомайском сельском совете Карабакульского района Омской обл. Казахской ССР. Партизан 1-й Русской ударной партизанской бригады, затем итальянской бригады Базовицца. В 2010 на бывш. военном кладб. Триеста (*via della Pace*) был открыт мемориальный памятник от Республики Казахстан с надписью на итал., русс. и казахском языках: «*Вечная слава павшим в борьбе с нацизмом*».

АМЕРКАНОВ (Аменарков) Азур Амерканович (АМИР-ХАНОВ Азур Амирханович), 1912 – Беттола, пров. Пьяченца 23.2.1945, погиб в бою [неизвестно]. Перед войной жил в Ахалкалакском районе Грузинской ССР. Партизан бригады Кайо.

АНАНЬИН (Ананин) Иван Васильевич, дер. Орловка Татарской АССР 25.6.1905 – шталаг № 329 2.1.1943, в лазарете [Треви́льо, пров. Бергамо, мемориал павших в капелле, номер захоронения в ВМЦ 339-52, над захоронением шефствует местная секция ANPI]. Попал в плен 22.9.1941 под Оржицей, лагерный номер 15518.

АНДРЕЕВА Мария (Маруся), погибла в Казалеккио-ди-Рено, пров. Болонья 10.1.1944 [неизвестно]. Партизанка бригады Болеро.

АНЕРЬЯНОВ Григорий Андреевич, 29.9.1916 – Боббио 6.12.1944, погиб в бою [Боббио, пров. Пьяченца]. Перед войной жил в Москве. Партизан бригады Кайо.

АНЖИКОВ, погиб в Вилла-Опичина, пров. Триест 1-2.5.1945 [неизвестно]. Партизан бригады Базовицца.

АНИСИМОВ Серафим Михайлович (Серафино Анисим), Кирсанов Тамбовской губ. 1907 – Ривольта-д’Адда 6.7.1944 [Ривольта-д’Адда, пров. Кремона, городское кладб., могила № 2320. Его имя – *Onissimo Serafino* – также обозначено в Мемориале Сопротивления в Турине, городское кладб., куб № 2, ячейка 18, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина].

Капелла павших на городском кладбище в Треви́льо

АНОХИН Михаил, 1916 – 17.5.1945 [Ловере, пров. Бергамо; городское кладб.; номер захоронения в ВМЦ 339-33; над захоронением шефствует местная секция ANPI].

АНТАДЗЕ Георгий, Сачхере (Грузия) 1909 – Оваро, пров. Удине 2.5.1945, погиб в бою [Форни-Авольтри, пров. Удине, городское кладб.]. Партизан Гарибальдийской дивизии Карния; лейтенант РККА, убит казаками.

АНЧИКОВ Николай Григорьевич, 1915 – 2.5.1945, погиб [Триест, городское кладб., братская могила, номер захоронения в ВМЦ 339-54, над захоронением шефствует секция АНПІ г. Триеста]. Перед войной жил в Малышевском сельсовете Ишлеевского района Горьковской обл. Партизан 1-й Русской ударной партизанской бригады, затем итальянской бригады Базовицца.

АПЯКИН Константин – см. Адянин К.

АРКУШИН Степан Никитович, Верный, или Алма-Ата 1913 – 21.12.1944, попал в плен в Роккетта-Лигуре, пров. Алессандрия, и расстрелян в Казелла [Казелла, пров. Генуя].

АРСЕНТИЙ (партизанская кличка) – Шипников П.

АРТЕМОВ Дмитрий, погиб в Фаздо, коммуна Чинто-Эуганио, пров. Падуя 11.11.1944 [неизвестно]. Партизан итальянского Сопротивления.

Б

БАГАГОШВИЛИ (Бококашвили) Пирус (Пируз) Иванович, Кварели, Телавский у., Тифлисская губ. 1914 – Колледель-Лис, пров. Турин 2.7.1944 [Колледель-Лис; прах как неизвестного (*ignoto*) перенесен в Турин]. Призван в РККА 23.6.1941, пропал без вести в январе 1944. Партизан 17-й Гарибальдийской бригады им. Феличе Чима⁹. Попав в засаду и будучи тяжело ранен, покончил жизнь самоубийством.

Боец из 17-й Гарибальдийской бригады им. Феличе Чима, грузин Карл Матиташвили в письме на итал. яз. от 1975 г. в секцию ANPI г. Турина сообщал следующее о ее формировании: «Я, Карл Матиташвили, оказался в Италии в первые месяцы 1944 г. как советский военнопленный. Немецкие фашисты заставили нас работать на железной дороге около Турина. Наш концлагерь находился в деревне Альпиниано около Турина. Бежав из фашистского рабства, я и мои соратники по оружию – итальянские, русские и грузинские партизаны, героически сражались против общего врага в период со 2-го мая 1944 по конец января 1945 г. Сначала я был принят как пулеметчик в 17-ю, затем в 19-ю бригаду Гарибальдийской партизанской дивизии...»¹⁰. 2-го июля 1944 г. многие партизаны 17-й бригады, в т.ч. В.С. Гагнидзе, А.А. Купреишвили, Г.Е. Папошвили, «Симон» – погибли во время облавы, устроенной нацифашистами. Итальянский крестьянин, выдавший карателям местонахождение бригады, был затем казнен уцелевшими партизанами.

⁹ Феличе Чима (Cima; 1921-1943) – один из первых пьемонтских партизан, попал в засаду, взят в плен и казнен командой «СС» 27 ноября 1943 г.

¹⁰ Цит. по: *Roberti...* Op. cit. P. 32.

Монумент на месте гибели партизан в Колле-дель-Лис

*Празднование 70-летия победы над нацифашизмом
в Колле-дель-Лис (4-5 июля 2015 г.)*

БАЖЕНКОВ Степан, погиб в Кастельуво-делла-Мизерикордия, коммуна Розиньяно, пров. Ливорно 29.6.1944 [неизвестно]. Партизан бригады Валь-Сесина.

БАЙЗНИНОВ, погиб в Вилла-Опичина, пров. Триест 1-2.5.1945 [неизвестно]. Партизан бригады Базовицца.

БАКВА, погиб в Рифуджо-де-Гаспери, коммуна Прато-Карни ко, пров. Удине 2.4.1945 [неизвестно]. Партизан Гарибальдийской дивизии бригады Карния.

БАЛАК (Бабак) Алексей, умер 24.4.1945 в госпитале г. Кодоньо, пров. Милан [Турин, городское кладб., Мемориал Сопротивления (Sacario della Resistenza), куб № 32, ячейка 30, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина]. А. Роберти предполагает, это Алексей Арсентьевич Бабак, род. 1910 в Бакумовке под Киевом и пропавший без вести в 1944.

БАЛИЕВ Али, селение Мирнус под Эриванью 1907 – 27.11.1944, погиб [село Осек, пров. Гориция]. Партизан 1-й Русской ударной партизанской бригады.

БАННЫЙ Михаил, Киев 1925 – 4.4.1945, погиб в бою под Генуей [Генуя, городское кладб.].

БАРАНОВСКИЙ Иван (Жан) Тимофеевич (возм. Павлович), Россия 1918 – Сан-Пьеро, коммуна Альяна, пров. Пистойя 3.3.1944, погиб в бою [Альяна (Алиана), Городское кладб.,

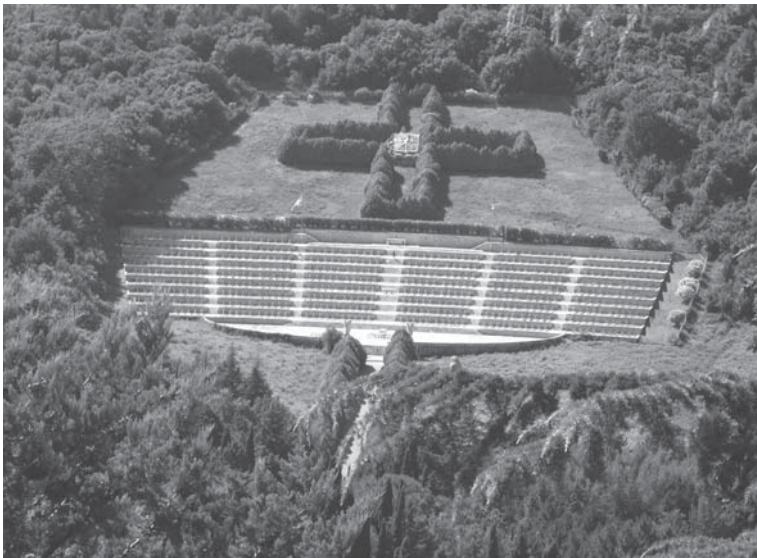

мемориальный комплекс, номер захоронения в ВМЦ 339-4, на плите стоит: *Ivan Paolo Baranovsk*; над захоронением шефствует местная секция ANPI]. Партизан бригады Боцци. В городе Альяна ему установлен памятник.

БАРАНЮК Василий Михайлович, погиб у горного массива Красс / Крассо 20.3.1945 [с. Красс близ Триеста]. Перед войной жил в городе Косов Станиславовской обл. Украинской ССР. Партизан 1-й Русской ударной партизанской бригады.

БАРОНОВ Николай, расстрелян 20.2.1945 [неизвестно]. Партизан 4-й бригады 2-й дивизии им. Феличе Кашоне. 25.1.1945 был захвачен в плен немцами в зоне Виллаталла, коммуна Прела, пров. Империя.

БАРТОШАК / BARTOSZAK Ромуальд, Полтава 23.8.1915 – 13.5.1944, погиб под Монте-Кассино [Монте-Кассино, Польское военное кладб., могила 8-Е-1; ОСПвМ-К¹¹, № 0042]. Подпоручик 15-го батальона стрелков Польской армии генерала Андерса.

Польское военное кладбище в Монте-Кассино

¹¹ Здесь и далее: ОСПвМ-К – Общий список похороненных в Монте-Кассино на Польском военном кладб. / Polish War Cemetery – <http://www.cmentarzmontecassino.com.pl/Lista.htm>

БАСТАНОВ Иван, 1904 – † регион Лигурия, дата гибели неизвестна.

БАШНИКОВ [Триест, городское кладб., братская могила, номер захоронения в ВМЦ 339-54, над захоронением шефствует секция ANPI г. Триеста].

БЕДУКИДЗЕ (Бедугидзе) Силован (Шалома, Шулова), погиб в Лезиньяно-де-Баньи 20.9.1944 [Лезиньяно-де-Баньи, пров. Парма, городское кладб., 28.3.1946 прах перенесен на кладб. Вигато, предместье Пармы, капелла Павших (Cappella dei Caduti). Его имя – *Bedughize Scialoma* – означено в Мемориале Сопrotивления (Sacratio della Resistenza) в Турине, городское кладб., куб № 2, ячейка 3, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина]. Партизан 3-й бригады «Джулия Артони».

БЕЗБОРОДОВ Василий Николаевич, дер. Некрасиха Черкутинский у. Владимирской губ. 1914 – погиб в бою в Гранеи, коммуна Коллио, пров. Брешиа 5.9.1944 [Коллио; позднее прах был перенесен в Турин, Городское кладб., Мемориал Сопrotивления, куб 4, ячейка 14, надпись «*partigiano ignoto sovietico Wassilli* (неизвестный советский партизан Василий) – 1944»]. Сын Николая Безбородова и его жены Екатерины Егоровны. Призван в РККА из Москвы в 1941, пропал без вести в сентябре 1941, т.е. попал в плен. Партизан формирования «Зеленое пламя» (Fiamme Verdi), сначала в бригаде Перласка, затем у командира Эрманно Маргерити.

БЕЛОВ (Билов) Василий, повешен немцами в Сан-Доменико-а-Перго, муниципалитет Кортоне, пров. Ареццо 8.7.1944, 22-х лет [неизвестно]. Партизан бригады Валли.

БЕЛОГОРСКИЙ Василий, † Вальмоццола, пров. Парма 17.3.1944, 30 лет [Коллезино, предместье города Баньоне, пров. Масс-Каррара, городское кладб., номер захоронения в ВМЦ 339-15]. Перед войной жил в Сталинградской обл. Партизан; схвачен в плен 14.3.1944 фашистами у

горы Монте-Барка, коммуна Баньоне, и после пыток в тюрьме Мильярина, в Специи, расстрелян.

БЕЛТЮКОВ Леонид Федорович, 1921 – 3.5.1945, погиб в Вилла-Опичина, пров. Триест [неизвестно]. Перед войной жил в Саратове. Партизан 1-й Русской ударной партизанской бригады.

БЕССЕР / *BESSER* Виктор, село Лозовата Липовецкого у. Киевской губ. 28.11.1917 – 17.5.1944, погиб под Монте-Кассино [Монте-Кассино, Польское военное кладб., могила 7-А-13; ОСПвМ-К, № 0055]. Подпоручик 2-й танковой бригады Польской армии генерала Андерса.

БИЛОВ Василий – см. Белов В.

БОВША / *BOWSZA* Константин, Санкт-Петербург 30.5.1907 – 17.5.1944, погиб под Монте-Кассино [Монте-Кассино, Польское военное кладб., могила 5-Е-19; ОСПвМ-К, № 0080]. Сержант 15-го батальона стрелков Польской армии генерала Андерса.

БОГДАЕВИЧ / *BOGDAJEWICZ* Евгений, Петроград 25.5.1916 – 12.5.1944, погиб под Монте-Кассино [Монте-Кассино, Польское военное кладб., могила 2-D-16; ОСПвМ-К, № 0068]. Старший стрелок 4-го танкового полка Польской армии генерала Андерса.

БОГИТО Джанибек, 1922 – 30.4.1945, погиб [селение Штанпель, пров. Триест]. Перед войной жил в Гурьевской обл. Казахской ССР. Партизан 1-й Русской ударной партизанской бригады.

БОГОМОЛОВ Николай, Ржевский у. Тверской губ. – 2.4.1945, погиб в бою с немцами и казаками [Пезаро, городское кладб.].

БОНДАРЕНКО Михаил, 13.2.1918 – 24.4.1945. Бывший военно-служащий немецкого ост-батальона, партизан бригады долин Верменанья и Ройя.

БОНДАРЕНКО Степан (? Шейнянково Ростовской обл.), 1902 – Оледжо-Кастелло, пров. Новара 13.3.1945 [Арона, пров.

Новара, городское кладб., ниша в колумбарии, номер захоронения в ВМЦ 339-7, над захоронением шефствует секция ANPI г. Ароны]. Партизан бригады Рокко.

БОРИС, погиб в Понте-дель-Ольо, пров. Пьяченца сентябрь 1944 [неизвестно]. Партизан 62-й бригады Луиджи Эванджелиста.

БОРИС, погиб в Стрильянелла, муниципалитет Монтале, пров. Пистойя 1944 [неизвестно]. Партизан бригады Дж. Боцци.

БОРТНОВСКИЙ / BORTNOWSKI Стефан, Калуга 19.8.1916 – 19.5.1944, погиб под Монте-Кассино [Монте-Кассино, Польское военное кладб., могила 7-А-15; ОСПвМ-К, № 0077]. Поручик 2-й танковой бригады Польской армии генерала Андерса.

БОШОВ (Бочов) Иван, погиб в Монтальчинелло, коммуна Кьюздино, пров. Сиена 24.6.1944 [неизвестно]. Партизан бригады Боскалья. Возможно, красноармеец Иван Моисеевич Бочов (род. 1904), из Омской обл., пропавший без вести летом 1942. Согласно М. Галлени, это киевлянин Иван Константинович Бошов.

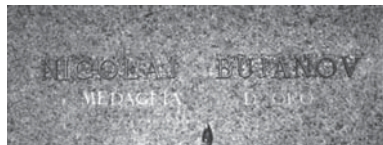
Арона, пров. Новара, городское кладбище

БРОДОВИКОВ Никифор Иванович, Екатеринбург Пермской губ. 6.2.1918 – ... [неизвестно]. Рабочий, перед войной жил в Смоленске и Астрахани. Попал в плен, бежал к итальянским партизанам, с 3.9.1944 – в отряде Вилла бригады Оресте.

БУРДИЛЛО / *BURDILLO* Роман, Москва 27.4.1911 – 12.5.1944, погиб под Монте-Кассино [Монте-Кассино, Польское военное кладб., могила 7-F-10; ОСПвМ-К, № 0099]. Старший стрелок 15-го батальона стрелков Польской армии генерала Андерса.

БУШАН Сумрат, погиб в пров. Флоренция 9.7.1944 [неизвестно]. Партизан бригады Фанчуллаччи.

БУЯНОВ Николай Григорьевич, Могилев-Подольский Подольской губ. 25.4.1925 – при дер. Капельнуово-дель-Саббиони, коммуна Каврилья, пров. Ареццо 8.7.1944, погиб [Сан-Джованни-Вальдарно, пров. Ареццо, мемориальный комплекс, номер захоронения в ВМЦ 339-26, мемориальная стела с надписью: *Nikolaj Buianov / Medaglia d'Oro* [Золотая медаль]; над захоронением шефствует местная секция ANPI]. Сын Григория Буянова и его жены Татьяны Филатовны. Участник подпольной группы школьников в Могилеве. В сентябре 1943 был арестован и отправлен в Германию в качестве оstarбайтера, доставлен на строительные работы на железнодорожную станцию в Сан-Джованни-Вальдарно.

Бежал с пятой попытки, связался с участниками Итальянского сопротивления. Партизан 5-й роты (отряда Кьятти) партизанской бригады Синигалья, кавалер Золотой медали «За воинскую доблесть» (20.5.1985, по-смертно). В городском парке им. Н. Буянова г. Каврилья поставлена мемориальная стела.

Памятный камень в парке им. Буянова с надписью: «Этот парк посвящен Сопротивлению во имя советского юноши Николая Буянова и всем павшим ради национального освобождения, город г. Каврилья в 33-ю годовщину. 1978 год».

Памятник Н. Буянову в Могилеве-Подольском

О подвиге Николая Буянова рассказывают жители местечка Кастельнуово-Саббиони, расположенного в Тоскане, в письме, адресованном Московскому радио 27 мая 1959 г. Н. Буянов был вывезен гитлеровцами на работу в Италию. Здесь он связался с итальянскими партизанами и принимал участие во многих боях. 4 июля 1944 г. фашисты начали карательную операцию против партизан, действовавших в шахтерском рай-

оне Вальдарно. Партизанский отряд стойко оборонял зону, где находилось много женщин и детей, спасавшихся от карателей. Несмотря на приказ об отходе, Буянов оставался на позиции и огнем своего пулемета остановил врага. Это позволило партизанам и мирным жителям эвакуироваться из опасной зоны. В этом бою Николай Буянов погиб¹².

БЯЛОБРЖЕЦКИЙ / *BIAŁOBRZECKI* Болеслав, Чернигов 13.3.1916 – 17.5.1944, погиб под Монте-Кассино [Монте-Кассино, Польское военное кладб., могила 7-Е-6; ОСПвМ-К, № 0061]. Стрелок 15-го батальона стрелков Польской армии генерала Андерса.

¹² Семиряга М.И. Указ. соч. С. 200.

В

ВАСИЛИЙ (партизанское имя), погиб в Граней, коммуна Коллио, пров. Брешиа 5.9.1944 [неизвестно]. Из Ворошиловграда. Партизан бригады Перласка.

ВАСИЛИЙ (партизанское имя), погиб в Казалеккио-ди-Рено, пров. Болонья 10.1.1945 [неизвестно]. Партизан бригады Болеро.

ВАСИЛИЙ (партизанское имя), погиб в Лекко, пров. Комо [неизвестно]. Партизан 55-й бригады Росселли.

ВАСИЛИЙ (партизанское имя), † Бари 1.6.1945, английский 98-й полевой госпиталь [Бари].

ВАСИЛЬЕВ, погиб в Вилла-Опичина, пров. Триест 1-2.5.1945 [неизвестно]. Партизан бригады Базовицца.

ВАСИЛЬЕВ Павел, погиб в Боккасуоло, коммуна Палагано, пров. Модена ноябрь 1944 [неизвестно]. Партизан дивизии Модена.

ВАСИЛЬЕВ Петр Александрович, Петроград 1917 – 10.1.1945, умер от ран [Рокколо, коммуна Сан-Джустино, пров. Перуджа].

ВАСИЛЬЕВ Степан Петрович, Красноводск 1908 – Феррьере, коммуна Лумарцо, пров. Генуя 29.1.1945 [неизвестно]. Партизан бригады Кайо.

29 января 1945 года был схвачен немцами в Феррьерере, когда он вместе с Томом выполнял задания по патрулированию. Васильеву и Тому, которые входили в состав бригады «Кайо», немцы выкололи глаза, вырвали зубы и содрали ногти. Потом их казнили, воткнув им в рот по ручной гранате¹³.

ВЕДОВИЧ Борис, погиб в Нус, пров. Аоста 16.7.1944 [неизвестно]. Партизан дивизии Де Витис.

ВЕЛИЕВ Абдулла Сулейманович, селение Карапапах Казахского у. Бакинской губ. 1914 – погиб 5.5.1945 [Триест, городское кладб., братская могила, номер захоронения в ВМЦ 339-54, над захоронением шефствует секция АНПІ г. Триеста]. Числился пропавшим без вести с июня 1943. Партизан 1-й Русской ударной партизанской бригады.

ВЕЛИХАНОВ Багадим, (? селение Истокумы Кусарского района Азербайджанской ССР) 1921 – 2.5.1945, погиб в Вилла-Опичина, пров. Триест [неизвестно]. Партизан 1-й Русской ударной партизанской бригады.

ВЕРКИН Федор Аркадьевич, дер. Филиппово (Петровского сельского совета Сафоновского района Смоленской обл.) 29.4.1945, погиб в Вилла-Опичина, пров. Триест [неизвестно]. Партизан 1-й Русской ударной партизанской бригады.

ВЕСЕЛОВСКИЙ Лазарь Арсеньевич, 5.3.1911 – 14.2.1943, погиб в лагере шталаг III С [Милан, кладб. Маджоре, могила № 5; надпись на плите:

¹³ *Seminiuta V.F.* Un medico sovietico ricorda le lotte combattute con i partigiani liguri [Советский врач вспоминает о борьбе вместе с лигурийскими партизанами] // *L'Unità*, 21 aprile 1965. Цит. по: *Галлени*. Указ. соч. С. 103.

Wesselowsky Bosat / 14.2.1943; над захоронением шефствует секция ANPI г. Милана]. Перед войной жил в селе Гонората Котовского района Одесской обл. Рядовой РККА.

ВЕТЛОВ Иван, Глукс Бобруйского у. Минской губ. 21.10.1915 – 5.11.1944 [Болонья, городское кладб. Чертоза]. Старшина РККА, умер в плену.

ВЕТРОВ Алексей Петрович, 1905 – Фенис 16/18.7.1944 [Фенис, пров. Аоста, городское кладб., общая могила. Его имя – *Vietrof Alexio* – означено в Мемориале Сопrotивления (*Sacrario della Resistenza*), в Турине, городское кладб., куб № 32, ячейка 2, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина]. Перед войной жил в Орском районе Чкаловской обл. Заключенный в тюрьму «Ле Нуове» в Турине, был расстрелян на развилке дороги Нус-Фенис.

ВИКТОР (партизанское имя) [Турин, Городское кладб., Мемориал Сопrotивления, куб 14, ячейка 4, с надписью *Partigiano ignoto sovietico / detto Vichtor* (Неизвестный советский партизан по прозвищу Виктор)]. Советский солдат, из военнопленных. Примкнул к Итальянскому сопротивлению. Возможно, партизан, погибший весной 1944 г. в Валли-ди-Ланцо, пров. Турин.

Бывший партизанский связной Итало Микелетти рассказывал, что в Туринской провинции ходят легенды о мужестве лейтенанта-танкиста по имени Виктор. <...> На фронте его танк был подбит, и Виктор в бессознательном состоянии попал в плен, а затем был вывезен в итальянский город Алессандро (восточнее Турина) для работы по обслуживанию немецких противовоздушных подразделений. Но советский патриот, захватив фашистский грузовик, бежал в горный городок Бовес к партизанам. <...> «Этот человек постоянно ходил рядом со смертью, – восхищенно вспоминал Микелетти. – Он не только не боялся ее, он, казалось, играл с ней. Как-то раз мы сказали Виктору об этом. Он шутиливо ответил: «Чего мне ее бояться, если я уже не однажды побывал у нее в гостях и спал с ней в об-

нимку». Но смерть все-таки подстерегла мужественного советского воина – он погиб весной 1944 г. И поныне его боевые товарищи – итальянские партизаны считают, что Виктор был самым бесстрашным партизаном в Пьемонте¹⁴.

ВИКТОР (партизанское имя), † Реджо-Эмилия 5.5.1945 [неизвестно]. Партизан 26-й Гарибальдийской бригады.

ВЛАДИМИР (партизанское имя), погиб в Валибона, коммуна Каленцано, пров. Флоренция 3.1.1945 [провинция Флоренция, Валибона, городское кладб., номер захоронения в ВМЦ 339-11, на плите надпись: *Vladimiro / partigiano sovietico / della brigata comandata / da 'Lanciotto' / morto in battaglia / contro i nazi-fascisti / il 3.1.1944 / a Valibona* (Владимир, советский партизан, из бригады под командованием Ланчотто, павший в бою против нацифашистов 3 января 1944 в Валибоне); над захоронением шефствует местная секция ANPI]. Из Москвы. Партизан бригады Ланчотто Баллерини, захвачен в плен и казнен на поле боя (бой при Валибоне, первый эпизод Сопротивления в Тоскане, происходил между партизанами «Черные волки» бригады Баллерини – командир был убит – и итальянскими фашистами и карабинерами).

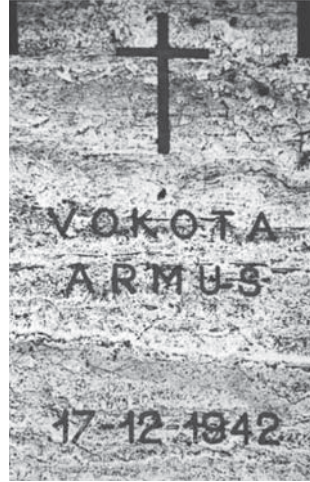
¹⁴ Московская правда, 1963, 1 дек. Цит. по: Семиряга М.И. Указ. соч. С. 213.

Памятник партизанам,
погибшим в битве при Валибоне

«У этой горы в жестокой битве с превосходящими силами нацифашистов пали, ведомые великими идеалами свободы, мира, независимости народов, партизаны <...>, советский лейтенант Владимир. 3 января 1944 – 4 июня 1967, 20-й год Конституции»

ВОКОТА Армус, † 17.12.1942 [Милан, кладб. Маджоре; могила № 1; номер захоронения в ВМЦ 339-36, над захоронением шефствует секция ANPI г. Милана].

ВОЛКОВ Василий, расстрелян 20.2.1945 [неизвестно]. Партизан 4-й бригады 2-й дивизии Феличе Кашоне. 25.1.1945 был захвачен в плен немцами в зоне Виллаталла, коммуна Прела, пров. Империя.

ВОЛКОВ (Волхов, Вольнов) Иван Петрович, дер. Большая Быстрая Орловского у. и губ. 2.3.1925 (1915) – 6.3.1945, погиб в Валь-Маире, пров. Кунео [Фоссано, пров. Кунео (Лема), затем перезахоронен в Верцуоло, пров. Кунео, городское кладб., номер захоронения в ВМЦ 339-12]. Вместе с женой и тестем Анатолием Евгеньевичем Ереминым был угнан на работу в Германию. Бежал к итальянским партизанам. Партизан 181-й бригады (Морбидуччи) 11-й дивизии¹⁵.

Осколком мины Ивану оторвало левую кисть руки. Он добрался до безопасного места за сторожевой будкой у дороги и, поддерживая кровавой культей автомат, разрядил его в противника. Четверо или пятеро фашистов подобралась сзади и изрешетили его пулями¹⁶.

ВОЛКОВ Михаил, 1914 – регион Лигурия, время гибели неизвестно.

ВОЛОДЯ (партизанское имя), погиб у горы Моттароне, пров. Новара декабрь 1944 [неизвестно]. Партизан бригады Сервадеи.

¹⁵ Алоян А. Долгая дорога к дому // Просторы России. 2005, 8 июня. № 23 (598).

¹⁶ Свидетельство Карло Раце, партизанская кличка Карлетто. Цит. по: Галлени. Указ. соч. С. 121.

ВОЛОДЯ (партизанское имя), погиб в пров. Новара [неизвестно]. Партизан бригады «Мученики Вальгранде».

ВОЛХОВ Иван Петрович – см. Волков И. П.

ВОЛЬНОВ Иван Петрович – см. Волков И. П.

ВОРОНЦОВ Афанасий, 1913 – Турин 23.2.1943¹⁷, военный госпиталь [Турин, городское кладб., зона 7 G, в 1964 г. прах перенесен в Мемориал Сопrotивления (Sacratio della Resistenza), куб № 14, ячейка 9, имя *Afanisij Voronzov*, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина].

ВЯТКИН Алексей, погиб в пров. Беллуно [неизвестно]. Партизан бригады А. Грамши.

¹⁷ Следовательно, А. Воронцов не мог быть участником Сопrotивления, развернувшегося после 8 сентября 1943 г.

Г

ГАВРИЛОВ Степан, † 14.2.1943
[Милан, кладб. Маджоре, могила № 3; номер захоронения в ВМЦ 339-36, над захоронением шефствует секция ANPI г. Милана].

ГАГЕРУНСОВ Ю.А. – см. Кохановский С.А.

ГАГЕРУНЦЕВ Ю.А. – см. Кохановский С.А.

ГАГНИДЗЕ Вахтанг Саидрович, Кутаиси, Грузия 1920 – пропал без вести, Колле-дель-Лис 2.7.1944. Красноармеец 275-й стрелковой дивизии, 13.11.1942 попал в плен. После побега от немцев перешел к итальянским партизанам. Возможно, именно он был похоронен как «Иван» на горе Пунта-делла-Фрасса близ Колле-дель-Лис.

ГАСПАР (партизанское имя), погиб в Боско, коммуна Казанова-Лерроне, пров. Савона 20.1.1945 [неизвестно]. Партизан дивизии Кашоне.

ГИНЗБУРГ Лев Федорович, Одесса 4.4.1909 – Рим 5.2.1944 [Рим, кладб. Верано]. Литератор, подпольщик, замучен в Гестапо. См. о нем выше биографический рассказ.

ГЛАДКОВ (Глатков) Константин Владимирович, Липовицы Ярославского у. и губ. 22.11.1921 – шталаг № 329 14.4.1943, в лазарете [Тревилио, пров. Бергамо, ряд N, могила 64, мемориал павших в часовне, номер захоронения в ВМЦ 339-52, над захоронением шефствует местная секция ANPI]. Попал в плен 27.8.1941 под Уманью, лагерный номер 6729.

ГОГОШВИЛИ Георгий, погиб в Колле-дел-Лус, пров. Турин 2.7.1944 [неизвестно]. Партизан бригады им. Феличе Чима.

ГОГУНОВ Василий Павлович, Казалинск, Казахской АССР 1923 (или 1924) – Сан-Даниэле (совр. Сан-Даниэле-дель-Фьюме), пров. Удине 17.5.1945 [Сан-Лука, могила 92; его имя – *Basilio Gogunov* – означено в Мемориале Соппротивления (*Sacrario della Resistenza*), в Турине, городское кладб., куб № 32, ячейка 18, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина]. Партизан бригады Озоппо-Фриули.

ГОЛУБИЦКИЙ (Колобиковский, Коловикковский) Григорий, † 2.5.1945 [Иврея, пров. Турин; позднее прах перенесен в Мемориал Соппротивления (*Sacrario della Resistenza*) в Турине, городское кладб., куб № 14, ячейка 24, имя *Golobitgski Grigorii*, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина]. Возможно, военнопленный, казненный отступавшими из Пьемонта немцами.

ГОМОНОВ Андрей, (возм., дер. Кольджинская Ростовской обл.) – 12.2.1944, погиб в бою [Каприци, пров. Фриули].

ГОРБАЧЕВ Григорий, 1928 – 2.6.1945, умер от туберкулеза [Таранто, Военное кладб., участок № 2, ряд Ф, могила № 10].

ГОРЕВ (Гориев) Яков, в дер. под Орлом 1920 – 31.10.1944 (по другим данным 1.11.1944), погиб в Несполо, окрестностях Тильето [Тильето, пров. Генуя; затем прах перенесен в Геную, Городское кладб., Поле Славы, номер за-

хоронения в ВМЦ 339-20, надпись: *Jakov Goriev / "Luka" / Oriel (Urss) / 1920 / Tiglieto (GE) / 31 ottobre 1944*; над захоронением шефствует местная секция ANPI]. Сержант 47-го полка 315-й стрелковой дивизии РККА, был захвачен в плен. 8.9.1943 бежал из эшелона близ Ронко-Скривия, пров. Генуя. Участник Соппротивления в составе дивизии Минго; партизанское имя Лука.

ГОРЕКОВ Афанасий, погиб в Казелла, пров. Генуя 21.12.1944 [неизвестно]. Партизан бригады Оресте дивизии «Пинан Чикеро».

ГОРИЕВ Яков – см. Горев Я.

ГОРШКОВ Афанасий, Саратов 1912 – Казелла-Скривия 21.12.1944; в декабре 1944 попал в плен в Роккетта-Лигуре, пров. Алессандрия и был расстрелян [Казелла, пров. Генуя]. Партизан бригады Оресте.

ГОСПАР, погиб в Казанова-Лерроне, пров. Савона 20.1.1945 [неизвестно]. Партизан 6-й бригады 2-й дивизии Сильвио Бонфанте.

ГОЧИДОВ Иван, погиб в Казелла 21.12.1944 [Казелла, пров. Генуя]. Партизан бригады Оресте.

ГРИГОРИЙ (партизанское имя), погиб у горы Монте-Кайо, пров. Парма 20.11.1944 [неизвестно]. Партизан 144-й Гарибальдийской бригады.

ГРИГОРИЙ (партизанское имя) – см. Петров И.

ГРИГОРЬЕВ Андрей Андреевич, Баку 1917 – ... [неизвестно]. Сын Андрея и Марии Григорьевых. Партизан 5-й бригады 2-й дивизии Феличе Кашоне.

ГРИГОРЬЯН (Григорян) Аветис Мкртыч (Мкртычевич), погиб 1/2.5.1945 [Триест, городское кладб., братская могила, номер захоронения в ВМЦ 339-54, над захоронением шефствует секция ANPI г. Триеста]. Перед войной жил в городе Шаумян (до 1925 – Шулаверы) Грузинской ССР. Партизан 1-й Русской ударной партизанской бригады.

ГРИНБЕРГ Александр – см. Грюнберг А.

«ГРОЗНЫЙ» – см. Пивоваров В. З.

ГРОМОВ Иван, † Боббио, пров. Пьяченца 1944 [Турин, городское кладб., Мемориал Соппротивления (Sacratio della Resistenza), куб № 2, ячейка 12, с именем *Giovanni Gromov*, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина].

ГРЮНБЕРГ (Гринберг) / *GRUNBERG* (Grinberg) Александр, Херсон 31.12.1914 – 12.5.1944, погиб под Монте-Кассино [Монте-Кассино, Польское военное кладб., могила 1-F-1; ОСПВМ-К, № 0241]. Капрал юнкеров 10-го батальона саперов Польской армии генерала Андерса.

ГРЯЗКО (Хоряшко) Иван, 1911 – 1945 [Турин, городское кладб., Мемориал Соппротивления (Sacratio della Resistenza), куб № 32, ячейка 27, с надписью: *Horyashko Ivan / sovietico*, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина].

ГУБАН (Хубан) Иван, 1921 – Пьяченца 21.5.1945 [Пьяченца, городское кладб., Партизанская площадка (Campetto Partigiani), позднее прах перенесен в Турин, городское кладб., Мемориал Соппротивления (Sacratio della Resistenza), куб № 2, ячейка 13, с надписью *Huban Ivan / detto Lapaci Ivan* (Губан Иван, прозванный Лапачи Иван), номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина].

ГУБИН Павел, Терновое Харьковской обл. 8.12.1926 – 2.12.1944 [Савиньо, пров. Болонья, городское кладб., могила № 8-0].

ГУРЯЕВ (Курияев, Курияр, Куриаер) Федор Абрамович, 1921 – 1944, казнен [Фенис, пров. Аоста. Его имя – *Gurjajew Fedor* – означено в Мемориале Сопrotивления (*Sacrario della Resistenza*) в Турине, городское кладб., куб № 32, ячейка 14, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция АНПИ г. Турина]. Партизан дивизии Де Витис. Заключенный в тюрьму «Ле Нуове» в Турине, был расстрелян на развилке дороги Нус-Фенис.

ГУСЕЙНОВ Вилаят Абульфат-оглы (Хусаинов Илья), Тертер (Азербайджан) – 31.12.1944 [Буссето, коммуна Пекорара, пров. Пьяченца. Его имя – *Yuseinov Vilayrt* – означено в Турине, городское кладб., Мемориал Сопrotивления (*Sacrario della Resistenza*), куб № 2, ячейка 21, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция АНПИ г. Турина].

*Первоначальный
памятник на могиле
В. Гусейнова*

Д

ДАВИДОВИЧ Борис Давыдович – см. Давыдович Б.Д.

ДАВЛАТОВ (Даулатов) Григорий, † Фонтанафредда, коммуна Роккетта-ди-Вара, пров. Специя июль 1945 [неизвестно]. Партизан бригады Ванни-Грамши.

ДАВЫДОВИЧ (Давыдов, Давидович) Борис Давыдович, 1918 / 1923 (?) – Фенис 1944 [Фенис, пров. Аоста. Его имя – *Boris Davidovich* – означено в мемориале в Турине, городское кладб., куб № 32, ячейка 9, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция АНПР г. Турина]. Заключение в тюрьму «Ле Нуове» в Турине, был расстрелян на развилке дороги Нус-Фенис.

ДАНЕЛИЯ (Данел) Шалва, Самтрედия (Грузия) погиб в Оваро, пров. Удине 5.5.1945 [Форни-Авольтри, пров. Удине, городское кладб.]. Партизан Гарибальдийской бригады Карния; рядовой РККА, убит казаками.

ДАНИЛОВ Василий Данилович, Калуга (СССР) 1919 – погиб 6.1.1945, *WASSILY DANIELOVIC*, 1919–1945 [Рим, кладб. Тестаччо, III, IV, 1, 4, tomba № 1110; № 2446; NCCR]. Уроженец дер. Камельгино, Калужского р-н, Тульской обл. (Калужской у. и губ.). Красноармеец советской коммандатуры в Риме. Был смертельно ранен (заколот) при проверке документов и скончался 6.1.1945. Похоронен 8.1.1945 (донесение уполномоченного СНК СССР по де-

лам репатриации граждан СССР, от 24.1.1945).

ДАНИЛОВ Николай, погиб в 1943 [Турин, городское кладб., Мемориал Соппротивления (Sacratio della Resistenza), куб № 36, ячейка 28, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина].

ДАСТОЯН (Даштоян, Достоиан) Михаил (Мкртыч, Мика, Ника) Сергеевич, Эривань август 1914 – Бауле-ди-Валле, или Понте-ди-Леньо, пров. Брешия 9.12.1944 [Савиоредель-Адамелло, или Вальсавиоре, пров. Брешия, номер захоронения в ВМЦ 339-48; 16.6.1976 прах перенесен в Турин, городское кладб., Мемориал Соппротивления (Sacratio della Resistenza), куб № 32, ячейка 29, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина]. Чин одного из национальных батальонов Вермахта. В мае–июне 1944 перешел к итальянским партизанам вместе со своим братом Багратом, партизан Гарибальдийской 54-й bis бригады им. Луиджи Макарио, награжден посмертно Бронзовой медалью за военную доблесть. На первоначальном захоро-

нении в Савиоре-дель-Адамелло стояла стела с надписью: «*valoroso soldato dell'Urss / eroico combattente / per la libertà / del popolo italiano*» (доблестный советский солдат, героический боец, за свободу итальянского народа).

ДАУЛАТОВ Григорий – см. Давлатов Г.

ДАШТОЯН Михаил Сергеевич – см. Дастоян М.С.

ДЕМЬЯЧЕНКО (Демьянченко, *Demiacenko*) Николай, 1916 – погиб у Палестрины, пров. Рим 9.3.1944 [Палестрина, городское кладб., братская могила; надпись: *Ai / partigiani / sovietici / caduti / per la / libertà* (советским партизанам, павшим за свободу); номер захоронения в ВМЦ 339-41, над захоронением шефствует секция ANPI г. Палестрины и посольства Российской Федерации и Украины]. См. о нем ниже в Воспоминаниях А. Коляскина.

Первоначальное и современное надгробие
Н. Демьяченко, В. Скороходова и А. Курепина в Палестрине

ДЕНИСОВ Иван Григорьевич, дер. Суловка Больше-Баландинского сельского совета Челябинского у. и губ. 1922 или 1923 – Болонья 26.9.1944, расстрелян [Болонья, городское кладб.]. Партизан отряда Умберто Риччи, был взят в плен 10.9.1944 при Вилла-Серрально, коммуна Масса-Ломбарда, пров. Равенна. Награжден бронзовой медалью Гарибальди.

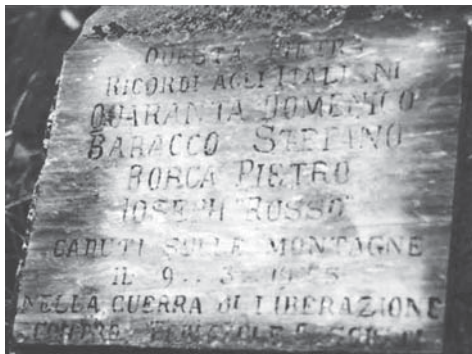
ДЖОВАННИ (партизанское имя, т.е. Иван), погиб в Монтепескали, коммуна Гроссето июнь 1944 [неизвестно]. Партизан бригады Монтарсайо.

ДЖОВАННИ (партизанское имя, т.е. Иван), погиб в Пьян-д'Альберо, коммуна Фильине-Вальдарно, пров. Флоренция 20.6.1944 [неизвестно]. Партизан бригады «Синигалья» и командир смешанного итало-советского отряда из 20 человек (20.6.1944 немецкие каратели напали на хутор Пьян-д'Альберо [Пьяндальберо], где укрывались гражданские беженцы и участники Сопротивления; было казнено 39 человек, в т.ч. трое бывших советских военнопленных; в настоящее время тут устроен мемориальный парк).

Смешанным советско-итальянским отрядом, насчитывавшим 20 человек, командовал лейтенант Советской армии, которого итальянцы называли просто Джованни. Политкомиссаром был Иван Егоров, преподаватель музыки из Киева. В ожесточенном бою 20 июня 1944 г. И. Егоров был ранен. Находясь на излечении, он написал итальянским товарищам об этом бое следующее: «20 июня 1944 г. немцы атаковали наши партизанские позиции. Бой длился с рассвета до полудня. <... >» («Красная звезда», 1 марта 1964 г.). Боевые друзья лейтенанта Джованни – бывший политкомиссар бригады Джаннини Унгерелли и бывший заместитель командира Гарибальдийской дивизии «Потенте» Луиджи Карабальо – рассказывают, что он попал в плен под Сталинградом в начале 1943 г. В бригаде лейтенант пользовался огромным уважением и внес немалый вклад в организацию и укрепление партизанского движения в Тоскане¹⁸.

¹⁸ Семиряга М.И. Указ. соч. С. 199.

ДЖОЗЕФ / Иосиф РУССО (партизанское имя, Иосиф-русский), в Пра-ди-Фоника 19.3.1945 [Мондови, городское кладб., номер захоронения в ВМЦ 339-38, над захоронением шефствует местная секция ANPI].

ДЖОРДЖО – см. Пристанков Г.И.

ДЖОРДЖО (партизанское имя, Георгий), погиб в Ка-ди-Маланка, коммуна Бризигелла, пров. Болонья 10.10.1944 [неизвестно]. Партизан бригады Бьянкончини.

ДЖОРДЖО (партизанское имя, Георгий), погиб в Поппи, пров. Флоренция 23.6.1944 [неизвестно]. Партизан бригады Ланчотто.

ДЖУЗЕППЕ КУЗНЕЦ – см. Турдукулов Д.

ДИМИТРИЙ (партизанское имя) [Падуя].

ДМИТРОВ (Дмитрович) Осип, 25.3.1944 [кладб. Фронтале, коммуна Апиро, пров. Мачерата]. Партизан 5-й бригады «Альто-Музоне» дивизии «Конеро».

24 марта нацисты схватили его и еще семерых партизан-итальянцев в ходе сражения при Вальдиола, избили до полусмерти, а потом, набив рот мукой и соломой, расстреляли. Они бросили тело Дмитрова на каменистую отмель горного пото-

ка Эзинанте, близ Сан-Северено-Марке, вместе с итальянскими партизанами, которых доби́ли камнями¹⁹.

ДОЛГОРУКИЙ (Долгорук) Леонид Федорович, 1920 / 1921–24.6.1943, в тюрьме [Тревильо, пров. Бергамо, городское кладб., мемориал павших в часовне, номер захоронения в ВМЦ 339-53].

ДОСТОИАН Михаил Сергеевич – см. Дастоян М.С.

ДУБОВОЙ Григорий, погиб в Тоано, пров. Реджо-Эмилия 30.7.1944 [неизвестно]. Партизан дивизии Модена.

ДУДНИК (Дундонич, Дундоник) Юрий Демьянович (Николаевич), Новая Прага Александровского у. Херсонской губ. 1921 – Фенис 16.7.1944 [Фенис, пров. Аоста. Его имя – как *Furi Duduih* – означено в Мемориале Сопротивления (Sacratio della Resistenza) в Турине, городское кладб., куб № 32, ячейка 10, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция АНРІ г. Турина]. Партизан в провинции Турин; заключенный в тюрьму «Ле Нуове» в Турине, был расстрелян на развилке дороги Нус-Фенис.

¹⁹ *Mari G. Guerriglia sull'Appennino* [Партизанская борьба на Апениннах]. Urbino: Argalia, 1964. P. 174. Цит. по: *Галлени*. Указ. соч. С. 35.

Е

ЕРГОРА (Егоров?) Григорий, погиб в Фенестрелле, в Валь-Кизоне, пров. Турин 29.5.1944 [неизвестно]. Партизан бригады «Валь-Кизоне» – отряд Лупо (партизанское имя Гришка). Убит во время облавы итальянских фашистов.

<...> советский партизан Григорий, у которого было острое зрение, воскликнул «Бронемашина!» и, не прячась, пошел по направлению к поселку Шамбон. Вдруг раздался треск пулемета, и он упал на пшеничном поле. Его ранило в голову. Не обращая внимания на пулеметный огонь бронемашин, партизаны бросились вперед, чтобы вынести товарища из-под обстрела. <...> Пока партизаны старались оказать ему помощь, подошли грузовые машины с фашистскими солдатами. Они спрыгнули с грузовиков и окружили партизанскую группу. Сражение длилось долго. Григорию, несмотря на тяжелое ранение, удалось приподняться и произвести несколько выстрелов. Вскоре он первый пал мертвым²⁰.

ЕРМОЛЕНКО Иван, погиб в Боргорикко, пров. Падуя 29.4.1945 [неизвестно]. Партизан бригады Гарибальди.

ЕРШОВ Александр Гаврилович, хутор Керчик Октябрьского района Ростовской обл. 1923 – 2.5.1945, погиб в Вилла-Опичина, пров. Триест [неизвестно]. Партизан 1-й Русской ударной партизанской бригады.

²⁰ *Trabucco A. Partigiani in Val Chisone* [Партизаны в долине Кизоне]. Torre Pellice: Subalpina, 1952. P. 41. Цит. по: *Галлени*. Указ. соч. С. 30-31.

ЕСБЕНЛИРОВ (?) Матвей, † Мезола, пров. Феррара 1944 [Турин, городское кладб., Мемориал Сопротивления (Sacratio della Resistenza), куб № 2, ячейка 9, с именем *Esbenltrov Ontivei*, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина].

ЕСИН Дмитрий, партизан, сражавшийся на территории Сан-Серерино-Марка, погиб [неизвестно].

ЕФАНОВ (Етанов) Илларион Владимирович, с. Птичье Изобильнинского р-на Ставропольского края 1912 / 1919 – Коста-Вольпино, пров. Бергамо 17.11.1944 [Коста-Вольпино, городское кладб., братская могила, номер захоронения в ВМЦ 339-29, над захоронением шефствует местная секция ANPI]. Партизан бригады «13 мучеников» (полное название: 53-я Гарибальдийская бригада им. 13 мучеников Ловере – в честь партизан, казненных 22.12.1943 в местечке Ловере), прозвание Старик. Раненый при атаке хутора Мальга-Лунга, был взят в плен и тут же казнен; в настоящее время в строениях бывшего хутора устроен мемориальный музей.

*Коста-Вольпино, городское кладбище,
могила И.В. Ефанова, С. Копченко, А.Н. Ногина*

Ж

ЖАКСИМБЕТОВ Тастан, – 2.2.1945, погиб [возм., Верде, пров. Удине]. Перед войной жил в колхозе «Алгабас» Луговского района Джамбульской обл. Казахской ССР. Партизан 1-й Русской ударной партизанской бригады.

ЖДАНОВ Алексей Григорьевич, 24.11.1923 – регион Лигурия [время и место гибели, место захоронения в военных документах не указано]. Железнодорожник, участник итальянского Сопротивления, с 8.8.1944 партизан отряда Вилла бригады Оресте, партизанское имя Алекс.

ЖЕРЦОВ, погиб под Вилла-Опичина, пров. Триест 1-2.5.1945 [неизвестно]. Партизан бригады Базовицца.

ЖИЛКИН Александр Семенович, Москва 22.8.1919 – регион Лигурия [время и место гибели, место захоронения в военных документах не указано]. Электрик, был призван в РККА, пехотинец, участник итальянского Сопротивления, с 1.9.1944 партизан отряда Кастильоне бригады Оресте, партизанское имя Алекс.

ЖИНОВСКИЙ Михаил, погиб в Прамаджоре, пров. Венеция 27.11.1944 [неизвестно]. Партизан дивизии Модотти.

ЖМУРОВ Дмитрий Николаевич, Щигровский у. Курской губ. 1921 – 14.3.1945, умер от ран [неизвестно]²¹.

²¹ Книга памяти: Курская область. Т. 8. С. 296.

ЖУКОВ Аркадий Иванович, дер. Слобода Нагорского района Кировской обл. 1922 – Лемие 18.10.1944 [Лемие, пров. Турин, городское кладб., прах затем перенесен в Турин, городское кладб., Мемориал Сопrotивления (Sacratio della Resistenza), куб 14, ячейка 27, номер захоронения в ВМЦ 339-55, над захоронением шефствует секция АНРІ г. Турина]. 12.9.1942 взят в плен под Смоленском. Партизан 42-й Гарибальдийской бригады им. Вальтера Фонтана; умер от ран, полученных в бою 26.8.1944 в Грандже-Севине, коммуна Момпантеро, пров. Турин (место боя отмечено в 1961 памятником).

ЖУНУСОВ Ибраим (Ибрагим), 1916 – 6.6.1944, погиб [возм., Юрице, обл. Триест]. Перед войной жил на ферме № 3 мясомолочного совхоза Черновицкого сельского совета Павлодарской обл. Казахской ССР. Партизан 1-й Русской ударной партизанской бригады.

ЖУРАКОВСКИЙ / ŻURAKOWSKI Иосиф, Житники 20.1.1915 – 12.5.1944, погиб под Монте-Кассино [Монте-Кассино, Польское военное кладб., могила 4-А-8; ОСПвМ-К, № 1047]. Старший стрелок 1-го батальона стрелков Польской армии генерала Андерса.

З

ЗАБЕЛАШВИЛИ (Шабелашивили)
Джура, погиб в Гиффа, пров.
Вербано-Кузио-Оссола [Новара].
Партизан дивизии Сарвадей.

*Памятник грузинским партизанам –
Древо жизни
(скульптор Гия Джапаридзе) –
в Парке памяти и мира
(Parco della Memoria e della Pace), Вербания*

ЗАБЛОНСКИЙ Иосиф, 1923 – правобережье Тальяменто,
пров. Удине 19.4.1945 (или 5.10.1944) [неизвестно].
Партизан дивизии Модотти.

ЗАДЕБЕКОВ (Садыбеков), погиб в
Вилла-Опичина, пров. Триест
1-2.5.1945 [неизвестно]. Партизан
бригады Базовицца.

ЗАКОНЕ (Zokone) Георгий, † 18.7.1943
[Милан, кладб. Маджоре, могила
№ 6; номер захоронения в ВМЦ
339-36, над захоронением шеф-
ствует секция ANPI г. Милана].

- ЗАЛАПАТА Николай, погиб 16.2.1944 [Суза, пров. Турин]. Партизан 42-й Гарибальдийской бригады им. Вальтера Фонтана.
- ЗАЛЕПУХИН (Зелепухин) Виктор Иванович, Саратов 1910 – 23.7.1944, погиб в бою в Гиффа, пров. Вербано-Кузио-Оссола [Сан-Маурицио, пров. Новара]. Партизан бригады им. Чезаре Баттисти²².
- ЗЕВИН Ефим, 1922 – Кодроипо, пров. Удине 10.10.1944 [неизвестно]. Партизан дивизии Модотти.
- ЗИЛЬБЕРБЕРГЕР / *SILBERBERGER* Андрей, Петроград 6.7.1918 – 20.5.1944, погиб под Монте-Кассино [Монте-Кассино, Польское военное кладб., могила 1-А-18; ОСПВМ-К, № 0802]. Капрал 6-го танкового полка Польской армии генерала Андерса.
- ЗИНОВСКИЙ Михаил, 1917 – Прамаджоре, пров. Венеция 27.11.1944 [неизвестно]. Партизан дивизии Модотти.
- ЗУБРИЛИН Аркадий Поликарпович, село Полынки Тамбовской губ. 20.10.1919. Сержант РККА, командир отделения 747-го стрелкового полка, в январе 1942 пропал без вести (попал в плен), с 25.08.1944 в отряде итальянских партизан Вестоне, бригада Оресте (прозвище «Студент»).

²² Куликов И.Н. Об участии советских граждан в итальянском Соппротивлении (1943–1945 гг.) // Объединение Италии. 100 лет борьбы за независимость и демократию. М., 1963. С. 354; Советская Россия. 1962, 24 апр.

И

ИВАН (партизанское имя), погиб в Арола, пров. Вербано-Кузьо-Оссола 4.2.1944 (или в апреле) [Аграно, предместье города Оменя, пров. Вербано-Кузьо-Оссола].

ИВАН (партизанское имя), погиб в Колле-дель-Лис 2.7.1944 [Пунта-делла-Фрасса, близ Колле-дель-Лис; прах перенесен в Sacrario della Resistenza в Турине, городское кладб., куб № 36, ячейка 7, над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина]. Возможно, это Гагнидзе Вахтанг Саидрович (см.)²³.

ИВАН (партизанское имя) [Лигонкио, пров. Реджо-Эмилия].

ИВАН (партизанское имя), погиб в Масса-Мариттима, пров. Гроссето 16.6.1944 [неизвестно]. Партизан бригады Камича Бьянка.

ИВАН (партизанское имя), погиб в Понте-ди-Леньо, пров. Брешиа 9.12.1944 [неизвестно]. Партизан бригады Б. Беллотти.

ИВАН (партизанское имя), † 1944 [Манчано, пров. Гроссето, городское кладб. Его имя означено в Мемориале Сопротивления (Sacrario della Resistenza) в Турине, городское кладб., куб № 2, ячейка 23, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина].

²³ Предположение высказано Анной Роберти.

ИВАН (партизанское имя), погиб в Торпиана, коммуна Циньяго, пров. Специя январь 1945 [неизвестно]. Партизан Интернациональной бригады.

ИВАН (партизанское имя), погиб в Виллаталла, коммуна Прела, пров. Империя 25.1.1945 [неизвестно]. Партизан дивизии Кашоне.

ИВАН (партизанское имя), погиб у перевала Пассо-ди-Падарено, пров. Реджо-Эмилия 20.1.1945 [неизвестно]. Партизан 26-й Гарибальдийской бригады.

ИВАН (партизанское имя), погиб в Нирано, коммуна Фьорано-Моденезе, пров. Модена 23.4.1945 [неизвестно]. Партизан дивизии Модена.

ИВАНОВИЧ Петр, Гомель – 22.3.1944 Сан-Джинезио, пров. Мачерата [Сан-Джинезио, городское кладб., затем отстанки перенесены на городское кладб. Толентино, пров. Мачерата, где в 2006 окончательно помещены в Пантеон мучеников (Famedio dei Martiri). Его имя – *Peter Ivanovich* – ошибочно означено в Турине, на городском кладб., в Мемориале Сопrotивления (Sacratio della Resistenza), куб № 2, ячейка 14, номер захоронения в ВМЦ 339-57]. Партизан 201 Группы бригады «Спартак» (не исключе-

но, что «Иванович» – это не фамилия, а отчество партизана).

ИВАШЕВ Михаил Андреевич, Смоленск 1919 – 8.1.1945, погиб в бою [Дерута, пров. Перуджа].

ИВОШИН Иван Васильевич, 1923 – 12.3.1945, погиб в бою [Паладжано, пров. Таранто].

ИГНАТ / *IGHENAD* (партизанское имя), погиб 10.8.1944 Монте-Серра, коммуна Кальчи, пров. Пиза [неизвестно]. Партизан из отряда Невилио Казароза 23-й Гарибальдийской бригады. Надпись на мемориальной доске: *caddero qui combattendo / contro truppe naziste* [пали здесь, сражаясь против нацистских войск].

ИЛЬИН Давыд (Давид), погиб в пров. Турин между декабрем 1944 и февралем 1945 [неизвестно]. Партизан 17-й Гарибальдийской бригады им. Феличе Чима. В ноябре 1944 г. после ранения проходил лечение в госпитале г. Риволи с фальшивыми документами, притворяясь немцем. Погиб в засаде у Колле-делла-Роусса, когда шел на встречу с солдатами союзнических армий. Возможно, он носил прозвание Кри-Кри (см.), с которым похоронен в Турине.

ИРКОБАЕВ Юнус, лагерь в Диношан (?) 1.5.1944, расстрелян за связь с партизанами [неизвестно]. Перед войной жил в сельском совете Трактор Кировского района Узбекской ССР.

ИРМАТОВ Абдулла, 1922 – 18.9.1944 [Червия, пров. Равенна]. Из Казахской ССР.

ИРОКОВ, погиб в Вилла-Опичина, пров. Триест 1-2.5.1945 [Триест, городское кладб., братская могила, номер захоронения в ВМЦ 339-54, над захоронением шефствует секция ANPI г. Триеста]. Партизан бригады Базовицца.

ИСАЙЧЕНКО Иван Иванович, Хабаровск 1914 – перевал Прадарена, пров. Реджо-Эмилия 4.4.1945 [Лигонкио, пров. Реджо-Эмилия. Его имя – *Jassaicenko Ivan* – означен

но в Турине, городское кладб., Мемориал Сопrotивления (Sacratio della Resistenza), куб № 2, ячейка 15, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина]. Партизан диверсионной группы «Голубая собака» (Cane azzurro), пров. Модена; подорвался на собственной mine.

ИСАКОВ Алексей, погиб в Казола, коммуна Монтефьорино, пров. Модена август 1944 [неизвестно]. Партизан дивизии Модена.

ИСАКОВ Семен Васильевич, станица Старая Изобильная Северо-Осетинской АССР 1920 – 29.4.1945, погиб в Вилла-Опичина, пров. Триест [неизвестно]. Партизан 1-й Русской ударной партизанской бригады.

К

КАБЕКОВ Борис, 1910 - 1945 [Турин, городское кладб., Мемориал Сопrotивления (Sacratio della Resistenza), куб № 32, ячейка 21, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция АНПИ г. Турина].

КАЙРОВИЧ / KAJROWICZ Вацлав, Санкт-Петербург 1905 – 24.5.1944, погиб под Монте-Кассино [Монте-Кассино, Польское военное кладб., могила 1-В-16; ОСПВМ-К, № 0316]. Рядовой штаба 2-го корпуса Польской армии генерала Андерса.

КАЛАШНИКОВ Николай, Харьков, 1927 – 28.3.1944 [Ницца-Монферрато, пров. Асти, городское кладб., могила № 881; Турин, городское кладб., Мемориал Сопrotивления (Sacratio della Resistenza), куб № 36, ячейка 17, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция АНПИ г. Турина]. Умер в городском госпитале.

КАЛИКОВ Леонид, 1915 – 2.5.1945, погиб [возм., Саевичи, пров. Триест]. Перед войной жил в колхозе «Кзыл-Сай» Молькенского района Джамбульской обл. Казахской ССР. Партизан 1-й Русской ударной партизанской бригады.

КАЛМЕКОВ (Каменков) Григорий, погиб в Кодриньяно, апрель 1945, коммуна Лама-Моконьо, пров. Модена [неизвестно]. Партизан 144-й Гарибальдийской бригады.

КАМАЛОВ Гасан, 1916 – Къяри, пров. Брешия 26.4.1945 [Брешия, мемориальный комплекс; номер захоронения в ВМЦ 339-9; над захоронением шефствует местная секция ANPI]. Капитан, партизан группы Тарзан.

КАНДЕЛАКИ (Конделаки) Шота, Тифлис 1917 – Оваро, пров. Удине 2.6.1945 [Форни-Авольтри, пров. Удине, городское кладб.]. Рядовой РККА, после бегства из плена – партизан Гарибальдийской бригады Карния, убит казаками.

КАНОВ Алиен – см. Конев А.

КАПЕНКО Николай Степанович – см. Хапенко Н.С.

КАРАТОН, погиб в Кастельдеболе, предместье Болоньи 29.10.1944 [Дзола-Предоза, пров. Болонья]. Из Ленинграда. Партизан бригад Болеро и Красная Звезда (Stella Rossa).

КАРЛО, погиб у горы Монте-Альбен, пров. Бергамо 30.11.1944 [неизвестно]. Партизан Гарибальдийской бригады им. 24-го мая.

КАРЛУШОВ Михаил, погиб в Кастеллино-Танаро, пров. Кунео [неизвестно]. Партизан 1-й дивизии Ланге.

КАРПУНИН (Карпубин, Карпукин, Карпнут, Крупин) Николай, Александровка Украинской ССР 1923 – 26 (или 24).4.1945, погиб в бою с немцами [Весковато, пров. Кремона, городское кладб., отдел Е, ряд 3, могила 56 (по сообщению из английского госпиталя), перезахоронен с городского кладб., номер захоронения в ВМЦ 339-13, над захоронением шефствует местная секция ANPI].

*Брешия, мемориальный комплекс.
Надпись на часовне (вверху): «Павшие за свободу»*

Весковато, пров. Кремона, городское кладбище

«КАТЮША» (партизанское имя), погиб в пров. Алессандрия [неизвестно]. Партизан дивизии Вигано.

КАУМБАЕВ Калык, 1918 – 25.2.1945, погиб [Гёрц / Гориция, регион Фриули-Венеция-Джулия]. Перед войной жил на станции Арис Казахской ССР. Партизан 1-й Русской бригады.

КАЦУРО / KAZURO Вацлав, Колпино Царскосельского у. Петроградской губ. 16.3.1916 – 3.5.1944, погиб под Монте-Кассино [Монте-Кассино, Польское военное кладб., могила 4-Е-15; ОСПвМ-К, № 0333]. Подпоручик 2-го батальона стрелков Польской армии генерала Андерса.

КВАРТАША Ясон, Зугдиди (Грузия) – погиб в Оваро, пров. Удине 2.5.1945 [неизвестно]. Сержант РККА, после бегства из плена – партизан Гарибальдийской бригады Карния, убит казаками.

КЕДАХУЛИ (Клахули, Келахули) Вано, погиб 20.9.1944 Лезиньяно-де-Баньи [Лезиньяно-де-Баньи, пров. Парма; затем прах перенесен на кладб. Вигато, предместье Пармы, в Капеллу павших (Cappella dei Caduti); позже прах, видимо, перенесен в Турин, городское кладб., Мемориал Сопротивления (Sacratio della Resistenza), куб № 2, ячейка 4, имя *Chedaxuli Vuanno*, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина]. Партизан 3-й бригады «Джулия Артони».

КИБАРАЧИХИН Петр – см. Шибаритишин П.

КИНИГАЛС – см. Синеглаз

КИРАКОСЯН Сурен Арутюнович, селение Ахта Армянской ССР 1921 – гора Монте-Моджо, пров. Флоренция 15.3.1944 [неизвестно]. Партизан бригады Синигалья.

КИРИЕНКО – см. Кириленко

КИРИКОВ Александр, погиб в VI лигурийской оперативной зоне, партизан дивизии Пинан Чикеро [неизвестно].

КИРИЛЕНКО (Кириенко), погиб в Вилла-Опичина, пров. Триест 1-2.5.1945 [Триест, городское кладб., братская могила, номер захоронения в ВМЦ 339-54, над захоронением шефствует секция АНПИ г. Триеста]. Партизан бригады Базовицца.

КИРЬЯНОВ Федор, Омск 21.8.1906 – 4.1.1944, умер в плену в лагере Монца [Монца, местное кладб., участок 7, могила 168]. Ездовой РККА, военнопленный.

КИСЕЛЕВ Алексей Кириллович, 1927 – Камуньяно, пров. Болонья 2.10.1944 [Поррета-Терме, пров. Болонья, номер захоронения в ВМЦ 339-23, над захоронением шефствует местная секция АНПИ]. Партизан бригады им. Маттеотти.

КЛАХУЛИ Вано – см. Кедахули В.

КЛЕПАЦКИЙ / *KLEPACKI* Станислав, Казань 1.4.1916 – 12.5.1944, под Монте-Кассино [Монте-Кассино, Польское военное кладб., могила 3-Е-1; ОСПВМ-К, № 0348]. Старший стрелок 3-го батальона стрелков Польской армии генерала Андерса.

КЛИМОВ Игорь, 31.12.1923 – 7.2.1945. Участник итальянского Сопротивления. Его прах доставлен из Италии в Париж и 10.1.1947 захоронен на кладб. в Сент-Женевьев-де-Буа с надписью «résistant russe» [фр.: «русский участник Сопротивления»].

КЛИМОВ Михаил Иванович, Гашино Смоленской губ. 25.6.1923 – шталаг XVII-А 24.12.1944, под г. Формия, регион Лацио, Италия [неизвестно]. Попал в плен 23.4.1944. Лагерный номер 162068.

КЛУВАЧ (Клуваш) Емельян, 1902 – октябрь 1944, погиб в бою против немцев в пров. Верона [Верона, городское кладб.].

КОБАХИДЗЕ (Кобакидзе, также Колабизи) Александр, умер от ран, полученных в бою в Брудзола, коммуна Суза, пров. Турин, сентябрь 1944 [неизвестно]. Партизан 42-й Гарибальдийской бригады им. Вальтера Фонтана.

КОДЕКИН Иван, погиб в Чиваго, коммуна Вилла-Миоццо, пров. Реджо-Эмилия 6.4.1945 [неизвестно]. Партизан дивизии Модена.

КОЗЛОВ Алексей, 1924 – 1945 [Турин, городское кладб., Мемориал Соппротивления (Sacratio della Resistenza), куб № 36, ячейка 27, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина].

КОЙКИН (или Ройкин) Николай, погиб в VI Лигурийской оперативной зоне, партизан дивизии Пинан Чикеро [неизвестно].

КОКИЛАШВИЛИ Давид Иванович, селение Шилда Кварельского района Грузинской ССР 16.1.1922 – ... [неизвестно]. Сын Ивана Кокилашвили и Анны, рожд. Цукошвили. Партизан 3-й бригады 6-й дивизии Сильвио Бонафанте.

КОКУНАШВИЛИ (Кокумахнили) Алексей, погиб в Лезиньяно-де-Баньи, пров. Парма 29.9.1944 [кладб. Вигато, предместье Пармы; позже прах перенесен в Турин, городское кладб., Мемориал Соппротивления (Sacratio della Resistenza), куб № 2, ячейка 5, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина]. Партизан «Джулия Артани». Погиб в бою с немцами.

КОЛАБИЗИ Александр – см. Кобахидзе А.

КОЛОЗЯН (Колесян) Геворк Агабекович, Ново-Баязет, Эриванская губ. 1917 – погиб у горы Джерфалько-делле-Карлине, пров. Гроссето 25.6.1944 [Монтъери, пров. Гроссето; надпись: *combattente partigiano / della 23 / Brigata Garibaldi / Guido Boscaglia / Medaglia di Bronzo /*

al V. M. caduto nella / zona delle Carline (воин партизан 23-ей Гарибальдийской бригады Гвидо Боскалья, Бронзовая медаль за воинскую доблесть, пал в зоне делле Карлине)]. Партизан бригады под командованием Г. Боскалья, прозвание Джорджо. Повторил подвиг Матросова, закрыв своим телом амбразуру. В 1966 г. итальянская награда была передана его семье в Армении.

Молодой радист-десантник попал в плен и был отправлен в Италию. В июне 1944 г. он бежал и явился к партизанам и после первых же боев своей храбростью завоевал их любовь и уважение. В тот роковой день командир бригады послал Колозяна, отлично владевшего немецким языком, вместе с группой партизан принять согласившихся сдаться немцев. Но партизаны оказались в западне. Начался бой, и в самый критический его момент раненый Колозян бросился на вражеский пулемет и ценой своей жизни дал возможность товарищам выйти из окружения²⁴.

КОЛЯ (партизанское имя), погиб в селении Ка-ди-Гуццо, коммуна Кафель-дель-Рио, пров. Болонья 27.9.1944 [неизвестно]. Партизан бригады Бьянкончини.

КОМАРОВСКИЙ (Комаров) Павел, † Вараго, коммуна Мазерада-суль-Пьяве, пров. Тревизо 10.11.1944 [Мазерада-суль-Пьяве, пров. Тревизо; в Турине, городское кладб., куб № 2, ячейка 6, имя *Comarov Paulo*, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина] (перенесения в Турин не было; сведения у М. Галлени о П. Комаровском (П. Комарове) смешаны со сведениями о И. Кузнецове – см.).

КОНДЕЛАКИ Шота – см. Канделаки Ш.

²⁴ Семиряга М.И. Указ. соч. С. 200.

КОНЕВ (Канов, Конов)

Алиен (Альдамиро),

1910 – 14.2.1945, погиб в бою в Комбетта [Вилла-Сан-Пьетро, коммуна Монтероссо-Грана, пров. Кунео, Горное кладб., партизанский сакрарий (по другим данным, похоронен в Бернеццо, пров. Кунео);

перезахоронен из Кунео (село Пьетро-Монтероссо), номер захоронения в ВМЦ 339-31, над захоронением шефствует местная секция ANPI]. Майор РККА (в списках потерь майор Конев (Канов) не числится, но есть майор Кононов, попавший в плен 6.10.1941), партизан итальянской бригады Браччини 1-й альпийской дивизии.

Раздался взрыв, который мог бы лишить жизни не двух бойцов, а весь отряд. Та мина, которая легла рядом с Джино и майором Коневым, была скорей шальной, чем целенаправленной. Раздался крик – крик скорби партизан, тяжело потрясенных гибелью своих товарищей. Партизаны подобрали погибших и отнесли их в поселок. Они лежали на соломенных циновках словно живые. Только несколько кровавых пятен на одежде – и ничего больше. Партизаны молча смотрели на еще молодые лица – лица людей, которые всегда служили для всех примером мужества, стойкости и доброты²⁵.

КОНОВАЛЕНКО Григорий, погиб у перевала Пассо-делле-Форбичи, пров. Модена 2.8.1944 [неизвестно]. Партизан дивизии Модена.

КОПЧЕНКО Семен – см. Корченко С.

КОПЫСЦЬ / KOPYŚĆ Рышард, Смоленск 29.4 (или 24.5).1918 – 12.5.1944, погиб под Монте-Кассино [Монте-Кассино, Польское военное кладб., могила 6-А-9;

²⁵ Motta F. [без названия] // La voce di Cuneo, n. 6, febbraio 1952. Цит. по: Галлени. Указ. соч. С. 119.

ОСПвМ-К, № 0379]. Подпоручик 13-го батальона стрелков Польской армии генерала Андерса.

КОРЧЕНКО (Копченко) Семен, 1914 – 21.11.1944, расстрелян в Коста-Вольпино [Коста-Вольпино, пров. Бергамо, Городское кладб., братская могила, номер захоронения в ВМЦ 339-29, над захоронением шефствует местная секция АНПИ]. Партизан бригады им. 13 Мучеников.

КОСОРЕВ Георгий, погиб в пров. Удине 27.11.1944 [неизвестно]. Партизан дивизии Модотти.

КОТРОСАРДЕ Василий, погиб в бою с немцами, похоронен 2.5.1945 [Парма, городское кладб.].

КОХАНОВСКИЙ Сола Александрович (искаж.: Гагерунсов Ю.А., Гагерунцев «Жорж» Александрович), Ломановск Одесской обл. 1915 (или 1919, 1923) – Фенис 16/18.7.1944 [Фенис, пров. Аоста, городское кладб., общая могила. Его имя – *Chagherunzeao Zora* – означено в Мемориале Сопrotивления (Sacratio della Resistenza), в Турине, городское кладб., куб № 32, ячейка 13, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция АНПИ г. Турина]. Заключенный в тюрьму «Ле Нуове» в Турине, был расстрелян на развилке дороги Нус-Фенис.

КОШКИН Николай Викторович, Вятка 1905 – 21.3.1945, регион Лигурия [Генуя, Городское кладб., Поле Славы, номер захоронения в ВМЦ 339-20, над захоронением шефствует местная секция АНПИ]²⁶.

КРАВЧЕНКО Михаил Никитич, 1908 – 22.10.1943, погиб в бою

²⁶ Книга памяти: Кировская область. Т. 16. С. 361–362.

[Брешия, мемориальный комплекс, номер захоронения в ВМЦ 339-10, над захоронением шефствует местная секция АНПІ]. Призван в РККА Сребновским районным военкоматом Черниговской обл. 12.7.1941, официально числился пропавшим без вести.

КРИ-КРИ (партизанское имя), погиб зимой 1944–1945 [Фавелла-Рубиана, пров. Турин, позднее прах перенесен в Турин, Мемориал Сопротивления, куб 36, ячейка 12, имя *Kri-Kri*. Партизан 17-й Гарибальдийской бригады им. Феличе Чима; возможно, это партизан Давыд Ильин (см.), погибший в засаде у Колле-делла-Роусса²⁷.

КРУПИН Николай – см. Карпунин Н.

КРУЧЕВ Дмитрий, 1916 – регион Лигурия, время гибели неизвестно.

КУБКИН Алексей Сергеевич, 1891 – близ Тарченко, пров. Удине 23.10.1944 [Артена, пров. Рим, городское кладб.; позже прах перенесен в Костермано, пров. Верона, блок 1, могила 718]. Его иногда смешивают с партизаном Алексеем Афанасьевичем Кубышкиным, про которого, в свою очередь, ошибочно сообщалось, что он пал жертвой немецких карателей в Риме, в Адреатинских пещерах, где был погребен в могиле № 329 с именем Алексей Кулишкин – см. *Кузнецов А.С.* Тайна римского саркофага. Свердловск, 1965.

КУЕСТАС Юрко, погиб 8.12.1943 [Сан-Джованни, коммуна Борно, пров. Брешия]. Партизан.

КУЗНЕЦОВ Иван Степанович, Подолица Бежецкого у. Тверской губ. 1902 – Чезиомаджоре, пров.

²⁷ Предположение Анны Роберти.

- Беллуно 22.2.1944 [Чезиомаджоре, пров. Беллуно, городское кладб., номер захоронения в ВМЦ 339-60, над захоронением шефствует местная секция ANPI. Возможно, именно на его могиле лежит плита с надписью: *Ossa di guerra / Воинский прах*]. Партизан Гарибальдийской бригады Антонио Грамши. Место гибели в городе отмечено мемориальным знаком (у М. Галлени сведения ошибочно отнесены к П. Комарову).
- КУЗЬМА (партизанское имя), † Бари 1.6.1945, английский 98-й полевой госпиталь [Бари].
- КУЗЬМИНОВ Сергей Никифорович, село Троицкое Павлоградского у. Екатеринославской губ. 13.2.1913 – Нарцоле, пров. Кунео 26.4.1945, убит отступавшими немцами из дивизии «Бранденбург» [позже прах перенесен в Турин, Мемориал Сопrotивления, куб 36, ячейка 6; его принимали за югослава, надпись: *Ksizminoch Sergi – jugoslavo partigiano*]. Красноармеец, в феврале 1942 пропал без вести. Партизан 14-й Гарибальдийской Пьемонтской дивизии «Луиджи Каприоло», 212-я бригада Джузеппе Маруффи.
- КУЛИЧ (Кулик) Федор Васильевич, Малая-Токмачка Запорожской обл. – Луццара, пров. Реджо-Эмилия 15.5.1945 [Луццара]. Погиб при взрывных работах.
- КУНИА Прокофий, Потти, Грузия 1921 – Оваро, пров. Удине 2.5.1945 [Форни-Авольтри, пров. Удине, городское кладб.]. Рядовой РККА, после бегства из плена примкнул к партизанам, воевал в Гарибальдийской бригаде Карния, убит казаками.
- КУНИЦЫН (Куницин) Андрей, станица Новолеушковская Ейского отд. Кубанской обл. 30.11.1901 – Неттуно, пров. Рим 5.5.1944, погиб в плену.
- КУПРЕИШВИЛИ (Купрешвили) Александр (Саша) Аполлонович, селение Геджети Сенакского у. Кутаисской губ. 1911 – Колле-дель-Лис, пров. Турин 2.7.1944 [Колле-

дель-Лис; его прах как неизвестного (ignoto) перенесен в Турин, Мемориал Сопротивления]. Призван в РККА 25.6.1941, пропал без вести в июле 1941. Партизан 17-й Гарибальдийской бригады им. Феличе Чима.

КУРДОМЦОВ Александр, 10.12.1922 – 20.12.1944, погиб в плену [неизвестно].

КУРЕПИН (*Kurepin*) Анатолий, 1920 – Палестрина, пров. Рим погиб 9.3.1944 [Палестрина, городское кладб., братская могила; надпись: *Ai / partigiani / sovietici / caduti / per la / libertà* [советским партизанам, павшим за свободу]; номер захоронения в ВМЦ 339-41, над захоронением шефствует секция ANPI г. Палестрины и Посольство Российской Федерации]. Его фамилия была установлена не сразу и первоначально на памятнике, сооруженном по чертежу А.Н. Флейшера, стояло только имя – Анатолий (Флейшер считал, что это – партизанская кличка Бориса Шукура). См. о нем ниже в Воспоминаниях А. Коляскина.

КУРИАЕР Федор Абрамович – см. Гурьев Ф.А.

КУРИНОВ (Курино) Алексей, погиб Лезиньяно-д'Баньи, пров. Парма 20.9.1944 [Лезиньяно-д'Баньи, пров. Парма; 28.3.1946 прах перенесен в Вигато, предместье Пармы, в Капеллу Павших (Cappella dei Caduti), позднее, возможно, в Турин, на городское кладб., Мемориал Сопротивления (Sacratio della Resistenza), куб № 2, ячейка 7, имя *Curino Alexei*, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина]. Партизан 3-й бригады Джулия-Артони.

КУРИЯЕВ Федор Абрамович – см. Гуряев Ф.А.

КУРИЯР Федор Абрамович – см. Гуряев Ф.А.

КУСКОВ Николай Гаврилович, (Кудаба ?) 1905 – март 1945, умер от ран в горах [похоронен на месте].

КУЧУК-ПИЛЕЦКИЙ / *KUCZUK-PILECKI* Альфред, Санкт-Петербург 28.4.1906 – 23.5.1944, погиб под Монте-Кассино [Монте-Кассино, Польское военное кладб., могила 4-Е-3; ОСПвМ-К, № 0438]. Капитан 6-го танкового полка Польской армии генерала Андерса.

«ЛЕЙТЕНАНТ-ЗНАМЯ» (Тененте Бандьера, Tenente Bandiera), погиб в районе Монтекукко 4.4.1944 [Сассо-д'Омбоне, коммуна Чиниджано, пров. Гроссето]. Возможно, этого партизана звали Симон (см.), из формирования им. Гоффредо Мамели²⁸; погиб вместе с «Синеглазом» (см.).

ЛЕОНАРД (партизанское имя) [Гонцага, пров. Мандуя].

ЛЕШТАЕВ Александр Иванович, Усть-Щербединской волости Балашовского у. Саратовской губ. 26.8.1908 – ... [неизвестно]. Партизан 1-й бригады 6-й дивизии Сильвио Бонфанте.

ЛУКАС, погиб близ Несполо, долина Валле-Скривия, пров. Генуя в начале ноября 1944, партизан [Тильето, пров. Генуя].

ЛУКЪЯНЕНКО Пантелей, ноябрь 1943, погиб под Монте-Кассино [Монте-Кассино, Британское военное кладб.] Солдат Красной Армии, участник советской военной делегации на переговорах с союзниками, подорвался на mine.

Британское военное кладбище в Монте-Кассино

²⁸ Goffredo Mameli (1827-1849), итальянский поэт и патриот, автор текста современного гимна Итальянской республики «Братья Италии» (композитор Микеле Новаро).

М

МАКСИМОВ (Максудов) Джамаладдин Абдуллаевич, селение Дашаги (Айдын-Булахского сельского совета Мухинского района Азербайджанской ССР) 1909 – 29.4.1945 (или 1/2.5.1945), погиб [Триест, городское кладб., братская могила, номер захоронения в ВМЦ 339-54, над захоронением шефствует секция ANPI г. Триеста]. Партизан 1-й Русской ударной партизанской бригады, затем партизан бригады Базовицца.

МАМИНОВ Турсунбай, 1921 – Маргоне 20.10.1944 или, более вероятно, 10.4.1945 [неизвестно]. Призван в РККА в октябре 1941 Уйчинским районным военкоматом Наманганской обл. Узбекской ССР. Красноармеец, пропал без вести в декабре 1944, т.е. попал в плен. Затем партизан 42-й Гарибальдийской бригады им. Вальтера Фонтана.

МАРКО (партизанское имя), погиб в пров. Тревизо [неизвестно]. Партизан бригады Гарибальди-Маццини.

МАРУШКО (партизанское имя), погиб в Масса-Мариттима, пров. Гроссето 20.6.1944 [неизвестно]. Партизан бригады «Камича Бьянка» [«Белая Рубашка»].

МАУБАСОВ Мансит, ... – 2.2.1945, погиб [Верде, пров. Удине]. Перед войной жил в городе Павлодар Казахской ССР. Партизан 1-й Русской ударной партизанской бригады.

МАУШЕН (партизанское имя), † 12.10.1944 [Гранаролодель-Эмилия, пров. Болонья].

МАХМУДОВ (Махмутов) Шабай, 1919 – 2.5.1945, погиб [Триест, городское кладб., братская могила, номер захоронения в ВМЦ 339-54, над захоронением шефствует секция ANPI г. Триеста]. Перед войной жил в колхозе им. Андреева сельсовета Кемли Тахтинского района Ташаутской обл. Туркменской ССР. Партизан 1-й Русской ударной партизанской бригады, затем бригады Базовицца.

МЕГРЕЛИШВИЛИ Ладос Яковович, селение Шакреани, близ Кварели Телавского у. Тифлисской губ. 3.9.1913 (или 1914) – Бальфамоль, пров. Турин, погиб во время затяжного сражения с карателями с 8.7.1944 по 26.8.1944 [неизвестно]. Сын Якова Мегрелишвили и его жены Като Сандроевны. Рядовой РККА, в декабре 1941 пропал без вести. После бегства из плена – партизан 42-й Гарибальдийской бригады им. Вальтера Фонтана.

МЕЛЬЧИКОВ Егор Ильич, (? село Печоли Нужбинского сельского совета Карчанского района Кировской обл.) 1921 – 1.5.1945, погиб в Вилла-Опичина, пров. Триест [неизвестно]. Дважды попадал в плен. Партизан 1-й Русской ударной партизанской бригады.

МЗЕДЕШВИЛИ Шалва, Тифлис 1917 – Оваро, пров. Удине 2.5.1945 [Форни-Авольтри, пров. Удине, городское кладб.]. Рядовой РККА, после бегства из плена – партизан Гарибальдийской бригады Карния, убит казаками.

МИГЛИЦКИЙ Григорий – см. Митлицкий Г.

МИКЕЛЕ (партизанское имя, т.е. Михаил), погиб у горы Монте-Альбен, пров. Бергамо 30.11.1944 [неизвестно]. Партизан Гарибальдийской бригады им. 24-го мая.

МИКЕЛЕ (партизанское имя, т.е. Михаил), погиб в Сант-Андреа-ин-Кампилья, коммуна Фильине-Валдарно, пров. Флоренция [неизвестно]. Партизан бригады Гарибальди.

МИКЕЛЕ (партизанское имя, т.е. Михаил), погиб у дороги Армено-Миазино, пров. Новара ноябрь 1944 [неизвестно]. Партизан бригады Рокко.

МИРОНЕНКО Николай Иванович, ... – Ригетта-ди-Роло, пров. Реджо-Эмилия октябрь 1944 (или 15.4.1945), расстрелян немцами [Реджо-Эмилия, городское кладб.; мемориальный комплекс, номер захоронения в ВМЦ 339-47, над захоронением шефствует местная секция ANPI]. Перед войной жил в дер. Васильевка Ленинского района Калининской обл. Партизан 77-й бригады SAP²⁹.

МИТЛИЦКИЙ (Миглицкий) Григорий, погиб в бою 26.1.1944 [Бовеньо, пров. Брешиа].

МИХАИЛ Лаврович, Ростов-на-Дону 1922 – Баите-ди-Аббио, пров. Лекко 11.9.1944 [Вендроньо, пров. Лекко, позднее прах перенесен в Турин, городское кладб., Мемориал Сопротивления (Sacratio della Resistenza), куб № 2, ячейка 17, имя *Mikailovic Lavreic*, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина]. Партизан 55-й бригады «Братья Росселли» (Fratelli Rosselli), отряда им. Бенедетто Кроче, партизанское имя «Михаил Лаврыч» (в ВМЦ есть данные Михаила Лавровича Мартыненко, род. Ростовская обл. 1912, призван в РККА 26.6.1941, пропал без вести в августе 1943).

МИХАИЛ (партизанское имя), погиб в долине Пурочело, пров. Болонья 11.10.1944 [неизвестно]. Партизан бригады Бьянкончини.

²⁹ SAP, *Squadre di Azione Patriottica* – «Эскадроны патриотического действия», относительно небольшие отряды, действовавшие наряду с Группами патриотического действия (GAP).

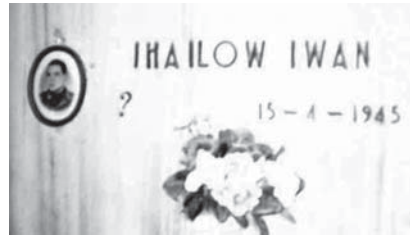
*Реджо-Эмилия,
городское кладбище,
мемориальный
комплекс,
надпись на часовне
(вверху):
«Нашим павшим»*

МИХАИЛ (партизанское имя), † 1944 [Понте-делле-Сеге, коммуна Гардзена, пров. Комо].

МИХАЙЛЕНКО Фома Николаевич, (возм., село Киновиданка Льяновского района Киевской обл.) 1915 – 3.5.1945, погиб в Вилла-Опичина, пров. Триест [неизвестно]. Партизан 1-й Русской ударной партизанской бригады.

МИХАЙЛОВ Иван, ... – Ригетта-ди-Роло, пров. Реджо-Эмилия октябрь 1944 (или 15.4.1945), расстрелян немцами [Реджо-Эмилия, городское кладб., номер захоронения в ВМЦ 339-47, над захоронением шефствует местная секция АНПИ]. Перед войной жил в Терисовском сельском совете Семиланинского района Кировской обл. Партизан 77 бригады SAP.

МИША (партизанское имя) – см. Акобия М. Я.

МИША (партизанское имя), погиб у Рифуджо-Де-Гаспери, муниципалитет Прато-Карнико, пров. Удине 2.3.1945 [неизвестно]. Партизан Гарибальдийской дивизии Карния.

МИША (партизанское имя), погиб у селения Ка-ди-Гуццо, коммуна Кафель-дель-Рио, пров. Болонья 27.9.1944 [неизвестно]. Партизан бригады Бьянкончини.

МИШКА (партизанское имя), погиб в Казалеккио-ди-Рено, пров. Болонья 10.1.1944 (? 1945) [неизвестно]. Партизан бригады Болеро.

МИШКА (партизанское имя), погиб в Форни-ди-Сопра, пров. Удине 29.4.1945, 18-ти лет [неизвестно]. Партизан Гарибальдийской дивизии Карния.

МИШКА (Мизка, партизанское имя), погиб в бою 7.3.1945 [Аграно, предместье города Оменя, пров. Вербано-Кузьо-Оссола].

МИШКЕВИЧ / *MISKIEWICZ* Юзеф, Новоград-Волынский Волынской губ. 15.11.1899 – 29.4.1944, погиб под Монте-Кассино [Монте-Кассино, Польское военное кладб., могила 4-D-11; ОСПВМ-К, № 0595]. Чин 2-го батальона стрелков Польской армии генерала Андерса.

МОНТИ (партизанское имя), погиб в Коццуоло, коммуна Витторио-Венето, пров. Тревизо 6.2.1945 [неизвестно]. Партизан бригады Пьяве.

МОСКОВА (*Moscova* [Москва-река]³⁰, партизанское имя), погиб в Сан-Марко-ин-Вилла, коммуна Кортонна, пров. Ареццо 10.6.1944 [неизвестно]. Партизан бригады Валли.

МОСУЛИШВИЛИ (Мосолишвили, Мусолишвили) Христофор (Форе, Поре) Николаевич, селение Квемо-Мачхаани Сигнахского у. Тифлисской губ. 20.7./2.8.1916, погиб у горы Моттароне у озера Лаго-Маджоре 3.12.1944 [Бельджирате, пров. Новара; затем его прах перенесен в город Арона, пров. Новара, городское кладб., ниша в колумбарии, номер захоронения в ВМЦ 339-7, над захоронением шефствует секция АНПИ г. Ароны]. В 1939 был призван в РККА Сигнахским районным военкоматом. Старшина. В 1944, находясь в плену, организовал побег из немецкого лагеря на территории Италии. Участник движения Сопротивления, помощник командира интернационального партизанского отряда «Ремо

³⁰ В итал. яз. разделяется название реки (*Moscova*) от названия г. Москва (*Mosca*).

Сервадей» 118-й бригады, которая после его гибели была названа его именем. Герой Советского Союза (1990), кавалер орденов Ленина, Отечественной войны 1-й степени, Славы 1-й степени. Посмертно награжден Золотой медалью «За воинскую доблесть» (*Medaglia d'oro al valor militare*, 28.2.1970). В г. Бельджирате его именем названа улица — *Via Pore Musolishvili*⁵¹.

МОХОВ Никифор Петрович, 1917 – 12.3.1945 [Акуилад'Арроша, пров. Империя, регион Лигурия]. Призван в РККА Пышкино-Троицким районным военкоматом Новосибирской обл. При форсирования Днепра был взят в плен (официально – погиб в бою в ноябре 1943, Полесская обл., дер. Кобыльщина), бежал из лагеря и участвовал в итальянском Сопротивлении.

МУГАЦОЛОВ (?) Петр, † перевал Пассо-делле-Палладе, пров. Тренто 24.5.1945 [неизвестно]. Партизан бригады Монтефорте.

«МУЖИК» / MUGIK (боевой псевдоним), погиб 10.8.1944 Монте-Серра, коммуна Кальчи, пров. Пиза [неизвестно]. Партизан из отряда Невилио Казароза 23-й Гарибальдийской бригады. Надпись на мемориальной доске: *caddero qui combattendo / contro truppe naziste* [пали здесь, сражаясь против нацистских войск].

МЯКУШИН (Акушкин, Стогин-Акушкин) Григорий (Логин) Порфирьевич (Кузькин Логин), Тургусун Бухтарминского у. Семипалатинской губ. Казахской АССР 1922 – 2.5.1945 [Иврея, городское кладб., прах перенесен в Турин, городское кладб., Мемориал Сопротивления (*Sacrario della Resistenza*), куб № 14, ячейка 19, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина]. Сержант 63-й воздушной дивизии, 132-го полка бомбардировщиков, пропал без вести 4.1.1944 после падения с парашютом (попал в плен). Возможно, военнопленный, казненный отступавшими из Пьемонта немцами.

⁵¹ См. о нем: *Сихарулидзе Э. Смертью смерть поправ*. Тбилиси: Мерани, 1989.

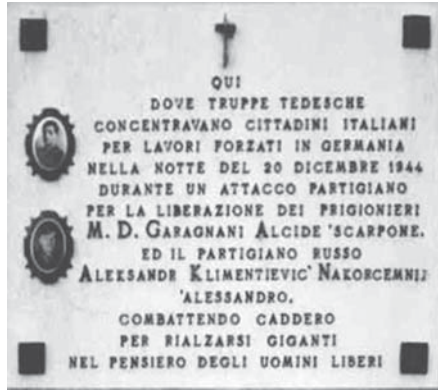
Н

НАДТОЧНЫЙ (Наточи)
Петр Михайлович, 1907 – 3.5.1945, погиб [Триест, городское кладб., братская могила, номер захоронения в ВМЦ 339-54, над захоронением шефствует секция ANPI г. Триеста]. Перед войной жил в Михайловском сельсовете Шепетовского района Каменец-Подольской обл. Партизан 1-й Русской ударной партизанской бригады и итальянской бригады Босовицца.

НАКОРЧЕМНЫЙ Александр Климентьевич, Киев 1918 – 19/20.12.1944, умер от ран [Гонзага, городское кладб.: *Garibaldino russo / Alessandro / caduto 20.12.1944* (Русский гарибальдиец Алессандро. Погиб 20.12.1944); мемориальная доска на кладб.: *Qui / dove truppe tedesche / concentravano cittadini italiani / per lavori forzati in Germania / nella notte del 20 dicembre 1944 / durante un attacco partigiano / per la liberazione dei prigionieri / M.D. Garagnani, Alcide Scarpone*

/ ed il partigiano russo Aleksandr Klimentievic' Nakorcemnij / combattendo caddero / per rialzarsi giganti / nel pensiero degli uomini liberi (Здесь, где немецкие войска собрали итальянских граждан на каторжные работы в Германии, в ночь

20 декабря 1944 г. ради освобождения пленных пали в сражении М.Д. Гараньяни, Альчиде Скарпоне и русский партизан Александр Климентьевич Накорчемный – с тем, что славно восстать в памяти свободных людей), ВМЦ 339-34, над захоронением шефствует местная секция ANPI]. Воздушный стрелок, попал в плен, бежал из лагеря военнопленных в Судзара, пров. Мантуя.

НАМИЧЕИШВИЛИ Шота Германович (Намиши Швили, Манниги Швили, Мамугишвили), Вани, Грузия 1919, или 1920, или 1922 – Муни-сопра-Кондове, пров. Турин 15.4.1945 [Лайетто; позднее прах перенесен в Турин, Мемориал Сопротивления, куб 14, ячейка 28, надпись: *Partigiano ignoto detto Sciotta – russo* (неизвестный русский партизан прозванный Шота)]. Рядовой РККА, 10.12.1941 под Себежем в Калининской обл. «перешел на сторону врага», по другим данным пропал без вести в декабре 1941 – январе 1942. Чин Вермахта, перешел на сторону Итальянского сопротивления. Партизан 17-й Гарибальдийской бригады им. Феличе Чима, со 2 июля 1944 (разгрома 17-й бригады карателями на холме Колле-дель-Лис) – 113-й Гарибальдийской бригады им. Джованни Роччи³². В г. Кондове, близ которого он погиб,

³² Джованни Роччи (Росси), партизан 17-й Гарибальдийской бригады, пал смертью храбрых 22 ноября 1944 г., в возрасте 23 лет.

наименована *Via Partigiani Giorgiani* (улица Грузинских партизан)

НАТОЧИ Петр Михайлович – см. Надточный П.М.

НЕВЯДОМСКИЙ / *NIWIADOMSKI* Юлиан, Гатчина Царскосельского у. Петроградской губ. 7.11.1915 – 14.6.1944, погиб под Монте-Кассино [Монте-Кассино, Польское военное кладб., могила 9-Е-9; ОСПвМ-К, № 0626]. Сапер 10-го мостового отряда Польской армии генерала Андерса.

НЕИЗВЕСТНЫЕ (*ignoti*)

NN (русский) [Авиано, пров. Порденоне].

NN [Берготто, коммуна Берчето, пров. Парма, прах перенесен в Турин, куб 4, ячейка 15, надпись: *Caduto russo ignoto* / Павший неизвестный русский].

NN (партизан) [Венаска, пров. Комо].

NN (русский) [Гранце, пров. Падуя].

NN (партизан) [(?) Окинья, пров. Павия].

NN (партизан) [Тальо-ди-По, пров. Ровиго].

NN (*russo* / русский), † 22.3.1944 [Чистерна-ди-Латина, пров. Латина].

NN, † 12.5.1944 [Пинероло, пров. Турин].

NN, погиб в Молини-ди-Триора, пров. Империя 3.7.1944 [неизвестно]. Партизан 5-й бригады 2-й дивизии Феличе Кашоне.

NN (партизан), † август 1944 [пров. Модена].

NN, погиб в Фанано август 1944 [Фанано, пров. Модена].

NN (партизан), † Грандже-ди-Планес, долина Арджентера, пров. Турин 11.8.1944, расстрелян [неизвестно]. Партизан бригады «Валь-Кизоне».

Гонзага, городское кладбище

NN (партизан), † Коль-Турас, коммуна Чезана-Торинезе, пров. Турин 27.8 или 2.9.1944, погиб в засаде [Чезана-Торинезе, позднее, возможно, прах перенесен в Турин как «ignoto (неизвестный)»]. Военнопленный из Шталага II В 303059, бежал. Партизан 1-й дивизии «Валь-Кизоне» (или «Валь-Вараита»), погиб в засаде вблизи французской границы³⁵. На месте гибели, в Коль-Турас, установлена плита с надписью: «*Barbaramente trucidati dai nazi-fascisti / caddero gli eroi partigiani <...> / ignoto partigiano sovietico / NN Russo Stalag II В 303059 / dona o Signore la pace ai forti / parenti e partigiani posero il 27.7.1946*» [Варварски замученные нацифашистами, пали герои партизаны... <список из 7-и имен> неизвестный советский партизан, № Русского Шталага II В 303059. Дай, о Боже, покой сильным. От родственников и партизан, 27.7.1946].

NN (*ignoto partigiano russo* / неизвестный русский партизан/), повешен 6.9.1944 в числе группы партизан бригады Бурикки [кладб. Къезануова, предместье Прато].

NN (*sovietico* / советский), повешен немцами в квартале Фалькера г. Турина (угол улицы Куорнье и проспекта Вилларетто) 14.9.1944, в группе трех антифашистов [неизвестно]. На месте казни установлен памятный знак с надписью: «*Ai martiri / dell'eterna libertà / Qui furono impiccati / tre partigiani sconosciuti / 19 settembre 1944 / Il comune*» (Мученикам вечной свободы. Здесь 19 сентября 1944 были повешены три неизвестных партизана. От мэрии).

NN (русский), казнен немцами в октябре 1944 у железнодорожной будки № 58 на участке Турин–Модане, по подозрению в намерении уйти к партизанам [Кьомонте, пров. Турин; его прах, возможно, перенесен в Турин].

NN (партизан), † 26.10.1944 [пров. Верона, Сан-Дзено-ди-Монтинья, городское кладб.; номер захоронения в ВМЦ 339-50; над захоронением шефствует местная органи-

³⁵ См. *Roberti...* Op. cit. P. 71.

зация альпийских стрелков].

NN (7 партизан) [Триест, городское кладб., братская могила, номер захоронения в ВМЦ 339-54, над захоронением шефствует секция ANPI г. Триеста].

NN (9 партизан), † 1944 [пров. Болонья, Имола, мемориальный комплекс, братская могила; номер захоронения в ВМЦ 339-22; над захоронением шефствует местная секция ANPI].

NN, погиб в Дольчеаккуа, пров. Империя зимой 1944/1945 [Дольчеаккуа]. Партизан 5-й бригады 2-й дивизии Феличе Кашоне.

NN (партизан), 1925 – 22.2.1945 [Бари, Югославское кладб.].

NN (русский), † 28.3.1945 [Кампо-Лигуре, пров. Генуя].

NN (2 русских) [Кориано, пров. Римини].

NN (2 русских) [Сеттимо-Виттоне, пров. Турин].

NN (2 партизана 6-й бригады дивизии Сильвио Бонфанте), погибли в Боргетто-д'Арроша, пров. Империя зимой 1944/1945 [неизвестно].

NN (3 партизана) [Пирателло, коммуна Имола, пров. Болонья].

NN (3 партизана 6-й бригады дивизии Сильвио Бонфанте), погибли в Чизано-суль-Нева, пров. Савона зимой 1944/1945 [неизвестно].

NN (4 партизана) [Луганьяно-Валь-д'Арда, пров. Пьяченца].

NN (4 партизана) [Феррьеро, пров. Пьяченца].

NN (4 партизана) [Боббио, пров. Пьяченца].

*Военный оссуарий в Форно-ди-Коацце,
где покоятся останки неизвестного советского партизана
(партизанское имя «Александр»)*

NN (5 партизан) [Корнильо, пров. Парма].

NN (14 партизан), погибли 20.1.1945 долина Валь-Таро, провинции Специя, Парма и Масс-Каррара [неизвестно]. Партизаны, бойцы «Республики Вара» с центром в Варезе-Лигуре. На холме Колле-Ченто-Кроче установлен памятник.

NN (8 азербайджанских солдат одного из батальонов Вермахта, решивших перейти к партизанам), погибли 13 апреля 1945 в Незе [Незе, коммуна Альцано-Ломбардо, пров. Бергамо].

NN (113 азербайджанских солдат одного из батальонов Вермахта, решивших перейти к партизанам), погибли 13 апреля 1945 в Монте-ди-Незе [Монте-ди-Незе, коммуна Альцано-Ломбардо, пров. Бергамо].

*Братская могила казненных азербайджанцев в Незе.
«С милосердием собранные доном Джованни Пеццотта, тут покоятся восемь из 118 русских из Монголии, замученных 13 апреля 1945 г. Пали в тщетной попытке обрести свободу»*

Описание трагедии составил местный священник дон Северино Витале.

В своих мемуарах он пишет о том, что 12 апреля 1945 года все его село было взволновано появлением «русских монголов», ушедших от немцев и решивших, пусть и в последнюю минуту, сражаться против фашизма. Рано утром, на спящих азербайджанцев напал выследивший их карательный отряд, состоявший из немцев и итальянских фашистов. Многие азербайджанцы были сразу же убиты, оставшихся в живых расстреляли из пулеметов... Беспощадная казнь произошла не только в Монте-ди-Незе, но и в других местах – в соседнем городке Незе каратели схватили и расстреляли еще восемь азербайджанцев. Похоронами казненных в Монте-ди-Незе занялся местный житель Джованни Герарди, ко-

торый устроил большую братскую могилу. Позднее останки перенесли в оссуарий, поместив на стене надпись: *A ricordo di 120 mongoli caduti per mano fascista* (В память 120 монголов, павших от рук фашистов, точнее 113). На другой братской могиле, в Незе, написано: *Caddero cercando in vano la libertà* (Пали в тщетной попытке обрести свободу). Ее устройством занимался местный священник Джованни Пеццотта. Есть более точные сведения, сообщенные Андреа Пиозелли: «После казни в общей могиле за стеной сельского кладбища Монте-ди-Незе похоронили 68 казненных, в местечке Бругаль – 18, в Монте-Кавалло – 10, в Дукkelло – 5 (все снаружи кладбищенской ограды), 2 – на кладб. Олера и 8 – на кладб. в Незе. В 1950 году останки всех, кроме тех, что в г. Незе, были перенесены в оссуарий Монте-ди-Незе. Число 120 (должно было быть 121) на эпитафии в Монте-ди-Незе имеет в виду общее число казненных азербайджанцев³⁴.

НЕСТЕРОВ Василий Федорович, дер. Новоселки Рыбинского у. Ярославской губ. 1922 – Казафоскола-ди-Мателика, коммуна Эзанатоля, пров. Анкона 7.3.1944 [Эзанатоля, пров. Мачерата. Его имя – *Niestarol Massilli* – обозначено в Турине, на городское кладб., Мемориал Сопротивления (*Sacrario della Resistenza*), куб № 32, ячейка 25, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина]. Партизан бригады Фабриано. На месте гибели установлена стела с надписью: «*Qui cadde / Wassili Niestarol / ventiduenne da Mosca / partigiano / della Brigata A. Cegna / ferito in combattimento / iene nazifasciste / fecero del suo corpo / scempio innominabile, crudele / Eroe d'una terra d'eroi / immolò la giovane vita / per l'Italia per la libertà / per l'indipendenza di tutti i popoli / partigiani d'Italia riconoscenti*» (Здесь пал Василий Нестеров, 22-летний москвич, партизан бригады «А. Ченья»³⁵. Над

³⁴ *Pioselli A.* La disserzione. I «mongoli» nelle Resistenza bergamasca e la strage di Monte di Nese [Дизертирство. «Монголы» в Сопротивлении Бергамо и бойня в Монте-ди-Незе]. Bergamo: Il Filo di Arianna, 2010. P. 131.

³⁵ Бригада была названа в честь своего партизана Аугусто Ченья, позднее, после его расстрела 26 марта 1944.

телом раненного в сражении жестоко издевались нацифашистские геены. Герой из края героев, он отдал свою жизнь за Италию, за свободу, за независимость всех народов. От признательных итальянских партизан). У здания муниципалитета г. Мателика установлена мемориальная доска:

«Nel Ventennale della Resistenza / la città di Matelica / memore / immortale sulla pietra / i martiri della lotta partigiana / novembre MCMLXV ...» (К 25-летию Сопrotивления город Мателика запечатляет бессмертную память в камне мучеников партизанской борьбы, ноябрь 1965 г. <имена партизан, в т.ч. Василия Нестерова>).

НИКИТОВИЧ (?) Стефан, погиб в VI Лигурийской оперативной зоне, партизан дивизии Пинан Чикеро [неизвестно].

НИКИШИН Виктор Григорьевич, Москва 1925 – 1944 [Турин, городское кладб., Мемориал Сопrotивления (Sacratio della Resistenza), куб № 36, ячейка 23, имя *Vittorio Michischin*, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина].

НИКОЛАЕВ, 1925 – 7.6.1944 [Сан-Джорджо-Канавезе, пров. Турин, позднее прах перенесен в Турин, на Городское кладб., Мемориал Сопrotивления (Sacratio della Resistenza), куб № 36, ячейка 31, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина]. На первоначальном захоронении была уста-

новлена плита с надписью: «*Che per l'idea venne dalla steppa gelata a morire per l'Italia*» (За свои идеи прибыл из холодных степей, чтобы умереть за Италию)³⁶.

Мемориальная доска и стела в Прато

НИКОЛАЕВ ? (*partigiano sovietico* / советский партизан), повешен в Фильине-ди-Прато 6.9.1944 в числе группы партизан бригады Бурикки [кладб. Къезануова, предместье Прато].

Среди пленных есть один русский. Когда очередь доходит до него, он сам поднимается на стол. Он надевает себе петлю на шею и потом дает такого пинка немцу, что тот сваливается на землю. Разъяренный вешатель выхватывает из ножен штык и бросается на уже бездыханное тело русского³⁷.

НИКОЛАЙ (партизанское имя), † Пьян-Кастанья, регион Лигурия.

НИКОЛАЙ (партизанское имя) [Лигонкио, регион Эмилия-Романья].

³⁶ *Roberti...* Op. cit. P. 67.

³⁷ *Guaita M.L.* La guerra finisce, la guerra continua [Война заканчивается, война продолжается]. Firenze, 1957. P. 112.

НИКОЛАЙ (партизанское имя), погиб у горы Монте-Фалò, коммуна Каличе-аль-Корновильо, пров. Специя 8.10.1944 [неизвестно]. Партизан бригады Ванни.

НИКОЛАЙ (партизанское имя), погиб в долине Валь-ди-Ланцо, пров. Турин [неизвестно]. Партизан бригады Перольо.

НИКОЛАЙ (партизанское имя), погиб в Камуньяно, пров. Болонья [неизвестно]. Партизан бригады «Стелла Росса» («Красная Звезда»).

НИКОЛАЙ (партизанское имя), погиб 19.10.1943, горный массив Гринье, пров. Лекко [неизвестно].

В одной хижине русский, о котором известно лишь, что его звали Николай, и двое итальянцев отстреливались от подползавших немцев. У них не оставалось никакой надежды спастись. Увидев это, Николай сказал итальянцам, чтобы они ушли и оставили его одно вести огонь по немцам. Те не могли решиться и не пожелали уйти. Рассердившись, Николай воскликнул: «Это ваша земля, здесь у вас друзья, здесь у вас отцы и матери. А моя Родина далеко. У меня тут никого нет». Он сделал очередной выстрел, а потом крикнул: «Идите!». Итальянцы выбрались наружу через заднюю дверь и под прикрытием стен хижины стали уходить в горы. До них доносились автоматные очереди немцев, одиночные выстрелы и короткие очереди, которыми отвечал Николай. Огонь его автомата они отчетливо различали: выстрел, другой, короткая очередь. Немцы падали непрерывно. Потом Николай вновь дал очередь, значительно более длинную, чем прежде. Затем он смолк»³⁸.

НИКОЛАЙ (партизанское имя), погиб в Кашина-Грасси, коммуна Буббио, пров. Асти 20.10.1943 [неизвестно].

НИКОЛАЙ (партизанское имя), погиб (? Turinett o Rieboreta – возможно Туринетти, коммуна Прамолло), пров. Турин июнь 1944 [неизвестно]. Студент медицины. Партизан бригады Валь-Джерманаска 5-й альпийской дивизии.

³⁸ De Micheli D. Uomini sui monti [Люди в горах]. Roma: Rimascita, 1953. Цит. по: Галлени. Указ. соч. С. 29-30.

НИКОЛАЙ (партизанское имя), погиб в долине Пурочело, пров. Болонья 11.10.1944 [неизвестно]. Партизан бригады Бьянкончини.

НИКОЛАЙ (партизанское имя), погиб в Джавено, долина Ланцо 15.12.1944. [неизвестно]. Согласно М. Галлени – партизан 80-й Гарибальдийской бригады Микеланджело Перольо, другие источники – 43-й автономной дивизии Валь-Сангоне – Серджо Де Витис.

НИКОЛАЙ (партизанское имя), погиб 24.4.1945 в г. Крема [Крема, пров. Кремона].

НИКОЛИК Иван Иванович, 1920 – 9.6.1945 [Кальчинате, пров. Бергамо].

НОГИН Александр Николаевич, Чусовая Пермского у. и губ. 1912 / 1913 – 21.11.1944, расстрелян в Коста-Вольпино [Коста-Вольпино, пров. Бергамо, Городское кладб., братская могила, номер захоронения в ВМЦ 339-29, над захоронением шефствует местная секция АНПИ]. Призван в РККА Чусовским городским военкоматом Молотовской обл. Красноармеец 128-й Отдельной стрелковой бригады, 18.8.1942 попал в плен. Партизан, боевые клички Молотов (по родному городу Пермь, тогда г. Молотов) и Донец.

П

ПАВЕЛ (партизанское имя), погиб в пров. Пиза [неизвестно]. Партизан бригады Дж. Боскальи.

ПАДОБРИЙ [Триест, городское кладб., братская могила, номер захоронения в ВМЦ 339-54, над захоронением шефствует секция ANPI г. Триеста].

ПАПОШВИЛИ (Попошвили, Папунашвили, Попаншвили) Григорий (Георгий) Егорович («Жора»), Калаури (Грузия) 1923 – Колле-дель-Лис, пров. Турин 2.7.1944 [Фавелла, коммуна Рубиана, пров. Турин. Означен как *Ignoto partigiano sovietico Giorgio* (Неизвестный советский партизан Георгий / Джорджо) в Мемориале Сопrotивления (Sacratio della Resistenza), Турин, городское кладб., куб № 36, ячейка 16, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина]. Призван в РККА 10.8.1942, пропал без вести в феврале 1943. Партизан 17-й Гарибальдийской бригады им. Феличе Чима. Погиб во время облавы на холме Лис (Колле-дель-Лис).

Возможно, что именно о гибели Г.Е. Папошвили сообщает один из уцелевших партизан, Федерико Дель Бока, свидетель облавы: «Биль, я и один русский³⁹ забрались на крышу одной фермы, в то время как наши товарищи покинули позиции. Стреляли повсюду, царил такой хаос, что непонятно было куда нам целить. Тогда Биль сказал: “Возьмем гранаты, с ними вернее бить вра-

³⁹ Как и в других мемуарах итальянских партизан, автор называет «русскими» всех выходцев из СССР.

га” <...> Я соскользнул на землю с тыльной части фермы и зигзагами добежал до товарищей. Вскоре прибыл Биль и сообщил дурную весть: русский слишком поздно сполз с крыши и попал в руки врага. С нашей новой позиции мы его увидели – среди фашистов. Пытались было помочь и начали перестрелку. Русский бросился бежать, но его скосили очередью из автомата»⁴⁰.

ПЕТЕР, Пётр (партизанское имя), погиб в Вальнегра, пров. Бергамо 15.8.1944 [неизвестно]. Партизан бригады «Fiamme Verdi» (Зеленое пламя).

ПЕТРИЩЕВ Иван Николаевич, (? Еф-Гети Прудок) 12.6.1920 – партизан, с 12.9.1944 в бригаде Вирджинио Арцани.

ПЕТРОВ Андрей, † 4.2.1943 [Милан, кладб. Маджоре, могила № 2; номер захоронения в ВМЦ 339-36, над захоронением шефствует секция ANPI г. Милана].

ПЕТРОВ Василий Захарович – см. Пивоваров В.З.

ПЕТРОВ Иван, партизанское имя Григорий (Gregorio), иначе «Красный Григорий» (Gregorio Rosso), поселок Луйковицы Ленинградской обл. 8.3.1925 – Раматс, коммуна Кьомонте, пров. Турин 28.3.1945 [местное кладб.; неизвестно, остался ли там прах, или перенесен в Турин (Мемориал Сопротивления) как «неизвестный»]. Угнан в Пьемонт осенью 1943. Партизан 115-й Гарибальдийской бригады им. Бруно Пейроло⁴¹. В деревне Елизаветино Гатчинского р-на Ленобласти его имя отмечено в мемориале в честь павших.

⁴⁰ *Del Boca F.* Il freddo, la paura e la fame: ricordi di un partigiano semplice. Milano: Feltrinelli, 1966. P. 62-63. Цит. по: *Roberti.* Op. cit. P. 37-38.

⁴¹ Пьемонтский партизан Фьорентино Пейроло (Peirolo), боевое прозвание «Бруно»; погиб 10.11.1943 в Усселье.

ПЕТРОВ Михаил, † 1944 [Турина, городское кладб., Мемориал Сопrotивления (Sacratio della Resistenza), куб № 32, ячейка 23, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина].

ПИВОВАРОВ (он же Петров) Василий Захарович (Захаров Василий), Грозный 1912 – Фиоренцуола (Фьоренцуола) – д'Арда, пров. Пьяченца 21.11.1944, расстрелян в городе Фиоренцуола, пров. Эмилия-Романья [Кастельнуово-Фольяни, коммуна Альсено, пров. Пьяченца, городское кладб. Его имя означено как «Захарович Василий, прозванный Петровым» («*Zakharovic Vassilli detto Petrow*») в Мемориале Сопrotивления (Sacratio della Resistenza) в Турине, городское кладб., куб № 2, ячейка 22, номер

Мемориал Сопrotивления в Турине

захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина]. Призван в РККА в 1939 Молотовским районным военкоматом города Грозный, в ноябре 1941 попал в плен. После побега из плена в сентябре 1944 вступил в 62-ю партизанский бригаду Луиджи Эванджелиста во главе с Антонио Феррари, взял партизанский псевдоним «Грозный» по родному городу. В ряде документов именуется Василием Петровым и Василием Захаровичем Петровым, а также приводится другая дата гибели – 14.11.1944. Посмертно награжден серебряной медалью «За воинскую доблесть» и удосто-

ен звания почетного гражданина города Фиоренцуолад'Арда⁴².

ПИСТ, погиб в Вилла-Опичина, пров. Триест 1-2.5.1945 [Триест, городское кладб., братская могила, номер захоронения в ВМЦ 339-54, над захоронением шефствует секция ANPI г. Триеста]. Партизан бригады Базовицца.

ПЛАНКИН Федор погиб в Акуе-Стриате или Кастильоне, пров. Генуя 15/20.10.1944 [Вольтаджо, пров. Алессандрия]. Партизан бригады Оресте.

ПОДГОРНЫЙ Иван, погиб 1.1./28.1.1945, в бою против немцев [Фейзолю, пров. Кунео; Фейсолио, городское кладб., номер захоронения в ВМЦ 339-58, над захоронением шефствует администрация кладбища].

ПОДДУБНЫЙ Павел Егорович, (Любестово, ст. Мильная ?, Сумской обл.) 1915 – 2.5.1945, погиб [Просекко, предместье Триеста]. Партизан 1-й Русской ударной партизанской бригады.

ПОЛЕТАЕВ Федор Андрианович, село Катино Скопинского у. Рязанской губ. 1/14.5.1909 – 2.2.1945, погиб близ Канталупо-Лигуре, коммуна Алессандрия [Роккетта-Лигуре, пров. Алессандрия; после войны прах перенесен в Геную, Монументальное кладб. Стальено, Поле Славы, номер захоронения в ВМЦ 339-20, над захоронением шефствует местная секция ANPI и Генеральное консульство РФ]. Местом рождения совет-

⁴² В.З. Пивоварову посвящена книга; см. *Насанов Г. Гарибальдиец Грозный. Документальная повесть. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1975.*

ские военные документы неверно указывали Казахстан. Красноармеец, в июле 1942 раненным попал в плен (ошибочно числился погибшим и похороненным в селе Ленинка Шевченковского района Харьковской обл.). После побега из рабочей команды в Италии вступил в партизанский отряд Н. Франки бригады Орест дивизии Пинан Чикеро. Партизанский псевдоним Поэтано (Федор Александр Поэтан). Награжден Золотой медалью «За воинскую доблесть» (Medaglia d'oro al valor militare), Герой Советского Союза⁴³.

ПОЛИЩУК (Полящук) Иван погиб в Куни-а-Таволе, коммуна Прелà, пров. Империя 31.1.1945 [кладб. Куни-а-Таволе]. Партизан 4-й бригады Гуаррини 2-й дивизии Феличе Кашоне, взят в плен и казнен.

С невероятным презрением к смерти Полящук ринулся вперед, увлекая своей отвагой и силой примера группу партизан, и тем самым дал возможность штабу и остальным товарищам по борьбе уйти от, казалось, неизбежной гибели. Он бросился вперед, чтобы спасти жизнь своих товарищей и своего командира Мирко. <... > Изрешеченный пулями, Полящук оказался в руках врагов. Они волокли его в открытом поле около 200 метров к тому месту, где он сражался и там добились ударами штыков⁴⁴.

ПОПАНШВИЛИ Григорий Егорович – см. Папошвили Г.Е.

ПОПОВ Иван Михайлович, станица Солдатская Нальчикского округа Терской обл. 1906 – 25.12.1944, погиб [селище Локка, пров. Гориция (совр. Локке, муниципалитет

⁴³ Смирнов С.С. Загадка далекой могилы // Их слава бессмертна, М., 1978; Башков В.П., Жданов А.В. Солдат Федор Полетаев. М., 1974; 2-е изд. 1978. Один из героев итал. игрового телефильма «2 febbraio 1945 – La Casa dei Bertagnin e la Battaglia di Cantalupo Ligure» («2-е февраля 1945 – Дом семьи Бертаньин и сражение у Канталупо-Лигуре»). В карательном отряде находились, наряду с немцами, и восточные легионеры («монголы»): по одной из версий, Ф. Полетаев внезапно бросился на карателей из укрытия – в ярости от того, что услышал их говорящих между собой по-русски.

⁴⁴ Цит. по: *Галлени*. Указ. соч. С. 84-85. О гибели И. Полищука также см. <http://www.anpi.it/donne-e-uomini/giovanni-battista-pastorelli>

Генуя, Монументальное кладбище Стальено, Поле Славы

Вилла-Серральо, пров. Равенна, мемориальный комплекс

Нова-Горица, Словения)]. Партизан 1-й Русской ударной партизанской бригады.

ПОПОШВИЛИ Григорий Егорович – см. Папошвили Г.Е.

ПОРЗОРИН Иван, погиб в Фейсолио, пров. Кунео 28.1.1945 [неизвестно]. Партизан бригады Перотти.

ПОРОНОВ Николай погиб в Вилла-Талла, коммуна Прела, пров. Империя 25.1.1945 [неизвестно]. Партизан дивизии Кашоне.

ПОЭТАНО – см. Полетаев Ф. А.

ПРИСТАНСКОВ (Пристанков) Георгий Ильич, хутор Краснополов Слащевской станицы Хоперского округа Царицынской губ. 1923 – 10.9.1944, погиб в Риччи при Вилла-Серральо, пров. Равенна в рядах отряда Умберто [Вилла-Серральо, пров. Равенна, мемориальный комплекс, братская могила, номер захоронения в ВМЦ 339-44, над захоронением шефствует местная секция АНПИ]. Призван в РККА Кумылженским РВК Сталинградской обл., пропал без вести в ноябре 1942. Партизан русско-словенского отряда им. Гарибальди 8-й Гарибальдийской бригады (псевдоним Джорджо /

Giorgio), посмертно награжден серебряной медалью «За воинскую доблесть» (в 1978)⁴⁵.

Документы из архива Кировского объединенного городско-го военного комиссариата (14.10.1976. № 850, г. Киров):

1) Я, участник итальянского сопротивления командир русско-словенского отряда им. Гарибальди Сорокин Сергей

⁴⁵ См. также: I partigiani sovietici a Imola // Una testimonianza di Agide Melloni: <http://italian.ruvr.ru/2007/04/12/397446>

Николаевич, проживающий в настоящее время Воронежская область, Верхнемамонский район, село Лозовое, колхоз «Искра» ПОДТВЕРЖДАЮ: в том, что Пристансков Георгий Ильич с августа 1943 года сражался против немцев и итальянских фашистов в составе 8-й бригады им. Гарибальди в русско-словенском отряде и погиб в сентябре 1944 году село Канселичи провинции Равенна. Товарищ Пристансков Георгий Ильич возглавлял диверсионную группу, по предательству шпиона группа была окружена немцами, Пристансков приказал группе отходить, а сам решил задержать немцев, чтобы группа смогла отойти за канал и скрыться в зарослях. Пристансков был окружен немцами, которые его хотели взять живым, когда кончились патроны, Пристансков бросил гранаты в окружающих фашистов и последний патрон выстрелил себе в висок. О чем и подтверждаю: Сорокин С.Н.

2) Я, участник итальянского сопротивления Козин Василий Яковлевич, проживающий в настоящее время Ростовская область город Каменюк, Старая станица, пер. Свердлова, дом 3, кв. 3 ПОДТВЕРЖДАЮ: в том, что Пристансков Георгий Ильич с августа 1943 года сражался против немцев и итальянских фашистов в составе 8-й бригады им. Гарибальди в русско-словенском отряде и погиб в сентябре 1944 года в селе Канселичи провинции Равенна, о чем и подтверждаю: Козин В.Я.⁴⁶

ПРОБОРОВ Александр Васильевич, (? село Спас Спасского сельского совета Общинского района Вологодской обл.) 1906 – 2.5.1945, погиб в Вилла-Опичина, пров. Триест [неизвестно]. Партизан 1-й Русской ударной партизанской бригады.

ПУТИЛИН Григорий Васильевич (партизанское имя Гриша), Луганск Екатеринославской губ. 1906 / 1908 – ноябрь 1944, при облаве пропал без вести [неизвестно].

ПЬЕТРО (партизанское имя, т.е. Петр), погиб в пров. Пьяченца ноябрь 1944 [перевал Венероколо, пров. Брешия].

ПЬЕТРО (партизанское имя, т.е. Петр), партизан 62-й партизанской бригады Луиджи Эванджелиста.

⁴⁶ <http://www.obd-memorial.ru>: ЦАМО. Ф. 58. Оп. 961694. Д. 29.

Р

РАДУЕВ (Редуев, Рудаев) Николай (партизанское имя Иван), Воронежская губ. 1922 – Кастельдельфино, пров. Кунео 15.12.1944, погиб в бою [Кастельдельфино; затем прах перенесен в Верцуоло, пров. Кунео, муниципальное кладб.; фотография]. Партизан отряда Салуццо 15-й Гарибальдийской бригады 11-й дивизии итальянского Сопротивления⁴⁷.

РЕКУНОВ (Рекутов) Николай Андреевич, 1924 – Презальта, коммуна Лигонкио 1.11.1944 [Лигонкио, пров. Реджо-Эмилия. Его имя означено в Мемориале Сопротивления (Sacratio della Resistenza) в Турине, городское кладб., куб № 2, ячейка 19, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина]. Перед войной жил в городе Бутош Орловской обл., ул. Комсомольская, 15. Партизан диверсионной группы «Голубая собака» (Cane azzurro) пров. Модена, подорвался на собственной mine.

РОБЕРТ (партизанское имя), † 1944 [Монтале, пров. Пистойя, позднее прах, возможно, перенесен в Турин, на городское кладб., Мемориал Сопротивления (Sacratio della Resistenza), куб № 2, ячейка 24, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина].

⁴⁷ «Миллион плюс». 2010, от 3 мая. Заметка Владимира Исакова, с указанием другой даты гибели – 6.3.1945.

РОЖКИН Николай, погиб в Боббио, пров. Пьяченца 6.12.1944 [неизвестно]. Партизан бригады Кайо.

РОЗИНСКИЙ, погиб в пров. Генуя 23.3.1945 [Триест, городское кладб., братская могила, номер захоронения в ВМЦ 339-54, над захоронением шефствует секция ANPI г. Триеста]. Партизан бригады Оресте.

РОЙКИН Николай – см. Койкин Н.

РОЙЦЕВИЧ / *ROJCEWICZ* Ежи, Голубовка 25.12.1917 – 25.4.1944, погиб под Монте-Кассино [Монте-Кассино, Польское военное кладб., могила 8-Е-18; ОСПвМ-К, № 0754]. Старший стрелок 3-й дивизии карпатских стрелков Польской армии генерала Андерса.

РОСТОВЦЕВ Иван Семенович, село Тогул Томской губ. 1911 – 13.9.1944 [Коллиано, пров. Салерно]. 27.5.1941 призван РККА Тогульским районным военкоматом Алтайского края. Пропал без вести в сентябре 1941. Партизан, боевая кличка Догул (Тогул), по родному селу.

РУБЦОВ Наум, дер. Никулино Орловского у. и губ. 25.7.1923 – 12/15.3.1944, погиб при Буссолено [Буссолено, пров. Турин; позже прах перенесен в Костермано (ошибочно был принят за legionера Вермахта), пров. Верона, блок 6, могила 1462]⁴⁸.

РУДАЕВ Николай – см. Радувев Н.

РУДЕНКО Степан (Стефано) Маркович, Красный Лиман Сталинской (совр. Донецкой) обл., † апрель 1945 [Кортено-Гольджи, пров. Брешия, городское кладб.; позже прах ошибочно перенесен в Костермано, пров. Верона, блок 10, могила 953. Его имя – *Rudienko Stefano* – также означено в Мемориале Сопротивления (*Sacrario della Resistenza*) в Турине, городское кладб., куб № 2, ячейка 20, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина]. Перед вой-

⁴⁸ Книга памяти воинов-евреев, павших в боях с нацизмом 1941–1945. Т. 3. М., 1996. С. 281; ошибочно назван Рубцовым.

ной жил в городе Сталино. Партизан бригады Ферруччо Лоренцини дивизии «Зеленое пламя» (Fiamme Verdi), при попытке уйти в Швейцарию взят в плен фашистами, бежал, но погиб от снежного бурана в долине Брандет, близ местности Мальга-Казацца, коммуна Кортено-Гольджи.

РУССКИЙ МАЙОР («*Maggiore russo*»), Нирано, коммуна Фьорано-Моденезе, погиб 22.4.1945 при атаке немецкого штаба на вилле Маджиера [Нирано, позднее прах перенесен в Турин, Sacrario della Resistenza, сначала куб 26, затем куб 36, ячейка 20]. Партизан бригады Стоп.

РУССО Джозеф – см. Джозеф.

РУССО (партизанское имя, т.е. Русский), погиб в Секкьета, Монтеминьяйо, пров. Флоренция апрель 1944 [неизвестно]. Партизан бригады Ланчотто Баллерини.

РУССО (партизанское имя, т.е. Русский), погиб в Молинелли, предместье Ареццо 17.12.1944 [неизвестно]. Партизан бригады Пио Бори.

РУССО (партизанское имя, т.е. Русский), погиб в Монтелоро, коммуна Понтассьева, пров. Флоренция 4.8.1944 [неизвестно]. Партизан бригады Кайани.

РЫБАК Онуфрий Васильевич, Винница Подольская губ. 1922 – VI лигурийская оперативная зона, погиб 11.12.1944 [неизвестно]. Партизан дивизии Пинан Чикеро.

РЫБАК Фения – см. Вайсберг Ф.

РЫБАКОВ Сергей Васильевич, Спасск 9.1.1929 – Боббио 6.12.1944, погиб в бою [Боббио, пров. Пьяченца]. Партизан бригады Кайо.

РЫЖАК Онуфрий, погиб в Варианелла, пров. Генуя 11.12.1944 [неизвестно]. Партизан бригады Оресте.

С

САВЕЛЬЕВ Митрофан, † Турин 23.2.1943⁴⁹, военный госпиталь [Турин, городское кладб., Мемориал Сопrotивления (Sacratio della Resistenza), куб № 14, ячейка 10, имя *Mitrofan Saveliez*, номер захоронения в ВМЦ 339-57 (здесь дата смерти – 13.2.1942), над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина]. Возможно, 1) Митрофан Гаврилович Савельев, Тамбовская обл. 1916, пропал без вести в сентябре 1941; 2) Митрофан Иванович Савельев, Кировоградская обл. 1909, пропал без вести в июле 1941.

САДОВСКИЙ / *SADOWSKI* Болеслав, Одесса 4.9.1910 – 3.5.1944, погиб под Монте-Кассино [Монте-Кассино, Польское военное кладб., могила 1-D-8; ОСПвМ-К, № 0771]. Бомбардир 5-го полка легкой артиллерии Польской армии генерала Андерса.

САПРОНОВИЙ Николай Борисович («Георгий»), Тифлис 1914 – смертельно ранен в бою при Дивиньяно 13 (или 14).12.1944 и умер в тот же день в Варалло-Помбия [Варалло-Помбия, провинция Новара, городское кладб., затем Турин, городское кладб., Мемориал Сопrotивления (Sacratio della Resistenza), куб № 36, ячейка 18, надпись: *Partigiano Ignoto Sovietico Georgia*

⁴⁹ Следовательно, М. Савельев не мог быть участником Сопrotивления, развернувшегося после 8 сентября 1943 г.

(Неизвестный советский партизан из Грузии), номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция АНПИ г. Турина]. Партизан 118-й бригады им. Ремо Сервадеи (3-й Гарибальдийский дивизион Джузеппе Пайетта).

САРТАНИЯ ШИО Евстафьевич, селение Дерчи Кутаисского у. и губ. 1920 – Бальмафоль, коммуна Кьянокко, пров. Турин, погиб во время затяжного сражения с карателями с 8.7.1944 по 26.8.1944 [неизвестно]. Призван в РККА 24.12.1941 Цхалтубским районным военкоматом Грузинской ССР. Рядовой 1-го батальона охраны 31-го стрелкового полка, в августе 1942 попал в плен, после побега, с 1.6.1944 – партизан 42-й Гарибальдийской бригады им. Вальтера Фонтана.

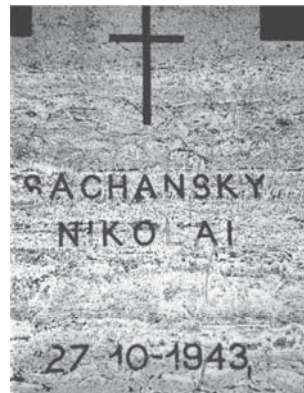
САСЫКОВ Тахир [Триест]. Партизан 1-й Русской ударной партизанской бригады, сражавшейся на территории Югославии.

САДЕБЕКОВ – см. Седебеков

САДЫБЕКОВ – см. Задебеков

САТЫКБЕКОВ Аблкаим, 1921 – 1.5.1945, погиб в Вилла-Опичина, пров. Триест [неизвестно]. Перед войной жил в колхозе «Кугим» Урарского сельсовета Шаулберского района Чимкентской обл. Казахской ССР. Партизан 1-й Русской ударной партизанской бригады.

САХАНСКИЙ (Сашанский) Николай Сергеевич, 5.1.1922 – штаблаг II G (323), Милан 26 (или 3/27).10.1943 или погиб в пров. Милан 30.10.1943 [Милан, кладб. Маджоре, участок 16, могила № 24 (захоронение советских граждан, могила № 8), номер захоронения в ВМЦ 339-36, над захоронением шефствует секция АНПИ г. Милана].

- Перед войной жил в селе (? Свестополь, Кастобоброво) Урицкого района Кустанайской обл. Казахской ССР. Призван в РККА в 1941 Чимкентским городским военкоматом Южно-Казахстанской обл., рядовой 398-го стрелкового полка, 16.7.1941 под Порховом попал в немецкий плен.
- САША (партизанское имя), погиб в Силеа, пров. Тревизо [неизвестно]. Партизан бригады Гарибальди-Маццини.
- САШАНСКИЙ Николай Сергеевич – см. Саханский Н.С.
- СЕДЕБЕКОВ (Садебеков), погиб в Вилла-Опичина, пров. Триест 1-2.5.1945 [Триест, городское кладб., братская могила, номер захоронения в ВМЦ 339-54, над захоронением шефствует секция ANPI г. Триеста]. Партизан бригады Базовицца.
- СЕРАФИНО Анисим – см. Анисимов С.М.
- СЕРГЕЙ (партизанское имя), погиб в Ка-ди-Маланка, коммуна Бризигелла, пров. Болонья 10.10.1944 [неизвестно]. Партизан бригады Бьянкончини.
- СЕРГЕЙ (партизанское имя), † 26.2.1945 [Куорнье, пров. Турин; позднее прах перенесен в Турин, на городское кладб., Мемориал Сопротивления (Sacratio della Resistenza), куб № 36, ячейка 11, имя *Serghej*, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина].
- СЕРЕБРЯКОВ Тимофей Степанович, 1905 – 21.3.1945, погиб [село Задлог, пров. Гориция]. Перед войной жил в Бирюковском сельсовете Свердловского района Ворошиловградской обл. Партизан 1-й Русской ударной партизанской бригады.
- СЕРЕБРЯНСКИЙ Иван, погиб в Конселиче, пров. Равенна [неизвестно]. Партизан 8-й дивизии Романья.
- СЕРЕГИН Павел, погиб в Санта-Мария-дель-Порто, коммуна Торрилья, пров. Генуя 4.3.1944 [неизвестно]. Партизан бригады Маттеотти – Валь-Бизаньо.

- СИДОРОВ Николай И., 1909 – 28.03.1943, погиб в бою [Тревилио, пров. Бергамо, мемориал павших в часовне, ниша № 72, номер захоронения в ВМЦ 339-52, над захоронением шефствует местная секция ANPI].
- СИМОН (партизанское имя), погиб в Сассо-д'Омбоне, коммуна Чиниджано, пров. Гроссето 4.4.1944 [неизвестно]. Партизан отряда им. Гоффредо Мамели. Возможно, он носил партизанское прозвание «Лейтенант-знамя» (см.).
- СИМОН (партизанское имя), † Колле-дель-Лис 2.7.1944 [Колле-дель-Лис, общая могила; прах позднее перенесен в Турин, городское кладб., Мемориал Сопротивления (Sacratio della Resistenza), куб № 36, ячейка 4, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина]. Партизан 17-й Гарибальдийской бригады им. Феличе Чима).
- СИНЕГЛАЗ (искаж.: Sinigals, Kinigals), возм. Максим, умер от ран в Гроссето 4.4.1944 [Гроссето, городское кладб.]. Из формирования им. Гоффредо Мамели; смертельного раненого во время сражения при Сассо-д'Омбоне, коммуна Чиниджано, пров. Гроссето, его увезли в гражданский госпиталь в Гроссето; в этом сражении погиб также «Лейтенант-знамя» (см.).
- СКАРЕГИН Павел Иванович, Саратов 27.5.1906 – 1.3.1945, погиб в бою [неизвестно]. Партизан бригады Маттеотти-Валь-Бизаньо.
- СКИРКО (Сирко, Ширко) Александр, погиб в Торрелья, пров. Падуя 16.11.1944 [городское кладб. Торрелья]. Партизан бригады Гарибальди. См. о нем выше биографический рассказ.
- СКОРОХОДОВ (*Skorochodov*) Василий, 1903 – погиб у Палестрины, пров. Рим 9.3.1944 [Палестрина, городское кладб., братская могила; надпись: *Ai / partigiani / sovietici / caduti / per la / libertà* [советским партизанам, павшим за свободу]; номер захоронения в ВМЦ 339-41, над захоро-

нением шефствует секция ANPI г. Палестрины и Посольство РФ]. См. о нем ниже в Воспоминаниях А. Коляскина.

СОБИРОВ Джумадурди, погиб в Варлунга, предместье Флоренции июль 1944 [неизвестно]. Партизан бригады Ланчотто Баллерини.

СТЕПАН Василий Петрович, 1908 – 29.1.1945, расстрелян немцами [неизвестно]. Перед войной жил в Белой Церкви Киевской обл. Партизан бригады Кайо, прозвище Романо.

СТЕФАНО (Степан, партизанское имя), погиб в ноябре 1944 [перевал Венероколо, пров. Брешия].

СТОГИН-АКУШКИН – см. Мякушин Г. П.

СТОЛЕТОВ Дмитрий Иванович, 23.11.1921 – Боббио 6.12.1944 [Боббио, пров. Пьяченца]. Перед войной жил на станции Филоново Сталинградской обл. Партизан бригады Кайо.

СТЮР / STHUR, рожд. БОРИСОГЛЕБСКАЯ, † Сан-Мартин-ин-Рио, пров. Реджо-Эмилия 11/24.6.1945, 48-ми лет [Метрические книги русской православной церкви в Риме]. Участница итальянского Соппротивления.

СУЗИ Армас А., Красноярск 1924 – вероятно, взят немцами в плен 28.3.1945, Раматс, коммуна Кьомонте, пров. Турин, и отправлен в город Суза, где был расстрелян [Суза; затем прах перенесен в Турин, Городское кладб., Мемориал Соппротивления (Sacratio della Resistenza), куб 14, ячейка 23, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина]. Пропал без вести (попал в плен) в августе 1943. Партизан 115-й Гарибальдийской бригады им. Бруно Пейрола.

Мемориал Сопротивления в Турине

СУСПИЦЫН (Сусницин) Григорий Иванович, село Ребриха Парфеновского района Алтайского края 1919 – селение Чапован, обл. Гориция 17.4.1944 [перезахоронен в Триесте]. Партизан 1-й Русской ударной партизанской бригады, сражавшейся на территории Югославии.

Т

ТАРАНОВ (Тарамов) Иван, † 29.6.1944 [Монтегротто-Терме, пров. Падуя. Его имя – *Ivan Taramon* – означено в мемориале в Турине, городское кладб., Мемориал Сопrotивления (*Sacrario della Resistenza*), куб № 32, ячейка 17, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина].

ТАРАЩ Михаил, погиб в Кастельуво-делла-Мизерикордия, коммуна Розиньяно, пров. Ливорно 29.6.1944 [неизвестно]. Партизан бригады Валь-Сесина.

ТАРТАМАТОВ (Тортоматов) Федор (возм. Александрович), погиб в Маргоне, коммуна Уссельо, пров. Турин 20.10.1944 [Уссельо, пров. Турин; возможно, в 1965 прах перенесен в Турин, Мемориал Сопrotивления, куб 39, ячейка 27, как *Feder Alessandro*]. Партизан 42-й Гарибальдийской бригады им. Вальтера Фонтана.

ТАШЕНОВ Шакитай, ... – 18.2.1945, погиб [селение (?) Среднее близ Удине]. Перед войной жил на ферме № 1 Чернорицкого мясосовхоза Павлодарского района и обл. Казахской ССР. Партизан 1-й Русской ударной партизанской бригады.

ТИЗЛЕР Анатолий – см. Тислер А.

Ривальта-Скривия, коммуна Тортоне, кладбище партизан

ТИМОШЕВСКИЙ Сергей Григорьевич, Посад-Покровское Белозерского у. Новгородской губ. 1903 – 23.4.1945, погиб [дер. Загорье близ Гёрц / Гориция, регион Фриули-Венеция-Джулия]. Партизан 1-й Русской ударной партизанской бригады.

ТИРИКОВ (Тирков, *Tirikoff*) Александр (*Sasha*) Никифорович, Одесса 1920 – Вилла Верене, Ривальта-Скривия, пров. Генуя 7.1.1945, погиб в бою [Ривальта-Скривия, коммуна Тордоне, кладб. партизан, братская могила, номер захоронения в ВМЦ 339-3, надпись: *cittadino russo* (русский гражданин); над захоронением шефствует местная секция ANPI]. Партизан бригады Оресте, прозвание Иван.

ТИСЛЕР (Тизлер) Анатолий, погиб в Фьоренцуолад'Арда, пров. Пьяченца [неизвестно]. Партизан 62-й Гарибальдийской бригады.

ТРИТАНОВ Николай, погиб в пров. Мачерата март 1944 [неизвестно]. Партизан бригады «Спартак».

ТРУТНЕВ (Трунел) Михаил, Пермь (Молотов) 1921 – Вальмоццола, пров. Парма 17.3.1944 [Коллезино, предместье Баньоне, пров. Масса-Каррара, городское кладб., номер захоронения в ВМЦ 339-15; надпись: *Trunel Michele*; Трунел – провинция Ла Специя, г. Левири, партизанский мемориал, номер захоронения в ВМЦ 339-32, над захоронением шефствует местная секция ANPI]. Схвачен в плен 14.3.1944 у горы

Монте-Барка, коммуна Баньое, и после пыток в тюрьме Мильярина, в Специи, расстрелян⁵⁰.

ТУЛЕСБАЕВ (Тулесбаев) Шухмахмед, 1919 – 6.3.1945 [Гуилья, пров. Модена, городское кладб., могила № 57; номер захоронения в ВМЦ 339-21, над захоронением шефствует местная секция ANPI]

ТУРДУКУЛОВ Джума, Ташкент 1916 – взят немцами в плен 28.3.1945 в Раматсе, коммуна Кьомонте, пров. Турин и отправлен в город Суза, где был расстрелян [неизвестно]. Красноармеец, пропал без вести в первые дни войны под городом Яворов Львовской обл. Партизан 115-й Гарибальдийской бригады им. Бруно Пейроло. Известен под прозвищем Giuseppe Fabbro (Джузеппе «кузнец»).

⁵⁰ <http://ricordidiguerra.xoom.it/ubaldocheirasco/ubaldocheirasco.htm>

У

УРУШАДЗЕ Акакий, Чохатаури Огурзетского у. Кутаисской губ. 1913 – Оваро, пров. Удине 2.5.1945, погиб в бою [Форни-Авольтри, пров. Удине, городское кладб]. Капитан РККА, после побега из плена – партизан Гарибальдийской бригады Карния, убит казаками.

УСКОВ Александр, Смоленск 6.3.1926 – 4.12.1944 [Гуилья, пров. Модена, городское кладб., могила № 2, над захоронением шефствует местная секция ANPI].

УСТЕНКО Григорий, Борисовка 21.8.1923 – 22.10.1944, казнен у Сан-Катальдо [Модена, городское кладб., могила № 43] (Сан-Катальдо – название окраинного кладбища Модены, а также название прилегающей улицы – strada San Cataldo, где в 1944 проходили казни участников Сопrotивления).

УСТИМЕНКО Алексей, 17.3.1910 – 3.7.1944, казнен у Сан-Катальдо [Модена, городское кладб., могила № 38]. Перед войной жил в Днепропетровске.

Ф

ФЕДЕР Александр – см. Фета А.

ФЕДОРОВ Михаил Яковлевич, (? дер. Каравчина Арбенского района Могилевской обл.) 1925 – 29.4.1945, погиб [Триест, городское кладб., братская могила, номер захоронения в ВМЦ 339-54, над захоронением шефствует секция АНПИ г. Триеста]. Партизан 1-й Русской ударной партизанской бригады, затем бригады Базовицца Итальянского сопротивления.

ФЕДОРОВИЧ Иван Тимофеевич, 1916 – ..., пропал без вести после облавы в регионе Лигурия [неизвестно]. Крестьянин. В РККА – пехотинец. С 10.11.1944 в отряде Франки бригады Оресте.

ФЕТА (он же Федер) Александр, погиб в долине Валле-Суза, пров. Турин 15.4.1945 [неизвестно]. Партизан бригады Массимо.

ФИЛИППОВ (ФИЛИПОВ) Николай, погиб 1944 пров. Алессандрия [Алессандрия, городское кладб., индивидуальная могила, номер захоронения в ВМЦ 339-2]. Партизан 16-й дивизии Вигано.

ФИЛЬЧЕНКО Михаил, погиб в 1944 [Турин, городское кладб., Мемориал Сопротивления (Sacratio della Resistenza), куб № 2, ячейка 10, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция АНПИ г. Турина].

ФИРСОВА Тамара Леонидовна, Петроград 20.2.1923 – 17.9.1944 [Арчевия, пров. Анкона; прах позднее перенесен в Турин, на городское кладб., куб № 2, ячейка 11, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция АНПР г. Турина]. Бежав из фашистского концлагеря в Палаццоло-делло-Стелла (Удин), вступила во 2-ую бригаду «Норд-Миза» Гарибальдийской дивизии «Валле-Миза». Гражданская жена партизана Джузеппе Джойя; скончалась от септицемии.

ФОЗИПОВИЧ Петр, погиб в Капрезе-Микеланджело, пров. Ареццо 13.4.1944 [неизвестно]. Партизан бригады Пио-Борри. Согласно М. Галлени, это Петр Осипович из Сибири, партизанская кличка «Сибиряк Иванович».

ФОЛТОН Евстрат, погиб 12.8.1944 [Рива, пров. Тренто]. Партизан бригады Империя.

ФРОЛОВ Степан Николаевич, Могилев 1926 – декабрь 1944, пропал без вести после облавы [неизвестно].

Провинция Турин, Болленго, городское кладбище

X

ХАЙДУКОВСКИЙ Деодат, село Колбаевичи ([область] Львов [итал.: Leopoli]), Украина 27.8.1924 – Бьелла, пров. Турин 4.6.1944, расстрелян [провинция Турин, Болленго, городское кладб., номер захоронения в ВМЦ 339-8, над захоронением шефствует местная секция ANPI, надпись: *Deodato Haidukinsky / ucraino*].

ХАПЕНКО (Капенко) Николай Степанович, Татьянаовский переселенческий участок Томского у. и губ. 1908 – погиб в Астрио, коммуна Брено, пров. Брешиа 6.11.1944 [Турин, городское кладб., Мемориал Сопrotивления (Sacratio della Resistenza), куб № 2, ячейка 16, имя *Napenku Nikolay*, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина]. Перед войной жил в дер. Ново-Татьяновка Шегарского района Новосибирской обл. Партизан бригады Джакомо Каппеллини.

ХАРУН Николай Евгеньевич, село Софиевка Ново-Николаевского района Запорожского округа 1925 – 25.12.1944, погиб [селение Локве, коммуна Нова-Горице, пров.

Гориция]. Партизан 1-й Русской ударной партизанской бригады.

ХАСАНОВ Таир Мустафаевич, селение Шимхал (Нахичеванской АССР Азербайджанской ССР) ... – 1945, погиб [Триест]. Партизан 1-й Русской ударной партизанской бригады.

ХОРСТ Андрей, † май 1945 [Милан, кладб. Маджоре, могила № 7; номер захоронения в ВМЦ 339-36, над захоронением шефствует секция ANPI г. Милана].

ХОРЯШКО Иван – см. Грязко И.

ХУБАН Иван – см. Губан И.

ХУСАИНОВ Илья – см. Гусейнов Виляят Абульфат-оглы.

Ц

ЦЕРЦЕВ (Церков), погиб в Вилла-Опичина, пров. Триест 1-2.5.1945 [неизвестно]. Партизан бригады Базовицца.

ЦОМАЯ Рожден, Сенаки Кутаисской губ. 1917 – Оваро, пров. Удине 2.5.1945 [неизвестно]. Рядовой РККА, после побега из плена – партизан Гарибальдийской бригады Карния, убит казаками. Возможно, старший лейтенант Рожден Варламович Цомая (род. 1911), из Тбилиси, пропавший без вести в октябре 1942.

Ч

ЧЕЛАКУЛИН Иван, погиб в Лезиньяно-де-Баньи, пров. Парма 20.9.1944 [неизвестно; его имя – *Chedaxuli Vuanno* – указано в Мемориале Сопротивления в Турине, куб 2, № 4 (возможно, без перенесения праха)]. Партизан бригады Джулия «Артони»; упоминается в числе партизан-грузин, воевавших в тех местах.

ЧЕПУРЧЕНКО Алексей Иванович, Талды-Курган Казахской АССР 1919 – Пероза-Арджентина, пров. Турин 3.3.1945, умер от сердечного приступа [неизвестно]. Призван в РККА 26.11.1939, пропал без вести (попал в плен) в августе 1941. Партизан бригады «Валь-Кизоне».

ЧЕРНЫЙ Семен, † 14.2.1943 [Милан, кладб. Маджоре, могила № 4; номер захоронения в ВМЦ 339-36, над захоронением шефствует секция АНПИ г. Милана].

ЧУДАКОВ Михаил Андреевич, дер. Казинка Наровчатского у. Пензенской губ. 1906 – 3.5.1945, погиб в Вилла-Опичина, пров. Триест [неизвестно]. Партизан 1-й Русской ударной партизанской бригады.

ЧУМАК Николай, партизан бригады Гарибальди, погиб в пров. Генуя [неизвестно].

Ш

ШАБДАРОВ Анатолий Ильич, Шихмамат Краснококшайского кантона Марийской автономной обл. 1923 – 1944 [Турин, городское кладб., Мемориал Сопротивления (Sacratio della Resistenza), куб № 36, ячейка 19, имя Anatoli Schabdarov, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция АНРІ г. Турина].

ШАБЕЛАШВИЛИ Джура – см. Забелашвили Д.

ШАМИДОВ Хотам, 1925 – 9.3.1945 [Верона, городское кладб., могила № 129].

ШАМУ (вероятно, не полная фамилия) Петр, 1920 – Оваро, пров. Удине 2.5.1945 [Форни-Авольтри, пров. Удине, городское кладб.]. Рядовой РККА, после бегства из плена – партизан Гарибальдийской бригады Карния, убит казаками.

ШИБАРИТИШИН (он же Кибарачихин) Петр, погиб в пров. Тревизо 12.3.1945 [неизвестно]. Партизан бригады Чиро Менотти.

ШИПНИКОВ Петр (партизанская кличка: Арсентий), 1903 – регион Лигурия, время гибели неизвестно.

ШИРКО Александр – см. Сирко А.

ШУРКОВ Петр Васильевич, Витебская губ. 1922 (или 1924) – декабрь 1944, пропал без вести после облавы [неизвестно]. Студент, гражданский, был арестован и вывезен в Италию. С 7.11.1944 в отряде Франки бригады Оресте.

Щ

ЩУКОВ Геннадий, Высоково 1921 – 31.5.1944, погиб в бою [Ловере, пров. Бергамо; городское кладб.; номер захоронения в ВМЦ 339-33; над захоронением шефствует местная секция ANPI].

*Кладбище в г. Ловере, памятник 13 мученикам
(казнены нацистами 22 декабря 1943 г.)*

Э

ЭДИЛОВ Оразали, 1925 – 29.4.1945, погиб в Вилла-Опичина, пров. Триест [неизвестно]. Перед войной жил в колхозе им. Ленина Калининского сельсовета Беловодского района Ташкентской обл. Узбекской ССР. Партизан 1-й Русской ударной партизанской бригады.

ЭКАЛОН Хасан – см. Эмалон Х.

ЭЛИО (партизанское имя, т.е. Илья), Батуми, Грузия 1923 – 10.2.1945, погиб в Брони, пров. Павия [Аграно, предместье города Оменя, пров. Вербано-Кузьо-Оссола, похоронен 18.2.1945].

ЭМАЛОН (Экалон) Хасан, 1927 – погиб 26.8.1944 под Роккетта-Нервина, пров. Империя [ошибочно перенесен в Костермано, пров. Верона, блок 6, могила 1275]. Партизан 5-й бригады дивизии Феличе Кашоне. Согласно М. Галлени, это Асем Еналон.

ЭМИНОВ [Таранто, Военное кладб.].

Ю

ЮЗЕНКО, погиб в Вилла-Опичина, пров. Триест 1-2.5.1945 [Триест, городское кладб., братская могила, номер захоронения в ВМЦ 339-54, над захоронением шефствует секция ANPI г. Триеста]. Партизан бригады Базовицца.

ЮШКОВ Павел, † 1945 [Турин, городское кладб., Мемориал Сопротивления (Sacratio della Resistenza), куб № 36, ячейка 24, имя *Ischkov Paolo*, номер захоронения в ВМЦ 339-57, над захоронением шефствует секция ANPI г. Турина].

ЮЩЕНКО Петр Тимофеевич (? Крешаев) Черниговской губ. 1909 – 1.5.1945, погиб [пров. Триест]. Партизан 1-й Русской ударной партизанской бригады.

Я

ЯВНЫЙ Ярослав, погиб в Преоне, пров. Удине 28.7.1944 [неизвестно]. Партизан.

ЯДРЫШНИКОВ Георгий Григорьевич, 1913 – 17.10.1944, [Бари, Югославское кладб.]. В РККА с 1943. Летчик истребительной авиационной группы особого назначения в Бари (Италия), младший лейтенант. Убит во время стычки с британскими моряками.

ЯНИН Степан Акифеевич, дер. Смолево Богородского у. Московской губ. 1917 – 1.5.1945⁵¹ [Павароло, пров. Турин, городское кладб., куб № 36, ячейка 3, номер захоронения в ВМЦ 339-57, в 1966 Никола Гроза перенес его прах в Турин, в Мемориал Сопrotивления, куб 36, ячейка 3, над захоронением шефствует секция АНПИ г. Турина]. Призван Егорьевским РВК Московской обл. 19.10.1938, старший сержант, пропал без вести в первые дни войны в Волынской обл. (попал в плен). Партизан 19-й Гарибальдийской бригады.

ЯРЦОВ [Триест, городское кладб., братская могила, номер захоронения в ВМЦ 339-54, над захоронением шефствует секция АНПИ г. Триеста].

⁵¹ Во время боев за освобождение Турина и окрестностей от нацифашистов, продолжавшихся до 2 мая 1945 г., пало около 300 партизан и вооруженных фабричных рабочих.

ПРИЛОЖЕНИЕ

А.В. Коляскин

ВОСПОМИНАНИЯ

Важнейший и авторитетный источник по партизанской войне в регионе Лацио – воспоминания одного из ее главных героев, Алексея Васильевича Коляскина. Он стал писать их в 1960-е гг., а также дал в те годы ряд интервью и связался с писателем С.С. Смирновым, которому отправил несколько глав. В целом, однако, воспоминания остались неопубликованными и сохранились в Туле у внука партизана, названного в честь деда – Алексеем (пользуясь случаем, приношу ему благодарность).

Автор мемуаров родился 8 января 1912 г. в деревне Колесниково Коптевской волости Тверской губ., а умер в День Победы, 9 мая 1970 г. – в Ленинграде, во время выступления, посвященного 50-летию Победы. Ветеран сильно разволновался, и его сердце не выдержало. Ему было 58 лет. Похоронили А.В. Коляскина там же в Ленинграде, на Южном кладбище.

Публикуем полностью уникальный документ. Стилистика и орфография автора сохранены.

АЛЕКСЕЙ КОЛЯСКИН

ВОСПОМИНАНИЯ

<НАЧАЛО ВОЙНЫ>

В регулярной Советской Армии, во все годы перед Великой Отечественной войной, мне служить не пришлось.

После окончания Тверского сельскохозяйственного техникума в 1932 году я по разрядке Наркомзема был направлен в совхоз им. 1-го Мая под городом Иркутском системы Восточно-Сибирского краевого управления НКВД старшим зоотехником.

Всё время моей работы в этом совхозе, я пользовался ежегодными отсрочками. Сначала по причине отсутствия специалистов, а впоследствии по семейным обстоятельствам.

Только благодаря периодическим сборам в лагерь мне удалось освоить некоторые виды боевого снаряжения бойца того времени, это винтовку, автомат ППМ, пулемет Дягтерева, ручные гранаты двух систем и противогаз. Вот и всё мое образование в военном отношении к началу Великой Отечественной войны 1941 года.

В 1937 году я уже с семьей – жена, два сына и теща – перевелся в Ленинградскую область Оредежский район на должность ст. зоотехника <нрзб> сельхозотдела. Район этот находится по Витебской ж/д между г. Лугой и г. Новгородом.

До подступов немецкой армии к Пскову я еще находился на прежней работе, а в то время, когда было объявлено, что Псков сдан¹, в этот день нас всех, которые еще не были мобилизованы, отправили в военкомат, рассказали об угрожающем положении, выдали винтовки, противогазы <нрзб>. Кто в чем был одет, так и встали в ополчение Ленинграда.

В Ленинграде формировалась воинская часть на Финский фронт, на Карельский перешеек, и я вместе с этой частью был отправлен севернее г. Петрозаводска на Ухтинское направление. Там в районе ст. <нрзб> стал строить оборонительные земляные укрепления, ежедневно подвергаясь воздушным налетам немецкой авиации. Неоднократно отражали атаки финских войсковых соединений и вскоре, в начале осени, попали в окружение.

Вот как это было. Наша часть получила команду оставить обороняемые позиции и, погрузившись в вагоны, отступить к Ленинграду. В процессе погрузки выяснилось, что г. Петрозаводск был уже занят финнами, и наш эшелон направился в сторону ст. Сорово² и уже оттуда выехав на Архангельскую железную дорогу прибыли в г. Вологда. Здесь формировался запасной полк из разрозненных частей, побывавших уже в боях, и я попал в этот полк, который спешным порядком готовился в боевые операции на Волховский фронт.

В местечке Будогощь мы выгрузились, получили боевое снаряжение, я получил пулемет Дяттерева и полный комплект заряженных дисков к нему. Пешим порядком вышли к передовым позициям, где нельзя было выкопать землянку, чтобы обогреться, т.к. место это представляло болото, заросшее мелким кустарником и редкими деревьями, большинство которых были скошены артиллерийскими снарядами. Мы уже знали, что это место является подступом к предместному укреплению немцев, которые, заняв деревню Зеленцы³ и разобрав находившуюся поблизости железную дорогу, сделали блиндажи и там засели, обороняя шоссейную дорогу, идущую с Новгорода на Чудово.

Все мы ждали боя. Неуютная морозная погода пробирала до костей. Укрытий нет, костры жечь нельзя, рядом фронт, курить только в рукав. Обогревались только движениями.

¹ Псков был сдан немцам 7 июля 1941 г.

² В тексте неточно: Соровская.

³ Официальное название – Зеленец, хотя бывало и название Зеленцы.

21-го января [1942 г.], в день памяти В.И. Ленина, пошли в атаку на д. Зеленцы. Здесь я получил первое настоящее боевое крещение. Д. Зеленцы от наших исходных позиций находилась в расстоянии пятисот метров на поляне, окруженной лесом и кустарником. Наш шестидесятый гвардейский стрелковый полк [под командованием полковника Вакулина. – М.Т.], четвертый батальон, первая рота находился в третьем эшелоне. У меня на вооружении – ручной пулемет, достаточное количество дисков с патронами, около десятка ручных гранат, две противотанковые бутылки, противогаз и приданный в помощь солдат, который именовался вторым номером. Задача заключалась в том, чтобы взять предместное укрепление, занятую и сильно оборонявшуюся немцами деревню Зеленцы.

Перед наступлением командованием были распределены дома деревни по подразделениям, чтобы иметь ориентир, куда направлять свое стремление с опушки леса, которая непрерывно обстреливалась артиллерией противника. Нам хорошо была видна деревня, в середине которой стояла еще целая деревянная церковь, а по бокам полусторешные и разрушенные дома. Для поддержки атаки командованием была обещана артподготовка, танки и авиация.

В шесть часов утра наша артиллерия начала обработку переднего края противника, а со стороны противника поднялся ураганный огонь в ответ на наш слабый обстрел. Укрыться было некуда. Мой пулемет стоял прислоненным к дереву, а я лег тут же под деревом. Недалеко от меня три бойца всю ночь строили себе укрытие и им удалось выкопать неглубокую щель и укрыть ее тонким накатником.

Когда мне было невозможно лежать под деревом, т.к. обстрел всё сильнее разгорался, я подполз к этой землянке и попросил пристанища, но видя, что они чуть не друг на друге лежат, отполз опять к своему дереву. Тут случилось что-то невероятное. Где-то вблизи, совсем рядом грохнул страшной силы взрыв, от которого зашаталась земля, посыпались камни, щебень, земля, сучья от деревьев. Я зажал руками голову и так пролежал некоторое время. А когда поднял голову, то просто не мог поверить случившемуся. Мой пулемет был разбит большим осколком снаряда, висевшая вещевая сумка на суку дерева растрепана в дребезги, коробка с дисками для пулемета пробита насквозь тоже осколком, а когда посмотрел в сторону той землянки, в которую я стремился укрыться, несколько минут тому назад, то просто пришел в ужас. Прямым попаданием тот самый снаряд, которым было разбито мое боевое

снаряжение, поднял в воздух всех укрывшихся в этой земляне. В этот момент я поверил в какую-то сверхъестественную силу, которая меня оттащила от смерти. Наверно, какая-то фортуна спасает мою жизнь.

Мое разбитое боевое снаряжение было немедленно заменено новым. К атаке мы были уже подготовлены. И только кончился артобстрел со стороны противника – полк, разбившись по взводам и ротам, вышел на исходные позиции. Деревня вся была объята огнем. Церковь превратилась в груду развалин, но немцы от этого не пострадали, т.к. они были в хорошо оборудованных блиндажах. С нашей же стороны были уже большие потери.

Всё это мне хорошо врезалось в память, потому что наш полк был в третьем эшелоне и возвращавшиеся раненые с поля боя на чем свет стоит проклинали командование, не сумевшее обеспечить наступление обещанными танками и авиацией. Со стороны же противника безнаказанно летал корректировщик «костыль», причем очень низко над нашими позициями, корректируя огонь своей артиллерии, а у нас не было ни одной зенитной батареи. Вся эта ненормальная обстановка до бешенства возмущала наших бойцов и командиров.

Дошла очередь и до нашего третьего эшелона часов в одиннадцать дня. Резким броском по пояс в снегу с криками «Ура», «За Родину» и отборным матом в адрес нашего нерасторопного командования, рота, забыв страх перед смертью, высыпала из леса, встретив шквальный огонь автоматов и артиллерии противника, заставивший тут же с большими потерями залечь в воронках и сугробах. Поле до самых Зеленцов было сплошь усеяно трупами наших бойцов, но это ни сколько не остановило боевого рвения солдат.

Я с пулеметом, чувствуя рядом присутствие своего товарища, второго номера, пользуясь густой сетью образовавшихся воронок и используя для укрытия тела убитых товарищей, стал делать короткие перебежки, в большинстве случаев только ползком, не обращая внимания на окружающую меня обстановку. Никакого страха перед возможной смертью и караулившей судьбы, подобно лежащим безмолвно товарищам, я не ощущал. Даже было странно, когда путем таких сложных перебежек и переползаний из воронки в воронку, от трупа к трупу, вдруг я оказался жив и невредим метрах в двадцати от отдельно стоящего каменного сарайчика этой деревни и второй номер тоже был со мной.

Рядом метрах в пятидесяти как из под земли появился расчет со станковым пулеметом, обосновался на возвышенности и повел огонь

по невидимому врагу. У меня мелькнула мысль – «ребята смелые, но так делать нельзя, их собьют первым же снарядом». Так и вышло. Не успел и закончить мысль, как увидел гибель этих трех отважных пулеметчиков. Снарядом большого калибра, прямым попаданием, весь расчет вместе с пулеметом был брошен в воздух.

«Вечная слава героям» – подумал я, «позор бездарным командирам, которые так безумно организовали столь серьезное и необходимое для всего фронта наступление, не обеспечив достаточной техникой и авиацией». А немецкий корректировщик так и продолжает летать. Как бы хотелось его уничтожить, но бронированный корпус его не поддается винтовочным пулям, на которые не скупилась наша солдатка, но безуспешно. С этими мыслями я решил сделать бросок к наметенному ранее сарайчику. Сжавшись как бы для двадцатиметрового прыжка, приказав второму номеру пока остаться здесь в воронке, сделав длинную очередь из пулемета по наметившемуся впереди укреплению противника, я резко схватил пулемет, приподнялся и ... ударом, подобным удару чем-то тяжелым, будто молотом в правый глаз, был буквально опрокинут назад в воронку.

Страх за смерть нет, а мысль, что сейчас немцы могут ринуться в контратаку и я почти самый первый к немецким позициям, больше всего мучила сознание. Зарыв голову в снег, слышу странный шум в голове, журчание крови настораживает слух. Откуда кровь? Из глаза, рта, ушей – не понять. Пробитая насквозь голова (в ободочную кость правого глаза с вылетом в область венечного отростка левой нижней челюсти), всё же не отказалась давать отчет, где я нахожусь, но лежу недвижимо.

В это время мой второй номер, думая, что я уже убит, подошел, пощупал меня со всех сторон, потом спрашивает: «Жив, Алексей?».

Услышав его голос сквозь невероятный шум в голове и убедившись, что могу слышать, преодолевая страшную боль, я ответил, что жив. Поднялся в сидячее положение, в свою очередь спросил у него: «Посмотри, правый глаз у меня цел или нет?».

Он внимательно посмотрел на мою запекшуюся кровью голову, превратившуюся в сплошной кровавой комок, произнес с сожалением: «Ничего не понятно, что у тебя цело, а что нет. Только как ты жив остался, вот это удивительно, голова пробита, а ты живой».

Санитаров поблизости не было, да и кто может сюда добраться, сквозь такую бурю огня? Надеяться не на кого. С помощью свое-

го товарища извлекли из карманов индивидуальные пакеты, забинтовали как могли голову. Оставив свой пулемет товарищу, наказав ему держаться до подхода подкрепления, распрощавшись с ним как со своим самым дорогим другом, я поднялся во весь свой рост, уже пренебрегая могущими быть от этого последствиями, и направился в тыл своей части, непрерывный свист пуль и разрывы снарядов меня больше не смущали.

Всё тело и весь я находился в каком-то забытьё. Убитые товарищи и корчащиеся раненые в воронках уже не вызывали того сострадания и жалости, которые ощущались до этого. Всё было безразлично и смерть казалась вполне даже необходимой в таком крошечном аду.

Тут недалеко лежал, с телефонной трубкой в руке, командир роты, а недалеко от него разорванное снарядом окровавленное тело нашего политрука. Вот и землянка санроты. Что тут творится? Кто тут больше нуждается в помощи? Определить было трудно. Привезенные на салазках, принесенные на носилках, одни еще в сознании, но измученные страшными ранами, требовали немедленной смерти, другие в агонии и бреде стремились освободиться от висящей на каком-то остатке тела руки или ноги, умоляя санитаров отрезать поскорее мешающую собственную конечность.

Кошмар, представший передо мной у землянки санроты, пробудил во мне какие-то еще сохранившиеся силы. Требовать к себе внимания со стороны медработников и нелепо, и с другой стороны, наивно, видя всё творившееся на глазах. Ожидать очередь было бесполезно, ибо она нескончаемая.

Единственный выход – своим ходом добираться до санбата. Но где он? Кто знает? Транспорт, эвакуировавший тяжелых, весь перегружен, а какой он этот транспорт – убожество. Полуголодные собаки, которые едва могли тащить вшестером одного раненого, лошадей мало. Что делать? Надо опять добираться своим ходом. А усталость, изнеможение, потеря крови, бессонные ночи на морозе, всё это как-то разом сказалось на всем организме. Хотелось, не взирая ни на что, сесть на первый попавшийся пенек и уснуть, забыв всё. Но непрерывные воздушные тревоги, артиллерийские обстрелы не давали забываться. Все, кто только мог двигать своими окоченевшими членами, направилась в санбат, который был расположен в восьми километрах от санроты.

Пропитавшаяся насквозь сделанная наспех повязка неумелыми руками, не налезавшая на забинтованную голову шапка-ушанка, заду-

бевший на морозе от крови по всему переду воротник полушубка сковывали и без того обессиленное тело. Но надо было его нести еще восемь километров, казавшихся бесконечностью.

Бредем, поддерживая друг друга. И как-то странно, мне до сих пор не понятно: почему идущие с фронта автомашины не брали раненых? Мы поднимали руки, требуя остановки, вставали на пути идущих машин, но всё было бесполезно. Существовал какой-то идиотский приказ, запрещающий шоферам останавливаться и брать по пути раненых солдат. Это до крайности возмущало идущих в изнеможении раненых солдат. И только благодаря тому, что выбившись из сил и плюнув на все военные уставы с непонятной дисциплиной того времени, я выхватил гранату и, встав на пути идущей машины в наш тыл, потребовал или остановить ее, или даже решился на то, что брошу гранату под колеса машины. Шофер, увидев мою решительность, остановил машину и мы погрузились в нее. Так мы и доехали в санбат. Сидевший в кабине командир с шофером пригрозили нам за такой «бандитский» поступок доложить командиру. Отобрал у нас сохранившиеся боеприпасы, переписал фамилии всех забравшихся на машину, а мою не записал, так как я произнести свою фамилию не мог по причине болезни и рот не открывался.

Санбат. Это единственный дом в деревне Горки⁴ на берегу Волхова, каменный двухэтажный, сохранившийся каким-то чудом из всей большой деревни, отведен расположившемуся в нем медсанбату. Возле него положение было почти так же, как и в санроте. Перевязки ждали в доме и на улице. Тут же шла эвакуация в тыл раненых на ст. «Волхов».

Каким-то чудом мне удалось пробраться в дом, где я увидел русскую печь. Сколько раз я видел ее в коротких и чутких снах на фронте, и тут она наяву. Приподнявшись на ступеньку и определив, что среди сидящих там солдат и мне найдется местечко, я, не долго думая, устроился среди спящих крепким сном, таких же, как и я, измученных и раненых солдат. Скинув шубу, за восемнадцать суток первый раз, и положив ее под голову, тут же ушел из мира сего. Сколько я спал, установил только тогда, когда санбат был уже весь разгружен и врач собирал оставшихся еще не переписанных раненых. Это было 23-го января пополудни.

По моим подсчетам я спал беспробудно около тридцати девяти часов. Уставший врач, непосильной работой прошедшего дня, наскоро

⁴ Вероятно, деревня Шкурина Горка.

сделал мне перевязку, не промывая ее, направил в тыловой госпиталь в г. Вологду. По дороге читая сопроводилку, я напугался. В ней было написано: «Слепое осколочное ранение в область лица». Слепое, значит, осколок у меня сидит где-то в костях лица. В госпитале его будут извлекать и всю мою физиономию превратят в какую-то большую рану. Какая страшная операция. И вот я в Вологде, где меня положили в ванну. Какое блаженство! Казалось ничего нет прекраснее после стольких дней мучений. Чистое белье, хорошая кровать, регулярное диетическое питание. Кормили меня соской из чайника (т.к. у меня не открывался рот), размоченными сухарями в молоке.

Наутро следующего дня меня пригласили в операционную госпитала. Осмотрев рану, врач с удивлением посмотрел на меня и говорит: «Вы счастливец. Пуля прошла так удачно, что лучше нельзя и ожидать, не задела даже важные жизненные центры. У Вас не слепое осколочное ранение, а пулевое сквозное и благодарите того фрица, который в Вас стрелял, хорошо, что не разрывная пуля, а простая, иначе мы с Вами не виделись бы».

Из госпиталя я вышел очень скоро. Рана зажила, по выражению некоторых «специалистов», как на собаке. Дали мне справку: «Ранен пулей 21-го января в область лица, пуля прошла скуловую кость. Прошел ряд этапов войск района, прибыл в эвакогоспиталь 442 2-го февраля. Раны зарубцевались. Рентген обличает наличие перелома венозного отростка н/челюсти слева». В общем подтвердилось то, что ремонт произведен полностью и солдат Коляскин годен для прохождения дальнейшей службы.

НЕМНОГО О СВОЕЙ СЕМЬЕ

В начале своего повествования я ничего не сказал о своей семье, которая осталась в поселке Оредеж Ленинградской области, где я работал и был мобилизован. Там остались, не сумев эвакуироваться, моя теща, жена Мария Андреевна, так и оставившая свою девичью фамилию Лыхина, родом из г. Бодайбо на р. Лене, учительница неполной средней школы деревни Почап Оредежского района, сын Юра 1934 года рождения, сын Лева 1936 года рождения и уже родившийся здесь сын Гена 1938 года рождения, а уже без меня родилась дочь Галя.

Вот с такими клопами попала в оккупацию моя жена. Школа была закрыта, корову, которую я имел для детей, в первый же день оккупа-

ции отобрали немцы, поросенка тут же зарезали и мясо забрали, гусей, которых у меня было пятнадцать штук, переловили. Семья осталась без средств к существованию. Голод с маленькими детьми. Куда пойти, кому пожаловаться, соседи тоже в таком же положении. Первая умерла теща, потом умерла самая маленькая, Галочка, заболела жена, и у больной матери рядом – голодные дети, просящие кушать.

Я не знаю ее состояние в этот момент, но мне кажется, она была способна отдать свое тело, чтобы накормить своих детей. Но она была беспомощна. Старший мой сын, Юрий, он эти события хорошо помнил и мне их передал. Видя такое безвыходное положение, местное население решили ее положить в больницу, там она и умерла. Через некоторое время, или с целью издевательства, а, может быть, немецкому командованию нужно было установить личность умершей, пригласили Юрика в больницу.

Вопрос немецкого офицера: «Это твоя мама?». Труп матери стоял окоченевшим, прислоненный в углу. Юра не мог произнести ни слова, только зажал глаза ручонками и убежал, упав при входе в больницу. Он убедился, что теперь он остался в семье старшим и ему надо принимать заботу над остальными двумя братьями. Что может сделать восьмилетний мальчишка, чтобы спасти, еще кроме себя, двоих голодных ребят?

Воспоминания этого кошмарного случая со смертью матери у Юрика остались до сегодняшнего дня. Он не может спокойно рассказывать, как это было. Одно слово «мама» у него вызывает рыдания. И всегда с упреком, что, мол, ты ничего не видел, а как похоронил бы маму, тогда узнал бы, как это тяжело.

Так остались три малыша, старшему восемь лет, второму шесть лет и младшему четыре года – совершенно без приюта. Свой дом оставили, т.к. в нем ничего нет, ходили по соседям, у которых тоже ничего не было, потом попали в немецкий приют, организованный на месте детского сада, там заболел и умер младший братишка Гали. Юрик увидел, что тут можно умереть всем, решил бежать. Вместе слевой они убежали из этого проклятого приюта. Сначала скитались среди рабочих поселка стекольного завода Торковичи, затем ушли в г. Лугу за шестьдесят километров от Оредежи. Так, бродя и скитаясь, ждали прихода Советской Армии.

ОПЯТЬ ВОЛХОВСКИЙ ФРОНТ

Когда я был в госпитале в г. Вологде, числился ходячим раненым, и не чувствую особой надобности ухаживать за мной, я помогал медперсоналу по уходу за тяжелыми. Этот сорт людей требовал за собой очень много работы и вполне понятно почему. Так что, все, кто был ходячий, в силу скуки, от нечего делать или потому, чтобы развеять свои непрощенные мечты, помогал медикам ухаживать за больными. Я тут проявил какие-то незаурядные способности в медицинском деле. И мне медики этого госпиталя решили присвоить звание санитаря. С этим званием я и выписался из госпиталя. Вновь формировавшийся полк в г. Вологде меня зачислил санитаром.

Из госпиталя я уже не попал в свой шестидесятый гвардейский стрелковый полк, а попал в другую часть под командованием полковника Вакулова. Выгрузились мы где-то под г. Чудово. Пешим порядком шли в направлении Теремец-Курляндска, Спасской Полисти, Мясного Бора. В этих местах разворачивали и строили землянки, палатки для санбата, несколько раз меняли позиции, вновь копали землянки. Тяжелые бои в этих местах не давали покоя и санитарным частям. Весною бездорожье, непроходимые болота затрудняли вынос раненых. Несколько километров приходилось ползком выносить раненых к проходящему через болото настилу из бревен. Этот настил держал связь с фронтом. Настил регулярно, как по расписанию, подвергался бомбежкам со стороны противника.

В одну из апрельских ночей нашему полку была дана команда пробиться на соединение к кавалерийскому полку Гусева, который попал в окружение. Темной весенней ночью, через завалы устроенные немцами по болоту, предварительно поужинав чем-то соленым, мы гуськом тронулись в путь. Прошли железную дорогу, где был свален под откос паровоз и на рельсах стояла пробитая цистерна. Дорога эта шла с Чудово на Новгород. За железной дорогой – лес. В походе сильно мучила жажда, кругом воды нет. На одном из привалов при абсолютной тишине даже курить запрещалось, коридор, по которому мы шли, был шириной не более одного километра, кто-то обнаружил поблизости воду. Да, это была вода. С какой жадностью все набросились к воронке, наполненной водой!

Напившись, почувствовали какое-то неприятное ощущение во рту. Не пороховые газы, нет – насыщенная вода пороховыми газами

нам уже известна. А это что-то другое... И только когда стало рассветать, увидели в воде вздутый, разложившийся труп плавающего немца. Вот оказывается, откуда была такая мерзкая вонь. Но шутки и присказки на разные лады успокоили это отвратительное состояние и всё так же тихо двинулись дальше.

Прибыли к месту расположения бригады Гусева рано утром. Бригада, узнав, что мы идем ей на выручку, снялась раньше нашего прихода, а мы явились к свободным, ни кем не занятым окопам и блиндажам, а в ста пятидесяти метрах от нас – немецкие позиции. Вот хорошо, что их разведка не обнаружила отход с позиций ранее оборонявшейся бригады, а то бы мы пришли как раз в лапы врагу.

Быстро определив расположение вражеской обороны, заняли окопы и оборонительные рубежи. Фланги были открыты, мы вошли в мешок и должны были держать фронтовую и фланговую оборону до подброски подкрепления. Все напряженно ждали Первого мая. По нашим предположениям, на это число было намечено наступление с целью расширения коридора и некоторого продвижения по фронту. Ждали, видимо, этого дня и фашисты, притаившиеся в своих укрепленных ячейках. Их расчет был сорвать наше наступление Первого мая. К этому они и готовились, дав нам возможность расположиться в своих наскоро сделанных укреплениях.

Положение было очень напряженным. Наша санрота расположилась в одном из легких, кем-то ранее сооруженных из тонких бревен, накрытом сучьями и соломой сарайчике. Стоял он на поверхности открытого болота, т.к. весь лес кругом был скошен снарядами и бомбами ранее проходивших здесь боев. Наше убежище торчало как пуп на голом месте, причем сделанный из берез, белый на черном фон болота. Артиллерийские обстрелы и первые бомбардировки противника появились на следующий день. Сарайчик наш наполнялся ранеными, а отправлять их в тыл можно было только пешком и ночью.

Канун Первого мая 1942 года. Вражеская авиация всю силу огня устремила в расположение нашей части. Бесперывные звенья бомбардировщиков, одни уходят, другие появляются. А у нас – ни одной зенитки. Впечатление было такое, как всё равно нас сюда выбросили специально для пристрелки немецких бомбовозов и артиллерии. Танки наши, три или четыре, стояли в кустах замаскированными – и те при первой атаке подорвались на минном поле. Предпраздничное настроение наше было подавленное. Нескончаемые налеты авиации и артилле-

рии в конец выматывали душу. Какое-то неприятное предчувствие давило сознание.

Первое мая... Какой торжественный день в прошлом, и какой он неприятный сегодня. Сидим в сарайчике и делимся воспоминаниями, как кто проводил его в былое время. Каждый хочет рассказать о себе, о своей семье, о знакомых, которые приходили с поздравлениями и проводили этот торжественный день вместе. Хотелось бы чем-то и сейчас отметить праздник, но старшина с санвзводом где-то задержался, выяснилось позднее, что он не дошел до передовой и был убит снарядом, а его помощники ранены. Послали своих санитаров на кухню, но и их дождались только к вечеру.

Помнится случай очередной бомбежки Первого мая. В избушке лежат на соломе двенадцать человек раненых, командир санвзвода, еще молодой, лет двадцати трех, еще не обстрелянный, только окончивший медицинскую школу и из школы попавший прямо в это пекло, я да еще человека два санитаров более пожилого возраста, бывшие уже в таких переплетах, ждем с нетерпением своих гонцов с кухни, а в это время непрерывный грохот бомб и снарядов. Я сижу у входа в избушку и слежу за небом. Что там происходит, мне всё видно. Где делают разворот стервятники, откуда начинают пикировать, сколько их, куда летят бомбы с первого самолета, второго и третьего. Виденное, как репортер на каком-то стадионе, я передаю лежащим раненым: «Вот эти полетели в расположение первого батальона, другие бомбят расположение нашего КП, эти целят в замаскированные танки и т.д.»

Положение в воздухе мне всё четко и хорошо видно, но куда деваться? Бежать бесполезно. Укрытий крепких нигде нет. После каждого захода самолетов, окончивших бомбежку, разворачивается вновь и начинается обстрел из пулеметов. Затем маленький интервал, затишье. Только слышны стоны и крики раненых. Все устремляемся туда, оказываем помощь, переносим к себе тяжелораненых, а ходячих отправляем в тыл. И опять сначала. Вот сижу у входа и вижу – вновь появившееся звено самолетов делает разворот и пикирует. Понимаю расчет летчика, взявшего определенный угол сброса бомб.

Кричу ребятам, находящимся здесь: «Это наши!». Один, второй и третий, все устремились за первым. Вот они летят – черные, увеличивающиеся с приближением. Сирены самолетов и без того наводят ужас, а тут еще влетает свистящий звук приближающихся бомб. Только успеваю выкрикнуть, что это посланки от Гитлера нам, закрыв

инстинктивно голову руками, несколько мгновений, пока нарастает звук летящих прямо на нас бомб, кажется, что сердце и сознание перестают работать. Вдруг страшной силы ритмичные толчки, будто бы на чем-то подвешенную землю, колыхнули, земля ахнула, закачалась и, не выдержав удара, с силой треснула – один, второй, третий, еще и еще несколько раз. Сколько их! Скорее бы конец. Свист, грохот, оглушительный треск, кислый, припахивающий чесноком, смрад спазмами сжимает горло, не давая вдохнуть полной грудью. И тишина... Будто всё то, что меня окружало несколько минут или секунд тому назад, провалилось в бездну со мной вместе. Какая-то жуткая тишина. Тишина с удаляющимся монотонным звуком самолетов. Страшно поднять голову и шевельнуть заочневшими членами. Страшно потому, что боишься увидеть окружающее не тем, каким оно было, а пошевелить руками или ногами [страшно] потому, что, не ощущая боли, обнаружить какое-либо увечье.

Но вот как будто бы и всё. Тихо. Подымаю голову – цел, только что-то левая коленка отказывается разгибаться. Картина довольно неприятная. Всё наше перекрытие из соломы и сучьев, что являлось крышей, оказалось сброшенным внутрь сарая и укрыло находившихся в нем обитателей. Ни стонів, ни криков, все будто мертвые. Бревна сарайчика сдвинуты со своих мест, образовали ромбообразное сооружение. Чернозем, выбранный взрывами на болоте, покрыл толстым слоем солому и сучья.

Осмотрев всё, спрашиваю: «Все живы?». Начали шевелиться под соломой. Не имея возможности двигать левую ногу, подползаю и быстро растаскиваю солому и сучья. Командир взвода – раненый в правое плечо. Не чувствуя боли пока, я ему сказал, что он ранен. Ранеными оказались один санитар и вторично лежащий здесь солдат. Я же, сидя у входа, получил сильный ушиб оторванным деревянным углом избушки в левую коленку. Раненых стало, вместо двенадцати человек, четырнадцать.

Сделав перевязки с помощью двух санитаров, попросив еще помощь солдат, начали проводить эвакуацию в более безопасное место, а оттуда в тыл. Командира санроты отправили тоже, а меня назначили исполнять обязанности санитар-инструктора. Намеченное наступление на Первое мая было сорвано, т.к. не выходя в бой, мы уже имели большие потери в живой силе. Пришлось этот сарайчик, чуть не оказавшийся нашей могилой, тоже оставить и уйти подальше в тыл. Вы-

брали на более сухом месте глубокую воронку, над ней устроили накатник, укрыли его дерном и наша санрота обосновалась здесь.

Не предпринимая наступательных операций, держали оборону этого коридора, имея каждый день значительные потери. Раненых некому было относить в тыл, все могущие держать оружие встали в оборону. Легкораненые сами шли в тыл, а тяжелые оставались здесь, ожидая эвакуации.

10-го мая отправляли легкораненых в тыл – вдруг они стали возвращаться обратно. Мы уже были окружены и выход закрыт, которым пользовались для сообщения с тылом. Что же думает командир полка? Пошел к нему на командный пункт узнать, что делать раненым, которые лежат у меня в землянке. У штаба я увидел спешно готовящихся к походу роту автоматчиков во главе с командиром полка т. Вакулиным.

На мой вопрос «Что делать с ранеными?» он ответил: «Штаб полка идет на соединение с соседним полком, связь прервана, все, кто имеет возможность держать оружие, занимайте оборону, скоро придет подкрепление».

По лесу идет беспорядочная стрельба, слышен разрыв ручных гранат, с утра начавшаяся артиллерийская пальба со стороны противника прекратилась. Значит, немцы пошли в наступление. Я бросился к своей землянке, где находились раненые, от штаба полка до нее не меньше километра ближе к переднему краю. Добежать до землянки мне не удалось. На пути увидел человек шесть бойцов во главе с лейтенантом, примостившихся за упавшим деревом и заняв оборону. Лейтенант приказал и мне лечь тут же.

Уже были видны цепи немцев, идущих по лесу и непрерывно стреляющих из автоматов, прижатых к правому боку. Принявший на себя команду лейтенант, рыжеволосый кудрявый парень, в левой руке держал пистолет, а правой размахнулся и хотел бросить гранату, но пуля, попавшая ему в грудь, заставила тут же прикинуться к бревну. Мы отбивались из автоматов, решив не отступать, да и отступить-то было некуда, кольцо сжималось, немцы нагнали. Нам их хорошо было видно. В серых свитерах с засученными рукавами по локоть шли, изредка укрываясь за деревьями от наших выстрелов.

Живых нас осталось четыре человека. Боеприпасы были на исходе. Я взял у лежащего рядом лейтенанта пистолет и ручную гранату, которую он не успел бросить, но разорвавшаяся рядом немецкая граната не дала мне осуществить задуманное. Осколком гранаты мне раздро-

было нижнюю левую челюсть и разорвало левую щеку. Не успев опомниться от такого удара, тут же прикладом был опять сбит с ног и потерял сознание. Ввели в сознание меня удары кованых сапог озверевших немцев.

Вскоре я поднялся на ноги. Горечь обиды за то, что я остался жив, а не убит, как мои товарищи, лежащие рядом и не испытывающие этого унижительного оскорбления, которому подвергаюсь я. Страшная злоба на наше бездарное командование, так нелепо бросившее нас без поддержки. Сознание беззащитности и беспомощности, среди злейших человекоподобных зверей, еще больше приводило в ярость, когда на глазах у меня моих товарищей, которых я оставил в землянке, расстреливали в упор из автоматов, не выводя даже из землянки.

Это ли не средневековые варвары? Раньше я мог не верить, что так можно расправляться с людьми, имеющими какое-то право человеческого к ним обращения, но такая бесчеловечность меня коробила: безо всякого сострадания к людям, которые и без того страдали от ран, бесцеремонно уничтожать беззащитных. Это не солдаты. Это подлые трусы, которые боятся даже тяжелораненых и стремятся уничтожить их, не оказав помощи.

Что оставалось делать? Только покориться судьбе и, затаив в себе горячую ненависть к этим садистам, выжидать удобного часа, когда можно будет свести счеты за всё, что видел своими глазами. На ходу перевязав вторично пробитую голову, в этот раз уже снятой с себя разорванной нижней рубашкой, пошел, сопровождаемый двумя немецкими солдатами. Привели в какой-то прифронтовой лагерь, где было уже около сотни таких же, как и я, пленных – большинство из них раненые.

<В ПЛЕНУ>

Начались скитания по лагерям. Первый концлагерь, в который я попал, находился в г. Луга Ленинградской обл. Дощатые бараки, густая сеть колючей проволоки, по углам вышки с пулеметами, вот что я увидел там. Большой штат откормленных, похожих на цепных псов, полицейских, которые по любому поводу и без повода, лишь бы чем-нибудь не понравилась твоя физиономия, могли с тобой сделать всё, что им вздумается, и вплоть до того, что пристрелить. Три дня, после того, как я попал в плен, нам не давали никакой пищи. Раненных перевязывали, в том числе и меня, чем могли и как могли, сами же пленные. Промыва-

лись раны мочой. Это считалось лучше, чем той водой, которую давали пить...

Не знаю, каким судьбами, или большой жизнеспособностью, или потому, что помогла борьба за существование, но раны мои заметно заживали. За это нужно благодарить ту необыкновенную сплоченность и самоотверженную помощь товарищей, которые, несмотря на тяжесть и суровость обстановки, находили в себе силы оказывать внимание раненым товарищам. Здесь в Луге на работы не гоняли и долго не задерживали. Через дня три нас уже выгрузили в г. Тапа Эстонской ССР.

Концлагерь в Тапа был уже усовершенствованный комбинат смерти. Полосатая одежда с номером на груди и знаками «СУ» на спине, говорили уже о том, что ты себе не принадлежишь. Длинные дощатые бараки до отказа набивались узниками. В четыре ряда нары были переполнены. Каждый барак отгорожен друг от друга густой проволокой, с тем, чтобы мы не могли общаться. Через проволоку проходящую кругом лагеря, был пропущен ток высокого напряжения. Тут же в левом углу от входа в лагерь находился и крематорий, который непрерывно испускал в небо смрад сгорающих людей. Голод, болезни, камеры пыток, всё было организовано специально, чтобы как можно быстрее человека довести до смерти. Работать гоняли под строгим конвоем на ближайшие каменоломни, где добывали горючий сланец. Непосильная работа, при питании один раз в день тухлой бурдой в конце сламывали человека и он постепенно или сам доходил до смерти, или его добивал конвой, а то и полицейские в лагере. Здесь я познакомился с товарищами А. Тарасенко, И. Логиновым, Петром Ильиных, Ф. Корековцевым, Саржиным, В. Межерицким, Скороходовыми Василием и Александром, Н. Демьянченко и др.⁵

⁵ Анатолий Михайлович **Тарасенко** в начале войны служил ефрейтором в 172-м артиллерийском полку, был ранен и взят в плен под г. Волхов; содержался в концлагерях в Луге и Нарве. После репатриации обосновался в Братске, где работал кладовщиком (см. о нем: *Даниленко А., Смирнов С.* Дорогой свободы. Русские партизаны в Риме // Восточно-Сибирская Правда. 1963, 28 дек.). Иван Иосифович **Логинов** – самый молодой из известных советских участников итальянского Сопротивления: был призван на фронт сразу после наступления 18-летнего возраста; после репатриации репрессирован, затем жил в с. Самайловка Саратовской обл., автор неопубликованных воспоминаний. Федор **Корековцев** после репатриации проживал в д. Пушкари Ордынского р-на Новосибирской обл. Сергей Иванович **Саржин**, из Переславского р-на, после плена и участия в партизанском движении в Лацио вернулся в СССР и работал плотником в деревне Жупеево Переславского р-на (см. о нем: *Касюков И.* Они сражались в

Видя, что из этой адской машины смерти не уйти живыми, надо принимать какие-то меры. Побег невозможен. Предлагаю: как только немцы будут набирать очередную группу специалистов (плотников, столяров, маляров и т.п.), первыми проявить себя, чуть ли не мастером на все руки, терять нечего, хуже этой душегубки, пожалуй, ничего не придумаешь.

Вскоре такая бригада потребовалась. И из изъявивших желание, после тщательного подбора и осмотра, направили в г. Раквере этой же Эстонской ССР. Так мы вырвались из лап верной смерти. Нашу бригаду человек пятьдесят поставили на ремонт транспортных средств (сани, телеги, всякого рода повозки). Отвели под жилье бывшие склады аэродрома, а в ангарах пустого аэродрома, устроили мастерские. Здесь был режим немного помягче. За непослушание – на видном месте в мастерских висела бумага, за подписью коменданта лагеря – симуляция во время работы оценивалась в пять розог, излом инструмента в десять розог, грубое обращение с охраной каралось пятнадцатью розгами, открытое проявление недовольства режимом лагеря двадцать розог и т.д.

В лагере была специальная скамья, на которую клали «виновного» и отсчитывали положенную процедуру. При чем делали это по субботам, каждую неделю, с расчетом, чтобы избитый мог в понедельник быть работоспособным. Для такой экзекуции специально приезжали в лагерь обычно пьяные немцы. Клали на скамью «виновного», руки связывали под скамьей, один из команды садился на ноги, другой на шею, а двое не торопясь, как заученное дело, специальными хлыстами буквально сдирали кожу со спины.

Несмотря на это, нам всё же удавалось портить экипажи. Делалось это строго по разработанному плану и посвящался определенный круг людей – для остальных было тайной. У саней мы, например, подпиливали копылы, тот шип, который вставлялся в полоз. При осмотре ни один эксперт не догадается, что груз на эти сани класть нельзя, т.к.

Италии // Северный рабочий. 1963, 23 февр.; *Макеев, Е.* Гость виллы «Трёх слонов» // Коммунар. 1970. 2 окт.; 6 окт.; 7 окт.). Василий **Скороходов** и Николай **Демьянченко** погибли под Палестриной. Александр Александрович **Скороходов** (однофамилец погибшего Василия), уроженец г. Данилов, накануне войны служил в Эстонии, попал в плен под Нарвой и содержался в концлагере в г. Раквере; после участия в итальянском Соппротивлении вернулся в родной Данилов, затем переехал в г. Ясногорск, где работал слесарем на машиностроительном заводе (см. о нем расшифровку телепередачи журналиста А. Елькина из цикла «Школа мужества» от 6 января 1971 г. «На римских холмах»; семейный архив Коляскиных, Тула).

копылы ломались и площадка с грузом оставалась на месте. У колесных экипажей ножовкой подпиливали оси у основания с таким расчетом, чтобы без груза ехать было можно, а стоит положить груз, как тут же ломалась ось. «Отремонтированный» таким образом транспорт мы грузили на железнодорожные платформы и отправляли на фронт. Делая хотя и незначительное дело, но нас это радовало, хоть маленькую лепту, но по мере своих возможностей, мы ее вкладывали в общее дело разгрома врага.

Мы прекрасно знали, что стоит только немцам разоблачить наши дела, как немедленно будут приняты карательные меры. А поэтому приходилось действовать, соблюдая все правила конспирации, доверяя такие работы только единицам. Чтобы скрыть следы, мы перемещались с одной операции на другую. Например, сегодня я делал площадки для телег, где ничем навредить нельзя, а на моем месте, где я работал вчера, уже работает Анатолий Тарасенко, который вставляет копылы и одновременно их подпиливает. А завтра – уже другой человек. Так что конкретного виновника при обнаружении найти нельзя, а всю команду подряд наказывать трудно.

Очень хотелось знать правду о советском фронте, что от нас строго скрывалось. Единственное, чем нам разрешалось пользоваться из периодических изданий, это газета, выходящая на оккупированной территории под названием «Правда». Мы ее называли «Брехаловка», потому что сами немцы описанные в ней факты опровергали. Цель ее была как можно больше туманить головы доверчивым людям. Например, о взятии немецкими войсками Москвы они писали чуть ли не с самого начала нашего плена, но по их настроению чувствовалось, что это только их бред.

Отто Гипнер – это один из немецких охранников, который вызывал в нас симпатии, т.к. он откровенно, конечно, по строгому секрету, рассказывал нам действительное положение на немецком фронте. Попал он в солдаты уже в тот момент, когда простому немцу надоели обещания Гитлера о блицкриге. Мобилизован он был в тот момент, когда в Германии уже не кого было мобилизовывать и ему пятидесятилетнему старику противны были хвастливые речи Геббельса и он с иронией всегда делился с нами очередными утками, выпущенными в канцелярии этого юродивого. Он не чаял скорейшей развязки войны, в чью бы пользу она не была. Часто высказывал свои сожаления по поводу варварского обращения немецкого командования к нам, пленным. В общем, мы ему верили и часто делились с ним своими сокровенными мыслями.

От него мы узнавали, на каких фронтах и участках фронтов немцы терпят поражение, а так же и то, что немцы врут по поводу взятия Москвы. Он нам рассказывал о своей семье, мы ему о своих семьях и таким образом, почувствовали в нем своего друга. Как-то увидев Отто Гипнера в каком-то необычном настроении, мы спросили: «Что хорошего может нам сегодня Отто рассказать?». И он поведал нам радостную весть о том, что целая армия под Сталинградом генерал-фельдмаршала Паулюса уничтожена, а сам Паулюс со штабом армии сдался в плен. Значит скоро конец войне. «Немецкое командование по этому поводу объявило четырехдневный траур и нам теперь не разрешается ходить в увеселительные места».

Такое радостное сообщение еще больше вселило в нас дух уверенности за свою родную Советскую Армию. От этого же Отто Гипнера мы узнавали все новости на фронте. Он был у нас как Совинформбюро. Вскоре его от нас куда-то отправили. То ли потому, что стали за нами подозревать очень близкую связь с ним или по другой причине, но мы лишились этого замечательного немца.

В конце августа 1943 года всех нас спешно погрузили в вагоны и повезли. Куда? Далеко ли? Мы ничего не знали. Вагоны были наглухо забиты, и только для подачи пищи и воды открывался люк в двери. Но по разговору снаружи мы могли немного ориентироваться. Едем по Германии, проезжаем Францию. Предполагали, что на юг, а куда именно – была загадка.

<В ИТАЛИИ>

И вот утром на одной из станций слышим необычный разговор, сильный гомон и выкрики «Вива Руссия», «Вива Сталин», «Русский хорошо» и т.д. Поняли, что мы перевалили границу Италии. Но почему итальянцы так дружелюбно приветствуют русских и откуда они знают, кого везут немцы в этих заколоченных вагонах? Этого мы понять не могли. Выгрузили нас недалеко от Рима, где мы дня три грузили в вагоны какие-то авиационные приборы, большинство оптические, авиафотоаппараты, прицельные рамки, разного калибра линзы и вообще шлифованные стекла разных размеров.

Здесь мы впервые познакомились с итальянцами, т.к. работать приходилось вместе с ними. Общеизвестными словами, мимикой, жестами они стремились доказать нам свою симпатию к нам.

Сначала мы с недоверием относились к итальянцам, считая их союзниками немцев. Чем объяснить, что вражеская Италия стала питать какие-то чувства симпатии к Советскому Союзу? Зная то, что итальянская армия, сражавшаяся рука об руку с немецкими армиями против Советского Союза под Сталинградом⁶ и вдруг – такие изменения. Надо было узнать причины. И вскоре нам стало ясно, что с итальянским фашизмом в стране покончено, дуче Муссолини казнен своим народом⁷. Вступившая на территорию Италии немецкая военщина, со своими новыми порядками, – не по душе изголодавшемуся от долголетней войны итальянскому народу. Из союзника немцы превратились в смертельного врага для народа. Насилие над народом, которым немцы стремились подчинить себе взбунтовавшуюся Италию, еще пуще восстанавливало против себя. Стремление немцев пополнить свои терпящие поражение армии за счет итальянцев терпело неудачи. Мобилизации срывались. Молодежь не хотела вновь ввергнуть себя в огонь войны. Единственное стремление большинства слоев населения Италии – как можно быстрее освободиться от такого навязчивого союзника как немецкая военщина. Так мы поняли итальянский народ и нашли в нем друзей по оружию.

<МОНТЕРОТОНДО>

Через три дня нас всех отправили в местечко Монтеротондо, юго-восточнее Рима. Здесь обосновался наш лагерь. Большое высокое здание «Гранд Палац» было заселено всё немцами, нас же поместили на чердаке этого «Гранд Палаца»⁸. Утром выходили на работу, спускаясь с чердака по главной лестнице, а вечером поздно, приходя с работы, забира-

⁶ Для войны против СССР Муссолини сформировал особую, Восьмую, армию, ARMIR (Armata Italiana in Russia), численностью 230 тыс. солдат, однако в Сталинградской битве итальянцы практически не участвовали, за исключением скромнейшего контингента в 77 человек. Это были члены автоколонны, которая должна была привести разного рода подкрепление к 6-й армии генерала Паулюса и отправиться обратно. Однако итальянцы попали в знаменитый мешок и вернуться на родину удалось лишь двум. Подробнее см. *Талалай М.Г.* Судьба итальянской армии в России. «Мы умираем в Сталинграде» // <http://www.svoboda.org/content/article/385532.html>

⁷ Вероятно, речь идет о низвержении Муссолини в Риме 8 сентября 1943 г.; казнь дуче партизанами произошла позже – 28 апреля 1945 г.

⁸ Германизированное название главного в городе здания, Палаццо Орсини-Барберини. В сентябре 1943 г., когда Германия объявила войну Итальянскому королев-

лись опять на чердак. Так ежедневно. На работе, которая заключалась в погрузке в вагоны ящиков с оборудованием, запчастями и другими грузами, мы встречались с итальянскими рабочими. Там кое-как жестами и отдельными общеизвестными словами находили понятный язык. Часто они приносили из своих скудных запасов кое-что из питания.

*Отряд А.В. Коляскина у дома сестер Марии и Эрсилии Пицци в Монтеротондо, где партизаны укрывались от облав и готовились к боевым операциям. 6 июня 1944 г.
(А.В. Коляскин в центре в майке). Публикуется впервые*

Один из них был очень подвижный, молодой, лет двадцати пяти, энергичный, худощавый, испытавший почем фунт лиха под Сталинградом Винченцо, особенно внушал доверие своим отношением к нам. Он очень настойчиво добивался взаимности. Ежедневно встретив нас на погрузочной площадке, комичным голосом спрашивал: «Комэ ва?». Это значит: «Как живете?». Учил нас общим словам и фразам на итальянском языке, которые могут пригодиться на первый случай. «Буон джорно» – «доброе утро», или «Буона сэра» – «добрый вечер», «Арриведерчи» – «до свидания» и т.д. Мы быстро воспринимали и заучивали не столь сложные фразы и слова. Даже нам нравилась их бла-

ству, дворец был приспособлен под главный штаб Итальянской Королевской армии, а после ее отступления на юг стал немецкой казармой.

гозвучность. Практикуясь ежедневно в итальянском языке, мы вскоре начали связывать целые фразы к великому удовольствию Винченцо, который дарил нам хорошие и добрые улыбки, когда кто-нибудь из нас более или менее правильно произносил какое-нибудь слово или фразу. Иногда перемешивая немецкую, русскую и итальянскую речь, всё равно понимали друг друга. Например: «Дойтш солдат Руссия скапаре» – «Немцы бегут из России».

Мы переходили к разговору о положении на фронте. Находилась карта и на ней уже чьей-то рукой были нанесены возвращенные Советской армией населенные пункты. Часто приходилось слышать о жестоких расправах над итальянскими патриотами, о вспыхнувших восстаниях против немецкого режима. Ненависть итальянцев с каждым днем возрастала. Коммунистическая партия Италии вышла из подполья и брала руководство в организации сопротивления фашизму в свои руки. Во все события Италии нас вводили итальянцы и чувствовали в нас своих единомышленников.

Возникла идея организации побега из немецкого лагеря. На первый случай нас нужно было подготовить в части одежды. При побеге нужно сбросить наводящие на подозрение наши лохмотья. Нужно что-нибудь из оружия, чтобы в нужный момент применить его при побеге. Подобрать более надежных ребят, способных идти на самые дерзкие поступки.

Насчет одежды и оружия Винченцо пообещал кое-что сделать. Ребята за довольно большой промежуток времени совместной жизни в лагере уже известны. Тарасенко Анатолий, Ильиных Петр и я выбрали четырнадцать кандидатур, с которыми нужно было еще осторожно поговорить, чтобы не завалить наши планы.

Ребята сначала отнеслись к этому предложению с большим недоверием. Как это можно, не зная языка, в чужой стране, – [это] казалось безумной затеей. Допустим, побег наш будет удачен, потом что? Бежать через фронт к союзникам, которые к этому времени кое-как высадили десант на юге Италии?⁹ Скрываться в лесах и горах? Вот такие вопросы нам задавали наши товарищи.

Но мы говорили, что итальянцы первое время берут на себя обеспечивать нас питанием, что они дадут нам и еду. Всё это не было убедит-

⁹ Англо-американские союзники успешно высадились на Сицилии в июне 1943 г.; в Салерно (регион Кампания) – в сентябре того же года. Советская пропаганда занижала эти военные успехи.

тельно. Но когда в мыслях мы начинали рисовать радость свободы, тут наши аргументы находили признание. Строго предупредив всех, кому мы уже открылись, о том, чтобы держать язык за зубами и не допускать никакого малейшего намека на подозрение, начали действовать.

Винченцо активно взялся готовить одежду, принося ее по одному, по два предмета, а мы ее препровождали к себе на чердак и прятали. Скоро наш гардероб имел всё необходимое на первый случай и даже по одной ручной гранате типа лимонки на каждого человека. Анатолию Тарасенко кто-то принес ненадежный, но пистолет. Принесли нам карту окрестностей Монтеротондо, где уже был помечен пункт нашей базы. Воспользовались тем, что над крышей нашего Палаца была вышка с площадкой, мы взобрались на нее с картой в руках и по ней определили приблизительно то место, которое было намечено на карте. Для побега наметили день 24-е октября. Этот день нас устраивал потому, что у немцев был какой-то праздник, а праздник у них всегда сопровождается крепкой попойкой, песнями и, во всяком случае, полной беспечностью¹⁰.

Для побега были два варианта.

Один – более рискованный и дерзкий. Бежать через главные ворота, уничтожив охрану. На каждом этаже, а их было три, стояло всегда по часовому на лестничной площадке. И если только поднимется тревога, то выскочат все из своих комнат, и нам, конечно, с ними не справиться, но если выходить поздно ночью часа в три, да притом зная, что все пьяные и спят, и часовой не всё время обращает внимание на наш лаз наверху, а иногда и дремлет. Снять его без шума ничего не составляет, на втором этаже тоже – один, и на первом, там проходные ворота, в которых сидит вахтер и пропускает с прогулки возвращавшихся немцев, не обращая внимания, что делается в доме.

Второй – менее рискованный, но требующий много времени и некоторой снасти. Спускаться на веревке на крышу прилегающего к нашему Гранд Палацу дома. Спуск – метров пять-шесть. А там, пользуясь тем, что в Италии все дома прилеплены друг к другу и по крышам можно пройти чуть ли не весь город, выбрать в нужную часть города. Найти такое количество веревок, и принести их в лагерь было почти невозможным делом. А вдруг оборвется веревка – надо иметь запасную.

¹⁰ 24 октября 1943 г. был воскресный день.

В общем, первый вариант поддерживали я и Ильиных Петр, а второй – Тарасенко Анатолий. Решили воспользоваться и тем и другим. Анатолий Тарасенко, Ваня Логинов, Скороходовы Василий и Александр, Дрожак Николай, Гуличев Тимофей и Фурцев Дмитрий будут спускаться по крыше, а мы – Ильиных Петр, Корековцев Федор, Нежеричский Василий, Демьянченко Николай, Никитин Алексей, Ефремов Василий и я пойдем прямо по лестнице. Руководство и всю остальную подготовку в первой группе поручено Тарасенко. А второй группой занимаюсь я. Немцы не догадывались, что у нас сегодня самый напряженный день и особенно ночь. Или свобода, или смерть. Но лучше смерть, чем жить рабом, как мы жили до этого.

Винченцо принес веревку, которую мы обмотали вокруг своего туловища, под нашими лохмотьями ничего не видно. Еще раз условили место встречи с Винченцо, захватив приготовленные железные ломки, мы шли в лагерь в последний день. Одежда спрятана на чердаке. К веревке добавили, скрутив в крепкие жгуты, часть своей одежды. Для спуска было приготовлено всё. Ночь выдалась дождливая, ветер на крыше срывает всё, но крыша – плоская, как вообще в Италии на всех домах. Всё способствовало успеху нашей операции. На нижних этажах пели и веселились, наши охранники вскоре утомились от излишне выпитого шнапса и успокоились.

Пора за дело. Три часа ночи. Тихо по одному сначала вышла вся группа Анатолия Тарасенко на крышу. Нервы дают себя знать. Нужна решительность. Не подаю вида своего волнения. Спокойно подаю команду к последним приготовлениям. Первыми начали спускаться более легкие Логинов Иван, за ним Дрожак Николай, спустились Скороходовы, Василий и Александр, последним приготовился Анатолий. Говорю ему: «При малейшей подозрительности действуйте гранатами».

Не дожидаясь спуска Анатолия, моя группа подошла к своим рубежам. Босиком выходим с чердака попарно. Первыми пошли Ильиных Петр с Корековцевым Федором, им было дано задание часовой на третьем этаже снять без малейшего шума, иначе всей нашей затее конец. Вслушиваемся, что происходит на нижних этажах. Три этажа, три часовых, а внизу ворота, где тоже один часовой.

Надо действовать тихо, чтобы не проснулись крепко спящие в своих комнатах остальные немцы. Видим, на площадке третьего этажа, прислонившись к перилам, дремлет часовой. Петр Ильиных и Федя Корековцев, два отважных сибиряка с одной деревни Пушкарево Ордын-

ского района Иркутской обл., жаждущие свободы, подкрадываются к часовому, затаив дыхание. Ильиных быстро накидывает на голову часового пиджак, а Корековцев ломиком довершает дело.

Прислушиваемся: тихо, нигде ни звука. Начало сделано, медлить некогда, идем по два на дистанции. На втором этаже часового не оказалось. Буквально как тени скользнули на нижний этаж.

Здесь часовой еще беспечнее спал, заливаясь храпом. Подойдя к нему, Ильиных встал с приготовленным ломиком и машет нам, чтобы мы спускались быстрее. Спустились бесшумно, выключили свет в вестибюле и, пользуясь темнотой ночи, шумящим в деревьях сильным ветром, подошли к сторожевой будке у ворот. Прислушались. Всё тихо. Вдоль старинного каменного забора старые каштаны свешивали свои ветви на ту сторону. По каштанам, поддерживая друг друга, мы быстро перелезли за забор. Шлепая по лужам уже далеко за забором, услышали в Гранд Палаце тревогу. Зажглись огни во всем доме, поднялась беспорядочная стрельба из автоматов в воздух. Это мы хорошо видели по полету каскада трассирующих пуль в темноте ночи. Но было поздно. Мы уже на том месте, где условились встретиться с Винченцо.

На бегу обнимаемся, целуемся, поздравляя друг друга со свободой. Радость после стольких мучений и переживаний – трудно передать. Анатолий хромот, он упал при спуске и сильно зашиб себе ногу. Не выдержала веревка. Оказывается, Анатолий стал спускаться, когда еще не совсем спустился Скороходов Василий, вот она и не выдержала такую нагрузку. На бегу, перебивая друг друга, все хотят поделиться впечатлениями, какие у кого остались после этих тяжелых переживаний за успех побега. Но кажется, всё идет хорошо. Петя Ильиных и Федя Корековцев рассказывают, как они расправились с фрицами и выражают сожаление, что они не кокнули этого спящего на первом этаже.

– Да, наверное, и тому на третьем этаже второпях плохо приложили, это он, наверное, очухался и поднял тревогу с опозданием, – говорит Ильиных.

– Ну, хай живе! До поры до времени, – отвечает Николай Демьянченко, – мобудь встренимся, як приде время, добавимо.

Природа способствовала нам как нельзя лучше. Дождь, сильный ветер давали нам на ходу изливаться свои соображения.

Винченцо идет впереди. Но куда он нас ведет? Достаточно ли мы его знаем, чтобы доверять судьбу четырнадцати человек? Мы все в его распоряжении. Куда захочет, туда и приведет. Начинаются разного

*Сельская местность близ Монтеротондо,
совр. фотография*

рода сомнения. А вдруг он не тот, кем рисовался перед нами раньше? Кто его знает, что у него на уме? Говорить с ним не умеем. И он молчит. У него тоже было незавидное положение. Ведет отпетых ребят. Что им стоит, скрывая следы, рассчитаться с ним и – концы в воду.

Лавируя между домами, гуськом по одному, в более опасных местах укрываясь в тени домов и заборов, так мы вышли в открытое поле. Только один Винченцо знал направление, и он нас вел, подвергая себя не меньшей опасности в случае провала. Но он шел.

Наконец-то мы пришли в лес. Спустились под крутой обрывистый берег. Под берегом, в вырытых небольших пещерах, Винченцо осветил карманным фонариком, которым он не пользовался всю дорогу, двух итальянцев. Одеты они в итальянскую военную солдатскую форму, к стене грота приставлены два карабина. Что за люди? Как они сюда попали? Опять загадка – почему они не дома, а здесь? Что они делают? Не ловушка ли какая? Эти вопросы быстро проносились в наших головах. Но наши сомнения быстро развеялись. Оказывается, это два итальянских солдата, бежавших из немецкой армии, и вот теперь, так же, как и мы, обрели себя на партизанскую жизнь.

– Нон паура квесто итальяни партиджани¹¹, – видя наше недоумение успокаивает нас Винченцо.

¹¹ Искаж.: «Не бойтесь, это итальянские партизаны».

Всё стало понятным. Друзья! Опять крепкие рукопожатия, объятия. Появился хлеб, сыр, лук и фляжка вина. Но когда эти два итальянских солдата откуда-то, нам неизвестно, принесли винтовки и патроны в ящиках, приготовленные для нас, восторгу нашему не было предела. А нашего проводника Винченцо мы не знали, как отблагодарить. Каждый стремился сказать ему чего-нибудь самое приятное, самое дорогое пожелание, ведь он рисковал своей жизнью. <пропуск в рукописи>

<СРЕДИ ПАРТИЗАН>

[...Николай Остапенко, надев] гражданскую одежду, думая, что он никаких подозрений на себя не наводит, появился в Монтеротондо в кино. Во-первых, то, что блондины среди итальянцев – это исключительная редкость, во-вторых, своим настороженным видом и порывистостью движений, [он] сразу навлек подозрение на шныряющих всюду патрулей. Свистки и быстрое скопление с разных улиц немецких полицейских, насторожили Николая. Что-то не совсем обычно, кого-то ловят, – подумал Николай, совершенно не подозревая, что ловили именно его. Когда он сообразил, в чем дело, то квартал, где он находился, был уже оцеплен и его схватил один из полицейских, требуя документы. Документы! Какие документы у человека, вырвавшегося только вчера на волю. Документов нет. Но раздумывать нет время. Всё же лезет в боковой карман пиджака, где у него спрятан этот пистолет и тут же в упор убивает полицейского. Налетает второй, но пистолет уже не пистолет, а может служить только как кусок железа. Сильный, ловкий Николай не растерялся и сумел использовать этот кусок железа. Ударом рукоятки по голове свалил и этого. Народу много, толпа, которая попала в эту облаву, ринулась на место происшествия, всем интересно, что произошло, а Николаю это и нужно. Вырвавшись из толпы, давай бог ноги. Прибежал он, на нем не было лица. Потный, от сильного волнения заикается, ничего не можем понять. В чем дело? И только после длительного отдыха он смог рассказать что-то внятное.

Такой поступок Николая никому не понравился, так как этим он подлил масла в огонь. Мы обсудили его и вынесли решение: с сегодняшнего дня без серьезной необходимости не показываемся на глаза никому и прекратить ненужные вылазки. Но как говорят – победите-

лей не судят. Николай сделал, казалось, героический поступок. Убил немца, второго ранил, сам вырвался из облавы цел и невредим¹².

Но это не прошло без последствий. Итальянская девушка Мария, которая была вместе с ним, попала в лапы Гестапо. Ее страшно пытали, мучили, в надежде узнать от нее что-нибудь о партизанском отряде, но она ничего не сказала, умерев в страшных мучениях.

Последствием этого же поступка Николая произошел и другой случай, который мог бы окончиться гибелью всего отряда. Получив оружие, мы целых два дня изучали неизвестные для нас образцы винтовки, гранаты и пулемета. 27-го октября, после того, как мы уже немного успокоились от случая, произошедшего с Николаем, прибегает растерянный и взволнованный негр Кей. Он еще до нас скрывался в этом лесу и на следующий день после нашего побега был нам представлен и включен в наш отряд. Это высокий Геркулес, могучего сложения судо-африканец¹³, черный, с чугунным отливом тела, со сверкающей белизной белков глаз и зубов, веселый, всегда смеющийся, жизнерадостный добряга.

С юмором, присущим только ему, он часто сетовал на то, что, мол, вот вы все белые, такие же, как итальянцы, а я среди вас черный. Если куда-нибудь переходить, конечно, меня всегда поймут первого, потому что я самый приметный. Все его действия внушали исключительную симпатию. Неподдельная откровенность, отзывчивость, гармонировала с его добрым характером. Этими качествами он вызвал у нас доверие к себе и мы не ошиблись. Вот он прибежал, будучи на посту, и говорит: «Алессио, тедески мольто ква, ква, ква» – это значит: «Немецв идет сюда много».

Поняв опасность положения, мы все вышли на берег оврага и, пользуясь густыми зарослями кустарника, густо обросшего берега, стали наблюдать. Донесение Кея оправдалось. Около пятидесяти немецких солдат, под командованием нескольких человек офицеров, расположились против нашего оврага в расстоянии четырехсот метров, разбившись на

¹² Случай с Николаем Остапенко в записях А. Флейшера приобрел другие, легендарные очертания: Остапенко якобы отправился в Монтеротондо не в кинематограф с девушкой, а на встречу с руководителями подполья, но был задержан немецким патрулем; застрелив одного полицейского и оглушив другого, партизан скрылся (цит. по: Жугарина Л.С. Участие советских партизан в движении Сопротивления // Объединение Италии. М., 1963. С. 387).

¹³ Итальянизм: *sudafricano* – уроженец Южной Африки.

группы по десять, заняли исходные позиции, используя каждую высоковольтную мачту проходившей вдоль оврага электролинии.

Тревога быстро подсказала, что делать. Приказываю занять оборону. Огневые точки для четырех пулеметов были намечены заранее. Пользуясь хорошей маскировкой густого кустарника, мы их хорошо видим и угадываем их намерения. Они же нас не видят. Расположение наших пулеметов, при попытке к наступлению немцев, – очень удобное. Нам видно, как они перемещаются от одной мачты к другой, усердное размахивание рук офицеров, подающих неслышные для нас команды, поблескивание на солнце окуляров биноклей. Вся эта обстановка напрягала нас. Вот – пойдут, как мы видели их не раз в атаках, с автоматами на животе, беспрерывно стреляя, наводя панику и утешая себя трескотней.

Сдержат порыв моих, способных на всё, ребят – надо в первую очередь сдерживаться самому: «Ребята, открывать огонь только по моей команде и не раньше, как подпустив их на пятьдесят метров».

Ожидаем и во все глаза наблюдаем, что они будут предпринимать. Ильиных Петя не выдерживает такого длительного испытания и просто требует: «Чего ждать, мы их тут у этих столбов всех к чертям перекосим, давай команду». «Петро, – говорю я – пойми, что как только они услышат выстрелы, сразу залягут в бетонированные фундаменты мачт и мы ничего не сделаем, а себя разоблачим». Мой аргумент был веским, и все согласились, что я действительно прав.

Ждем, не подавая вида, час, другой. Немцы в замешательстве. У каждой мачты офицер с биноклем, сверкая окулярами, разглядывает фронт, но что он может увидеть в густых зарослях? Так и не решились они перейти вперед от высоковольтных мачт. Стало уже смеркаться – тогда, выстроившись в походный порядок, ушли, не солоно хлебавши, в сторону Монтеротондо.

Кто знает, чем бы это всё кончилось, но нам стало ясно, что немцы знают о нашем расположении. В этот же вечер мы увидели собирающего в нашем лесу сухие дрова итальянского мальчика, которому было лет четырнадцать. В рваных штанишках, в потрепанной кепке на голове, щуплый, улыбающийся, что-то хочет нам передать очень важное, но беда в том, что мы его не можем понять. На помощь пришел опять же этот негр Кей, который прожил в Италии больше нас, а поэтому сумел достаточно хорошо освоить местный язык. Но и он не знает русского языка. Кей оказался более опытным в разговорах, и благодаря его уси-

ленной жестикуляции, мимике, знанию некоторых немецких слов, нам удалось понять самое главное.

Мальчик этот был сын Донато Де Батистес, одного из батраков помещика Чиккони, усадьба которого находилась недалеко от нашего убежища. Его в лес послал отец с целью, чтобы сегодня ночью кто-нибудь из нас пришел в его дом для очень важного разговора с одним из итальянских коммунистов.

Одиннадцать часов ночи – назначенный срок. Беру с собой Анатолия Тарасенко и Ваню Логинова. Взяли, на всякий случай, в карманы по две гранаты и карабины. Дом, в котором нам предстоит встреча, с берега оврага показал мальчик и мы его хорошо приметили, так что без всякого труда шли на домик Донато Де Батистес.

Темная ночь. Идем – улавливаемся: «В дом захожу я, Анатолий остается у дверей, Ваня ложится в кустах недалеко от дома, малейшее подозрение на подвох, быстро решать». На мой стук в дверь подошел человек с вопросом: «Ке? – Кто?». По заранее обусловленному паролю, который нам передал мальчик, я должен был ответить: «Пермессо, априре порта, ио Алесслио», или по-русски: «Откройте, пожалуйста, дверь, я Алексей». Несмотря на то, что я долго заучивал эту фразу, от волнения не мог ее произнести полностью, а только ответил: «Алесслио». Дверь не открывалась, тогда Анатолий шепчет мне всю фразу и я, как ученик, повторяю за ним.

В доме, тут же у очага, сидел одетый в светлый плащ мужчина средних лет, высокого роста с довольно пожилым сухим лицом, солидного, интеллигентного вида, в фетровой светлой шляпе. Кроме него в доме был хозяин, его жена и этот мальчик, который приходил к нам в лес.

При моем появлении человек, сидящий в одежде, встал, протянул мне крепкую жилистую руку со словами: «Чао, Алесслио!» – «Здравствуй, Алексей!». Что хочет от меня этот человек, которого я вижу впервые? Можно ли ему довериться? Но видя мою неуверенность, он заявляет: «Ио эссере председатель партито коммунисто Монтеротондо Франческо Цуккори¹⁴».

Раньше от Винченцо мы слышали кое-что о нем. Он принимал активное участие в организации нашего побега, доставал оружие, одежду и т.п. Присутствие этого славного маленького нашего связного еще

¹⁴ У мемуариста фамилия дана искаженно: Дзукаре.

больше вселило в меня уверенность в то, что действительно человек с хорошими намерениями.

Франческо оказался очень словоохотливым человеком. Полилась целая речь, из которой я понимал очень мало, но по улыбкам присутствующих можно было без труда догадаться, что речь идет в адрес наш по части так хорошо проведенного побега. Я в свою очередь благодарил Франческо за помощь. Вмешались в наш такой разговор все присутствующие. В их речи, жестах и добродушных улыбках, я увидел, что нахожусь среди искренних друзей. Позвали в дом Анатолия, к общему удивлению всех, что я пришел не один, а вроде с охраной.

«Браво, Алесслио, Анатолио, здесь, вокруг этого дома живут все ваши друзья» – поняли мы из тех объяснений, которые на все лады стремились нам доказать эти люди. Осторожность нашу они не осудили, а наоборот, поощряли. Похвалы и лестные слова не сходили с уст наших новых друзей. Началась беседа по существу. Но что это за беседа? Ваня Логинов, наверное, проклял этот день, стоя там в кустах в ожидании, когда мы закончим свои переговоры. Но что подделаешь, когда наша беседа затянулась по той причине, что мы плохо понимаем друг друга, а хочется уточнить много деталей.

От Франческо Цуккори нам удалось узнать, что он – руководитель коммунистической секции Монтеротондо, имеет для конспирации свою пекарню, а для разведки является сотрудником немецкой комендатуры. Сообщил, что о существовании нашего отряда в комендатуре известно и нужно немедленно отсюда уходить. Сейчас должен придти Винченцо и перевести нас совершенно в другое место. Договорились насчет питания. При помощи своих связных он будет посылать на каждого из нас по одной булочке, двести грамм макарон и бутылку оливкового масла, остальные продукты, как лук, картофель и другие овощи, будет давать местное население из своих запасов. Население этого местечка состояло из батраков крупного помещика Чиккони.

В эту ночь мы перебазировались на другое место, так же недалеко от Монтеротондо, но с другой стороны. Оказывается, немцы предприняли на другой день более организованную облаву на этот лес, но было уже поздно, так как свои следы мы замели очень тщательно. Через неделю мы перебрались опять в старое расположение, но уже с большей осторожностью, вспоминая опрометчивый поступок Николая Остапенко. «Атенционе»¹⁵, как говорил Франческо, стало нашим девизом.

¹⁵ *Attenzione* – внимание.

<ПОХОД К ПОМЕЩИКУ ЧИККОНИ>

Но вот подходит 26-я годовщина Великой Октябрьской Революции, 7-е ноября 1943 года. Продуктов нам не приносят уже давно. Связные не появляются. Стали слышны ропоты на это состояние «Атенционе», т.е. осторожность. Голод дает знать себя. Обвинять итальянцев в том, что они не сдержали свое слово по части обеспечения нас продуктами, мы не могли, зная, что и у них-то кушать нечего.

Пришел на выручку опять сын Донато Де Батистес. Сидя как-то раз на берегу обрыва в лесу с этим мальчиком, я заинтересовался, чей это такой красивый большой дом стоит в стороне от всех, огороженный белым каменным забором. Он мне ответил, что это дом большого капиталиста. У него очень много всяких продуктов и он никому не дает. Местные жители, работая на него, получали за свой труд право жить на его земле и пользоваться маленьким клочком земли для того, чтобы человек мог посадить свои овощи. А он за это должен был все лето работать на его земле, создавая ему блага. За этот период мы не видели на полях Чиккони ни одного механизма. Таких машин, как трактор или автомашина не было: эта привилегия для облегчения труда крестьянина считалась чем-то недосягаемым и, когда мы говорили, что у нас в колхозах уже человек не несет такого тяжелого труда, что у нас все колхозы в первую очередь оснащаются лучшими машинами, и всё внимание правительства и партии устремлены для облегчения тяжелого труда, – такие наши слова им были не понятны. Они никак не могли понять, как это может быть, чтобы кто-то заботился о том, чтобы простому крестьянину было легче работать, кого это касается? Наш Чиккони заботиться только о том, чтобы все работали с утра и до вечера, а как ему легко, или трудно, это не его дело.

Мы, не видевшие в своей жизни на Родине такой жуткой системы эксплуатации, вступали с ними в спор, но наши споры всегда были биты действительностью. Чиккони это был помещик, которого мы, советские люди, не могли понять.

Решили поговорить с Чиккони, разузнав через Доменико Де Батистес и его жену Амалию, которые были слугами при доме Чиккони, все ходы и выходы в доме. Когда удобнее к нему явиться, мы наметили план. Нас интересовало, как отнесется к нам Чиккони? Согласится ли добровольно нам оказать помощь в продуктах? Можно ли, через имеющийся у него приемник, получать сводки Информбюро? Имеет ли он

*Поместье Чиккони, где скрывался отряд А.В. Коляскина
с ноября по декабрь 1943 г. Публикуется впервые*

связь с немцами? От итальянцев мы узнали, что он потерял на русском фронте единственного своего сына, о котором он очень много говорит и без боли не может рассказывать. Эту слабую сторону его военной судьбы я решил использовать.

Числа 5-го ноября Доменико Де Батистес передал, что сегодня хозяин и его горничная остались в доме одни и это будет самый удобный случай для разговоров с хозяином сегодня ночью.

Петр Ильиных, Анатолий Тарасенко, Ваня Логинов, Федя Корековцев и я отправились к Чиккони для того, чтобы с ним завязать выгодную нам связь. Долго не открывались двери. На наш настойчивый стук к двери подошла горничная, дрожащими руками открыла ее, трясясь от страха как в лихорадке. Видимо, наш поздний визит им показался совсем неподходящим в такое беспокойное время.

Зашли в дом трое, а остальные остались на дворе. Долго пришлось уговаривать миловидную девушку, чтобы она поверила в наши не столь уж агрессивные намерения. И когда, с большим трудом, но это удалось, горничная сказала, что «хозяин очень боится, а поэтому к дверям послал меня, как более смелую». Как мы потом убедились, и в самом деле девушка уж не так труслива. Она быстро, стуча каблучками, поднялась по лестнице вверх и сообщила после возвращения, что хозяин сейчас придет сам. И вот он маленький, слишком упитанный, трясущийся

всем телом жалкий старик, показался в дверях с дребезжащими рюмками и графинчиком вина на подносе.

Рюмки с графином в руках Чиккони характерно передают его состояние, производя музыкальную трель. Мы поспешили спросить его, нет ли в доме или близко немцев. Он нас уверил, что в доме и близко около дома никого, кроме нас нет. Тогда мы отрекомендовались, что мы русские партизаны. Видимо, его служанка уже предупредила, кто мы, и поэтому он сумел себя подготовить для нашей встречи – как давно готовящийся оратор к такому дню, хорошо заучил большой монолог в адрес ненавистному фашистскому режиму и Гитлеру в том числе, заключив общеизвестным изречением «Гитлер капут!». По его жестам, мимике и бурной не прекращающейся взволнованной речи, насыщенной проклятиями Гитлеру, войне и всем ее зачинщикам, можно было без сомнения назвать его патриотом своей Италии.

Слушая его речь, понятную нам с пятого на десятое, я подошел к приемнику. Наклонился, и в этот момент у меня случайно из кармана выпала граната-лимонка. Это укротило спесь словоохотливого «врага фашизма» и он забыл, на чем кончилась его сладкая речь. Первое – потребовали настроить приемник на Москву, система приемника нам не была знакома.

Мы услышали голос нашей Родины. Неужели это наша Москва? Голос диктора – размеренный, уверенный в победе нашей, уже повсюду громящей врага, Советской армии. Восторг наш был ничем не измерим. Мы сегодня, 5-го ноября, в канун нашего великого советского праздника, услышали голос любимой Родины.

Всё слышанное мы тут же постарались наперебой, как могли, собирая знакомые слова, [передать] нашему новому знакомому. Как он воспринимал эти новости, нам было неважно, но всем своим видом он старался выразить свою солидарность с нами. Требования наши в части продуктов были беспрекословно удовлетворены. Тут же во дворе с помощью Доменико и этой, уже развеселившейся, девушки вскоре был нагружен осёл всеми необходимыми продуктами: хлебом, мукой, макаронами, сыром и оливковым маслом. Мясо он разрешил нам брать в своей отаре, каждый день по одному барану. В неделю один раз мы приходили к нему слушать сводку Совинформбюро. Продукты он нам впоследствии доставлял через Доменико.

*Отряд А.В. Коляскина (командир – на переднем плане с пистолетом)
у дома Чиккони. Публикуется впервые*

Так мы заимели единомышленника в лице помещика Чиккони, который то ли из страха, а может, действительно, из чувства ненависти к немцам, давал нам продукты безропотно. Впоследствии, при взятии нашим отрядом г. Монтеротондо, Чиккони уехал, оставив свой скот, который нами был весь роздан его батракам. Нам, советским людям, прожившим жизнь в своей стране, не приходилось видеть такой образ жизни, какой мы увидели здесь.

Читая наших классиков, мы только могли сравнивать давно миновавшие времена помещичьей России с феодальной действительностью настоящей Италии.

Чем же объяснить такую отсталость общественных интересов в Италии, особенности интересов крестьянства?

Когда мы начинали рассказывать про жизнь советских крестьян, про колхозы, совхозы, они никак не могли себе представить какой-то другой строй, кроме того, который у них существует. Чувствовалось, что о жизни советского народа эти простые, забытые трудом и нуждой люди никогда ничего не слышали, а если и слышали, то в совершенно искаженном смысле. И поэтому нам с большим трудом, плохо зная язык, длинными беседами с помощью карандаша, клочка бумаги, изображая,

что можно, рисунками, [приходилось] рассказывать им о Советском Союзе. Слушали они всегда с большим вниманием. Темы наших бесед всё больше расширялись и этим завоевывали крепкие дружественные отношения и неограниченные симпатии у простых людей, окружавших нас. Когда они нас хорошо поняли, нам с ними стало легче жить.

Здесь вблизи Монтеротондо мы прожили до половины декабря, переходя с одного места на другое, в основном скрываясь, не предпринимая никаких вылазок.

<ПЕРЕБРОСКА В РЕГИОН ДЖЕНЦАНО>

Во второй половине декабря к нам в Монтеротондо приезжает русский Алексей Николаевич Флейшер¹⁶ (кличка Червонный). От него мы узнали, что он связан с коммунистическими ячейками, подпольно руководившими движением против немцев. Руководители этих ячеек являются организаторами всякого рода диверсий против немецкой армии. Еще мы узнали от него, что он является организатором комитета защиты русских пленных. Центр этого комитета находится в Риме на улице Номентана 136-138 и называют «Вилла Тай». Здание бывшего сиамского посольства, которое, выезжая в связи с войной, оставило в качестве хранителя этого здания и находящихся в нем ценностей, вот этого нашего друга, не щадящего своей жизни для спасения русских Алексея Николаевича Флейшера.

Организация нашего побега – это дело его рук, но мы узнали об этом гораздо позднее. Пользуясь обширным знакомством среди итальянских коммунистов, а также их доверием, Алексей Николаевич спас разными путями около 300 человек русских¹⁷. Используя неприкосновенность здания посольства нейтрального государства, Алексей Николаевич содержал в нем целый отряд русских партизан под командованием Петра Конопелько.

Сам Алексей Николаевич был постоянно занят связью с многочисленными мелкими отрядами русских партизан, расположенных в разных местах провинции Рима. Вот и к нам он явился с хорошей новостью. Провинциальный комитет Коммунистической партии Рима

¹⁶ Подробно о А.Н. Флейшере см. выше в главе «Римское подполье в мемуарах и письмах».

¹⁷ Сам Флейшер приготовил составил список в 182 человека.

решил часть нашего отряда перебросить в район активных действий Альбано-Дженцано-Веллетри¹⁸. Наше участие там необходимо, т.к. этот район является самым важным пунктом, где немцы перебрасывают к фронту на юг боеприпасы, продовольствие и пр. военное снаряжение. Объяснив подробно, как будет проходить наша переброска, кто будет нашими проводниками, [Флейшер] предупредил, что эта переброска по своему замыслу очень дерзкая и, конечно, небезопасная, т.к. придется ехать открыто через весь город Рим и среди немцев. День выезда был назначен на 22-е декабря. Пожелав нам счастливой эвакуации, [он] уехал к другим отрядам.

22-го декабря с помощью Франческо Цзукаре, который вручил нам фальшивые документы, [мы] переоделись в более приличную гражданскую одежду, захватили на всякий случай по парочке «помидорчиков», как мы называли итальянские ручные гранаты и сунули в карманы маленькие, но очень удобные пистолеты «Беретта», на которые надежды было больше, чем на документы, в которых, например, значился «инженер Николо Джусти, переезжает в г. Дженцано для производства работ». Конечно, такие документы нам могли помочь при любом налете патрулей так же, как мертвому компресс. А поэтому мы крепче держали в карманах рукоятки пистолетов, чем имели надежду на «документы».

Нас было четверо: Петро Ильиных, Николай Демьянченко, я и Франческо Цуккори. Остальные были переброшены ранее, а в Монтеротондо остался Анатолий Тарасенко с Ефремовым Василием, <нрзб> Василием, Фурцевым Дмитрием и Алексеем Никитиным. До Рима мы ехали в автобусе. В Риме Франческо нас привел в один из маленьких баров, где хозяином был итальянец Давид. К этому времени собрались сюда и некоторые итальянские товарищи, а с ними и Алексей Флейшер. Произошло горячее и радостное знакомство. Но недолго пришлось разговаривать. Расставшись с Франческо, мы вместе с Алексеем Флейшером и Марио Помпилио¹⁹ вышли из кафе и по двое сели в трамвай, который направлялся в Альбано. Под строгими и недоуменными взглядами итальянцев, мы стремились делать беспечный вид, показывая свою непринужденность и избегая всякого рода вопросов, которые вот-вот могут выдать нас с головой, т.к. вряд ли кто-либо из нас сумел

¹⁸ *Albano* (совр. Albano Laziale), *Genzano* (совр. Genzano di Roma), *Velletri* – города региона Лацио, к юго-востоку от Рима.

¹⁹ Мемуарист имеет в виду Марио Молилари, сына Помпилио Молилари.

бы ответить. Алексей и Марио были начеку, чтобы в любой затруднительный момент придти нам на выручку.

Придерживаясь, на всякий случай, передней и задней площадок, не давая возможности пассажирам зажать нас в толпу – так доезжаем до Дженцано.

Вот как этот момент описывает в своем дневнике Алексей Николаевич Флейшер²⁰.

...простившись с Лилей и Тамарой (Георгиевскими – А.К.), я пошел в рабочий ресторанчик на улице Паоло, чтобы встретиться с Помпилио (председатель коммунистической секции центральной части Рима. – А.К.). К 5 часам 30 минутам вечера он пришел.

– А, Алессіо? Бонджорно! – весело пожимая руку, обратился он ко мне. – Вернулся из Альбано, садись, рассказывай, как ездил?

Я рассказал о своей поездке в Дженцано, о том, что узнал о первом военном действии ребят в Дженцано под руководством Михаила Касьяна. Помпилио был рад меня слышать и сообщил, что уже читал рапорт Н... [военрук района Альбано. – А.К.] о том, что советские партизаны в этой вылазке показали себя отлично. Я уведомил Помпилио о том, что до прихода прихода Коляскина я назначил за командира отряда Михаила Касьяна, а за старшину – Мажерицкого.

– А кроме того, – сказал я, – настаиваю на перевод всех русских из Монтеротондо в Дженцано, так как считаю целесообразным, чтобы они были все вместе в одном отряде. Нелли²¹ меня поддерживает и одобряет и предлагает создать отдельный и самостоятельный Советский отряд. Он также одобряет мою просьбу включиться в этот отряд.

– Это было бы хорошо, Алессіо, – ответил Помпилио, – но твое положение в Сиа́мском посольстве [Вилла Тай. – А.К.] будет гораздо полезнее, и поэтому должен просить тебя остаться еще в Риме. Ты нам нужен. Но мы об этом еще поговорим. Что касается Коляскина, то я приму меры, чтобы его перевели в Дженцано.

Дня через два, вернувшись из черода, я нашел записку от Марио (сын Помпилио, прекрасный молодой коммунист. – А.К.). Он сообщил, чтобы завтра обязательно зашел в бар-ресторан к Давиду, что на улице Делла Кроффе²². Тебя, – пишет он, – хочет видеть Франческо из Монтеротондо.

Эта записка меня взволновала. Что могло случиться в Монтеротондо? Чему перепугался Франческо? Утром помчался

²⁰ Тетрадь 2-я, стр. 229. – Прим. авт.

²¹ Нелли – партизанская кличка Северино Спакатросси.

²² Возможно, *via della Croce*, виа делла Кроче.

на улицу Делла Кроффе. В баре еще никого не было, кроме самого Давида и его брата. Потом пришел Марио в хорошем настроении и хитрой улыбкой. Было очень сыро и холодно. Мы жалась около плохо нагретой печурки. Накануне католического Рождества Рим жил без угля и без дров. Заказали мы с Марио горячий «пунш», скверное питье из подогретого вермута. Но и это было кстати, чтобы согреться. Вдруг кто-то хлопнул меня сзади по плечу. Я оглянулся и опешил. Передо мной стоял, улыбаясь, Алексей Коляскин. За ним сиял радостью Петр Ильиных, за Петром – третий, которого я видел в первый раз, Демьянченко Николай. Сюрприз для меня оказался большим, радостным и неожиданным.

Я подумал о последнем разговоре с Помпилио о Ване Логинове, который при моем отъезде из виноградников с Дженцано, прощаясь не верить о приезде Коляскина. Как братья, давно не видевшиеся, обнялись и перецеловались. Особенно доволен был Франческо. «Ну, теперь доволен, Алексей?», – спросил он, а я – «Нет! Коляскин мне был очень нужен».

– А кто теперь остался за Коляскина в Монтеротондо? – спрашиваю я.

– Там Коляскин оставил Анатолия Тарасенко. Я от души одобрил решение Коляскина, тем более временно, пока его не переведут в Дженцано.

Наши разговоры были такими громкими, что прибежал Давид и просил быть потише, т.к. публика начинает прислушиваться к незнакомой речи. Марио сообщил, что через полчаса надо ехать прямо в Дженцано. я к этой поездке не готовился, но отказаться не мог.

Оказалось, что ребята с 5 часов вечера ничего не ели. В этот час и в Риме было трудно найти что-либо съестное. У Давида ничего не оказалось и я предложил зайти в другое место, где можно было раздобыть хотя бы молока. С Коляскиным я поделился, что было у ребят в Дженцано и очень просил его по приезде всё привести в порядок и на военный лад. Ильиных особенно обрадовался, когда узнал, что в Дженцано нам предстоит горячая работа, т.к. давно жаждал он и все остальные настоящих боевых дел. Франческо трогательно попрощался с ребятами и мы ушли от Давида.

Немного подкрепившись, мы пошли через р. Тибр, вышли в «Палаццо ди Джустиция» (Дворец правосудия. – А.К.) и сели в трамвай «чиркуляре nero»²³, который шел к вокзалу, объезжая добрую половину центра города. С любопытством мы смотрели из окон трамвая на старинные римские развалины «Палаццо», «Колизей» и т.п. А особенно обращали внимание на тех, кто са-

²³ Кольцевая черная линия.

дился в трамвай, т.к. наш иностранный вид, да еще в костюмах с чужого плеча, вызывал любопытство пассажиров.

Марио, ехавший с нами, да и мы все волновались за благополучный исход нашей поездки. Наша задача была моментально вмешаться в разговор, если бы кто из «чересчур любопытных» пробовал бы разговаривать.

До трамвайной остановки в сторону Альбано доехали благополучно. Тут мы выдали ребятам фальшивые документы. Подошел двухэтажный трамвай и мы тронулись. Разместились поближе к площадкам. Марио и Ильиных к передней, а я, Коляскин и Демьяненко – к задней.

Дул очень холодный и пронизывающий ветер. Здесь на линии Рим – Альбано почти на каждой остановке то входили, то выходили вооруженные немцы. Несмотря на напряженность, нужно было держать себя спокойно и безразлично относиться к окружающему.

Прибыли в Альбано. Оказалось, что трамвай идет до Дженцано без пересадки. Прекрасно. Кажется, самое страшное проехали. На остановке Альбано вижу двух знакомых товарищей. Это Нелли, руководитель сопротивления в Альбано, и его товарищ специально патрулировали нашу встречу.

Через 10 минут мы – в Дженцано. С маленькой площади пошли раздельно по двум сторонам длинной улицы. Конец города. Ворота направо с № 134-136. Это бывшая мыловарня. Здесь собираются коммунисты из Дженцано. Нас не ожидали, но, как и в первый раз встретили в сарае, где стояли бочки из-под вина.

Собралось много народу, все хотели ближе познакомиться с русскими людьми. На одной из бочек появляется хлеб, сыр, кусок мяса и кастельское вино²⁴. «За Победу!». Итальянцы уже научились по-русски произносить наш любимый тост во время войны. Хорошо покусав, познакомились с итальянскими товарищами, вскоре нам дали маленький автомобиль «фиат», и эта чудо-машина пыхтя, тархтя и чихая понеслась в виноградники. Свернули с большой дороги, помчались по извилистой, между виноградников. Недалеко от сторожки остановились возле шалаша, из которого появился Ваня Логинов. Он так и подпрыгнул, когда увидел Алексея, с трудом вылезавшего из дверки «фиата»:

– Ребята, выходи, – кричал он – Коляскин приехал.

Высыпали все жители этих шалашей. Крепко и горячо обнимались товарищи, встретившись вновь.

– Ну, что, Ваня, теперь поверил? – спросил я Логинова, показывая на Алексея.

– Да! Вот теперь верно! А тогда я, признаться, не верил.

²⁴ Вино из региона Лацио – *Castelli Romani*.

<НА ПАРТИЗАНСКОЙ БАЗЕ ПОД ДЖЕНЦАНО>

Так мы оказались в Дженцано, вернее в виноградниках под Дженцано. Громадные плантации высоких лоз виноградника были нашим надежным укрытием. Шалаш и всякого родастройки являлись наши жилищем. Часто нас навещали местные жители, особенно братья Нелли, которые руководили многочисленным отрядом партизан на этом важном участке, где проходили главные шоссеиные дороги Рим – Неаполь.

Но недолго пришлось нам тут прожить. В одно раннее утро перед Новым годом, вдруг приезжает на велосипеде один из итальянских товарищей и сообщает, что в Дженцано идет облава. На мотоциклах большой отряд немецкой полиции расправляется в Дженцано с населением, ищут партизан, видимо, они сейчас нагрянут и сюда. Надо быстро уходить. Тревога – и за несколько минут тяжелые станковые пулеметы были опущены в каменный колодец, а сами, с личным оружием в сопровождении этого итальянца, отправились в надежное место.

С горы того нового расположения мы хорошо видели, как, заняв все тропы и дорогу к Дженцано, по направлению к винограднику выехали сотни две мотоциклистов, вооруженных пулеметами и автоматами. Только заехав в заросли виноградника, на ходу открыли бешеный огонь по всем шалашам и домикам. Некоторые из них тут же загорелись. Но всё напрасно. Никого уже там не было.

Мы только были наблюдателями их неудержимой спеси и только благодарили наших товарищей итальянцев. Проехав все виноградники, облив их свинцом, не жалея патронов, злые на неудачную экспедицию, [немцы] двинулись восвояси, с чем приехали. Мы же вечером опять заняли сохранившиеся шалаш и домики. Пользуясь симпатией жителей Дженцано к нам, мы могли спокойно находиться там, зная, что при любой опасности, грозившей нашей жизни, нас быстро предупредят, т.к. кроме дороги с Дженцано въезда в виноградники не было.

На Новый год приходят к нам итальянцы во главе с Нелли, приносят продукты, немного вина «Кастелли Романи», и в разговоре Нелли объясняет: «Недалеко отсюда, между Дженцано и Веллетри немцы на шоссеиной дороге имеют передвижной склад боеприпасов, продовольствия и обмундирования. Машины возят туда груз из Рима, там складывают, а машины, которые ходят с фронта из-под Неаполя вновь грузят с этого склада и везут на фронт. Нужно этот склад уничтожить».

Сначала надо сделать разведку, а потом разработать план взрыва. Заручившись картой-трехверсткой, отметили место расположения этого склада, мы вдвоем с Ильиных Петром отправились в разведку. Шли виноградниками и оливковыми рощами, незаметно переходя дороги, и утром мы уже обнаружили этот склад. Сидя на горе в оливковых деревьях, мы стали наблюдать за всем, что происходит у этого склада. Большой ряд штабелей ящиков со снарядами можно было определить сразу по формам ящиков. Бумажные мешки с продовольствием, также аккуратно сложенные в штабеля, банки и разные фляги с горючим, всё это привозилось и увозилось, но склад заметно увеличивался.

От главной шоссеиной магистрали он находился метрах в ста. Охрану этого склада нес один немецкий автоматчик, сменяясь через каждые два часа. Наряд охраны находился недалеко на хуторке в километре от склада; ритмично через каждые два часа от хутора выходил разводящий и с ним сменный часовой. Разводящий проводил смену часовых с особой тщательностью. Процедуру смены караула проследили в течение всего дня, но нужно было знать, как охраняется склад ночью.

Освоились за день с местностью и с обстановкой, и к вечеру подползли ближе и залегли, укрытые густыми зарослями каких-то кустарников. Отсюда весь склад и часовой были хорошо видны. Так же, как и днем, часовой был один. Прохаживаясь вдоль штабелей, положив руки на автомат, висящий на ремне, три раза вдоль шоссе и три раза в другую сторону, после этого останавливался на углу штабеля, прислонившись к ящикам, отдыхал. Так мы заметили, что у часового выработана какая-то профессиональная система охраны, хорошо заученного дрессированного животного. Три марша с одной стороны и три с другой стороны, отдых и опять сначала. У нас с Петром возникла дерзкая мысль.

«А что, Петро, зачем здесь нужен весь отряд? Чем больше народу в таком деле, тем хуже. Часовой ничего не подозревает. Подползти к нему тихо можно, в тот момент, когда он остановится на отдых. Кинжал есть и всё в порядке».

Сначала эта затея казалась какой-то не совсем осуществимой, но чем больше мы обсуждали, как лучше сделать, тем больше задуманное казалось не таким сложным. При побеге Петя ловко снял одного часового <нрзб>. И мы решились.

Осторожно выбравшись из кустарников, смотрим, не спуская глаз с часового, и наблюдаем за шоссеиной дорогой: нам нужно ее перебежать только в тот момент, когда часовой будет за штабелем. Выбираем место, куда укрыться, перебежав шоссе. Видим, лежит бочка сразу

же за шоссе. Выбираем ее. Только скрылся фриц за штабелем, мы буквально перелетели через шоссе и залегли за бочку. По стуку кованых сапог определяем ритмичные шаги и их направление, боясь выглянуть из-за бочки. Шаги прекратились, значит, отдыхает. Ползти до него метров тридцать. Может услышать наши движения, и тогда всё пропало.

Вдруг слышим шум машин и видим из-за поворота выходят с приглушенными фарами три машины; остановились против склада, шоферы вышли, чего-то погугорили. Часовой пошел к середине штабеля. Опять взрели моторы, и две из них пошли в сторону Веллетри, а одна подошла ближе к штабелю и стала грузиться с помощью находящегося в ней солдата. Минуты длились часами, но отступить было поздно, нужны выдержка и спокойствие.

Погруженная машина ушла, а часовой пошел к другому концу штабеля, но Петин пиджак крепкими руками сибиряка обхватил в мертвые объятья голову, а мой кинжал закончил жизнь этому пришельцу за чужим счастьем. Автомат и пояс с обоймами моментально оказались в руках Петра. Теперь за дело! Скорее поджечь – и наутек. Бочек с бензином много, но ни одну не можем открыть. Подбегаем к той бочке, за которой прятались, она открыта. Оказывается, бочка была специально для заправки машин, вот хорошо, что тем машинам не потребовалось заправляться, а то пришлось бы нам рассчитывать за свою дерзость. А как бы это обошлось – неизвестно.

Во что налить бензин, не можем найти. Вспомнили, что у убитого есть каска, которая может быть хорошим ковшиком для бензина. Окровавленный пиджак Петра и разные тряпки – всё было намочено бензином. Несколько касок бензина, да мокрые тряпки – вполне достаточно. Намоченная тряпка бензином – хороший факел. Подползли к штабелю, и моментально пламя охватывает деревянные ящики.

«Ну, Петро, теперь давай бог ноги», – говорю я и тут же оба пустились наутек. Сколько мы пробежали, не останавливаясь! Только тогда остановились, когда увидели как бы блеск молнии, потом страшной силы взрыв, опять вспышка, опять взрыв и такой факел долго еще освещал большое пространство окрестности.

Бежать было просто опасно, т.к. наши силуэты в отблесках зарева, казалось, видны с каждого места. Пришлось залечь в зарослях. Тут нас охватил восторг победы. Петро налетел на меня и давай давить и тискать, придя в состоянии ликования – обнимались мы, как маленькие дети, которым родители принесли долгожданный подарок. Самим не верилось, что мы сделали такое большое дело во имя победы над нена-

вистным врагом, от которого долго будут чихать эти вояки. Видно, бочки с горючим еще долго рвались, т.к. после их взрыва долго оставалось большое зарево, а потом постепенно всё стихло. Надо идти.

Пришли в свое расположение часов в двенадцать дня. Восторгу наших ребят не было предела. Они уже знали всё. Приехавшие из Дженцано итальянцы рассказали о нашей диверсии.

С нового 1944-го года всё оживилось. Отряды вокруг нас активнее стали участвовать в сопротивлении немецкому врагу. Мелкие отряды соединялись <нрзб>, партизаны действовали в разных местах, но выполняли единый разработанный план действия.

В ночь с 4-го на 5-е января был разработан план блокады всех шоссеиных дорог, идущих от Рима к фронту, т.е. в сторону Неаполя. На долю нашего отряда выпала задача блокировать шоссеиную дорогу Дженцано-Веллетри – любыми путями, какими только найдет удобным отряд, прекратить движение по шоссе автотранспорта противника.

Весь наш отряд из 14 человек одних только русских ребят (я имею в виду советских), вооружившись гранатами, итальянскими карабинами и несколькими трофейными автоматами, двумя ручными пулеметами, специально приготовленными для этой цели металлическими «кошками» (железные из толстой проволоки якоря с остро отточенными концами для прокола покрышек у автомашин). Эти кошки раскладываются по шоссе, и попавшая на нее автомашина становится на месте с проколотыми колесами. На обочине шоссе мы выбрали удобное место для маскировки, а также и для нападения, залегли вдоль шоссе, предварительно разбившись на группы по 3-4 человека.

Даю команду к безукоризненному исполнению: «Подпускать машину на 20-30 метров и в упор бить сначала по кабинам, а потом, при остановке машины, смотреть, нет ли в кузове солдат, после осмотра – машины сжигать, оружие у убитых отбирать, а самим быстрее уходить в заранее подготовленное место».

Ждать долго не пришлось. Разобрались по кустам – тут же из-за поворота показались две машины. Почти поравнялись с нами – тут же заработали автоматы, и машины как по команде остановились, уткнувшись в кюветы. В кабинах оказались убитыми по два человека – шофер и сопровождающий. Машины оказались груженными большими канистрами с горючим. Выстрелами были пробиты несколько канистр, из которых бежал бензин, просачиваясь сквозь кузов. Оружие у убитых было взято.

Времени на размышления не было. Тем более, в ближайших селах, где были расположены немцы, могли слышать наши выстрелы, а навязывать бой было не в наших интересах. Ильиных и Межеричкий, как лучшие взрывники отряда, уже подожгли машины, и мы, выполнив задание, при ярком свете горящих автомашин и взрывающихся канистр, с чувством выполненного долга быстро направились в горы. В эту ночь, такими отрядами, как наш, было уничтожено около 40 автомашин и человек восемьдесят солдат противника.

Такие потери немцы не оставили бесследно. Начались облавы и аресты мирных жителей. В Веллетри расклеивались объявления: «ЗА ВЫДАННОГО НЕМЕЦКИМ ВОЙСКАМ РУССКОГО ПАРТИЗНА, КОМАНДОВАНИЕ ВЫПЛАЧИВАЕТ 3000 ЛИР». Но как бы ни был соблазнителен куш для нищенствующего бедного итальянца, а продать русского товарища никто не решался. Это мероприятие со стороны немецкого командования провалилось, не найдя приспешников. Всё же вскоре этот район Альбано-Дженцаро-Веллетри нам пришлось оставить.

<ПЕРЕХОД ПОД ПАЛЕСТРИНУ>

Один из коммунистов Дженцано, Данте Берзини, изъявил согласие проводить наш отряд в район Палестрины. С помощью других итальянских товарищей братьев Лена и Нелли разработали маршрут перехода и ночью, забрав все оружие, боеприпасы, часть погрузив вьюком на осла, направились в район Палестрины. Обходами и разными незаметными тропами пришлось пройти расстояние километров в 80.

Город Палестрина расположен на высокой горе, по склонам которой во всех направлениях раскинулись виноградники. Местные жители – в основном виноградари, мелкие ремесленники и торговцы. Стратегического значения, пожалуй, если не считать проходящего поблизости шоссе, никакого этот городок не имеет. Район Палестрины был районом активного действия мелких партизанских отрядов. Неподалеку от нас, мы знали, действует отряд итальянцев под командованием Цианна (шестерка из Вальмонтане): Кари Капанини, Паоло Магрини, Лучио Лена, Энрико Джанетти, Франческо Сбарделла, Марио Помпилио. Вот эта отважная шестерка много причинила неприятностей врагу.

В местечке Калле-Месте недалеко от г. Палестрина расположился наш небольшой отряд. Январь месяц, хоть и в Италии, но проявляет

себя не особенно приятно, тем более для нас, не имеющих специальной одежды. Пришлось жить в наспех сооруженных шалашах, днем обогреться на солнце, если оно есть, а ночью бодрствуем или под сильным ливнем, или мокрый от дневного дождя у костра.

Связь с нами всё время держали коммунисты из Палестины братья Лена. Через них мы получали задания от коммунистического центра из Рима. Наши действия здесь в основном заключались в налете на идущие по шоссе автомашины и уничтожение их.

26-го января в наш отряд, как обычно, пришел Лена и сообщил нам, что немцы в Дженцано не дают покоя жителям с тех пор, как были организованы блокировки дорог и поджоги идущих на фронт машин. По этим дорогам усилили патрульные отряды, чаще стали проводить облавы в подозрительных пунктах. Всё население призывного возраста должно было уходить, скрываясь от мобилизаций в партизаны. Усилился террор, за малейшее подозрение в соучастии с партизанами – аресты, расстрелы и виселицы. С каждым днем цена за голову пойманного партизана и доставленного в Гестапо росла. Нелегально выпускаемая Коммунистической партией Италии газета «Унита» представляла из себя орган мобилизующей патриотически настроенного населения и внушающей дух неизбежной победы над фашизмом. Она, хотя и не имела возможности давать обширный материал, так как состояла всего

*Сводный интернациональный отряд,
с которым взаимодействовал отряд А.В. Коляскина в Палестрине.
Публикуется впервые*

из четвертного листа бумаги, но имела возможность в ярких и коротких статьях давать материалы о разгроме врага на Советском фронте о расширяющемся движении сопротивления фашизму в Италии, о героических действиях отдельных отрядов партизан.

Эта газета доходила и до нас. Мы с жадностью, больше догадываясь по смыслу, чем вникая в дословный перевод, могли читать эту дорожную в то время вестницу всех важных событий. Неоднократно и нашему отряду уделялось внимание на страницах этой газеты, что прибавляло нам силы и уверенность в неизбежной победе над темными силами фашизма.

В этот день Лена нам сообщил расположение немецкого склада вблизи Палестрины. В одном из каменных сараев небольшого хутора немцы хранили большое количество боеприпасов. Там же, во второй половине этого сарая, жила и охрана склада. Задача – уничтожить охрану и склад.

Вместе с этим живым и энергичным итальянцем Лена нас, пять человек (я, Межеричкий Василий, Саржин Сергей, Ильиных Петр, Демьянченко Николай), темной ночью направились к месту расположения склада. От основной магистрали шоссе склад (находился в стороне около километра) соединен с шоссе узкой грунтовой дорогой, устланной плитняком. Километров двадцать пять, от расположения нашего лагеря, прошли очень быстро – так что часов в одиннадцать мы уже были около цели. Пользуясь оврагами и другими укрытиями, подползли на расстояние видимости и стали наблюдать за охраной. Нам уже было известно, что склад обнесен колючей проволокой, и имеются одни ворота, у ворот всегда часовая, а остальные охранники сидят всегда в здании на отдыхе.

Заметив ходящего взад и вперед часового, мы с него не сводили глаз. Нужно было двоим тихо подползти к нему и уничтожить. Такое дело, конечно, под стать только Ильиных Петру, у него достаточно смелости, ловкости и смекалки, да уже и практика имеется. Так что с предложением Петро согласился безропотно, и даже с каким-то особым подъемом. В помощь ему вызвался Межерецкий Василий.

Сибиряк и украинец с полной уверенностью в успехе дела уже ползут к воротам склада.

Петро Ильиных – врожденный сибирский охотник. Уж ему ли не знать, как можно подкрасться к чуткому зверю и сразить его. Увлекательные его рассказы об охоте в сибирской тайге не раз вызывали у слушателей чувство восторга за своего товарища, умеющего действитель-

но без шума подползти и продемонстрировать свою ловкость перед товарищами. Охота на токующего весной глухаря точь-в-точь похожа на охоту за сегодняшним фрицем. В глухой тайге подойти к глухарю так просто не подойдешь. Нужна сноровка, выдержка, зоркий глаз и особое чутье охотника. Только имея такие качества, можно придти с хорошими трофеями. Эти необычные навыки пригодились Петру здесь в партизанах, как никогда. Петр думал сейчас только о том: «выбрать момент, быстрыми движениями подползти к часовому, накинуть на голову шинель, и с помощью Васи Межеревского снять с пути отряда часового».

Через короткий промежуток времени мы увидели сигналы карманного фонаря из рукава Петра, всё в порядке, можно действовать. Сорвавшись с места, бросились к воротам и через них – к окнам, за которыми разместились уже на отдых остальные охранники. В освещенные окна видим: четверо сидят, играют в карты, а еще человека три или четыре, уже раздевшись, спят. Около двери стоит пирамида с оружием, винтовки и автоматы. Прикладами выбиваем стекла и вслед посылаем гранаты на стол к игрокам летят наши «помидоры», к пирамиде и на кровати спящим. Паника, крик, возня. Мы врываемся в коридор и из автоматов завершаем поход по Италии еще десяти приспешников Гитлера. На складе оказались почти одни ящики с патронами для автоматов. Захватили один из них, так как эти патроны нам были нужны, собрали неповрежденное оружие, склад подожгли, а сами, довольные успехом операции, двинулись на свою базу.

Лена восхищался отвагой и дерзостью наших ребят. Он даже говорил, что с русскими можно идти на любое, пусть самое невероятное по замыслу дело с уверенностью, что оно будет сделано так, как нужно.

Вскоре, 28-го января, мы еще получаем задание опять же через этого же Лена. Опять, как и под Дженцано, в ночь на 28-е января должны быть блокированы все дороги, ведущие к фронту. Такие задания мы всегда принимали очень охотно, так как у нас уже был достаточный опыт в такого рода вылазках, оружие наше с каждым выступлением становилось всё совершеннее за счет трофейного, удачи предыдущих наших выступлений окрыляли нас на новые подвиги, а главное, мы горели единым желанием как можно больше уничтожить ненавистного всем врага и его технику.

В одиннадцать часов ночи весь отряд был поднят в полную боевую готовность. Все наши сборы и сами вылазки проходили под стро-

гим секретом от окружающего населения, и только спустя некоторое время, они узнавали о наших вылазках и сами догадывались, чьих рук это дело.

Воспринимали наши действия местные жители по-разному. Одним казалось, что мы обладаем какими-то сверхъестественными силами, выступая против такого сильного врага с отчаянием и выходя всегда победителями. Одни с большой тревогой за свою судьбу, т.к. немцы действительно им не давали покоя и всякого рода террорами и арестами запугивали народ. Другие с большой радостью за каждое наше удачное выступление стремились оказать нам максимум сочувствия, т.к. видели в этом конец осточертевшей войне. Были и такие, которые намеревались выслужиться у немцев и предать наш отряд. Но сами же итальянцы быстро разоблачали их и с позором, как предателей Родины, уничтожали.

В эту ночь, когда мы уже вышли на шоссе, увидели мчащийся мотоцикл в сторону Дженцано. Нам стало подозрительно, т.к. в это время, в 11 часов ночи, мог ехать только кто-нибудь из немцев. Не только по шоссе, а даже и по проселочным дорогам ночью строго запрещалось со стороны немецкого командования показываться гражданским лицам. А тут еще на мотоцикле.

Подозрительный мотоциклист был остановлен. Оказался итальянцем, одетым в гражданскую одежду местный житель г. Палестрины. На наш вопрос: «Куда едешь?», он ответил: «По делам». Но сам со своим волнением не может справиться. Произвели тут же обыск и установили, что это никто иной как служитель немецкой комендатуры в Палестрине, и личные его дела были связаны с разведкой по нашим следам, но он просчитался и мы его быстро разоблачили, не дав ему возможности перехитрить нас. Мы тут же сломали мотоцикл, бросили в овраг, а его взяли с собой, но чтобы он нам не мог помешать при выполнении задания, привязали к дереву и приказали ждать нашего возвращения.

Ждать нам долго не пришлось, вскоре показались автомашины, тяжело нагруженные автотранспортеры. Быстро разместились по намеченным точкам, стали ожидать приближения стонущих от тяжелого груза машин. Вот и они. Фары притушены, движутся медленно, как бы выбирая дорогу, опасаясь всякого рода неровностей. В ожидании приближения время идет очень медленно. Кажется, что не вытерпит кто-нибудь и откроет огонь, не дождавшись удобного момента.

Машины ревут, не подозревая засады, которая ждет продвижения последних метров и команды «Огонь!». Команда последовала как раз в тот момент, когда уже все были готовы. Застрочили автоматы по кабинам трассирующими пулями, обдавая каскадом огня каждую машину, образуя какой-то торжественный фейерверк.

В этот день нами было уничтожено четыре автотранспорта, груженых горючим и один автотранспортер, доверху груженный новыми мотоциклами. Завершив работу, мы пошли к привязанному итальянцу. Стоит как вкопанный и смотрит на высокие языки пламени от горящих автомашин. Отвязали его и пошли в свое расположение.

Прошли уже большое расстояние, когда увидели, что на том месте, где горят автомашины, скопилось большое количество машин со стороны фронта и со стороны Рима. Нам это было хорошо видно в темной ночи, но вот слышим и рев американских бомбардировщиков – как раз во время. Поднялась страшная паника среди автомашин. Ни кто не мог выбраться из образовавшейся пробки. Хорошо поработали американские бомбардировщики. Оставили разбитых около 60 автомашин и много солдат и офицеров. Нам приходилось только торжествовать, т.к. доля заслуги в этой операции была и наша.

Пойманного на шоссе итальянца мы привели в свое расположение и сразу же вызвали братьев Лена. Оказалось, мы не ошиблись. Пойманный нами был шпион и предатель, который уже не одного коммуниста предал Гестапо. Тут же состоялся суд и приговор был приведен в исполнение.

Через три дня мы совершаем еще одно нападение на колонну автомашин, но уже в другом месте и на другом шоссе, т.к. то шоссе, где мы выступали дважды, уже усиленно патрулировалось. Эти операции прошли также успешно, за исключением разве того, что нам пришлось перебазироваться и поселиться на горе подалее от населения, т.к. здесь стали появляться большие карательные отряды с целью выловить партизан и их помощников.

С горы в долину мы спустились с целью найти нужные ориентиры в новой местности. Это также был своего рода большой котлован между гор. Склоны гор и долина, днище этого котлована, засажены виноградниками, а по склону, редко друг от друга, разбросаны дома виноградарей и хозяев оливковых плантаций. По южному хребту шла шоссеная дорога, не имеющая важного военного значения, но иногда днем редко проезжали одиночные немецкие машины.

Для связи с нами сюда пришел молодой еще, довольно интересный итальянец из Палестрины. Отрекомендовался Эудженио Каваллачи: «Послан для связи с вами коммунистической ячейкой г. Палестрины». Он познакомил нас с некоторыми из жителей этого котлована, рассказал новости с продвижением второго фронта, войска которого в это время проводили активные бомбардировки, но почему-то не военных объектов или коммуникаций, а в большинстве – мирных городов, в том числе и г. Палестрина.

Во время нашей беседы приходит пожилая женщина и жалуется, вся в слезах, странно жестикулируя, проклиная немецких мародеров, который сейчас пришли в ее дом и забирают всё, что попадет под руки. Указывая на противоположный склон от нас, просит, чтобы мы помогли избавиться от этих незваных гостей. Дома, на которые она указывает, нам хорошо видны.

«Сколько человек немцев?», – спрашиваю я.

«Видела только четверых», – отвечает она.

Мы заинтересовались таким действием немецких солдат. Ведь они грабят своих союзников-итальянцев. На что же они надеются в части моральной поддержки, без которой нельзя существовать даже в лагере своих союзников? Мне этот факт показался настолько убедительным для немецких мародеров, что я немедленно решил поймать их сличным на глазах у всех итальянцев и этим доказать, что мы, русские, действительно являемся друзьями итальянского народа и к мародерам относимся по всем законам справедливости, которые нам всегда диктовала Советская армия.

«Имеется ли у немцев оружие, и какое?», – спрашиваю я.

«О, оружием они обвешаны, автоматы и пистолеты есть».

Не теряя времени, оставляем женщину здесь, а сами я, Петя Ильиных, Ваня Логинов, Сергей Саржин, Василий Межеричский, Михаил Касьян, Николай Демьянченко, Федя Корековцев, разбившись по два человека, стали пробираться сквозь густые заросли виноградников к намеченным заранее домам.

Наша цель была их всех взять живыми и ни в коем случае не стрелять, т.к. выстрелы могут быть услышаны на шоссе и даже в Палестрине, а такой исход для нас и, особенно, для жителей не особенно выгоден. Стрелять только в исключительных случаях.

Наш новый знакомый Эудженио Каваллачи с женщиной остались в том доме, откуда мы вышли на операцию. Пробираясь с трудом сквозь

густые заросли, мы незамеченными подошли к тем домам, которые нам указала женщина. Это способствовало успеху.

Заранее наметив дома и распределив людей по два на каждый дом, подкравшись наблюдать и выжидать момент, когда кто-либо из немцев пойдет в дом, и тут же, не теряя ни секунды – внезапно влететь туда, следом за ними, не дав им опомниться, с автоматом наизготовку кричать «Хэнде хох!».

Я с Ваней Логиновым, Петя Ильиных со своим закадычным другом односельчанином сибиряком Федей Корековцевым, Межевицкий со Скороходовым Василием залегли и ждем.

Мне помнится, как мы увидели двух фрицев, вышедших из одного дома, с нагруженными карманами яиц, сыра, по две курочки у каждого и еще что-то. Довольные своей добычей, они о чем-то ссорились, видимо не поделив награбленное, двигаясь к рядом стоящему дому, а за ними выскочила из дома плачущая женщина с четырьмя детьми, видимо, лишенные последней пищи, которая была в доме. Но это нисколько не смущало бандитов, вооруженных автоматами и пистолетами.

Сидеть в укрытии и смотреть на эту картину у нас не хватало терпения. Мы способны были выпустить по обойме на каждого, но этого делать было нельзя. Выждав момент, когда они вошли в дом, мы, как по команде, выскочили из виноградников и через несколько секунд были около дома. Дверь открыта настежь. Одно мгновение – и мы в доме. Женщина в истерике умоляет не отбирать последний кусок от детей, которые в испуге с сильно раскрытыми глазами, смотрят на дикарей, которые не понимают слез их матери.

А они... Один с автоматом на шее и с пистолетом на ремне держит на согнутой в локте руке корзину. Стоя на скамейке, собирает на полке яйца и складывает их в свою корзину. Второй открыл крышку подпола и собрался уже проверить, что там есть. В это время мы с Ваней уже на пороге и кричим громко «Хэнде хох!», в упор наставляем на них автоматы. Тот, который стоял на скамейке, то ли от неожиданности, а может быть, от испуга, выронил из рук корзину с яйцами, а сам стоит, как истукан, не понимая в чем дело. Тот, который направился в подпол, видимо, быстрее сообразил и поднял обе руки.

Тогда я подошел к другому и крикнул ему по-немецки: «Ворум никс махен хэнде хох?», «Почему не поднимаешь руки вверх?», и сильным ударом кулака сбиваю его с ног. Когда он встал, я ему отрекомендовался: «Их бин русиш партизан – форштейн?». «Я, я, форштейн,

форштейн». От такой встречи ужас, выразившийся в их глазах, вконец выбил из них боевой дух. Автоматы и пистолеты в наших руках. Всё награбленное нашими пленными мы оставили хозяйке этого дома, а их вывели на улицу. Ильиных и Корековцев тоже ведут двоих и уже обезоруженных. У одного следы крови на лице – это Петро укрощал спесь прикладом автомата непослушного фрица... Теперь они покорные. А трусость их видна во всех движениях.

Логинов и Ильиных впереди, а четыре здоровых гитлеровских откормыша сзади, руки назад, один за другим под нашей охраной идут, не сопротивляясь. Пройдя немного, Василий Межеричский кричит: «Алексей, а как машина? Они приехали на машине и оставили ее на шоссе». Пришлось послать его и Демьянченко пустить машину под откос.

Вся наша группа подошла к дому, где оставался Каваллачи с женщиной. Пойманные с поличным бандиты из немецкой армии оказались: двое – ефрейторы, один – унтер-офицер и четвертый – младший лейтенант. Тут же провели обыск и у каждого из них извлекли тяжелые кожаные бумажники, набитые немецкими марками и итальянскими лирами. Много документов, писем, фотокарточек. Особенно нас удивило то, что у каждого на бумажнике были прикреплены в большом количестве знаки отличия наших сержантов, старшин, лейтенантов, а также красноармейские звездочки. По этим квадратикам, треугольникам, звездочкам мы узнали, что все они были на русском фронте и эти сувениры они брали с наших убитых солдат и офицеров.

– Где вы взяли эти знаки отличия Советской армии?

– Как сувениры, от русских пленных мы их получили, – отвечают они.

– Где были на Советском фронте? – спрашиваем мы.

Оказалось, что все были там. Кто под Ленинградом, кто под Курском, кто под Орлом и т.д. Форма СС нам была хорошо знакома, а поэтому вопросы об их службе, каждого в отдельности, были совершенно излишни. Эти отъявленные палачи одного из концлагерей около Рима решили поживиться более вкусной пищей. Теперь уже не то время – вспоминают они, когда Гитлер, грабя все западные государства, снабжал молодчиков отборной пищей, а сейчас приходится промышлять самим, кто как может.

Вот одни из них наскочили на нас. И, прикинувшись мирными овечками, со слезами на глазах, просят пощады, как провинившиеся шалуны, проклиная своего шефа Гитлера: «Гитлер шайзе, Гитлер капут!» и т.д. «Русский хорошо!» и показывают свои фотографии, при-

везенные из недавнего отпуска, где они в кругу своих детей, жен, родных и знакомых проводят весело время.

А мы по чьей же милости лишились этого счастья? Что, по своему желанию приехали сюда, чтобы скрываться по ущельям, лесам и подстерегать вас, паразитов, истребляя и уничтожая, как заразу? Нет, этого мы не хотели, навязали такую жизнь нам вы, а раз так – то и получайте всё сполна.

«У нас такие хорошие семьи, смотрите, какие дети – как цветы», – объясняют они, надеясь влезть в наши широкие души и тем вымолить себе пощаду.

«Звери еще смеют говорить, что у них хорошие семьи! У зверей не может быть хорошей семьи. И если это семья, то семья зверя, а не человека, посмевшего посягнуть на счастье мирных народов. Что, разве у меня не было семьи, разве у каждого из нас нет детей, жен, матерей, сестер и братьев, которые попали не по своему желанию в остервенелые лапы этих хищников. Разве они щадили жизни наших детей, матерей, сестер? Моя семья под Ленинградом попала в оккупацию к этим гадам, и вы думаете, они пощадили жизнь четверых моих малюток? Мы немало видели толпы людей истощенных, измученных пытками, голодных, оборванных, которые умирали с надеждой, что их смерть будет отомщена. Смерть немецким гадам и никакой пощады! Вот наш приговор», – с большим возмущением и не скрывая страшной ненависти, произнес я перед собравшимися на этот суд итальянцами и нашим отрядом.

Говорил я, путая немецкие, итальянские и русские слова. Но всем присутствующим был понятен мой гнев, выражающий гнев всех, кто несет сейчас, испытал в прошлом и испытывает сегодня страдания, навлеченные этими людоедами. Евгений Каваллачи тоже произнес на итальянском языке полную возмущения и гнева речь, которую итальянцы восприняли также с чувством беспощадного приговора.

Казнь этих 4-х сатрапов происходила далеко от того места, где проходил суд. В глубоком ущелье итальянских гор они нашли себе далеко не солдатскую смерть. Так погибают только бандиты, или волки, попавшиеся в овчарне.

Этот случай был очень хорошо воспринят итальянцами. В нем была показана на глазах у местных жителей смелость и неуклонная воля нас, русских, к истреблению врага, где бы он ни появлялся, в то же время – трусость вооруженных до зубов молодых, здоровых эсэсовцев, пе-

ред страхом смерти способных проклинать прославляемого ранее Гитлера и всю ставку верховного командования.

Этим мы еще раз доказали свою дружбу с итальянцами и завоевали неподкупные, искренние чувства дружбы у жителей этой зоны, что нам было очень дорого и мы ценили это доверие, не щадя своих жизней.

<ГИБЕЛЬ ТРЕХ ПАРТИЗАН>

С честью, как храбрые воины Советской армии, 9-го марта [1944 г.] здесь погибли в неравном бою наши хорошие товарищи: Демьянченко Николай, Скороходов Василий и Анатолий Курепин.

Бой этот завязался совершенно неожиданно. Часов в 7 утра 9-го марта пять человек: Ильиных Петр, Демьянченко Николай, Скороходов Василий, Скороходов Александр и Анатолий Курепин получили задание связаться с кем-нибудь из братьев Лена, Нелли или Пиппо²⁵. Мы должны были получить новое задание в отношении наших боевых действий. Без особой предосторожности пятерка шла, разбившись на две группы, по два и три человека, придерживаясь довольно большой дистанции, по проселочной дороге: Ильиных и Курепин – впереди, а два Скороходовых и Демьянченко – сзади. В местечке Фонтана она наткнулись на патрульный обход, который контролировал эту зону.

Памятник павшим партизанам в Палестрине

²⁵ Пиппо – партизанская кличка Пино Леви-Кавальоне. Сразу после окончания войны он опубликовал воспоминания о Соппротивлении и об участии в нем советских партизан; см. *Levi Cavaglione P. Guerriglia nei Castelli Romani* [Партизанская борьба в Каstellи-Романи]. Roma, 1945.

При встречи первых двух патрули не обратили внимания, т.к. Ильиных и Курепин были одеты под местных крестьян с мотыгами, будто идут на работу, и патрули прошли, их ни в чем не подозревая. Пройдя некоторое расстояние, то ли потому, что увидели еще троих и они им показались подозрительными, но Ильиных и Курепин услышали немецкое «Хальт!».

Но не на таких напали, чтобы они без боя подняли руки вверх. Не раз Петру приходилось бывать в подобных переделках, и никогда он не терял присутствия духа. В один момент он берет на себя команду и, не дав опомниться патрулям, направил на них откуда-то появившийся автомат, о котором, конечно, не подозревали патрули. Анатолий последовал примеру Петра и короткая очередь из двух автоматов прикончила еще двух приспешников фашизма. Казалось, всё прошло благополучно, можно следовать дальше. Но не тут-то было. Выстрелы обратили на себя внимание других патрулей, которые недалеко прочищали смежную зону.

Завязалась перестрелка. Первым, тяжело раненым упал Василий Скороходов, он лежал на земле без движения, в то время, как вокруг него завязалось целое сражение. Ручными гранатами и из автоматов партизанам удалось уложить двух немцев и принудить отступить других. Тогда Петр Ильиных схватил Василия Скороходова в охапку и под прикрытием огня троих товарищей вынес его в более безопасное место. В это время немцы убили Николая Демьянченко. Петр, думая, что Николай тоже ранен, вынес и его к Скороходову. Оборону остались держать только двое, Саша Скороходов и Анатолий Курепин, Петр занят с ранеными. В это время Анатолий упал, сраженный пулей в грудь за смертью. Остались двое, Петр и Саша. Вынуждены, отступая, вести огонь по наседающим немецким жандармам.

Наше расположение было недалеко, а поэтому мы слышали автоматные очереди и разрывы гранат в той стороне, куда направились ребята. Догадаться было нетрудно, что с ребятами случилось несчастье: наши хлопцы в беде. Надо спешить на выручку. Тревога у всех уже была без особых сигналов. Все начали пристегивать оружие, набирать запас патронов и гранат, предчувствуя бой настоящий. Нас было девять человек. В это время как раз к нам присоединились два югослава, бежавших из лагеря и примкнувших к нам. Они также пошли с нами.

Выстрелы в той стороне хорошо ориентировали нас, куда нам идти, и мы могли сокращать путь и прибыли как раз в тот момент, ког-

да был убит Курепин, а Александр и Петр вдвоем отражали наседавших карателей. Наши позиции были куда выгоднее противника. Во-первых, они нас не ожидали, во-вторых, мы спускались с крутой горы вниз и вышли в тыл наседавших немцев. Наш неожиданный огонь из девяти автоматов и разрыв нескольких гранат ошеломили рассвирепевших поллицаев. Их мечты за легкую победу получить награды от Гестапо, но дело приняло для них совершенно другой оборот. Неожиданно попав в такой переплет, они не знали, куда деваться, и в такой панике падали, как тетерева на току, мечась из стороны в сторону. Двенадцать карателей еще остались лежать на итальянской земле.

Трупы своих товарищей мы перенесли в надежное место, но похоронить их нам не удалось, т.к. через небольшой промежуток времени стычка возобновилась с подоспевшей другой, но менее активной группой, чем первая. Перестрелка длилась недолго. Мы, не желая нести большие потери, отступали в горы, куда каратели боялись углубляться. Так закончился наш бой под Палестриной.

Наши итальянские товарищи Марио и Пиппи Лена очень подробно рассказали в то время своим читателям в газете «Унита» про этот бой. Они его называли примером стойкости и героизма русских партизан в бою под Палестриной. Это в нас вселяло больше уверенности в скорую победу над черными силами фашизма и мы стали еще яростнее мстить за наших погибших здесь на чужой земле товарищей.

Смерть трех наших лучших товарищей оставила в нашем сознании очень нехороший осадок.

Демьянченко Николай Кузмич, 1917 года рождения, украинец, всегда жизнерадостный, комичный, особенно, когда с русского языка переходит на чистый украинский. Волос черный, а к этому еще аккуратные, черные, как смоль с закрученными кверху кончиками усы, давали очень приятный и красивый вид к умеренно смуглому лицу. Душой его жизни были украинские песни, которыми он часто заражал и нас. Особенно ему, да в последствии и всем нам, когда мы уже разучили текст и мелодию, нравились звучные, бодрые и боевые казачьи: «Як на горе тай жниці жнуть», «Собирались казаченки, собирались на зоре» и т.д.

Все наши украинцы (Демьянченко запевала, подпевали Межеричкий, Пристайчук, Касьян, Дрожак) очень хорошо пели. Разве в этот момент, когда они поют, можно сидеть и быть равнодушным к этим песням, обязательно, сначала один, потом другой, а там и все начинаем

петь наши любимые родные песни. Особенно они, эти песни, проникают в душу глубоко там, далеко от Родины. В каждую из них всегда вкладывается весь имеющийся талант и она звучала особенно. Хор небольшой, голоса приглушены, исполнители, исполняя песню, как бы сами прислушиваются и любят прелестью давно виденных родных мест, описанных в песне. Иногда тот или иной исполнитель, прислонясь к каменной скале или дереву, сам того не замечая, не в силах побороть волнение, вызванное впечатлением от песни, начинает плакать.

В песнях мы всегда находили утешение – в них, особенно в русских народных. Обязательно в песне находили героя, олицетворяющего кого-нибудь из исполнителей, сюжет ее как бы нарочно составлен именно из его жизни и для него. Петру Ильиных, Анатолию Тарасенко, Ване Логинову и Федору Корековцеву особенно были по душе суровые сибирские «Славное море», «Густой, неведомой тайгой», «Ревела буря» и т.п. В этих песнях они находили сходство судеб героев со своей судьбой, поэтому, исполняя их, в каждое слово вкладывался особый смысл и песня звучала по-иному.

Итальянские крестьяне, слушая наши песни, часто просили их повторить. Смысл песни они вряд ли понимали, но то чувство, которому мы предавались при исполнении, оно передавалось и им. Многих героев русских народных песен они знала, как, например, Степана Разина, Пугачева, Ермака, а так же наших легендарных героев Гражданской войны С.М. Буденного, К.Е. Ворошилова и т.д.

Когда мы пели, итальянские товарищи часто удивлялись: «Как это русские могут петь, когда у них у каждого в жизни много горя, слезы выступают на глазах, когда они рассказывают про те зверства, которые немцы чинили над их семьями, а они, находясь в таких жутких условиях, без пищи, без крова, далеко от Родины, ничего не зная о своих родственниках, могут так задушевно петь и даже смеяться и шутить».

Такое бодрое и всегда боевое настроение передавалось и им. Они вместе с нами забывали свои горести и печали, или начинали подпевать нам, или заводили свои любимые песни. Часто мы вместе единым хором пели Интернационал. Этот гимн у нас получался очень хорошо, т.к. итальянцы знали мелодию, а это главное, слова пелись на разных языках и у нас получался довольно слаженный хор. Главное то, что участвовали в исполнении гимна не только итальянцы, но и все другие народы, как сербы, греки, югославы, негры и т.д. Часто мы пели наши фронтовые песни, которые особенно остро совпадали с действительностью. Например, песня «Землянка». Там есть слова:

До тебя далеко, далеко
Между нами поля и снега
До тебя мне дойти не легко,
А до смерти четыре шага.
 Пой, гармоника, вьюге назло,
 Заплутавшее счастье зови.
 Мне в холодной землянке тепло
 От твоей негасимой любви.

Слова этой песни каждому из нас терзали душу, всем они были настолько родными, что, казалось, остались в нашей памяти специально для того, чтобы звать заплутавшее счастье, которого мы жаждали, и действительно, каждому хотелось его дождаться. А счастье это звалось одним именем – «Родина». Единственным счастьем каждого из нас было увидеть Родину. Пессимизм блуждал у каждого. Редко кто мог себе реально представить возвращение на Родину. Но складывать руки в ожидании, когда придет это счастье само, мы не собирались.

Счастье, о котором мы мечтали, нужно было завоевать и добыть в борьбе, тогда оно будет действительно счастьем. Очень мучили мысли, что можно здесь, в этих горах погибнуть бесследно. Кто будет знать, что здесь, далеко от Родины в героическом бою погибли смертью храбрых русские. У всех было единственное желание погибнуть, но только самой дорогой ценой, без всякой надежды на пощаду. Мы прекрасно знали, что нам от немцев никакой пощады не будет, если каким-либо образом попадем к ним в лапы, а поэтому каждый из нас готов был в любое время отдать свою жизнь за свою любимую и далекую Родину как можно дороже.

Кто не был оторван от Родины каким-либо насилием, тот не может понять, насколько тяжело ощущать себя твердо стоящим на земле. Поэтому оказанная нам поддержка со стороны итальянского народа в тяжелые дни была нами оценена, как самое дорогое, что мы могли приобрести здесь, на чужбине. Мы сумели доказать итальянцам, что русские умеют ценить дружбу и никогда, даже в самых тяжелых моментах, не бросают товарища в беде.

В этом были убеждены все итальянцы, которые нас знали, и не раз видели на фактах наши дерзкие и всегда удачные выходы. Они не скрывая, и безо всякой лести говорили, что на это только способны храбрые русские, потому что они сильно ненавидят немцев и мстят за свою Родину, за свои семьи, своих детей, жен и матерей. Они, итальянцы, зна-

ли, что делать какие-либо опрометчивые или плохо продуманные операции мы сами не будем и не позволим и им. Прежде чем идти на операцию, мы несколько раз проверим возможность ее выполнения, а потом уже идем выполнять, и уже обязательно выполним.

<БОЙ С КАРАТЕЛЯМИ>

22-го мая 1944 года произошел еще один факт самоотверженности русских, на котором итальянские товарищи увидели, как четыре партизана вышли победителями из ловушки, устроенной немцами, с целью выловить из зарослей Монтеротондо партизан, а сами попали в довольно неприятное положение.

Тарасенко Анатолий, Логинов Иван, Дрожак Николай и я, попав в плотное кольцо специально высланного карательного отряда, не пали духом и не встали на колени, а приняли бой и вышли победителями.

Получилось это очень неожиданно для нас. Обычно в таких случаях нас всегда предупреждали итальянские товарищи, а тут так было подготовлено нападение на нас, что даже наш лучший друг Франческо Цуккори и тот не знал о подготовке этой ловушки для нас.

Спасло нас то, что немцы точно не знали точку расположения нашей базы. А мы обосновались в том самом ущелье, куда пришли в первый день своего побега. Благодаря замешательству немецкого отряда, мы сумели выиграть время и принять все меры к тому, чтобы защититься и выйти из навязанного нам неравного боя.

Накануне этого столь памятного дня, Ваня Логинов, бродя по ущелью, обнаружил прекрасное укрытие, которого мы раньше не замечали. Представьте это укрытие. Я его хочу нарисовать в воображении. Большой плитообразный камень, размером приблизительно 3 на 4 метра, когда-то сполз по руслу речки с обрыва или водопада и так остался вросшим в дно реки, одним своим концом опираясь на край обрыва, а другим уперся в дно под обрывом, образуя под собой довольно вместительную пещеру. Вход в эту «берлогу» был только с левой стороны реки под камень в полтора метра от высокого скалистого берега.

В эту «нору» по коридору можно пролезть по одному человеку ползком, глубоко увязая в ил, скопившийся там веками. Вода, которая, просачиваясь под камень по руслу, там под ним размывала подобие припечка, на котором, скорчившись, может уместиться человек 6-7.

Находка такого рода Вани Логинова, была как раз кстати.

После того, как он уже обследовал ее, весь в грязи подбегает ко мне и своеобразным юношеским баском, который был присущ только ему, этому всегда живому и еще слишком юному молодцу:

– Ну, Алексей, я нашел и дот хороший. Ни одна сволочь нас оттуда не выбьет.

– Уж не думаешь ли ты туда перебраться сегодня? – задаю я ему вопрос с явной иронией.

– Сегодня, может быть и нет, а не ровен час, когда-нибудь придет-ся и всем там побывать.

Ребята, стоявшие рядом тут же рассмеялись, глядя на его чумазую, всю в иле физиономию, всего мокрого с ног до головы, дрожащего от холода, который его там, в этой пещере, продрал до костей, пока он изучал столь необыкновенное сооружение.

– Нет, вы не смейтесь, а только посмотрите, как он крепко слит, и нарочно не сделаешь. Главное, к нему подход хороший. Забрался туда – и пали, сколько влезет. Никто лишний туда не попадет.

Действительно, наш Ваня открыл что-то интересное. Надо пойти посмотреть. Все были довольны открытием Логинова. Грязно, сыро, холодно, но надежно. Конечно, ни у кого не было мысли, что нам когда-нибудь придется воспользоваться этим убежищем, но, тем не менее, каждый сделал свой вывод. Анатолий Тарасенко, как артиллерист, знающий цену укреплениям, убедительно сказал: «Да сюда хоть прямой наводкой долби, разве разобьешь такое чудо. Но, откровенно говоря, небольшое удовольствие сидеть в этой дыре, ничего не видя, что делается кругом».

Там, действительно, кроме небольшого отверстия сверху при стыке плиты с верхним краем обрыва никакого просвета не было – темнень сплошная. Кто знал, что сегодняшнее отвращение, заставляющее вздрагивать тело при одном впечатлении о сырости, холоде, жидкой грязи, темноте этого каземата, завтра он будет милее любой светлой, сухой, чистой и крепкой горницы. А так и получилось.

Легли спать все на своих обычных местах, в старинных кирпичных мельничных подвалах. Как и обычно, под впечатлением только что осмотренной пещеры, посыпались разного рода шутки в адрес этого карцера и его открывателя. Но Ваня Логинов не сдавался, а как мог, так и отбивался от шуточных насмешек товарищей. Мне пришлось брать его под защиту, когда его лучший друг Анатолий и тот стал отпускать такие остроумные шутки, что невозможно было удержаться от смеха. Под эти шутки и смех все уснули уже поздно.

Мне в эту ночь было не до сна. То ли какое-то нехорошее предчувствие нагоняло бессонницу, а может быть и весна, которая здесь уже была похожа на наше лето. Бесконечные трели соловьев, в распутившихся и густо заросших кустарниках, навеивали мысли о далекой и недосягаемой Родине.

Прекрасные майские вечера под Ленинградом... Что теперь осталось от Ленинграда, от его прекрасных пригородов – Гатчины, Петродворца, Сиверской, Парголово, Пулково и др. В этих местах в былое счастливое время мы с семьями проводили отдых. Май, этот месяц всех радостей... Счастливый месяц май, для тех, кто сейчас на нашей Советской Родине, среди своих однополчан, стремительно мчащихся на рубежи врага уже с мощной техникой, авиацией, испытанными в боях командирами. А вот мы здесь. Разрозненные, незаметные отряды и тоже хотим, как они там, на нашей Родине, мстить и быть верными ей. Но только одно слово «жизнь» заставляет задуматься. Мне 32 года, Анатолию – 26, Николаю Дрожаку – 24, а нашему Ванюшке Логинову только 22. Всем хочется возвратиться на Родину, увидеть свои семьи, посмотреть на те, незабываемые и дорогие каждому места. Кому сибирскую тайгу с ее историческим облитым кровью и усыпанный костями политкагоржан Братский тракт, кому Кемеровская степь с буйными хлебами и угольными копьями, а мне Ленинград. Ленинград! Кто не знает этого города?

А мне как уроженцу Путиловских окраин, знакомы все его достопримечательности, памятники, каналы, музеи, институты, парки, сады, стадионы и замечательный ленинградский ипподром. Сколько на нем осталось переживаний, споров, восторгов, разочарований! А выращенные племенные лошади и воспитанные, выхолощенные своими руками, заставляющие трепетать всех зрителей болельщиков конного спорта!

Всё это далеко позади. Одни только воспоминания, как о хорошем и недосягаемом сне. В таком раздумье сижу и наслаждаюсь тем, что мне на сегодня дано. Все ночи были для нас всегда беспокойными, а тут я еще расчувствовался и сон совсем не идет. Оказывается, не только я, а и все не спали, только не решались выйти сюда. Но вот сначала Ваня, потом Анатолий и наконец наш худой и длинный Дон Кихот – Коля Дрожак. Наступает рассвет, всё тихо, а мы под эту тишину чуть не шепотом ведем нашу дружескую беседу и опять о Родине. Какой может быть разговор у друзей, кроме разговора о Родине, находясь далеко от нее.

– А что, Алексей, у нас в самом разгаре сев, а тут смотри, всё уже посеяно и ждут урожай, – говорит Ваня о своей Кемеровской области.

– Макароны они, что ли, посеяли. Кроме виноградников и кукурузы ничего не видно. Чем только люди живут. Посмотрели бы они на наши поля под Ростовом. Вот это поля. Тут и сеять-то негде, кругом горы да овраги. – Ростовская область для Коли Дрожжака был край, несравнимый ни с каким другим.

– А что ты думаешь, они не видели наши сталинградские степи? Видели, да не долго им пришлось любоваться. Драпанули, только пятками по заднице лупили, им там дали понять, почем стоит билет, чтобы посмотреть наши сталинградские степи. Наверное, долго будут помнить эту экскурсию, – с чувством явной ненависти за Сталинград, возмущился Анатолий.

Видя, что такой разговор разжигает страсти против тех итальянцев, которые побывали под Сталинградом не по своей воле, а только лишь потому, что их туда ввергли фашистские правители прежней Италии, я вмешался:

– Ребята! Кончится война, те самые простые итальянцы, которые сейчас с нами ищут дружбы и помогают нам, поверьте мне, будут смотреть на Советский Союз совершенно иными глазами. Они уже сейчас раскаиваются о походе в союз с Германией против Советской России, а после войны они будут нашими лучшими друзьями. Война им раскрыла глаза на советскую действительность, которая для них была закрыта и недоступна. Вот мы с вами, небольшая горстка людей среди них, а уже являемся примером для них, как нужно любить Родину. Они нас всех считают коммунистами, хотя из нас нет ни одного члена этой великой единой партии. Почему они думают, что мы коммунисты? Да потому, что все наши действия против общего врага человечества не только наша с вами цель, а это цель всех коммунистов мира, в том числе и итальянских коммунистов. Вот поэтому им и кажется, что и мы тоже коммунисты. Вот возьмите Лоретто, Марио или Терезу Бутичелли, или Донато Де Батистес, или его сына Доменико, сноху Амалию, Винченцио, Эрцилию, Анджелину и многих других, разве они хотят быть батраками Чиккони? Их заставляет быть батраками только сложившаяся веками социальная несправедливость, с которой у нас в Советском Союзе покончено уже года тому назад.

Такие беседы успокаивали страсти и вызывали гордость за нашу великую Родину.

Вдруг по всему ущелью раздался гортанный немецкий говор, изредка сопровождаясь отрывистыми командами офицеров. Вся обстановка нам сразу стала понятна. Мы окружены. Надо срочно принимать меры. По тому громкому гомону и выкрикам можно было понять, что они нас пока не обнаружили. Выскочив на речку вижу: используя русло речки, сверху и снизу идут с автоматами наготове несколько десятков немцев, а сколько их еще пробираются по чаще с боков, определить нет возможности, да и нет надобности. Думать и считать некогда.

Пока есть время – думаю я – надо всех своих товарищей отправить в тот самый дот, который накануне нам казался страшным. Схватив трофейный немецкий автомат, наспех надел пояс с бельгийским четырнадцатизарядным пистолетом системы «браунинг» и обоймами для автомата, голосом, не допускающим возражений, приказал: «Остаюсь для прикрытия, всем укрыться под камень, немцы видели меня только одного, и, конечно, охотятся только за одним. Я постараюсь задержать их до тех пор, пока вы все не будете в укрытии».

Анатолий попытался вступить в спор: «Обороняться – так всем обороняться, а укрываться тоже всем».

Но для споров времени не было и немцы вот-вот нас тут перебьют, как кур, а какой от этого толк. Погибнуть одному или всем. Расчет ясен. Мой вид тогда, видимо, был очень решительным и споры по этому быстро прекратились.

Скрываясь за камнями, я принял оборону. Одной обоймой из автомата мне удалось положить идущих немцев сверху реки, а второй – тех, которые шли снизу речки. До этого выстрелов не было. Мои очереди раздались гулким эхом по ущелью и явились сигналом к началу боя. На мгновение, как бы раздумывая, что делать, немцы залегли и гомон прекратился. Не помня себя от ярости, совершенно забыв, что я один, а их очень много, используя хорошее укрытие, большие камни, как надолбы, из-за них веду огонь из автомата в разные стороны, не давая подняться наступающим фрицам. А они периодически маленькими перебежками, опасаясь попасть под мои пули, сужают круг, приближаясь ко мне. Я посмотрел в сторону, куда укрылись ребята – расстояние до грота небольшое. Ребята уже все укрылись незамеченными, я остался среди разъяренных, похожих на цепных собак, один. Вижу, что фрицы не стреляют. Откуда-то с горы раздается команда офицера: «Взять живым!».

Я встаю во весь рост и направляю автомат на ближних, залегших тут рядом немцев. Но вот несчастье. Автомат заело и не подает оче-

реди. Делаю еще ряд попыток, клацая затвором, но безуспешно. Быстро меняю обойму в надежде на то, что старая засорилась, нет, что-то не то. Обозленный на этот злосчастный автомат, бросаю его здесь же в омут и выхватываю единственное спасение – свой безотказный пистолет. Сколько раз он меня выручал, неужели сейчас в такой ответственный момент подведет?

Почувяв, что у меня произошла заминка, фрицы подняли головы и вот пошли на меня. Но черта с два, у меня в руках хороший пистолет и четырнадцать штук патронов. Только бы хватило выдержки стрелять с расчетом. С такими мыслями я посылаю один за одним в ближайших, особо рьяно наседающих фрицев три патрона, а сам, пользуясь затишьем, отползаю к тому гроту, в котором укрылись ребята. Отстреливаюсь и ползу, в надежде, что обороняться из грота мне будет гораздо удобнее. Осколками от камня, за которым я укрываюсь, уже посечено тело в нескольких местах и кровоточит. Рука не дрожит, цель выбираю с расчетом и, как мне кажется, не особенно и волнуюсь. Страх смерти нет. Единственно, о чем приходится думать – это о том, как бы не попасть к ним живым, а они давно охотятся за мной. Конечно, я им нужен живой. Мертвый – не интересно. За живого заплатят и наградят, а за мертвого нет. Чтобы не дать мне возможности подняться, они открыли огонь из всех автоматов, но я пока ползу и отстреливаюсь.

Что бы они сделали со мной, если бы я попал к ним живым. Но нет, этого не будет, пока есть патроны и силы. В крайнем случае выход один – четырнадцатая пуля – моя, но только не их, жаждущие моей крови поганые лапы хищников.

Подполз ко входу в укрытие. Сам я там вчера не был и расположения его не знаю. Как угадать, что это, ловушка, или есть еще надежда посчитаться и остаться живым? Надо использовать все имеющиеся возможности. Лезу. Ноги вперед, а голова и руки еще наружу. Весь вобрался в эту кишку и притаился у входа, зная, что фрицы сейчас будут пытаться лезть за мной. Если полезу к ребятам – думаю я – там темно, да и я выдам остальных, не достигнув цели. Не самая выгодная позиция в моем положении эта оборона входа и ни шагу вглубь. Видели они меня только одного, в этом нет никакого сомнения, и охотятся только за мной одним. Жду. Сердце стучит от волнения, только не может выскочить. Стараюсь успокоиться и собраться с мыслями. Да, я решил правильно, что остался здесь у входа. Подойти ко входу, зная, что я с оружием, не каждый решится, а если и решится, то на верную смерть. Скала против самого входа затрудняет подход. Можно только спуститься с

плитообразного камня, который образовал укрытие и очутится как раз на стволе моего пистолета.

Тем временем столпившиеся немцы на том самом камне, под которым мы лежим, обсуждают, как меня взять. Я хорошо вижу их тени, которые отражаются на противоположной скале вышедшим уже солнцем. Это шанс, хотя и незначительный, но тоже в мою пользу, т.к. по силуэтам этих теней я хорошо определяю их намерения.

Офицер дает команду одному из солдат, чтобы тот спустился и вызвал меня без сопротивления сдаться добровольно. Положение всё равно безнадежное. Мне видна тень того солдата, который спускается ко мне. Вот он лег на камень и кричит: «Русский! Иди сюда, всё хорошо, никс капут!».

Его каска уже спустилась в отверстие моей дыры, еще немного нагнулся и лоб его в метре от моего пистолета. Я нажал спусковой крючок и этот доброжелатель, не пикнув, летит ко входу в наше убежище.

Опять поднялся шум и гвалт, тысяча проклятий в мой адрес. Откуда-то издали командует офицер, мне его хорошо слышно. После некоторого замешательства, видя, что меня живым не взять, пошли на другую провокацию. Но так как мне их тени хорошо видны, а я для них невидим, то нахожусь, хотя и у них под ногами, но в более выгодном положении.

Теперь другому солдату дается команда проделать то же самое, что сделал его предшественник, но сначала из автомата выпустить очередь сюда ко мне в дыру, а потом уже вытянуть меня хотя бы мертвым. Намеченный в жертву солдат долго прилаживался, как удобнее выполнить такую сложную операцию. Его руки были короткими, чтобы, вытянув их с автоматом, можно было ствол его направить вдоль прохода. Никак этого он не мог достигнуть. Так и выпустил всю обойму у меня над головой в противоположную стенку, обдав меня каскадом мелких осколков от камня, причинив мне массу царапин этими осколками на лице и по поверхности тела. Серьезного вреда, повлиявшего на мою способность к обороне, эта очередь мне не произвела.

После того, как солдат сделал эту операцию, конечно, был уверен, как и его приспешники, что я уже мертвый, или, во всяком случае, сильно раненый. Довольный, ничего не подозревая, спрыгивает с камня, и тут же в упор получает от меня свою пулю. Лежат почти рядом со мной двое, а сколько их еще там, и найдутся ли смельчаки вступить со мной в поединок. Только в поединок, других условий я не принимаю.

Лежу, почти весь утонув в холодной и вязкой грязи, жду, что буду предпринимать дальше. Предугадать трудно, но подающий команду офицер горит нетерпением и на чем свет ругает своих солдат.

Кто может рассказать нашим друзьям и знакомым, как тяжело нам пришлось в этот день? Сколько врагов нахлынуло на нас, но мы всё же не пали духом, а стойко дрались с ними до последнего вздоха. А всё же какая-то гордость не могла мириться со смертью, хотя она и была тут рядом. Она действительно караулила, когда мы падем духом и потеряем самообладание, тогда она и возьмет свои права над тобой.

Но нет, не удастся вам, изверги рода человеческого, покорить своей массой нас четверых. Не для того мы поклялись бить вас, гадов, до последнего вздоха, и эту клятву мы никогда не нарушим. Пусть эта граната из рук трусов принесла нам смерть, но и она милее ваших поганных рук, намучивших миллионы невинных людей.

Сильный взрыв потряс наше убежище. Грязь веером обдала нас вместе с обесиленными осколками от гранаты. Чувствую, как несколько жгучих осколков вонзились мне в ноги. Едкий, кислый дым душил, не давая свободно дышать. Отделался я пока легко, не знаю, что будет дальше – не ожидал, что после этого можно чувствовать себя живым. Действительно, брошенная сверху граната затонула в скопившемся иле, и, потеряв свою силу действия, взорвалась, выбросив столб жидкой грязи и незначительную часть обесиленных осколков.

Шум радостного торжества от крика ликующих победу немцев разнесся по всему нашему ущелью. Я воспользовался тем, что весь наш дот, полный дыма, который вплотную заслоняет верхнее отверстие, стал пробираться к ребятам. Оглохшие от взрыва, слепые от темноты, ребята не узнают меня. Анатолий был уже готов всадить мне пулю в лоб, но одумался. Он предполагал, что меня уже давно нет в живых, а немцы, бросив гранату, пошли на штурм нашего укрепления. Вот он и приготовился. Одна секунда – и я мог погибнуть от своего же товарища, но он вовремя спохватился. «Зачем нам выдавать себя выстрелом, если мы вдвоем можем просто задушить его руками».

И вот они набросились на меня. Все мои мольбы и признания, что я, Алексей, ни к чему не приводили до тех пор, пока по одежде не поняли, что это я. Можно было смеяться этой шутке судьбы, но было пока не до смеха. Шепотом опросили друг друга о ранениях и, убедившись, что серьезных нет (таких, которые приносили бы сильные страдания). Да если бы они и были, всё равно тут ничего не сделаешь. Анатолий как

сидел на припечке на корточках, осколки разорвавшейся гранаты попали ему в промежность. Несмотря на серьезность положения, он всё же нашел силы превратить свою рану в шутку. «Не знаю, цел ли прибор, что-то чувствую неладное, ох, и беда будет, если приеду домой без мужского отростка».

Сидим молча. Хотя шум там наверху такой, как будто вся эта банда не может поделить завоеванный трофей. Это они таскают своих убитых наверх из ущелья. Мы опять вместе. Прижавшись теснее друг к другу, чувствую, как Николай, то ли от сильного волнения, или сильно промерз в этом сыром холодильнике, не может сдержать дрожь. Точно в судорогах бьется всем телом и даже стучит зубами, неприятно действуя на остальных. Тряхнув его за ногу, строго приказал ему замолчать. Но приказ подействовал на какую-то одну минуту, в течение которой он силился сдержать действительно нервную дрожь всего тела. Только ропот товарищей и мой более строгий окрик заставил его успокоиться.

Немцы не унимаются. Если они начнут забрасывать нас гранатами, то, конечно, нам несдобровать. Удачно попавшая одна граната на твердую платформу прикончит нас всех. Чувствую какую-то вину перед товарищами – за то, что привел к этому убежищу немцев, тем самым подвергая и их опасности быть уничтоженными вместе со мной. Но проклятый автомат, он подвел меня, конечно, вступив в бой с таким количеством немцев, победителем я бы не остался, но, однако, мог бы дороже отдать свою жизнь и не рисковать жизнью своих товарищей.

У меня созревает план. «Ребята, – говорю я – считаю, что выход из положения только один. Немцы не отстанут, пока не извлекут живого или мертвого меня, они знают и видели, что я залез сюда. Дайте мне автомат, свой я бросил. Я выйду. Не думайте, что я дешево им обойдусь. Прошу вас всех, может быть, кто-нибудь из вас останется в живых, доведите до Родины всю правду о наших боевых днях в Италии. Расскажите там, что я погиб за свою любимую Родину. Разыщите мою мать, она живет в Ленинграде, у тебя, Анатолий, есть ее адрес, расскажите, при каких обстоятельствах мне пришлось погибнуть».

Ваня Логинов, немного помолчав, потом с искренним чувством друга, взвесившего всю неизбежность момента, говорит: «Нет, Алексей, узнать они тебя не могли, а им нужен только один человек, а какой – не важно. У тебя там под Ленинградом семья, маленькие дети, твоя жизнь нужнее. Разрешите мне выйти. У меня никого нет. Мать и отец погорюют немного и забудут. Дайте я пойду».

Дорогой Ванюша! В его словах столько было искренней любви к товарищам, что никто не мог усомниться, что вот сейчас, этот еще жаждущий жизни и почти не испытавший ее прелести, может, не моргнув глазом, отдать ее за спасение своих товарищей. Как можно было лишиться такого товарища и отдать его на растерзание этим зверям, ожидавшим жертву там, наверху. Каждый из нас был дорог друг другу и, казалось, потеряв одного, мы бы ощутили в себе потерю части себя.

«Я так думаю, товарищи, – спокойно говорит Анатолий, – никому выходить не надо. Каждый из нас не дрогнет погибнуть за жизнь товарища, лучше погибать всем вместе, но не встанем на колени и не будем просить пощады. Много мы им здесь в Италии насолили, вот они и озверели, выслав целый отряд. Пока мы живы и будем вместе».

В это время немцы принесли длинный шест и через вертикальное отверстие стали прощупывать наш дот, стремясь найти мой труп, но не решаясь залезть сюда через наш вход. Они, конечно, догадались, что я не убит, т.к. шестом они ничего не нащупали, а доложить своему командиру что-то надо, который так и не подошел сюда к нашему укрытию, считая удобнее подальше от греха стоять на почтенном расстоянии – куда выгоднее. Так, на этом расстоянии и выслушал рапорт, видимо, фельдфебеля, который закричал во все горло:

«Герр капитан! Алес шайзе менш» – «Господин капитан! Всё в навоз превратилось». Этого, видимо, было достаточно, чтобы отказаться от этой опасной затеи. Потери большие, а толку нет никакого. Посылать солдат опять в эту пещеру? Опять, чем это кончится? Хватит жертв. Вход наш забили камнями, забрали трупы убитых солдат, подожгли внутри наше жилище, где были наши скудные личные вещички и отправились восвояси.

Наступила гробовая тишина. Мы сидим молча, не желая наводить подозрение, в случае, если остался наверху часовой, который, замаскировавшись, может перебить нас по одному человеку, если мы надумаем непредусмотрительно выходить наверх. Сразу не выскочишь из этого убежища, только по одному. Вот так, обдумывая всякие варианты, грязные, голодные, мокрые до костей, решили спокойно прождать всю ночь и выходить только с рассветом на следующий день, а в это время прислушиваться, что делается там наверху. Во всяком случае шаги, да еще кованых сапог, будут слышны, если они появятся.

Сидеть, ждать и чутко прислушиваться, вот что мы пока можем делать. А там была гробовая тишина. Вода холодными, тяжелыми потоками течет по телу, освежая нами еще необработанные кровотокащие

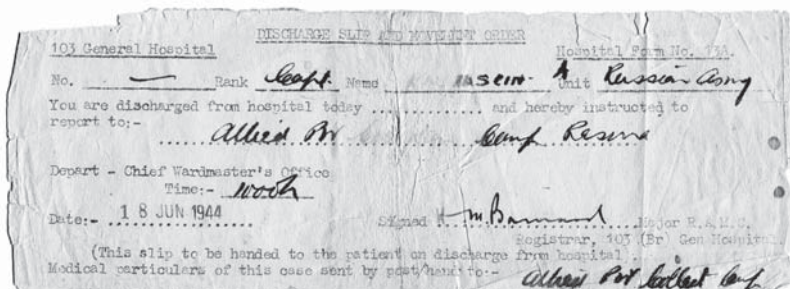
раны. Согреваясь друг об друга, как можно теснее прижимаясь, старались молчать, хотя это было очень тяжело. Молчать, когда хочется кричать. Успокаивать друг друга надобности не было, нужна была только выдержка и немного забыться от столь тяжелого нервного потрясения. Так, в безмолвной тишине мы просидели до утра следующего дня.

Утром 23-го мая прислушивались к каждому шороху наверху, предполагаем, что никого там нет, начинаем эвакуацию. Вход, куда мы зашли, завален камнями, и разобрать его невозможно изнутри. Единственное, что можно сделать – это поднять кого-нибудь из нас к потолку и попытаться вытолкнуть в верхнее отверстие. Но вот беда – оно настолько мало, что, если можем выталкивать, то только одного Ивана, больше никто из нас не пролезет.

Тихо, не создавая ненужного шума, с наставлениями на всякий случай, выталкиваем Логинова. Оглядевшись кругом, сообщает, что ничего подозрительного кругом не видно. Мы стали усиленно трудиться над расширением лаза, в который мы его вытолкали. Вторым вытолкали Николая, но с большим трудом. Анатолий – здоровее двух предыдущих, поэтому ему и досталось вдвое больше мучений. С большими потерями кожи на руках, на спине, на животе вытащили его, причем я его выталкивал за ноги, а Логинов и Дражак тащили сверху за руки, мольбы об осторожности не принимались во внимание.

Наша эвакуация затянулась со мной. Во-первых, потолок был высок, и мне до края дыры не достать, чтобы ухватиться за нее, а во-вторых, нечего было и думать, что я пролезу в это отверстие, расширить его не представлялось возможным. Я был вынужден приказать разбирать вход от завала. Фрицы постарались на совесть. Чтобы завалить вход, они камни со скалы сбрасывали прямо ко входу, надеясь замуровать нас заживо в том каменном гробу. Долго пришлось поработать моим трем товарищам, чтобы выдворить меня из заточения. Мы все вышли.

Теперь настало время считать раны, но оставаться здесь для такого дела небезопасно. Почему они не могут придти сюда еще раз, чтобы убедиться в выполнении своей задачи вчера? Так что, не умываясь, грязные, промокшие до нитки, выбираемся из ущелья наверх, поддерживая друг друга, т.к. силы действительно покидали нас. Куда идем? Что нас ждет? Думаем только об одном – выйти наверх и немного обогреться где-нибудь на солнцепеке. После того, что произошло здесь вчера, наверное, и итальянцы все попрятались и боятся нашей встречи. Но наши предположения были глубоко ошибочны.

*Справка о лечении Алексея Коляскина после ранения
в боях за освобождение Монтеротондо (см. прим. 26).*

Публикуется впервые

Оказывается, они очень сильно переживали за нас, но помочь ничем не могли, а стоило только нам показаться из ущелья, тут же сразу мы встретили наших искренних друзей с торжественными возгласами за нашу жизнь.

«Порка дио, нон э веро! Додечи tedesки морти! Алесслио, Анатолио, Николо, Джованни ста бене» – «Черт возми! Двенадцать немцев убитых, а все русские Алексей, Анатолий, Николай и Иван живы», удивляются все во весь голос. [пропуск в рукописи]

[Раны] через некоторое время дали себя знать. И только благодаря действительно близкой дружбе со стороны итальянских товарищей нам удалось хорошо поправиться и опять войти в строй борцов за свободу [конец рукописи].

Примечание от руки автором: Взятие г. Монтеротондо описано в газете «Советская Башкирия» от 13-15 и 16-го октября 1960 года. «Он был партизаном Италии» и в журнале «Коневодство и конный спорт» № 7 за 1960 год.

ВЗЯТИЕ МОНТЕРОТОНДО*

За неделю до намеченного итальянским боевым центром дня наступления мы несколько раз собирались вместе с итальянскими товарищами и обсуждали задачи предстоящего наступления. На этих

* Републикация записи беседы с А.В. Коляскиным, сделанная Л.С. Жугариной для ее статьи «Участие советских партизан в движении Сопротивления в районе Рима» (сборник «Объединение Италии. 100 лет борьбы итальянского народа за независимость и демократию», М.: АН СССР, 1963. С. 389).

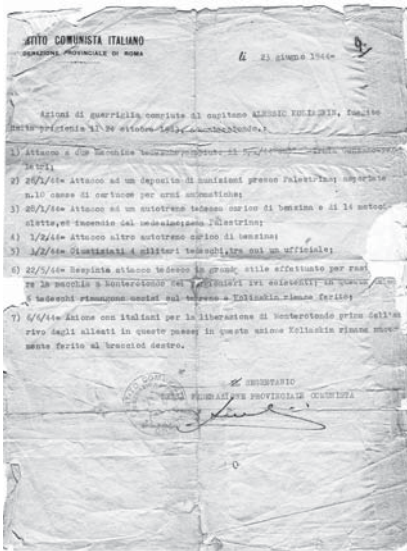
же собраниях мы решали и организационные вопросы наступления, размечали боевые точки, определяли задания для городского населения. В общем наши планы были таковы: жители Монтеротондо должны были собственными силами блокировать немецкую комендатуру и главные объекты, занятые гитлеровцами, а мы должны были задержать отступление немцев из города.

4 июня 1944 г. на чердаках домов, расположенных вдоль шоссе, проходившего через Монтеротондо, мы установили станковые пулеметы, принесли запасные патроны, гранаты. В этот же день мы получили приказ итальянского командования. Наша задача состояла в том, чтобы до наступления союзных войск освободить г. Монтеротондо, но сначала мы должны были посеять панику среди гитлеровцев, расположившихся в городе, вызвать их отступление, а потом постараемся рассеять их отряды.

Итальянские партизаны под командованием Цуккори, захватив комендатуру Монтеротондо, забросали гранатами гитлеровцев. Началась всеобщая паника, растерявшиеся фашисты садились в машины и покидали город. Мы тоже отлично справлялись со своей задачей, и ни одна

машина с гитлеровцами не ушла от нас в сторону фронта, большинство гитлеровских солдат было уничтожено, а машины пущены под откос. В этом бою 250 гитлеровских солдат были взяты нами в плен.

К вечеру 5 июня 1944 г. мои товарищи вместе с итальянскими партизанами двинулись в Монтеротондо. Местные жители громко нас приветствовали. Наутро мы встретились с американскими танкистами, которые двигались к Монтеротондо. Их очень удивило, что они свободно и без боя вошли в город, где не было ни одного гитлеровского солдата.

*Справка о партизанских действиях А.В. Коляскина.
Публикуется впервые*

СПРАВКА О ПАРТИЗАНСКИХ ДЕЙСТВИЯХ А.В. КОЛЯСКИНА
(перевод с итал.)

ИТАЛЬЯНСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ
ФЕДЕРАЦИЯ ПРОВИНЦИИ г. РИМА

23 июня 1944 г.

Партизанские действия, совершенные капитаном Алексеем Коляскиным (Alessio Koliaskin), бежавшим из плена 24 октября 1943 г. в г. Монтеротондо:

1. Нападение на две немецкие машины, совершенное 3.1.1944 на шоссе Дженцано – Веллетри;
2. 26.1.1944. Нападение на склад близ Палестрины; захват 10 ящиков патронов для автоматов;
3. 28.1.1944. Нападение на немецкую автоколонну, перевозившую бензин и 14 мотоциклов, поджог этой автоколонны в зоне Палестрины;
4. 1.2.1944. Нападение на другую автоколонну с бензином;
5. 3.2.1944. Казнь четырех немецких военных, в том числе одного офицера;
6. 22.5.1944. Смелое отражение немецкого наступления, имевшего целью выловить в окрестностях Монтеротондо скрывавшихся там военнопленных. Во время этой операции шесть немцев были убиты, а Коляскин был ранен;
7. 6.6.1944. Совместные действия с итальянцами по освобождению Монтеротондо еще до прибытия туда союзников; при этих действиях Коляскин был снова ранен, в правую руку²⁶.

Секретарь Федерации провинции Рима
/подпись/

Приложена печать Федерации провинции Рима ИКП²⁷.

²⁶ В архиве Коляскиных сохранилась справка, выданная американским 103-м Общим госпиталем о лечении, выданная 14-го июня 1944 г. – см. фото на стр. 405.

²⁷ Документ из архива Коляскиных, г. Тула.

Серия «Русская Италия»

Михаил Григорьевич Талалай

**РУССКИЕ УЧАСТНИКИ ИТАЛЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ
1943-1945: ПАРТИЗАНЫ, КАЗАКИ, ЛЕГИОНЕРЫ**

Иллюстрации:

обложка, стр. 76, 194, 207, 226, 272, 293, 302, 304 – автор фото М. Талалай; стр. 31, 40, 42, 43, 46, 66 – получены от Л. Алексеевой; стр. 35, 122 – автор фото В. Ловкова; стр. 62 – от А. Юдина; стр. 64, 335, 355, 363, 367, 369, 380, 405, 406 – от А. Коляскина; стр. 88 – от В. Тарасенковой; стр. 93, 96 – от Р. Касмана; стр. 99, 100, 105, 106 – от А. Улитина; стр. 107, 108 – от Л. Чекини-Корради; стр. 110-113-116 – от Т. Алиевой-Данильченко; стр. 118 – от Почетного консульства Республики Казахстан в г. Триесте; стр. 119 – автор фото В. Асмирко; стр. 121 – от Г. Бергани; стр. 123, 124 – от Р. Клементи-Билинского; стр. 138, 139, 176, 178, 181, 183, 184, 187 – от С. Дробязко; стр. 140-142, 152, 155, 157 – от Г. Алёхина; стр. 193, 194 – от института INSMLI, Милан; стр. 213 – автор фото Д. Оджерино; остальные илл. получены из свободных Интернет-источников.

Издательство «Старая Басманная»

www.oldbasman.ru

e-mail: ulgavr@gmail.com

ISBN 978-5-906470-40-9

Формат 60x90 1/16.

Усл. п. л. 25,5. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии «Форгрейфер»

e-mail: tissopoligraf@yandex.ru